

УДК 94(47)"1917/1920"
ББК 63.3(2)612-414.81
Н73

**Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA**
*Е. Анисимов, В. Живов, А. Зорин,
А. Каменский, Ю. Слѣзкин, Р. Уортман*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Американского совета
научных сообществ (American Council of Learned Societies)*

Новикова Л.Г.

Н 73 **Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917—1920.** — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 384 с.: ил.

В глазах многих современников и историков российской Гражданской войны Белое движение было делом прежних имперских элит, не понявших и не принявших революцию. Белые желали вернуть прежнюю Россию. Это подчеркивал и возвышенный цветаевский образ «белогвардейской рати святой», и совсем не поэтичная белая «контрреволюция», о которой писали советские историки. Но к чему в действительности стремились белые правительства? Как белые управляли подконтрольной им территорией и мобилизовывали свои армии? Как население относилось к белым правительствам и к экспедиционным отрядам Антанты, выступившим в поддержку белых? И почему жители российских окраин нередко воевали вместе с белыми против большевиков? Исследование Людмилы Новиковой, посвященное истории антибольшевистской Северной области, — попытка дать ответы на эти вопросы. Основанная на материалах российских и зарубежных архивов, книга обращает главное внимание на политические парадоксы Белого движения, а также на провинциальный контекст белой борьбы, который в значительной мере определил ход и исход российской Гражданской войны.

УДК 94(47)"1917/1920"
ББК 63.3(2)612-414.81

ISBN 978-5-86793-897-0

© Л.Г. Новикова, 2011
© Оформление. «Новое литературное
обозрение», 2011

*Памяти моего деда
Владимира Николаевича Прохорчева*

ВВЕДЕНИЕ

«Белогвардейская рать святая» — такой образной метафорой Марина Цветаева описала суть Белого движения в российской Гражданской войне, развернувшейся после прихода большевиков к власти в Петрограде осенью 1917 г.¹ Этот образ подчеркивал возвышенность и элитизм антибольшевистской борьбы и лежал у истоков одного из эмигрантских мифов о Белом движении, утверждавшем, что белые сражались за «веру», за «правду», за поруганную «честь» родины². Большевики, как и большинство последующих историков, не признавали за белыми какой-либо поэтики и полагали, что последними двигало прагматичное желание вернуть себе былые привилегии, отобранное имущество и восстановить непопулярный царский режим. Однако они также подчеркивали элитистский образ белых режимов, стремившихся вернуть «старую Россию». Эта книга, посвященная Гражданской войне и Белому движению на Севере России, ставит под вопрос традиционный образ белой «контрреволюции» и показывает сложную и полную парадоксов природу Белого движения. Рассматривая Белое движение одновременно «сверху» и «снизу», книга показывает, что российская «контрреволюция» подтвердила многие из результатов революции. Кроме того, не являясь уделом лишь политических элит, Белое движение встречало сочувствие и содействие простого населения, нередко становившегося добровольным участником белой борьбы. Наконец, белые часто демонстрировали политическую гибкость и прагматизм, приспосабливаясь к местным условиям своего существования.

Прежняя историография обращала основное внимание на консервативные стороны белой политики и на представителей имперских элит в рядах Белого движения, прежде всего, потому что пыталась таким образом объяснить причины поражения белых армий. Многие историки видели ключ к неудачам белых в их стремлении повернуть ход революции вспять. Как писал один исследователь, белые были «узкими консервативными националистами», опиравшимися на имущее меньшинство населения. Их нелюбовь к массовой политике и нежелание выработать прогрессивную социальную программу лишили их последователей, а в конечном итоге и победы³. Конечно, политика советской власти в годы Гражданской войны также была не во всем попу-

лярной. Но «нелюбовь крестьян к большевикам, — говоря словами другого историка, — казалось, была не настолько сильна и, конечно, не настолько внедрена в сознание, как их ненависть и страх перед старым политическим порядком», который несли с собой белые армии⁴. Кроме того, отмечается, что белые не сумели найти общий язык с нерусским населением имперских окраин, а также с умеренными социалистами, которые могли бы стать их союзниками в борьбе против большевиков. Успехам белых сил препятствовало и то, что они располагались на периферии страны, небогатой людскими и промышленными ресурсами⁵. Но именно в реакционной политике белых и их нежелании понять и принять революцию многие историки видели главную причину их поражения.

После падения Советского Союза, которое открыло доступ к советским архивам и вызвало новую волну интереса к историческим альтернативам коммунистическому режиму, Белое движение стало популярной темой в историографии⁶. Последние годы принесли новые глубокие исследования о Белом движении в Сибири и на Северо-Западе страны. Пополнилось число работ об антибольшевистской борьбе на Юге России⁷. Появилось несколько обобщающих трудов о Белом движении⁸. Вышли в свет научные биографии некоторых лидеров белой борьбы⁹. Но, хотя новейшая историография обращает больше внимания на местные условия существования белых режимов и на личности белых лидеров, в аналитических исследованиях Белое движение в целом по-прежнему представлено преимущественно как реакционное, а белые режимы — как непопулярные и политически некомпетентные.

Но почему же белым вообще удалось составить конкуренцию большевикам, присвоившим себе красное знамя революции? Как они смогли стать серьезной угрозой власти Совнаркома в центре страны? Убедительных ответов на эти вопросы нет, так как мы до сих пор слишком мало знаем о низовом функционировании белых режимов. В то время как главный фокус исследований российской революции уже давно сместился сверху вниз и из столиц в регионы, когда историки пытаются понять укрепление большевистского влияния, изучая местные особенности экономики, социальной структуры, этнического и религиозного состава населения¹⁰, история Белого движения остается по-прежнему в первую очередь историей белого командования, армии и политических элит.

Однако объяснить развитие российской революции и Гражданской войны невозможно, не зная, что происходило по другую сторону белых

фронтов. Как белые управляли территорией, находившейся под их контролем? Как они мобилизовывали свои армии? Каковы были взаимоотношения между антибольшевистскими военными и политиками и провинциальными элитами? Как обычное население относилось к белым правительствам и их политике, а также к участвовавшим в Гражданской войне экспедиционным силам Антанты, выступившим в поддержку белых? И почему жители окраин нередко воевали вместе с белыми против большевиков?

Данная книга пытается дать более комплексный анализ Белого движения и ответить на эти вопросы, рассмотрев белую борьбу одновременно «сверху» и «снизу» на материале антибольшевистской Северной области. Белое движение представлено здесь как более гибкое, прагматичное и не настолько политически некомпетентное, как обычно принято считать. Как показывает пример Северной области, белые режимы могли сплачивать различные политические силы и опирались на часто неожиданные политические альянсы. Они учитывали многие изменения, принесенные революцией, и по крайней мере в отдельные моменты пользовались симпатиями и поддержкой населения, нередко добровольно выступавшего на стороне белых против большевиков.

Белый режим на Севере России был одним из главных политических противников большевиков в годы Гражданской войны. Тем не менее события в Северной области до сих пор остаются сравнительно мало изученными. Так как белая северная армия никогда не представляла самостоятельной угрозы для власти большевиков в центре страны, историки обращались к Северу значительно реже, чем, например, к более значительным с военной точки зрения белым режимам Юга и Востока России. В советской и даже современной российской историографии Гражданская война на Севере до сих пор рассматривалась в первую очередь, как последствие имевшей место здесь интервенции стран Антанты¹¹. Тем временем западные исследования Белого движения на Севере, как правило, не учитывают документы из российских архивов и ограничены немногими статьями, неопубликованными диссертациями и устаревшей работой участника Белого движения Л. Страховского, вышедшей в свет в середине 1940-х гг.¹²

Несмотря на ограниченный интерес к ней, антибольшевистская Северная область, покрывавшая самую обширную в европейской части России Архангельскую губернию¹³, служит превосходным примером для изучения парадоксов Белого движения. После краткого правления большевиков, которые не смогли после 1917 г. упрочить на Севере свои по-

зиции, Архангельская губерния около полутора лет — с августа 1918-го по февраль 1920 г. — находилась под властью антибольшевистского правительства. Относительно стабильная территория Северной области — следствие малой подвижности фронта — позволила белым построить более устойчивую администрацию, экспериментировать с политическими реформами и наладить взаимодействие с населением и региональными элитами, которые часто поддерживали белых в борьбе против большевиков.

Пример Северной области может опровергнуть устоявшееся представление о непримиримых конфликтах в антибольшевистском движении между офицерами и политиками, левыми и правыми. На Севере социалисты всегда присутствовали в кабинете, главой которого, по крайней мере формально, до конца существования Северной области являлся старый революционер Н.В. Чайковский. А военная власть генерал-губернатора Е.К. Миллера укреплялась не вопреки сопротивлению левых кругов, а во многом благодаря их поддержке. В антибольшевистском руководстве часто формировались неожиданные политические альянсы, которые скрепляли Белое движение и были одной из основ его военных успехов. Широкое взаимодействие внутри антибольшевистской военной и политической элиты на Севере подчеркивает, насколько формальным является традиционное разделение между эсеровскими правительствами и генеральскими диктатурами или между более широким антибольшевистским движением и консервативно-монархическим белым его крылом¹⁴. Белое и антибольшевистское движения не являлись совершенными синонимами, однако границы между ними были проницаемы и текучи, а реальность — смешанной и противоречивой¹⁵.

Хотя политическая гибкость не являлась главной отличительной чертой белых режимов, пример Северной области показывает, что белые приспосабливались к обстоятельствам пореволюционной России и к местным условиям своего существования. Желая или не желая того, белые офицеры и антибольшевистские политики признавали политический рубеж 1917 г. Главным вектором белой политики не была попытка возродить в прежнем виде царскую Россию. Белую политику, с одной стороны, определяло национализирующее влияние Первой мировой войны, а с другой стороны, — признание социальных обязательств государства и его ведущей роли в преобразовании общества. Поэтому в Гражданской войне противостояли не коммунистическое будущее и царское прошлое, но два варианта пореволюционного модернизаторского государства¹⁶.

Белые режимы также не существовали исключительно за счет поддержки со стороны прежней общественной элиты и более обеспеченных групп населения. Простые крестьяне и рабочие принимали активное и часто добровольное участие в Гражданской войне на стороне белых. Они смещали непопулярную большевистскую администрацию в уездах и деревнях, создавали добровольческие партизанские отряды, пополняли ряды мобилизованных белых полков и оказывали содействие белой власти и армии, стремясь выжить в невероятно тяжелых условиях Гражданской войны и свести счеты в старых и новых конфликтах, расколовших российскую деревню.

Наконец, Северная область показывает, насколько неразрывно белые режимы были связаны с местными условиями своего существования. Географические, социальные и политические условия российских окраин сыграли решающую роль в судьбе Белого движения, позволив белым сравнительно легко создать свои правительства и армии на территории, которая плохо контролировалась или была вовсе неподконтрольна большевикам. Пример Северной области проливает свет и на важную роль региональных элит в Белом движении, которые со временем смогли добиться значительного влияния на работу Северного правительства.

Условия провинциальной России также помогают лучше объяснить политику белых правительств, которая часто имела смысл только в региональном контексте и являлась прагматичным ответом на местные обстоятельства. Также правители белых провинций, оценивавшие обстановку в стране по положению в своих регионах, нередко не могли понять настроения населения в центре страны и даже мотивы действий друг друга. Но важнее всего было то, что экономически слабые окраины, где располагались белые режимы, сыграли решающую роль и в их поражении, не позволив белым успешно бороться с красным густонаселенным индустриальным центром страны.

Опыт антибольшевистской Северной области подчеркивает, что природные, экономические, социальные и политические условия российских окраин сыграли важную роль в судьбе Белого движения. Поэтому, хотя обстановка на Севере России значительно отличалась от положения других белых режимов¹⁷, этот пример может показать, как взаимодействие местных обстоятельств и общего политического кризиса решающим образом повлияло на ход и исход российской Гражданской войны.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

История антибольшевистской Северной области сравнительно хорошо документирована. Материалы деятельности Северного правительства, белого командования, органов местного самоуправления, региональных общественных организаций, политических партий и профсоюзов, а также резолюции крестьянских сходов, рабочих собраний и воинских частей опубликованы в газетах того времени и последующих сборниках документов и материалов. Политическая и военная история Северной области широко описана в мемуарах. Многочисленные неопубликованные документальные свидетельства отложились в фондах Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Архангельской области, Отдела документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (бывший Партийный архив Архангельской области), в хранилищах Государственного архива Мурманской области, Российского государственного военного архива и Российского государственного архива социально-политической истории. Следственные документы из Архива управления ФСБ по Архангельской области предоставляют уникальные личные данные участников антибольшевистского движения, проливая также свет на их судьбу после окончания Гражданской войны. Личные записки участников белой борьбы также имеются в архиве Гуверовского института (Hoover Institution Archives) в США и в фондах бывшего пражского Русского заграничного архива, в конце 1940-х гг. перевезенного в Москву и хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации. Тем временем опубликованные донесения дипломатов и офицеров стран Антанты в Северной области, так же как и личные воспоминания рядовых участников интервенции, в частности из архивной коллекции исторической библиотеки Бентли Университета Мичигана, освещают роль интервенции в Гражданской войне на Севере и отношение к ней со стороны белых политических элит и населения.

В книге также использованы некоторые архивные и опубликованные материалы, исходящие от красного командования, большевистского партийного и советского руководства, чтобы объяснить условия появления на Севере Белого движения, влияние большевиков и Красной армии на развитие событий в Северной области, а также последующую интеграцию Архангельской губернии в Советское государство.

СТРУКТУРА РАБОТЫ

Эта книга рассматривает антибольшевистское движение в контексте региональной истории Архангельской губернии, начиная с первых лет XX века и до попыток большевиков интегрировать регион в единое Советское государство в начале 1920-х гг. Она исследует Гражданскую войну и с высоты кабинетной политики белого правительства и штабов, и на низовом уровне, пытаясь проследить, как жила белая провинция в годы Гражданской войны и почему простое население принимало участие в войне на стороне белых. Первые две главы хронологически излагают историю Архангельского Севера с начала XX века до образования антибольшевистского правительства в середине 1918 г. В частности, они анализируют экономику, социальную структуру и администрацию Архангельской губернии, значение регионалистского движения среди местной интеллигенции и роль политических партий, зарождение революционного движения, а также влияние Первой мировой войны, которые обусловили особое развитие революции на Севере. В главах ставятся вопросы, каковы были особенности Архангельской губернии, в чем заключались отличия местной революции и почему летом 1918 г. власть большевиков на Севере была настолько слаба, что их противники смогли легко взять управление в свои руки.

В главах с третьей по шестую хронологическое изложение сменяется систематическим анализом. Эти главы шаг за шагом исследуют конфликты и альянсы внутри белого руководства, роль союзной интервенции, политику правительства Северной области и отношение населения к Белому движению и Гражданской войне с момента образования Архангельского антибольшевистского правительства в августе 1918 г. до его падения в феврале 1920 г. Третья глава рассматривает конфликты и взаимодействие внутри антибольшевистской военной и политической элиты, в частности взаимоотношения между социалистами и либеральными и правыми политиками, правительством и военной властью, белым руководством и региональной общественностью. Четвертая глава посвящена интервенции Антанты на Севере России и отношению к ней со стороны белого руководства и населения. Пятая глава анализирует основные направления политики Северного правительства, подчеркивая общие черты между революцией и «контрреволюцией» и прослеживая истоки белой политики в поздней имперской и революционной России. Шестая глава рассматривает «народную» войну, а именно состояние власти на местах и роль локальных интересов

и конфликтов в Гражданской войне. Также в ней исследованы попытки белой власти мобилизовать население на войну с большевиками, масштабы и мотивы участия простого населения губернии в белой борьбе.

В последней главе работы хронологическое изложение возобновляется. В ней представлена история последнего периода существования Северной области, последовавшего за военными неудачами лета 1919 г. Также глава рассматривает, как большевистская администрация Архангельской губернии попыталась интегрировать Северную область в единое Советское государство в начале 1920-х гг.

* * *

Все даты до февраля 1918 г. указаны по старому стилю, который в XX веке на тринадцать дней отставал от введенного советским правительством нового григорианского календаря, использовавшегося также правительством Северной области. Библиографическое описание изданий, выпущенных в соответствии со старой орфографией, приведено по пореволюционным правилам правописания. Иностранные имена транслитерированы в соответствии с их фонетическим звучанием, за исключением тех случаев, когда другое написание устойчиво вошло в источники и историографию. В частности, британский командующий союзными войсками на Севере генерал Frederick Poole транслитерирован как Фредерик Пуль, а не Фредерик Пул. Цитаты из источников на иностранных языках даны в переводе автора.

СЛОВА ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Появлению этой книги содействовали многие люди и организации. Тема Гражданской войны вошла в мою жизнь в полусознательном трех-четырёхлетнем возрасте, когда я вместе с дедом бойко распевала советские песни о «красном командире» Щорсе, который с перевязанной головой шел во главе отряда, или о молодом красноармейце, который погиб в разведке, наткнувшись на заре на «белогвардейские цепи». Дед не ставил под вопрос необходимость революции или победы красных в Гражданской войне. Но его воспоминания и рассказы о человеческих последствиях этой победы, значительно расходившиеся с официальными советскими нарративами, сделали меня историком и поставили человека в центр моего интереса к прошлому.

Тем не менее мое представление о Гражданской войне долгие годы оставалось не критичным. Окончательный перелом наступил на рубеже 1980-х и 1990-х гг., когда советская пресса неожиданно превратилась в источник сведений о другой, «белой» России, скрытой до этого под ярлыком «контрреволюции». Позже интерес к Гражданской войне привел меня в аспирантуру Московского государственного университета с диссертационной темой о Гражданской войне и интервенции на Севере России. Собранные мной материалы, возможно, никогда не превратились бы в текст, если бы не случайная архивная встреча с моим будущим мужем и коллегой-историком Мартином Байссвенгером (Beisswenger). Его понимание, поддержка и готовность слушать мои рассуждения о Гражданской войне и читать рукописные главы заставили меня засесть за писание. Искренняя помощь и советы со стороны его научного руководителя Гэри Хэмбурга (Hamburg), ставшего для нас обоим лучшим примером историка и учителя, подтолкнули меня к тому, чтобы после защиты диссертации не оставить занятия историей. Поддержка Анны Валентиновны Павловской сделала преподавание истории моей профессией, а дружеская атмосфера на кафедре региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ облегчила переход от ученичества к учительству. В разное время Лариса Георгиевна Захарова, Томас Кселман (Kselman) и Николаус Катцер (Katzner) своим содействием сделали для меня больше, чем они могли бы предположить.

Мне не удалось бы завершить архивные исследования для этой книги без щедрой финансовой поддержки со стороны Фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung) и Американского совета научных со-

обществ (American Council of Learned Societies). Помощь сотрудников Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Архангельской области, Отдела документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (бывший Партийный архив Архангельской области), Государственного архива Мурманской области, Архива регионального управления ФСБ по Архангельской области, Архангельского областного краеведческого музея, Государственной публичной исторической библиотеки, Российской государственной библиотеки, отдела «Русский Север» Архангельской областной научной библиотеки и библиотеки Университета Нотр-Дам (США) (University of Notre Dame) значительно облегчила мне поиск материалов.

Мартин Байссвенгер, Гэри Хэмбург, Эрон Ретиш (Retish), Джеффри Суэйн (Swain), Джошуа Сэнборн (Sanborn) и Татьяна Трошина, прочитавшие главы рукописи, своими советами и комментариями оказали мне неоценимую помощь при работе над книгой. На мои взгляды на историю Гражданской войны и Белого движения повлияли исследования, пожелания и критические замечания Ю.А. Щетинова, В.И. Голдина и А.А. Киселева. Ю.В. Дойков поделился со мною своими краеведческими знаниями. Наконец, личный пример, советы и дружба Дорис Берген (Bergen), Карстена Брюггеманна (Brüggemann), Сары Бэдкок (Badcock), Теймура Джалилова, Лоры Крэго (Crago), Екатерины Правиловой, Джонатана Смила (Smele), Татьяны Тетеревлевой и Игоря Христофорова служили мне поддержкой при работе над книгой.

Большое спасибо также моим родителям, которые, несмотря на здоровый скепсис в отношении многих моих начинаний, неизменно поддерживали меня все эти годы. Но особенно горячую благодарность заслужили маленькие Федя и Маруся, которые сразу после своего рождения стали частью моей архивной «команды», сопровождавшей меня вместе с их бабушкой в заполярных и приполярных научных поездках. Они с большим терпением относились к тому, что мама должна была отрываться от игры с ними, чтобы дописать эту книгу.

Глава 1

АРХАНГЕЛЬСКИЙ СЕВЕР В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

«Архангельская губерния... покрытая сплошными непроходимыми болотами, бездорожная и связанная с остальной частью России только одной судоходной рекой Северной Двиной да узкоколейной Московско-Архангельской железной дорогой, не является ни для кого местом желательного жительства... Ни для кого не интересный край, пугающий всех своей дикостью и суровостью»¹ — так в отчете Министерству внутренних дел описывал место своего нового назначения полковник Е. Фагоринский, возглавивший Архангельское губернское жандармское управление летом 1915 г. Судьба оказалась благосклонна к жандармскому полковнику. Уже спустя год он покинул место своей вынужденной «ссылки», в отличие от многих других архангельских чиновников, продолжавших служить до долгожданной, но нескорой отставки.

Отношение Фагоринского к Архангельскому Северу было характерно для значительной части образованной России. Разделяли его и многие из тех офицеров, что три года спустя оказались на Севере в рядах формирующихся белых частей, и некоторые из тех представителей российской общественности, которые заполнили ступени местной административной лестницы и вошли в состав антибольшевистского правительства Северной области. В годы Гражданской войны они столкнулись с трудностями управления и ведения войны в огромной и экономически слабо развитой губернии. Они должны были выработать политику, способную обеспечить им поддержку населения и учитывающую особенности Русского Севера. Новым властям предстояло наладить взаимодействие с региональной элитой и простыми жителями, имевшими свое представление о войне и политике и стремившимися к удовлетворению собственных локальных нужд.

История Белого движения в Архангельской губернии была неразрывно связана с природными, социальными и политическими особенностями Русского Севера. Поэтому география, экономика, социальный состав и занятия населения, масштабы рабочего и крестьянского дви-

жения, численность и роль различных политических течений, а также представления о Севере центральной и региональной элит в годы, предшествовавшие революции и Гражданской войне, заслуживают детального изучения. Не меньшего внимания требует и Первая мировая война, сыгравшая ключевую роль в создании местного сценария революции и Гражданской войны. Этим темам и посвящена данная глава.

* * *

1100 верст, отмеченных казенными полосатыми столбами, отделяли Архангельск от столичного Санкт-Петербурга². Этот путь в начале XX века занимал трое суток по недавно достроенной Архангельской железной дороге³. Пассажиры должны были пересаживаться в другие вагоны в Вологде, так как далее была проложена только узкая колея. Железнодорожная ветка не доходила до Архангельска и заканчивалась как раз напротив города на левом берегу многоводной Северной Двины, недалеко от ее впадения в Белое море. Последний отрезок пути путешественнику предстояло проделать на пароходе по воде или на санях по льду реки. В период ледохода и ледостава сообщение с городом временно прерывалось.

С железнодорожной станции можно было видеть панораму Архангельска, растянувшегося многоверстной полосой на правом берегу Двины. На фоне бесчисленных одноэтажных деревянных построек выделялись макушки церквей и монастырей и бело-желтые каменные здания казенных учреждений⁴. В сентябре каждого года Архангельск едва можно было разглядеть за сотнями пришвартованных у набережной парусных поморских судов, привозивших летний улов рыбы на Маргаритинскую ярмарку, где груды соленой трески продавались или обменивались на хлеб и хозяйственный инвентарь⁵.

Параллельно архангельской набережной шли четыре проспекта, пересекавшие центр города. На главном из них, Троицком, располагался огромный Троицкий собор. Недалеко от него находились дом губернатора и здание присутственных мест. За ними начиналась Немецкая слобода, самая чистая и благоустроенная часть города, где жили в большинстве своем принявшие русское подданство иностранные торговцы, предприниматели и конторщики. За слободой располагалась часть города под названием Кузнечиха с покосившимися деревянными домами и улицами, покрытыми грязью, а далее, за речкой Кузнечихой — еще одна часть города — Соломбала. Эти районы населяли моряки,

портовые рабочие, солдаты и работники располагавшихся здесь лесопилок⁶. Дальше, на некотором расстоянии от города находился пригород Маймакса с несколькими лесопильными заводами. Туда на сезонную работу нанимались крестьяне, приезжавшие из архангельских сел и окрестных губерний⁷.

Архангельск являлся самым большим городом губернии, в нем проживало две трети всего губернского городского населения. Численность его жителей возросла с 20 тыс. в 1897 г. до 43 тыс. накануне Первой мировой войны⁸. Архангельск оставался и единственным культурным центром в губернии. Здесь располагались духовная семинария и епархиальное женское училище, классическая мужская Ломоносовская и женская гимназии, мореходная школа. Имелись публичная библиотека и народные читальни в некоторых районах города, театр и цирк, а перед войной открылось несколько кинотеатров. Архангелогородцам также были знакомы некоторые технические блага цивилизации. Центральные улицы освещали электрические фонари, в городе действовали водопровод и телефонная сеть на тысячу номеров, а с июня 1916 г. по центру Архангельска был пущен трамвай⁹.

За городской чертой признаки цивилизации исчезали и начинались бескрайние болотистые и лесистые пространства Архангельской губернии. Это была самая обширная губерния европейской части России, растянувшаяся вдоль побережья Северного Ледовитого океана от финской границы на западе до уральских предгорий на востоке¹⁰. На этой территории в 754 тыс. квадратных верст, равной по площади Франции и Британским островам вместе взятым, накануне революции 1917 г. проживало всего около 500 тыс. человек¹¹. По плотности населения (0,7 человека на квадратную версту) она во много раз уступала любой губернии Европейской России и была сравнима с территорией Восточной Сибири¹².

Население губернии на 9/10 являлось сельским и на 85% русским. Из остальных национальностей наиболее многочисленными были зыряне (коми) — около 7% населения, карелы — 6%, самоеды (ненцы) — 1% и лопари — 0,5%¹³. Среди этих народов в начале XX века не имелось влиятельных национальных движений. Также в губернии не существовало и заметных религиозных конфликтов, если не считать проживавших здесь нескольких тысяч староверов, на протяжении веков преследовавшихся властями¹⁴. Все проживавшие в губернии инородцы давно были обращены в православие, и некоторые из них, в частности зыряне, в значительной части обрусели. Самоеды и лопари вели преимущественно кочевой образ жизни в обширных Мезенской и Печор-

ской тундрах, а также на Кольском полуострове и на рубеже веков представляли собой скорее объект научного интереса и попечительской заботы со стороны властей и интеллигенции, чем вызов единству империи¹⁵. И лишь в Карелии, не без содействия Финляндии, в начале века стали появляться национально-культурные общества¹⁶. В годы Гражданской войны именно карельское национальное движение при поддержке интервенции финских отрядов стало заметным политическим фактором в войне и бросило вызов контролю как белой, так и красной власти над карельскими районами Севера.

На рубеже XX века Архангельская губерния, несмотря на обширность края и обилие земель, лесов, водных богатств и минеральных ресурсов, в хозяйственном отношении отставала от быстро развивавшегося промышленного центра страны. Веками приспособившись к ритмам суровой северной природы, с длинными холодными зимами и кратким нежарким летом, экономика Севера отличалась традиционализмом. Здесь не было ни развитого сельского хозяйства, ни значительной промышленности, а основу экономики составляли лесные и рыбные промыслы и морская торговля¹⁷. Земли на Севере были большей частью удельными или казенными, поэтому губерния никогда не знала ни помещиков, ни крепостного права, распространенного в центральных районах страны. Также крестьяне губернии в большинстве своем, не страдали от малоземелья. Север, напротив, выделялся обилием земель и сравнительно легкими условиями получения участков казенных лесов под пашенные расчистки¹⁸. Однако из-за сурового климата и примитивных способов обработки земли (большинство хозяйств по-прежнему использовало деревянную соху) сельское хозяйство было невыгодно, посевные площади расширялись медленно. Крестьянская пашня занимала всего 80 тыс. дес., или чуть более 0,1% от общей площади губернии¹⁹. Еще 180 тыс. дес. занимали луга. Оставшиеся пригодные для использования земли (около трети общей площади губернии) покрывали удельные и казенные леса. Из девяти уездов губернии земледелие служило основой хозяйства только в двух южных уездах — Шенкурском и Холмогорском, а также в южной части Пинежского и Онежского уездов, в остальных же сельское хозяйство было лишь подспорьем к промыслам²⁰. Северные крестьяне высевали преимущественно ячмень, рожь и овес, также в огородах сажали картофель. Пшеница в северных широтах не родилась. Из-за частых ранних заморозков в губернии регулярно случались неурожаи, и до 4/5 потребляемого хлеба, как правило, ввозилось из других губерний²¹.

Крестьянские промыслы на рубеже веков не только приносили подсобный заработок, но и служили основным источником дохода для растущей доли хозяйств. Среди промыслов первое место принадлежало рыболовству и морскому звериному промыслу, наиболее развитому в Кольском, Кемском, Печорском и Мезенском уездах²². На морской звериный лов ежегодно на побережье съезжалось от 2000 до 4500 промышленников, добывавших до 50 тыс. моржей, белуг и тюленей. Также для морского рыбного промысла на Мурман каждой весной прибывало до 3000 рыбопромышленников из Архангельского, Онежского и Кемского уездов²³. Кроме морских промыслов, во всех уездах крестьяне также занимались ловлей рыбы в многочисленных реках и озерах, покрывавших губернию. Вторыми по важности были лесные промыслы, особенно распространенные в Архангельском, Кемском и Онежском уездах²⁴. Крестьянские артели подражались на сезонной основе на рубку и сплав леса, а также на распилку древесины на лесозаводах губернии. Из других кустарных промыслов выделялось замшевое производство, преимущественно развитое в Печорском уезде, где было распространено оленеводство. На рубеже веков 64 семейных замшевых завода вырабатывали продукции на 127 тыс. руб. в год²⁵. Также в начале XX века выросло отходничество крестьян, нанимавшихся на работу в столичные города или работавших на лесных промыслах в Олонецкой губернии²⁶.

Быстрая индустриализация, охватившая на рубеже веков центральные регионы страны, почти не затронула Архангельскую губернию. Промышленность здесь продолжала оставаться преимущественно кустарной. Более крупное производство представляли собой лесозаводы. К 1913 г. их численность возросла до 44, а численность рабочих на одном предприятии в среднем выросла до 450 человек. Они составляли преобладающее большинство из 25 тыс. наемных рабочих, трудившихся на промышленных предприятиях губернии²⁷. Несмотря на растущую концентрацию рабочей силы, постоянных рабочих в губернии было немного. Большинство рабочих мест заполняли посезонно местные крестьяне, продолжавшие вести свое хозяйство в деревне. Даже на тех немногочисленных предприятиях, где имелись квалифицированные рабочие, в частности в архангельских механических мастерских, господствовали патриархальные отношения. Работники нередко обращались к предпринимателям с просьбами об авансах на крестины, на свадьбу, об отпуске бревенчатого леса для построек, и, по свидетельству современника, «рабочий, прослуживший много лет у хозяина, обзаво-

дился домом, коровой, огородом, целым маленьким хозяйством, дававшим немалую прибыль, как добавочный заработок»²⁸. Хотя в начале века архангельские рабочие начали постепенно усваивать городскую фабрично-заводскую культуру (они переоблачались в городское платье, а рабочая молодежь стала устраивать воскресные гулянья с гармоникой), постоянные рабочие перед мировой войной по-прежнему составляли меньшинство, значительно уступая массе сезонных отходников.

Продукты лесопильного производства служили основным предметом северной морской торговли. В начале XX века она только начала выходить из затяжного кризиса, начавшегося еще в XVIII веке, когда основные торговые пути Севера России сместились в балтийские порты. Теперь развитие лесопильной промышленности и растущая потребность в лесе в европейских странах дали новый толчок внешней торговле. Однако львиную долю экспорта составлял дешевый непиленный лес. Также из-за примитивных способов сплава и хранения бревен значительная часть товара еще по пути к порту портилась и теряла большую часть стоимости²⁹. Таким образом, несмотря на наблюдавшийся в России в начале XX века рост промышленности и торговли, хозяйство губернии еще сохраняло традиционную структуру и патриархальность.

Система местного управления Архангельской губернии на рубеже веков также оставалась примитивной. В отличие от центральных регионов России, Север не затронули земские реформы 60-х гг. XIX века, и вплоть до 1917 г. здесь отсутствовали органы земского самоуправления. Все нити управления губернией по-прежнему сходились к архангельскому губернатору, который обладал почти неограниченными полномочиями и правил в регионе как царский наместник³⁰. Известная российская неразвитость местной администрации приобрела на Севере такие масштабы, что власть даже не знала точного числа населенных пунктов губернии. И одним из «сюрпризов» первой подробной переписи населения 1897 г. было внезапное «открытие» целого ряда деревень, жители которых десятилетиями обитали на казенных землях — вели хозяйство, активно торговали, но при этом не платили никаких налогов и вообще официально не существовали³¹. Даже административные усилия наиболее энергичных архангельских губернаторов, таких как А.П. Энгельгардт и И.В. Сосновский, изъездивших и исходивших пешком значительную часть губернии, наткнулись на непреодолимые препятствия в виде огромной подведомственной территории и отсутствия путей и средств сообщения³².

В губернии, помимо Архангельска, имелось еще семь городов. Самым крупным из них была Онега с 2,5 тыс. жителей, самым небольшим — Кола, где на рубеже веков проживало всего около 600 человек. В уездных городах были сосредоточены местные правительственные учреждения: полицейское управление, казначейство, почтовое отделение. Там же находились чиновник по крестьянским делам, мировой судья, часто он же — судебный следователь, и акцизный надзиратель. В конце XIX века появились уездный врач и больница, а также телеграфная станция. Внешне города мало отличались от окружавших их деревень. Улицы, как правило, были немощеными, дома — деревянными, и лишь каменное здание казенного казначейства выдавало в них уездный центр. Даже многие церкви, освященные часто по поморскому обычаю в честь Святителя Николы, покровителя мореходов и рыбаков, были деревянными³³.

Важнейшими транспортными артериями губернии служили Архангельская железная дорога, а летом также реки, наиболее крупными из них являлись Северная Двина, Онега, Пинега, Мезень и Печора. Также на рубеже веков почти во все уездные города были проложены почтовые тракты. Однако и после этого сообщение продолжало оставаться крайне медленным. Например, почта из Архангельска в Усть-Цильму, административный центр Печорского уезда, доходила летом и зимой в течение недели и существенно медленнее весной и осенью. С Колой, которая располагалась в излучине одноименного залива недалеко от мурманского побережья, регулярное сообщение поддерживали суда товарищества Архангельско-Мурманского пароходства, ходившие с мая по сентябрь. Зимой почта и грузы доставлялись от случая к случаю на оленьих упряжках по многомильному санному пути. В период осенней и весенней распутицы, продолжавшейся четыре месяца в году, всякая связь между Архангельском и Колой прерывалась. Путешествие же в деревни, разбросанные по бескрайней территории губернии, даже в наиболее благоприятное время года могло занимать недели или даже месяцы. Например, архангельскому чиновнику, пожелавшему летом посетить отдаленные волостные правления в Кемском уезде, покрытом сплошь озерами и болотами, пришлось бы проделать 113 верст пешком, 169 верст верхом и 838 верст в лодке — всего примерно 1120 верст³⁴.

Обширность территории и неразвитость путей сообщения препятствовали эффективному управлению губернией. Эта задача многократно усложнилась, когда Первая мировая война привела к экономическому упадку, массовым перемещениям населения и кризису

транспортного сообщения, и стала почти непосильной после того, как имперская администрация была сметена в результате Февральской революции 1917 г. Не имея возможности не только контролировать обстановку, но и просто быстро добраться до многих отдаленных уголков губернии, любые претенденты на власть в Архангельской губернии после февраля 1917 г. в огромной степени зависели от неустойчивой поддержки региональных элит и массы местного населения.

РУССКИЙ СЕВЕР И РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Огромные расстояния и неизведанные природные ресурсы Архангельской губернии поражали воображение российской образованной элиты, вызывая смешанное чувство ужаса и восхищения. Подобно Сибири, представлявшейся современникам и землей обетованной с «молочными реками и кисельными берегами», и прибежищем преступников и дикости³⁵, Север уже в XIX веке служил основой для бытования противоречивых мифов. Неонароднические и славянофильские авторы видели на Севере очаг истинной русской культуры. Северные крестьяне, не «испорченные» монголо-татарским засильем, не испытывавшие на себе плети крепостного права и сохранившие некоторые старинные традиции быта, казались им воплощением «типичнейших и чистейших великороссов»³⁶. Путешественники с умилением описывали патриархальность северного быта, традиционную одежду, в которой виделись очертания древних новгородских нарядов, и сохранившиеся здесь древние песни и сказания³⁷. Именно на Архангельском Севере фольклористы в начале XX века собирали старинные русские былины, а художники искали уголки девственной природы и типы из русского простонародья, пытаясь запечатлеть признаки «первобытного духа русской жизни»³⁸. Даже либеральные мыслители находили в северной истории черты исконного российского общественного и государственного уклада. В частности, Б.Н. Чичерин именно на примере черносошного Севера подчеркивал позднее происхождение крестьянской общины и связанного с ней эгалитаризма³⁹.

Таким образом, с одной стороны, в период, когда язык значительной части российской интеллигенции становился все более национальным, интерес к Архангельскому Северу подпитывала потребность познания «русскости» и изучения русского быта и фольклора в духе надеждинской этнографии⁴⁰. Противоположной реакцией на традицио-

нализм Северного края было отчаяние чиновника Фагоринского перед дикостью северной природы и, конечно же, модернизаторские усилия «просвещенных бюрократов», интеллигенции и местной общественности, стремившихся преодолеть экономическую и культурную отсталость Севера. Политики и администраторы, от министра С.Ю. Витте до архангельских губернаторов, настаивали на быстрых шагах по экономическому развитию края, видя в этом залог успешной модернизации России в целом. Однако планы того, что именно нужно предпринять, уже со второй половины XIX века служили почвой для острых споров. Например, губернатор Н.А. Качалов видел будущее Севера в развитии прибрежной колонизации и поморской торговли. А правый публицист Н.Я. Данилевский, известный на Севере больше как руководитель экспедиции по исследованию рыболовства в Белом и Баренцевом морях, настаивал, так же как и Витте, на развитии внутренних линий коммуникаций, чтобы теснее связать Север с внутрироссийским рынком⁴¹. Даже либеральный историк А.А. Кизеветтер считал нужным высказаться о проблеме развития Русского Севера, показав в специальной брошюре, что Север необходимо подтянуть до уровня развития остальной России, так как он на протяжении веков представлял собой «главный двигательный рычаг торговой и вообще экономической жизни России» и во время кризисов являлся «крепкой опорой возрождения государственного порядка»⁴².

В начале XX века преодоление экономической и политической отсталости края, прежде всего при содействии местной общественности, стало основным требованием появившегося регионального движения. Наиболее влиятельной региональной организацией было созданное в 1908 г. Архангельское общество изучения Русского Севера⁴³, которое уже к следующему году насчитывало 600 членов. На страницах издаваемого обществом журнала «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», в прессе и среди общественности члены общества активно развивали идеи об особенностях Северного края, который отличался природными богатствами, трудолюбием населения, но страдал от «искусственных» стеснений, наложенных центральной властью. Они сравнивали статус Русского Севера с положением колонии России, которая интересовала центральную власть только как территория, пригодная для эксплуатации природных ресурсов, и «объект для [...] помещения избытков населения», в первую очередь уголовных и политических ссыльных⁴⁴. В представлении региональной элиты это было тем более несправедливо, что Европейский Север, в отличие от завоеван-

ных позже восточных и южных рубежей империи, являлся исконной русской территорией, будучи еще в XII—XIII веках заселен новгородцами. Региональная элита, часто не без содействия местных губернаторов, все более активно выступала за усиление инвестиций в экономику Севера и проведение административных реформ, настаивая, в частности, на введении земского самоуправления, что дало бы свободу местной «самодеятельности и предприимчивости»⁴⁵.

Хотя Архангельское общество изучения Русского Севера и выступало в защиту интересов всех жителей Северного края, на деле оно было детищем местной элиты, и влияние его распространялось прежде всего на городские образованные слои. Инициаторами его создания были архангельские чиновники и учителя. В дальнейшем общество предпринимало усилия, чтобы привлечь к своей работе более широкие слои населения. Однако членство в нем оставалось ограничено почти исключительно представителями местной интеллигенции, торгово-промышленников и чиновничества. От половины до двух третей членов общества проживали в самом Архангельске⁴⁶. Программа общества, настаивавшего на широком участии местных сил в решении проблем края, также отражала в первую очередь интересы региональной элиты. Имея перед глазами пример соседней Северной Европы, где представители торговли и свободных профессий занимали влиятельное положение в местном управлении, северные регионалисты также стремились утвердить значительность собственной роли в региональной политике.

Несмотря на остроту риторики, в целом программа северного регионального движения оставалась умеренной по сравнению, например, с сибирским областничеством и другими движениями, появившимися на рубеже веков на окраинах империи в ответ на быструю и неравномерную модернизацию страны и противоречивые политические реформы⁴⁷. На Севере главное внимание местных патриотов было приковано к необходимости преодолеть экономический застой. Этому должны были способствовать также административные и культурные преобразования. Но в отличие от сибирских областников, северные регионалисты никогда не выдвигали лозунгов не только самостоятельности, но даже автономии края. Критикуя власть за пренебрежение интересами Севера, они тем не менее не считали возможным осуществить экономическую модернизацию региона только местными силами и именно в центральной власти продолжали видеть источник экономической помощи и политических уступок⁴⁸.

Противоречивые устремления региональной элиты, которая, с одной стороны, настаивала на широком участии местных сил в управле-

нии регионом, а с другой стороны, не видела возможности быстрой модернизации края без сильной центральной власти, повлияли на то, что местные лидеры в период революции и Гражданской войны вели двойственную политику. Они одновременно и поддерживали правительства, стремившиеся воссоздать устойчивую центральную власть, и отчасти противодействовали им, опасаясь чрезмерной централизации, которая могла бы ослабить влияние региональных представителей на местную политику.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Почти одновременно с появлением на Севере регионального движения здесь оформились местные комитеты всех основных политических партий. Среди них наибольшим авторитетом и влиянием пользовались представители либеральных течений. Тесно связанные с региональным движением, местные либералы выступали под двойным лозунгом широких демократических реформ в стране и усиления влияния местной общественности на управление краем. Самой разветвленной организацией в Архангельской губернии располагала конституционно-демократическая партия (кадеты). Уступая по численности столичным отделениям партии, местная ее организация тем не менее в годы первой русской революции насчитывала до 400 членов. Губернский кадетский комитет в Архангельске был создан одним из первых в стране еще в октябре 1905 г., позже появились также уездные комитеты в Онеге и Шенкурске. Так как земство в губернии отсутствовало, земцы не составляли основы архангельской организации кадетов, как это было во многих центральных губерниях. Зато помимо региональной интеллигенции, чиновников, приказчиков и учащихся среди членов партии имелись даже крестьяне. Так, в конце 1905 г. в ряды партии записалось 116 домохозяев Верхне-Мудьюжского сельского общества Онежского уезда⁴⁹. Кадетским печатным органом была первая в Архангельске неправительственная общественно-политическая газета «Северный листок», издававшаяся с конца 1905 г. После того как ее редактор И. В. Галецкий, избранный в I Думу от кадетов, примкнул к трудовикам, губернские кадеты основали в январе 1907 г. газету «Архангельск», которая долгое время являлась самой влиятельной неправительственной газетой в губернии. Вначале ее издавал

местный присяжный поверенный Н.А. Старцев, а с 1909 г. издателем стал врач Н.В. Мефодиев. Они оба являлись членами Общества изучения Русского Севера и были избраны депутатами Государственной Думы от Архангельской губернии⁵⁰.

Газета «Архангельск», служившая рупором архангельской либеральной общественности, открыто или прозрачными намеками продвигала требования ввести парламентскую систему в России, защитить демократические свободы и либерализовать местное управление. Изменение политического климата в стране, в свою очередь, должно было способствовать экономическому и культурному развитию Севера. Едва ли кто мог не угадать российский подтекст в передовых статьях, например, о Германии, в которых газета горько сожалела о неспособности местных демократических партий завоевать «всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право для выборов» в местные ландтаги⁵¹. Или когда газета клеймила несправедливость избирательной системы в Бельгии, где «против рабочего с одним голосом стоят мелкий и бедный буржуа с двумя голосами и средний и крупный образованный буржуа с четырьмя!»⁵². Помимо требования ввести на выборах «четырёххвостку» (а именно: всеобщее, прямое, равное и тайное голосование) газета, уже применительно к российской действительности, доказывала необходимость реформировать Государственный совет. Он упорно тормозил все попытки законодательно улучшить положение в стране, в частности каждый раз блокируя законопроекты о распространении земского самоуправления на Архангельскую губернию⁵³. Также газета отстаивала свободу слова и организаций, говоря о невозможности политических «гонений в конституционном государстве»⁵⁴.

Широкое влияние кадетов на политическую жизнь губернии наиболее ярко проявилось в том, что, за исключением архангельских депутатов во II Государственной Думе (тогда два места поделили между собой трудовик и эсер), все остальные думцы, представлявшие губернию, были избраны как кадеты. Это означало, что кадетские представители регулярно одерживали победу даже у выборщиков крестьянской курии, составлявшей более половины собрания выборщиков в губернии. Несмотря на то что после первых двух выборных думских кампаний деятельность кадетов стала менее заметна, и в последующие годы на архангельских кадетских собраниях регулярно собиралось до 100 человек⁵⁵.

Наряду с кадетами в Архангельске имела значительную группу октябристов. Отделение партии «Союз 17 октября» образовалось здесь

в конце 1905 — начале 1906 г., и численность его доходила, по сведениям полиции, до 300 человек. За отсутствием земского элемента наиболее видными представителями партии были члены местного купечества и лесозаводчики. Среди них выделялись купцы и лесопромышленники Н.И. Шаравин, Е.И. Шергольд и В.В. Гувелякен, не раз избиравшийся на пост городского головы Архангельска⁵⁶. Октябристы занимали влиятельные позиции в Архангельской городской думе, а их лидеры, щедро жертвовавшие на нужды регионального движения, числились среди почетных пожизненных членов Общества изучения Русского Севера. По донесению жандармерии, будущие октябристы еще в период банкетной кампании 1905 г. принимали широкое участие в борьбе за политические реформы. В частности, они вместе с будущими кадетами участвовали в банкетах, «политических» ужинах и даже пытались в знак солидарности с рабочими петь (хотя, по донесению главы губернских жандармов, и не очень складно) рабочую «Марсельезу»⁵⁷. Тем не менее октябристы заметно уступали по степени влияния архангельским кадетам, и им ни разу так и не удалось провести своего кандидата в Государственную Думу.

Партии правее октябристов играли в губернии незначительную роль. По сведениям полиции, в губернии имелся отдел «Союза русского народа» на железнодорожной станции Исакогорка вблизи Архангельска. В 1907—1908 гг. в нем состояло около 40 членов во главе с вагонным мастером Д.Ф. Голубевым. Также в период выборов в I Думу имела местная организация — «Верные сыны России». На тех же выборах из 19 выборщиков от крестьянской курии 5 были заявлены как правые⁵⁸. Помимо этого, правые проявили себя тем, что в период первой русской революции участвовали в стычках с левыми демонстрантами из числа политических ссыльных и учащейся молодежи. В одном из таких столкновений 19 октября 1905 г. были убиты ссыльный приват-доцент М.Ю. Гольдштейн и учительница А.А. Покотило. Но это были единственные жертвы правого насилия. Архангельск избежал правых погромов и массовых беспорядков, прокатившихся по многим городам России⁵⁹. У газеты «Архангельск», таким образом, имелись основания отметить в 1912 г., что в целом регион был «благополучен от “черной” опасности». Правые в губернии действительно не смогли заручиться значительной поддержкой населения⁶⁰.

Основой организаций левых партий в Архангельской губернии служили находившиеся здесь политические ссыльные⁶¹. Хотя исследовательская литература часто отмечает, что ссыльные социал-демократы

и эсеры определяющим образом повлияли на появление на Европейском Севере левых политических кружков и массового рабочего и крестьянского движения⁶², источники свидетельствуют, что положение ссыльных было скорее изолированным от народных масс. Их влияние ссыльных было ограничено почти исключительно представителями интеллигенции и учащихся города Архангельска. Несмотря на то, что из-за сокращения ссылки на Дальний Восток и в Сибирь в связи с русско-японским конфликтом 1904—1905 гг. численность ссыльных в Архангельской губернии резко возросла и уже к 1908 г. приблизилась к 2,5 тыс. человек⁶³, ссыльные проявляли мало интереса к окружающей их действительности. На Севере, где не имелось ни многочисленных рабочих, ни малоземельного помещичьего крестьянства, они ощущали себя оторванными от массовой аудитории. Их не привлекал традиционализм местного жизненного уклада и не интересовали региональные планы местной общественности. Как свидетельствуют полицейские донесения, выдержки из перлюстрированных полицией писем и мемуары самих сосланных на Север, колонии ссыльных, разбросанные по губернии, жили замкнуто и были поглощены внутренними партийными спорами, «фракционными расколами», личными склоками и распространенным повсеместно пьянством⁶⁴.

В свою очередь, большинство обывателей губернии, судя по сохранившимся донесениям и жалобам, также относились к ссыльным с недоверием и антипатией. Например, крестьяне редко отличали политических ссыльных от уголовных. Они с неприязнью относились к праздному образу жизни ссыльных, получавших нередко весьма значительное пособие от казны, которое могло превышать даже годовое жалованье уездного урядника. Как позже с удовольствием вспоминал один ссыльный рабочий, приехав в ссылку, он «стал... жить “барин” своего рода»⁶⁵. Бывали случаи угроз ссыльным и даже избиения, в частности если они пытались вести агитацию или выступали с «разъяснениями» по поводу русско-японской войны. А в селе Благовещенском Шенкурского уезда едва избежали расправы ссыльные грузинские социал-демократы, которых крестьяне ошибочно приняли за пленных японцев и на которых собирались выместить обиду за поражение русского оружия на Дальнем Востоке⁶⁶.

Губернатору, полицейским исправникам и чиновникам по крестьянским делам поступали многочисленные ходатайства от крестьянских обществ и собраний городских обывателей с просьбой переселить ссыльных из их волостей и уездов. Жители жаловались, что ссыльные

устраивают грабежи и беспорядки, своими разговорами «смущают молодой класс населения» и что крестьяне боятся уходить на промыслы и оставлять свои семьи и имущество на произвол ссыльных поселенцев⁶⁷. Когда жалобы не помогали, сельские сходы самостоятельно принимали решения ссыльным квартир не давать, а в нескольких случаях сосланные на поселение были посажены крестьянами на пароход или на телеги и насильственно отправлены обратно в Архангельск⁶⁸. Учитывая настороженное отношение к ссыльным со стороны населения и отсутствие у самих ссыльных интереса к не имеющей промышленного пролетариата и безземельного крестьянства Архангельской губернии, не удивительно, что их политическая роль в губернии была незначительна. Несмотря на присутствие многих ссыльных, организованные ими комитеты левых политических партий не имели широкого влияния, а рабочие и крестьянские кружки скоро распались.

Первым в Архангельске в конце 1903 г. был создан комитет РСДРП, куда в разное время входили и некоторые архангельские рабочие⁶⁹. Какие-либо точные данные о его численности отсутствуют. Весной 1905 г. на съезде РСДРП сообщалось, что в губернии было пятьдесят «очень дельных комитетчиков». Однако уже в сентябре 1907 г. члены комитета были арестованы, а имевшаяся у них типография ликвидирована. Более года спустя вновь появилось несколько социал-демократических кружков на лесопильных заводах, которые, впрочем, были немногочисленны и просуществовали недолго. Одной из причин неудач было отсутствие широкого интереса к ним со стороны рабочих. Например, когда в январе 1904 г. ссыльные в Архангельске решили устроить массовую политическую демонстрацию и пройти от завода к заводу, красный флаг и революционные песни не произвели на рабочих никакого впечатления. Как вспоминал один участник, рабочие, идущие на работу, «удивленно тарасили... глаза и продолжали бежать по своим делам»⁷⁰. Развитию социал-демократического движения в губернии препятствовали и незамедлительные репрессии со стороны властей, особенно в период роста правительственного террора против революционных организаций после 1907 г. Так, в частности, кружок социал-демократов, образовавшийся в конце 1912 г. среди рабочих лесопильных заводов Онеги, собрания которого посещали более 20 человек, просуществовал лишь до января 1913 г., когда члены кружка были арестованы, а организатор сослан в Печорский уезд. Вплоть до Первой мировой войны в губернии не было постоянной социал-демократической организации⁷¹.

Архангельские эсеры по своему влиянию, а, вероятно, также и по численности к концу лета 1906 г. уступали социал-демократам. По крайней мере, так полагал начальник Архангельского губернского жандармского управления, который смог насчитать на подведомственной территории всего десяток последователей партии эсеров⁷². Местная эсеровская организация существовала, по-видимому, уже с весны 1906 г. И хотя архангельские эсеры сообщали в центральные органы партии о значительном росте организации, она не проявляла особой активности. Правда, сочувствующие эсерам имелись среди архангельской интеллигенции и учащихся⁷³. Но, хотя члены партии принимали попытки организовать кружки среди крестьян-лесорубов и рабочих лесопильных заводов, число этих кружков можно было пересчитать по пальцам, а их деятельность вскоре прекратилась сама собой. Наибольшим успехом архангельских эсеров стали выборы во II Государственную Думу, где выдвинутый ими депутат занял одно из двух предоставленных губернии мест (второй депутат примкнул к трудовикам). Эсеровская программа нашла отражение на страницах газеты «Северный листок», которая с конца 1906 г. до ее закрытия летом 1907 г. выступала как орган, близкий к эсерам. Однако последовавшие репрессии и общее изменение политического климата в стране повлияли на сворачивание активности эсеров. Впоследствии деятельность губернского комитета партии проявлялась в издании ряда гектографированных газет и листовок, авторами и редакторами которых были в основном политические ссыльные⁷⁴.

Таким образом, в годы первой русской революции в Архангельской губернии образовался полный спектр местных комитетов политических партий. Так же как и в большинстве регионов России, они имели влияние почти исключительно в городах, и прежде всего среди образованных слоев населения. Архангельские либералы, близко связанные с региональным движением, играли на Севере безусловно лидирующую роль, а социал-демократы и эсеры вплоть до 1917 г. не могли значительно упрочить свои позиции. Тем не менее малочисленность городской интеллигенции, из которой черпали кадры все политические партии, от октябристов до социалистов включительно, обусловила то, что представители архангельской политической общественности, как правило, были близко знакомы и тесно общались друг с другом на политическом и бытовом уровнях. Представители разных политических групп дружно участвовали в банкетной кампании, сотрудничали в появившейся региональной прессе и отстаивали местные общественные ин-

тересы на скамьях городской думы и в заседаниях Архангельского общества изучения Русского Севера. Между партиями не было непреодолимых границ, и некоторые их члены, например Галецкий, довольно свободно переходили из одной партии в другую. В Архангельске, так же как в некоторых других провинциальных городах, например в Саратове⁷⁵, эта сравнительная узость и сплоченность рядов политической общественности сделала возможным длительное сотрудничество представителей различных партий в местных органах власти в 1917 г. и в годы Гражданской войны.

РАБОЧЕЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Отсутствие в Архангельской губернии влиятельных социалистических организаций сказалось на том, что появившееся здесь в начале XX в. рабочее и крестьянское движение было слабо организованным и преимущественно аполитичным.

Для рабочего движения в Архангельской губернии показательными стали события революции 1905—1907 гг., которая обошлась здесь без масштабных рабочих выступлений, характерных для центра страны, и вообще едва ли походила на революцию⁷⁶. Губернию не затронул мощный подъем стачечного движения в 1905 — начале 1906 г., и лишь в мае—июне 1906 г., когда рабочее движение в стране уже пошло на спад, здесь было объявлено несколько забастовок с исключительно экономическими требованиями. Самой значительной была забастовка рабочих-лесопильщиков, продолжавшаяся полторы недели и охватившая 17 лесозаводов Архангельска и окрестностей и примерно 9 тыс. рабочих⁷⁷. Являясь и по масштабам, и по организованности наиболее крупным рабочим выступлением в Архангельской губернии до 1917 г., эта забастовка была примечательна в нескольких отношениях.

Прежде всего, разительным контрастом рабочим волнениям в центре страны было то, что среди требований архангельских рабочих отсутствовали даже намеки на политику, если не считать того, что они настаивали на праздновании 1 мая без вычетов из зарплат. По данным ряда источников, политические ораторы на митингах успеха не имели. Глава губернских жандармов А.Ф. Соболев, очевидно, вполне обоснованно заверял министерское начальство, что «архангельские рабочие в общем мало склонны к революционной деятельности и, по-

видимому, вполне искренне говорят, что они не желают слушать “политических” речей и добиваются улучшения своего экономического положения»⁷⁸.

Другим примечательным моментом были благосклонное отношение к бастовавшим со стороны губернской администрации и ведущая роль губернатора Н.Н. Качалова в разрешении конфликта. В частности, губернатор запретил жандармскому управлению арестовывать агитаторов и дал согласие на проведение нескольких многочисленных рабочих демонстраций в городе, доходивших по численности до 8—9 тыс. человек. При этом в Архангельске дело обошлось без стычек демонстрантов с полицией и войсками или массовых беспорядков. Забастовка завершилась также мирным образом — взаимными уступками сторон после шестидневных переговоров заводладельцев с представителями рабочих, проходивших при посредничестве губернатора. По форме совещания напоминали созданную в Петербурге согласительную комиссию сенатора Н.В. Шидловского, не сумевшую предотвратить всеобщей забастовки⁷⁹. В Архангельске же именно совещания при губернаторе сделали возможным достижение компромисса. В частности, рабочий день был сокращен на час, и зарплата была повышена на 10—20%⁸⁰.

Опыт успешной забастовки на лесопильных заводах оказал существенное влияние на последующие рабочие выступления, предотвратив политизацию и радикализацию рабочего движения в губернии. Лесопильщики и действовавшие по их примеру портовики, приказчики и торговые служащие в дальнейшем демонстрировали готовность разрешать трудовые конфликты мирным путем, при необходимости прибегая к посредничеству губернской администрации. Начиная же с 1907 г. стачечное движение и вовсе пошло на спад. В последующие годы в губернии происходило не более одной-двух небольших забастовок в год, а в 1913 г. не было зафиксировано ни одной забастовки⁸¹. Невысокой стачечной активности рабочих соответствовала и слабость профсоюзного движения. Профессиональный союз рабочих лесопильных заводов в Архангельске, созданный на основе стачечного комитета летом 1906 г., был закрыт властями уже весной следующего года, когда в помещениях союза были найдены брошюры антиправительственного содержания. Всего же из созданных в Архангельской губернии в 1906—1907 гг. 16 профессиональных обществ до 1917 г. просуществовало лишь общество приказчиков и конторщиков и ссудно-сберегательная касса при нем⁸². Несмотря на то что в период второй русской революции в

губернии будет наблюдаться новый рост стачек и численности профсоюзов, в целом рабочее движение не приобрело значительного влияния на развитие событий в губернии ни в 1917 г., ни в годы Гражданской войны.

Подобно рабочему движению, крестьянское движение в Архангельской губернии в начале XX века также не отличалось размахом или радикальностью. Губерния не знала отчаянной вражды крестьян с помещиками, так как помещичье землевладение здесь отсутствовало. Главным источником поземельных споров было произвольное использование крестьянами казенных и удельных лесов и луговых угодий. Лесники являлись первейшими врагами архангельских крестьян, и именно на них, а не на помещиков крестьяне нападали в ходе аграрных беспорядков⁸³. Крестьяне не только полагали, что не обязаны платить за пользование угодьями или порубленный лес, но и нередко считали леса своими по причине их обилия и отсутствия четко обозначенных межей между казенными и общинными землями. Самые значительные крестьянские выступления в Архангельской губернии приходились на земледельческий Шенкурский уезд, население которого на 4/5 состояло из бывших удельных крестьян. Эти крестьянские волнения в уезде показательны для характера и масштабов движения крестьян в губернии в начале XX в. и поэтому заслуживают более пристального внимания.

Причиной недовольства шенкурских крестьян были крайне неудачные условия выхода их из удельной зависимости. Все пастбища, луговые и лесные угодья остались в распоряжении удельного ведомства. Тем временем крестьянский надел был крайне незначителен и в среднем по уезду составлял 3,5 дес. на душу населения вместо 7 дес., установленных Положением. Неудачное решение земельного вопроса в уезде признавали даже архангельские губернаторы, жандармское начальство и окружная прокуратура. Случаи отказа крестьян от платы за пользование угодьями участились в начале XX в., когда истекло время их льготного использования, и достигли пика в 1905—1906 гг., когда аграрные беспорядки приняли массовый, организованный и отчасти политический характер⁸⁴.

Начало массовому крестьянскому движению в ноябре 1905 г. положило совещание деревенских представителей в Шенкурске, которое должно было обсудить наказ депутату от губернии в Государственную Думу. Неожиданно под влиянием речей депутатов от сельской интеллигенции совещание приняло радикальный оборот. Оно утвердило требования провести выборы в Думу на основе «четырёххвостки», наде-

лить ее правами Учредительного собрания, провести конфискацию государственных, удельных, церковных и частновладельческих земель, бесплатно наделив ими трудовое население, а также уничтожить тюрьмы и волостные суды⁸⁵. Съезд положил начало Союзу шенкурских крестьян, официально примкнувшему к Всероссийскому крестьянскому съезду, отделения которого действовали и в других губерниях страны. Несмотря на последовавший запрет деятельности союза и арест его организаторов, в следующем году было нелегально проведено еще три уездных съезда, которые выразили поддержку трудовой группе в Государственной Думе и выступили за созыв Учредительного собрания и политическую амнистию⁸⁶.

Хотя именно политические заявления Союза крестьян привлекли особое внимание как местной жандармерии, так и последующей историографии, наибольшие практические последствия имело постановление съезда не платить выкупные платежи и деньги за пользование угодьями. В результате по решению волостных и сельских сходов почти повсеместно в уезде стали происходить вырубка удельных лесов и самовольные покосы сена на удельных землях, сопровождавшиеся бойкотом удельной администрации и суда⁸⁷.

Беспорядки в Шенкурском уезде в 1905—1906 гг. стали единственными в губернии, для подавления которых потребовались дополнительные войска. По требованию губернатора осенью в 1906 г. в Архангельск прибыли две роты солдат и сотня оренбургских казаков. Войска переходили из одной деревни в другую, производя разбирательства и аресты зачинщиков выступлений (последних сажали под арест, штрафовали или просто пороли). Несмотря на участие армии, вся операция обошлась без открытых столкновений с крестьянами. Обычно спустя несколько дней после прихода войск крестьяне, вынужденные содержать расквартированные в деревне части, сами приносили повинную и давали обязательство подчиняться в будущем требованиям властей. Единственными жертвами усмирения в итоге стали 19 коров, 10 баранов, 2 свиньи и 33 курицы, реквизированные у крестьян для пропитания воинских частей⁸⁸.

Хотя в деятельности Союза шенкурских крестьян можно видеть зарождавшийся интерес крестьянства к общенациональной политике⁸⁹, главным стремлением крестьян было добиться свободного пользования удельными угодьями. Политические же требования не были повсеместны. Кроме того, крестьянские волнения оставались локальными и не распространились за границы Шенкурского уезда, не затронув бывших

государственных крестьян⁹⁰. В самом же уезде уступки со стороны удельного ведомства во многом уладили конфликт⁹¹.

Шенкурские волнения также выявили значительные противоречия, существовавшие внутри самой деревни. Как отмечают недавние исследования, в целом крестьянский мир на рубеже веков был далеко не таким сплоченным, каким он представлялся многим современникам и историкам⁹². Уже в дни работы первого шенкурского съезда требование ввести в стране республиканское правление или анафема царю и царской семье, прозвучавшая из уст священника Василия Попова, вызвали недовольство значительной части участников. В результате депутаты северных волостей уезда — Кургоменской, Ростовской, Усть-важской, Кицкой и Предтеченской, заявив, что они уполномочены решать только экономические вопросы, отказались от участия в съезде и разъехались по своим деревням. Позже во многих волостях постановления съезда утверждались лишь в той части, которая касалась бесплатного пользования удельными угодьями, политические же требования вычеркивались. Стычки происходили и в отдельных сельских обществах, где, по сообщению местных чиновников, часть общины избивала другую, пытаясь принудить сопротивлявшихся к подписанию волостных приговоров⁹³. Впоследствии внутренние противоречия в крестьянской среде и локальные конфликты влияли на ход революции в губернии и нередко играли решающую роль в том, чью сторону примет та или иная деревня в Гражданской войне.

В целом, в Архангельской губернии накануне Первой мировой войны мало что предвещало грядущий революционный кризис. Относительная слабость рабочего и крестьянского движения и одновременно значительное влияние либеральных партий не свидетельствовали о том, что губерния может стать оплотом радикализма в новой революции. Но также едва ли кто мог ожидать, что именно на Севере появится один из белых фронтов, выступивших против большевистской власти в центре страны. Разразившаяся в 1914 г. Первая мировая война больше, чем что-либо иное, повлияла на ход революции на Севере. Она также в значительной мере обусловила появление в Архангельске белого правительства в годы Гражданской войны.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И АРХАНГЕЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Вильгельм Вильгельмович Гувелякен, уже четвертый раз занимавший пост архангельского городского головы, видимо, был весьма

озадачен, когда в начале 1916 г. ему на стол легло указание губернатора сменить немецкие названия улиц города на русские⁹⁴. К тому моменту архангельские союзы и общества — от Торгово-промышленного собрания до Общества поощрения рысистого коннозаводства — уже исключили из числа своих членов немецких подданных⁹⁵. А расположившийся в городе гарнизон и склады военного снаряжения и боеприпасов постоянно напоминали горожанам о войне. Теперь даже топонимический ландшафт становился другим: Гамбургская улица в Соломбале стала называться Назарьевской, Прусская — 6-м проспектом, Любекская — Новоземельской⁹⁶. К счастью для него, сам Вильгельм Вильгельмович, являвшийся крупным архангельским купцом, лесозаводчиком и, среди прочего, председателем Архангельского биржевого комитета и членом правления Общества изучения Русского Севера, смог сохранить свои звучащие вызвающе по-немецки имя и отчество⁹⁷. В этом отношении гораздо меньше повезло вице-адмиралу Людвигу Бернгардовичу Керберу, командующему флотилией Северного Ледовитого океана и архангельским гарнизоном, который приехал в Архангельск в декабре 1916 г. уже как Людвиг Федорович Корвин⁹⁸.

Переименования в годы войны происходили по всей стране и были частью борьбы против «немецкого засилья», одной из спонтанных и запоздалых попыток перестроить империю по образцу национального государства с целью упрочить тыл и поддержать военные усилия армии и правительства⁹⁹. Однако едва ли где абсурдность подобных мер была более очевидна, чем в городе, где потомки иностранных подданных были многочисленны и влиятельны и где люди под фамилиями Гувелякен и Лейцингер уже более двух десятков лет постоянно сменяли друг друга на посту городского головы¹⁰⁰. Переименования были внешним отражением тех глубоких изменений, которые принесла с собой Первая мировая война. Вызванное войной напряжение экономики, а также неудачная политика и плохое администрирование, вместе взятые, имели значимые последствия для губернии, проявившиеся в полной мере уже в 1917 г. Революция на Севере не была прямым следствием войны. Но война, принесшая с собой расположившиеся в городах военные гарнизоны и флотские команды, корабли держав Антанты в северных портах и общий развал хозяйства, наметила те линии, по которым революция развивалась в этом крае после крушения старого режима. Именно война во многом дает ключ и к пониманию того, кто, когда и почему поддержал революцию в губернии и также почему именно Архангельск стал местом образования белого правительства и интервенции держав Антанты.

Фронт «германской войны» вплоть до 1917 г. даже отдаленно не приблизился к границам Архангельской губернии. Однако война дала себя почувствовать уже в первые дни после царского манифеста 20 июля 1914 г., известившего о вступлении России в войну, когда по губернии пронесся панический слух о приближении к Архангельску германской эскадры. Вследствие этого в городе были затоплены суда для заграждения фарватера, а золотая наличность Государственного банка была срочно вывезена в Вологду¹⁰¹. Хотя тревога оказалась ложной и город за всю войну ни разу так и не подвергся нападению врага, Архангельск и губерния с лета 1914 г. неожиданно во многих отношениях оказались действительно на первой линии обороны. Когда гавани Балтийского и Черного морей были блокированы противником, Архангельск остался единственным портом европейской части России, открытым для сношений с внешним миром. Именно через него должны были идти миллионы тонн вооружения и военного снаряжения, поступавшие от западных союзников России по Антанте для нужд русской армии. Чтобы обеспечить их транспортировку, была начата срочная перешивка узкоколейной железной дороги на широкую колею. Одновременно на берегу Северной Двины напротив Архангельска был заложен новый порт Бакарица, где грузы должны были перегружаться в железнодорожные вагоны, а в 25 верстах от города, ближе к морю, был устроен аванпорт Экономия. Не успевая проходить через бутылочное горлышко Архангельской железной дороги (перешивка ее на широкую колею затянулась до января 1916 г.), грузы складировались прямо на берегу. В итоге в портах выросли огромные склады взрывчатых веществ, снарядов, военного снаряжения и имущества¹⁰².

Чтобы справиться с кризисом перевозок, а также задержками с разгрузкой судов в Архангельском порту, замерзавшем на несколько месяцев в году, была начата постройка новой железнодорожной линии в город Романов-на-Мурмане, заложенный в 1915 г. на берегу незамерзающего Кольского залива. На постройку прибыли многочисленные рабочие-контрактники из центральной России, китайские рабочие, а также от 40 до 70 тыс. военнопленных австро-венгерской и германской армий. Все эти люди существовали в плохо приспособленных для жизни условиях, страдали от недоедания, цинги, тифа и туберкулеза¹⁰³.

Так как у России на Севере не имелось собственного военного флота, для охраны морских перевозок союзниками России по Антанте в 1915 г. была прислана британская эскадра под командованием адмирала Т.У. Кемпа. Союзное морское присутствие в северных водах

впоследствии стало отправной точкой интервенции Антанты в Гражданской войне на Севере, которая первоначально выглядела как продолжение союзных мер по защите края от немцев. Одновременно началось формирование флотилии Северного Ледовитого океана из кораблей, переведенных с Тихого океана и купленных за границей, а также переоборудованных торговых судов. В ее составе к осени 1917 г. было около ста кораблей, в том числе линкор, два крейсера, шесть миноносцев. На основных базах флотилии — в Архангельске и Мурманске — помимо личного состава кораблей, насчитывавшего 6800 человек, находилось около 2,5 тыс. ратников морского ополчения, различные воинские команды и военизированные рабочие отряды. К началу 1917 г. сухопутный и флотский гарнизон Архангельска и его окрестностей насчитывал свыше 19 тыс., Мурманска — до 14 тыс. человек¹⁰⁴.

Для согласования работы военного, морского и гражданских ведомств в июне 1915 г. было учреждено Архангельское генерал-губернаторство, замененное спустя месяц должностью главноначальствующего городом Архангельском и водным районом Белого моря (главнач). Главнач являлся не только начальником гарнизона и флотилии, но и главой всей местной гражданской администрации. Таким образом, с лета 1915 г. Архангельск и губерния были переданы в непосредственное подчинение Военному министерству (с июня 1916 г. главнач был переподчинен Морскому министру)¹⁰⁵. Практика подчинения гражданского управления военной власти в губернии была прямой предшественницей генеральского правления периода Гражданской войны.

С установлением системы военного управления в 1915 г. положение, однако, не улучшилось. Строительные работы и разгрузка по-прежнему продвигались крайне медленно, а из-за скопления и неправильного хранения большого количества опасных грузов в октябре 1916 г. и январе 1917 г. на Бакарице и в Экономии прогремели два мощных взрыва, уничтоживших значительную часть военных складов. При взрыве и в последовавшем пожаре на Бакарице погибли более 600 человек, еще почти 1,5 тыс. были ранены. На Экономии лишь обеденный перерыв позволил избежать больших жертв, численность которых в итоге составила 70 погибших и 500 раненых. Однако огнем были уничтожены 14 тыс. тонн из 38 тыс. тонн складированных на Экономии грузов и три парохода¹⁰⁶. Специально созданная комиссия полагала, что причиной происшествия на Бакарице могла стать диверсия. На Экономии, напротив, военные эксперты пришли к однозначному выводу, что причиной взрыва стало неправильное хранение и транспортиров-

ка взрывчатых веществ. Однако в поисках виновных архангельские жандармы и военные чиновники были склонны списывать все случившееся на происки «внутреннего немца». Была начата серия расследований против портовых служащих и морских офицеров с немецкими фамилиями. И даже новому главначу вице-адмиралу Корвину жандармы припомнили его прежнюю фамилию Кербер¹⁰⁷. На инженеров с нерусскими фамилиями возлагалась и вина за задержки в постройке железной дороги. А по Архангельску ходили упорные слухи, что в городе имеется беспроволочный телеграф, по которому засевшие в городе шпионы передают информацию в Германию¹⁰⁸.

Несмотря на шпиономанию, которая разрасталась в губернии не без содействия жандармского начальства и части военного командования, в целом на Севере сохранялось довольно толерантное отношение к иностранцам. В частности, здесь удалось избежать немецких погромов, прокатившихся по Москве и другим городам России. Когда в июне 1915 г. в Архангельске появились слухи о готовящемся погроме немецких магазинов, контор и жителей с немецкими фамилиями, быстрые аресты предполагаемых зачинщиков, публичные обращения со стороны губернатора и прессы позволили предотвратить какие-либо происшествия. В конце концов так и осталось неясным, не было ли замешано в подготовке погрома местное жандармское отделение. В любом случае слухи упорно обозначали газетчика Сергеева, публиковавшего статьи о враждебной деятельности немецких фирм и подозревавшегося в подстрекательстве к погрому, как тайного жандармского агента¹⁰⁹.

Взрывы как никогда ранее приблизили войну к жизни архангельских горожан. Открывшиеся в городе в годы войны госпитали для раненых, один из которых разместился в доме самого гражданского губернатора С.Д. Бибикова, были переполнены обгоревшими людьми. Тем временем война уже с 1915—1916 гг. начинала также все острее сказываться на жизни простого населения уездных городов и сел губернии, проявляясь в виде новых наборов в армию и продовольственных трудностей.

Архангельская губерния не знала значительных беспорядков среди призывников. Наборы новобранцев, запасных и ополченцев в действующую армию в течение всей войны проходили успешно. Уездные исправники в своих донесениях отмечали, что первоначальное обнародование царского манифеста в июле 1914 г. было встречено если не с «большим патриотическим подъемом», то по крайней мере «спокойно и с сознанием важности переживаемого момента»¹¹⁰. В уездах, в

опережение мобилизации, начался приток в армию добровольцев. По городам и селам призывников провожали с торжественными молебнами о даровании победы над врагом. В годы войны в связи с введением сухого закона не было даже обычного во время призывов массового пьянства. И лишь в аптекарских магазинах и лавках стал усиленно раскупаться одеколон. Употреблялся он, по убеждению исправников, отнюдь не для парфюмерных целей¹¹¹.

Видимо, немалое содействие спокойному ходу мобилизации оказало пособие от казны, выдававшееся семьям призывников. В частности, из Мезенского уезда сообщали, что призыв запасных и ратников, пришедшийся на горячее время сенокоса, вызвал у населения некоторую подавленность. Но после разъяснений, что правительство берет на себя заботу о материальном обеспечении семейств, «все население видимо облегченно вздохнуло, успокоилось и одновременно с этим стало разрастаться патриотическое настроение»¹¹². В общей сложности в армию из губернии было призвано 10,8% от всех жителей, или 45,9% всего трудоспособного мужского населения, что было немного ниже среднего показателя по стране¹¹³. Несмотря на большие масштабы мобилизации, вплоть до конца 1916 г. жандармские донесения сообщали, что призывы проходили спокойно и уклонения от них были единичны¹¹⁴.

Мобилизация мужчин оказала заметное, хотя и не однозначное влияние на крестьянское хозяйство. Вследствие призыва около трети крестьянских хозяйств остались без работника-мужчины. Однако казенное пособие в значительной степени покрывало утраченные доходы. Видимо, война острее сказалась на положении тех семей, которые сохранили наличных работников, так как она подкосила промыслы, служившие основой крестьянского бюджета. Первыми пострадали морские промыслы. Появление кораблей и подводных лодок противника у мурманского побережья уже в первый год войны вызвало преждевременное завершение промыслового сезона. В 1915 г. на Мурман съехалось на треть меньше рыбаков, а в 1916 г. — лишь половина довоенного числа. Но даже выловленную рыбу было сложно продать на осенней Маргаритинской ярмарке, так как из-за расстройств транспорта торговцы из других губерний на ярмарку почти не приезжали. Опасности морского судоходства во время войны, а также мобилизация частных судов для военных нужд привели к сокращению и поморской торговли¹¹⁵.

Не менее остро сказалась война на лесных промыслах. Уже в августе 1914 г. в связи с неясной торговой обстановкой приостановил ра-

боту лесопильный завод в селе Ковда, принадлежавший шведскому подданному Арету Бергену. Тогда же остановили работу заводы товарищества «Петр Беляев и наследники». Все рабочие получили расчет. Оставшиеся открытыми лесозаводы испытывали трудности со сбытом продукции из-за перерывов морского сообщения и постепенно сокращали производство¹¹⁶. Свертывание деятельности лесопилок тут же повлияло на сокращение заказов для поредевших в связи с мобилизацией крестьянских артелей, занимавшихся рубкой и сплавом леса. В результате общие лесозаготовки в северном регионе сократились к 1917 г. в среднем наполовину или даже на три четверти по сравнению с мирным временем¹¹⁷. Также практически прекратился отход на работы в столичные города.

Трудное хозяйственное положение губернии еще более усложнил разразившийся продовольственный кризис. Война в полной мере обнажила зависимость губернии от привозного продовольствия, что проявилось уже в первую военную зиму. Железная дорога, забитая военными грузами, перестала справляться с перевозками. Транспорт находился под военным управлением, поэтому гражданские грузы часто перевозились в последнюю очередь. Это, естественно, приводило к длительным задержкам в хлебных перевозках. Предвидя обострение кризиса, архангельские торговцы начали придерживать хлеб в ожидании повышения цен. Уже в начале 1915 г. губернатору стали поступать отчаянные крестьянские письма: «Едешь за 30 а то 50 верст, а муки купить негде. Никто не продаст.. Мы крестьяне хоть с голоду помирай»¹¹⁸. А к осени 1915 г. положение стало настолько серьезным, что глава губернского жандармского управления доносил в центр, что «сильное вздорожание всех предметов первой необходимости... вызвало уже массу всяких толков и нареканий на торговцев и грозит вылиться в форму массового недовольства, так как с каждым днем положение обостряется»¹¹⁹.

Для урегулирования продовольственной проблемы под председательством губернатора был создан специальный комитет, пытавшийся сдерживать рост цен и наладить подвоз продовольствия¹²⁰. Другим ответом на надвигавшийся хлебный кризис стало массовое создание потребительских кооперативов, которые после 1914 г. росли буквально как грибы. К концу войны их число достигло 800, а количество членов — 127 тыс., что вместе с членами семей охватывало почти все население губернии¹²¹. Однако даже потребкооперация не могла оказать влияния на урегулирование цен, так как в губернии не имелось крупных запа-

сов товаров. Не привела она и к заметному росту поставок по причине перегруженности железнодорожного транспорта. Попытки пересылать товары не по железной дороге, а по гужевой почте в посылках привели к тому, что количество перевозимой почты моментально увеличилось в несколько раз и к весне 1916 г. даже регулярное почтовое сообщение внутри губернии оказалось под угрозой остановки¹²².

Трудности со снабжением населения продовольствием только усилил наплыв беженцев, сосланных на Север иностранных граждан и приезжих рабочих. В Шенкурском, Пинежском и Печорском уездах были размещены почти 800 интернированных подданных враждебных государств, высланных большей частью из прифронтовых территорий и из Петрограда¹²³. Помимо этого, к началу 1916 г. в губернию переселились более двух тысяч беженцев из западных губерний, прежде всего из Прибалтики. Три четверти из их числа должны были разместиться в Архангельске, так как уездные власти наотрез отказывались принимать у себя беженцев из-за трудностей с пропитанием и отсутствием работы¹²⁴. Самая трудная ситуация сложилась на Мурмане, где скопились многочисленные строительные рабочие, грузчики и железнодорожники и где уже к февралю 1916 г. стоимость жизни возросла «до ужасающих размеров». По заверению жандармского начальства, «если бы не запасы ржаной муки в казенных складах, то местное население давно бы бедствовало»¹²⁵. Панику подстегивали слухи, что, например, в Онежском и Кемском уездах уже начался голод, что муки нет, а что вновь привозимая мука будет продаваться по заоблачным ценам — 15 или 16 рублей за мешок. Трудности со снабжением касались не только продовольствия. Показателем общего кризиса снабжения могло служить то, что в этой богатой лесом губернии в городах было почти не достать дров¹²⁶.

Недовольство трудным продовольственным положением усиливали тревожные письма, приходившие архангельским обывателям от родственников из действующей армии. Например, Анисим Курицын, призванный из Онеги в лейб-гвардии Литовский полк, писал семье из Красного Села: «Всем надоела как горькая редька эта война или бойня, вернее всего бойня, а не война. Мозг наш не переваривает для чего, почему и за что мы должны выносить все тягости и лишения, подставляя свою грудь под пули и снаряды и вся тягость войны ложится только на нас, а состоятельный класс да миллионеры только набивают себе карманы да брюки, а тут наши отцы, братья, сестры и дети с голоду мрут»¹²⁷.

Широкая мобилизация и продовольственные трудности тем не менее вплоть до весны 1917 г. не вызвали в Архангельской губернии ни массовых беспорядков, наблюдавшихся в других частях страны, ни открытых протестов против войны¹²⁸. Единственным случаем выступления крестьян была ставшая уже почти традиционной самовольная порубка удельного леса в трех деревнях Шенкурского уезда в 1915 г.¹²⁹ В годы войны в крае не было и рабочих забастовок, да и в целом рабочее движение в этот период ничем себя не проявляло. Несмотря на приток в губернию портовых рабочих и строителей, а также на то, что в лице латышских беженцев в губернии появилось значительное число рабочих социал-демократов, жандармские сводки постоянно отмечали отсутствие революционных организаций и политической пропаганды среди рабочих. По сведениям жандармов, лишь немногочисленная местная городская интеллигенция была склонна «к порицанию существующего государственного строя, к кадетству»¹³⁰.

В целом же, как заключал в одном из донесений жандармский полковник Е. Фагоринский, губерния «остается во многих отношениях отсталой, темной, исключительно крестьянской, но вместе с тем и чисто русской, крепкой народным духом и преданностью Царю и родине»¹³¹. Судя по жандармским сводкам, вплоть до конца 1916 г. население продолжало живо интересоваться войной и не проявляло склонности к революционным волнениям¹³². События последующих месяцев со всей очевидностью показали ошибочность этих оценок.

Первая мировая война на Севере не спровоцировала революционный кризис. Но сценарий революции в Архангельской губернии, стремительно развивавшейся после крушения монархии, в основных чертах сложился в годы Первой мировой войны. Не рабочие или крестьяне губернии, но прибывшие во время войны военные гарнизоны и морские команды, наряду с приезжими строительными рабочими, стали главным двигателем революции, обеспечив поддержку более радикальным политическим силам. Обострившийся в период мировой войны продовольственный кризис поставил хлебный вопрос во главу угла и во многом обусловил отношение обычного населения губернии к сменявшим друг друга политическим режимам. В частности, надежды на улучшение хлебного снабжения первоначально способствовали популярности антибольшевистских сил, рассчитывавших наладить подвоз в губернию хлеба от союзников по Антанте. Военные склады, выросшие в Архангельске и Романове-на-Мурмане, переименованном в Мурманск в 1917 г., стали главной заботой союзников, когда больше-

вистское правительство заключило мир с Германией. Стремление не допустить их передачу немцам стало одним из главных мотивов интервенции Антанты на Севере России.

Таким образом, война расставила основные фигуры на поле будущей революции в Архангельской губернии. Привести их в движение должна была лаконичная телеграмма из Петрограда, сообщавшая о крушении царского режима.

Глава 2

РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. НА СЕВЕРЕ И РОЖДЕНИЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Весна 1917 г. в Архангельске выдалась на редкость ранней и теплой. После первых морозных мартовских дней неожиданно наступила оттепель. Уже 7 марта на лед Северной Двины выступила вода, затруднив сообщение с Соломбалой и железнодорожной станцией на другой стороне реки¹. А вскоре, раньше положенного срока, отяжелевший от воды лед двинулся вниз по течению Двины. Вместе со льдом рушились остатки прежнего режима в губернии.

Революция в Архангельске, как и вообще в российской провинции, мало соответствовала столичному образцу. На Севере не было привычных примеров двоевластия, партийного противоборства и роста массовой поддержки большевиков. Напротив, все выборные органы и политические партии сообща пытались противодействовать углублявшемуся экономическому и политическому кризису. А большевики на протяжении 1917 г. занимали маргинальное положение в местной политике. Если ход революции на Севере не подчинялся революционным законам Петрограда, то архангельская «контрреволюция» также имела собственное лицо. В Архангельской губернии антибольшевистское движение являлось во многих отношениях прямым продолжением локальной революции, а не «контрреволюцией», принесенной исключительно извне белыми офицерами и отрядами Антанты. Региональные лидеры, вышедшие на политическую арену в первые месяцы революции, местные органы власти и организации, оформившиеся в 1917 г., продолжали играть существенную роль в годы Гражданской войны и во многом повлияли на антибольшевистское движение на Севере. Чтобы понять особенности Белого движения в крае, необходимо проследить основные линии, по которым разворачивалась революция в Архангельской

губернии с февраля 1917 г. и до прихода противников большевиков к власти в Архангельске в августе 1918 г. Этому периоду и посвящена настоящая глава.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

В Архангельске, как в большинстве городов провинциальной России, падение монархии в феврале 1917 г. означало не кульминацию острого политического кризиса, как это было в Петрограде, а лишь его начало². Первые новости о событиях в столице пришли в губернию вечером 28 февраля по железнодорожному телеграфу и через служащих дороги стали распространяться по городу. Рассказчиками о революции в Петрограде были и вернувшиеся оттуда солдаты, сопровождавшие из Архангельска эшелоны с военными грузами. На следующий день, 1 марта, на имя городского головы В.В. Гувелякена поступила официальная телеграмма от председателя Государственной Думы М.В. Родзянко, сообщавшая о создании Временного комитета Думы и содержащая обращения комитета к народу и армии. К позднему вечеру уже весь город знал о событиях в столице, а на следующий день местные газеты пестрели телеграммами о действиях Временного комитета Государственной Думы, о переходе частей Петроградского гарнизона на сторону восставших, о создании Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов³.

Все последующие дни Архангельск напоминал потревоженный улей. 2 марта по городу с революционными песнями и флагами национальных цветов, перевернутыми красным полотнищем вверх, ходили рабочие судоремонтных мастерских и порта, к которым присоединялись горожане и солдаты воинских частей. На следующий день с флагами и барабанным боем маршировали воинские части и матросы флотского экипажа. В воскресенье, 5 марта, демонстрации и митинги захлестнули весь город. А через три дня архангелогородцы торжественно встречали из Петрограда членов Государственной Думы, в присутствии которых на молебне в кафедральном соборе был зачитан манифест Николая II об отречении от престола. Кульминацией торжеств стал праздник 10 марта. Несмотря на накрывшую город оттепель, из окрестностей, с Соломбалы, Бакарицы и Маймаксы, по непрочному льду реки в центр потянулись процессии с красными знаменами, бан-

тами и кокардами красного цвета. Так как огромный Троицкий собор, где проходило торжественное богослужение, не мог вместить всех желающих, служба велась прямо на Соборной площади. Двадцатитысячная толпа обывателей обоего пола и всякого возраста заполнила площадь и прилегающие кварталы по Троицкой, Соборной и Воскресенской улицам. После богослужения парады, митинги и торжества продолжались в разных частях города до позднего вечера⁴.

Февральская революция была для современников намного более важной вехой, чем Октябрь 1917 г. Так называемая «великая бескровная» революция⁵, встретив горячее сочувствие солдат и матросов, женщин, рабочих, архангельских обывателей и крестьян, вызвала мгновенную политизацию населения и смела традиционную систему власти. Ей на смену пришли революционные органы управления, которые в Архангельской губернии, в отличие от Петрограда, не выстроились в две противостоящие друг другу структуры власти, тяготевшие к Временному правительству и Петроградскому совету. Напротив, они были чрезвычайно тесно переплетены между собой, нередко имели одних и тех же руководителей и, как правило, действовали сообща, стремясь создать авторитетную местную власть в ответ на углублявшееся безвластие в центре страны⁶.

Прежняя администрация губернии перестала существовать почти мгновенно. По стечению обстоятельств в конце февраля 1917 г. губернатора С.Д. Бибикова и главноначальствующего Архангельска и водного района Белого моря адмирала Л.Ф. Корвина не было в городе. Их заместители не решились надолго задерживать известия из Петрограда и вскоре предложили свои услуги Временному правительству. Но уже 6 марта телеграмма из Петрограда передала управление губернией Архангельскому городскому голове В.В. Гувелякену. В уездных городах власть перешла к городским головам и представителям местной интеллигенции, назначенным уездными комиссарами⁷. Впрочем, Гувелякен, жаловавшийся на преклонный возраст и загруженность городскими делами, через полтора месяца с облегчением передал полномочия бывшему управляющему государственными имуществами губернии Н.И. Беляеву. Тот спустя некоторое время сдал кресло губернского комиссара своему помощнику В.В. Шипчинскому⁸. В военном управлении главные действующие лица сменяли друг друга с неменьшей быстротой. Заместивший Корвина на посту главнача адмирал С.А. Посохов уже в апреле передал пост присланному в губернию Н.П. Савицкому. Но этот черниговский либеральный земский деятель (и отец будущего

эмигрантского идеолога евразийства П.Н. Савицкого), получив у архангельских гражданских и военных чинов прозвище «тормоз Вестингауза» и «человек в пиджаке» за свою нерешительность и нерасторопность, через несколько недель сдал дела эсеру Е.И. Сомову. И лишь последний смог продержаться на посту до весны 1918 г.⁹

Чехарда в губернском управлении и беспомощность многих новых администраторов вели к тому, что вакуум власти заполняли импровизированные комитеты и городские органы самоуправления, быстро расширявшие свои полномочия. Из последних значительным влиянием на протяжении всего 1917 г. пользовалась Архангельская городская дума. В начале марта по ее инициативе из представителей самоуправления и общественных организаций был образован общегородской Обывательский комитет, ставший первым коллегиальным органом революционной власти в Архангельске¹⁰. Дума, служившая символом преемственности с дореволюционным самоуправлением, вскоре приобрела репутацию широкопредставительного органа, уже в марте включив в свой состав 33 делегата от только что образованного Архангельского совета рабочих и солдатских депутатов. С тех пор в городской думе заседал полный состав исполкома совета, включая его председателя. После августовских перевыборов социалисты и представители совета и вовсе получили в думе численный перевес¹¹.

Городская дума активно содействовала организации Архангельского совета, избрав для этого 2 марта специальную комиссию и предоставив совету для первых заседаний свое помещение. Со своей стороны совет, собравшийся 5 марта на общее собрание, также не противопоставлял себя думе и другим органам управления городом и губернией, ограничившись посылкой туда своих представителей. Хотя совет постепенно приобретал все большее политическое влияние, он снова и снова демонстрировал готовность сотрудничать с другими структурами, претендовавшими на власть в губернии¹².

Уже в первые недели своего существования совет, получивший репутацию защитника бедных слоев населения, оказался завален сотнями жалоб и просьб. В проникновенном полуграмотном письме рабочие Архангельской городской станции Северной железной дороги жаловались совету, что им приходится целый день напролет долбить мерзлую землю, а при этом «визический труд наш неоценивается», и просили добиться повышения зарплаты¹³. Служащие рыбороторговых предприятий требовали введения 8-часового рабочего дня. Солдаты просили совет продлить им отпуска, а солдатские жены — выдавать им

справедливое пособие за мужей¹⁴. Швейцар музыкальной школы Пантелеймон Буторин испрашивал позволения пускать на балкон школы политических ораторов. «Гражданин-священник» Иоанн Федоров просил совет опровергнуть необоснованные обвинения в том, что он не признает Временного правительства. Надзиратели Архангельской губернской тюрьмы, подписавшие свое обращение как «борцы за свободу», рекомендовали арестовать бывшего начальника тюрьмы. А уголовные заключенные, в свою очередь, заявляли о желании «отдать себя служению Временному правительству» и просили «оказать содействие на пути к освобождению... из заключения»¹⁵.

Исполком совета, выбиваясь из сил, вел обширную переписку с управляющими предприятиями и командующими частей, настаивая на исполнении справедливых требований просителей. Одновременно совет содействовал организации войсковых и флотских комитетов, заводских комитетов и профсоюзов, которые проводили демократические реформы в армии, арестовывали непопулярных офицеров, вводили 8-часовой рабочий день и выработывали в согласительных комиссиях новые ставки оплаты труда¹⁶.

В то же время, несмотря на то что совет опирался на многочисленные выборные органы, посылавшие в него своих представителей, он не претендовал на губернскую власть. Умеренно-социалистические лидеры совета полагали, что Россия переживает буржуазную, а не социалистическую революцию, и поэтому власть должна находиться в руках буржуазии. Как утверждал даже в июле 1917 г. заместитель председателя совета меньшевик А.А. Житков, переход власти в руки советов являлся бы «разрушением революционной власти, наступлением анархии, влекущей за собой контрреволюцию»¹⁷. Желая объединить все демократические силы для борьбы с экономическим кризисом и возможной политической реакцией, Архангельский совет до конца 1917 г. последовательно выступал за сотрудничество с другими общественными организациями.

Попытки совета, городской думы и других органов революционной власти наладить взаимодействие приводили к созданию новых властных структур, которые нередко еще более запутывали систему местного управления. Так весной—летом 1917 г. только на верховную политическую власть в городе и губернии претендовали и комиссар Временного правительства, и думский Обывательский комитет, и сформированный по инициативе Совета Комитет общественной безопасности, куда, впрочем, также входили представители городской думы и Обыватель-

ского комитета¹⁸. В апреле 1917 г. был организован еще и Временный губернский комитет из выборных представителей от более чем 30 организаций — от совета и городской думы до биржевого и купеческого общества, сосредоточивший основные усилия на подготовке к введению в Архангельской губернии земского самоуправления¹⁹. Однако помимо него учреждением земства уже занималась земская комиссия Архангельского общества изучения Русского Севера, а также созданная в июне 1917 г. Временная губернская управа и даже губернский исполком Совета крестьянских депутатов²⁰.

На низших ступенях провинциального управления различные властные структуры также перекрывали и дублировали друг друга. Земства, введенные в Архангельской губернии вследствие постановления Временного правительства от 17 июня 1917 г., порой создавались одновременно с советами. Нередко они имели одинаковые полномочия и одних и тех же руководителей²¹. В уездных центрах все выборные учреждения часто действовали сообща. Например, в селе Усть-Цильма, административном центре отдаленного Печорского уезда, главным органом власти с июня 1917 г. являлся Уездный земский съезд, в состав которого входили уездный распорядительный комитет, комитет общественной безопасности, представители кооперативов и волостей и даже местный совет солдатских депутатов²². В тех городах, где располагались военные гарнизоны, а также на железнодорожных станциях и в поселках при лесозаводах наибольшим влиянием, как правило, пользовались советы. Самым значительным был Совет рабочих и солдатских депутатов в новом городе Мурманске, население которого состояло почти исключительно из матросов, солдат, строительных и портовых рабочих²³. Во многих городах уездные советы не были сформированы до марта—апреля 1918 г. Зато, например, в Холмогорах всем заправлял обывательский комитет, в Кеми — комитет общественной безопасности, в Шенкурске — уездная народная управа²⁴.

В архангельской деревне повторялась та же организационная путаница. С весны 1917 г. волостные и сельские сходы избирали временные, распорядительные или земельные комитеты. Некоторые из волостных органов власти уже летом были преобразованы в советы. Но наряду с советами и комитетами с лета 1917 г. появлялись волостные земские управы. Нередко они не отличались по составу от советов. И те и другие обычно избирались на волостных сходах и являлись органами всей крестьянской общины²⁵. Сельское управление не стало более однообразным даже к концу 1917 г. Как свидетельствуют отклики на больше-

вистский переворот в Петрограде, направленные исполкому Архангельского совета крестьянских депутатов, вопрос о власти, например, в Лявленской, Вознесенской и Уемогорской волостях Архангельского уезда обсуждало именно земское собрание. В селе Красноборском Печорского уезда и Средь-Мехренгской волости Холмогорского уезда решения принимались земскими гласными при участии граждан волости. В некоторых волостях и сельских обществах резолюции выносили крестьянские советы, иногда совместно с земским собранием, земельными или продовольственными комитетами. В большинстве же сел губернии вопрос об отношении к власти по-прежнему решал сельский сход²⁶.

Таким образом, в отличие от Петрограда, в Архангельской губернии к осени—зиме 1917 г. советы не вытеснили по значимости другие органы местной власти. Они по-прежнему сосуществовали с различными комитетами, управами, земскими самоуправлениями и городскими думами, часто имели одних и тех же руководителей и, как правило, тесно взаимодействовали, пытаясь преодолеть экономический и политический кризис. Отсутствие ясных политических различий на местах между земствами и советами, наблюдавшееся даже в 1918 г., имело важные последствия для периода Гражданской войны. В частности, оно привело к тому, что ликвидация советов и комитетов при белом правительстве в уездах и волостях края проходила удивительно плавно, нередко путем простого их переименования в земства. В этом отношении губернская «контрреволюция» парадоксальным образом опиралась на те самые выборные органы, которые являлись в предшествующий год основой революционной власти.

Ограниченное влияние советов в Архангельской губернии в 1917 г. имело и более близкие политические последствия. Если в Петрограде, получив большинство в советах, большевики смогли сравнительно легко взять власть в свои руки в октябре 1917 г., то в Архангельске советы не стали лестницей, приведшей большевиков к управлению губернией. На протяжении 1917 г. здесь наибольшим влиянием пользовались партии меньшевиков и эсеров, члены которых руководили и служили посредниками между советами и многочисленными комитетами, управами и земствами. Как это отразилось на ходе революции в губернии, является предметом дальнейшего изложения.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В АРХАНГЕЛЬСКЕ В 1917 г.

Газета «Архангельск», возобновившая издание под названием «Архангельский край» после закрытия ее революционными матросами, весной 1918 г. язвительно отмечала, что население Архангельска теперь делится на «буржуев и большевиков»: «Буржуи занимаются саботажем, спекуляцией, контрреволюцией, а по ночам устраивают заговоры против советской власти». В свою очередь, «большевики» заняты «реквизициями, аннулированиями, национализациями и прочими непонятными иностранными штуками». Кроме того, прибавляла газета, «различаются некоторыми учеными мужами еще “эсеры левые”, “эсеры центра” и “эсеры правые”, но они, по мягкому выражению одного совдеписта, “продались буржуйам”, а потому относятся тоже к ним»²⁷. Подобное деление было пародийным отражением того, насколько партийный принцип пронизывал общественный дискурс после Февраля 1917 г. Революционная политика в стране была политикой партий, и все — от «буржуазной» партии кадетов до большевиков — составляли партийные списки на выборах, формулировали политические платформы и создавали партийные фракции в представительных органах.

Вместе с тем на Севере отличительной чертой было не противостояние партий, а их взаимодействие. Долгая традиция сотрудничества в среде немногочисленной архангельской политической общественности повлияла на то, что и в год революции члены разных партий близко взаимодействовали в городской думе, советах, комитетах и общественных организациях. Они создавали межпартийные блоки и объединения, определявшие политическое лицо губернских выборных органов на протяжении 1917 г. Попытка местных большевиков выйти из этих объединений и противопоставить себя другим партиям сделала их маргиналами в местной политике и решающим образом повлияла на дальнейшее развитие провинциальной революции.

В Архангельской губернии, как и в целом по стране, Февральская революция принесла радикальное полевание политического спектра²⁸. Правые партии и даже октябристы канули в политическое небытие. Наиболее видные представители архангельских октябристов, в частности В.В. Гувелякен, примкнули к кадетам, первоначально сохранявшим значимые позиции в губернской политике. Архангельская городская организация кадетов, сократившаяся в предшествующие годы, весной 1917 г. вновь выросла до 130 членов. Рупор кадетов — либеральная газета «Архангельск», выходившая под редакцией бывшего члена Госу-

дарственной Думы Н.В. Мефодиева, — по-прежнему пользовалась влиянием среди провинциальной общественности. Кадеты сохранили важные позиции и в местном самоуправлении. Они входили в состав Архангельской городской управы, а Н.А. Старцев, глава губернского комитета партии, являлся заместителем председателя городской думы и регулярно вплоть до лета 1918 г. вел думские заседания. И даже Гувелякен, хотя и уступил после думских перевыборов в августе 1917 г. пост городского головы эсеру М.Т. Иванову, продолжал работать сразу в нескольких комиссиях думы²⁹.

Вместе с тем кадеты не смогли удержать прежнее ведущее положение в губернской политике и все с бóльшим отрывом проигрывали выборы представителям социалистических партий. В городскую думу в августе 1917 г. им удалось провести всего 9 из 60 гласных. Хотя кадеты раньше почти всегда представляли губернию в Государственной Думе, на выборах в Учредительное собрание кадетские представители А.Е. Исупов и В.В. Бартнев даже в Архангельске набрали менее трети голосов. В целом же по губернии за кадетов проголосовало немногим более 7% избирателей³⁰. Несмотря на то что в Архангельске приток «мартовских кадетов» из числа октябристов не сдвинул кадетскую организацию вправо и кадеты тесно взаимодействовали с представителями социалистических партий в органах самоуправления³¹, они вскоре уступили главное место в губернской политике умеренно-социалистическому блоку из эсеров и социал-демократов.

Умеренные социалисты в 1917 г. выдвинулись на ведущие позиции в органах революционной власти по всей России. Они преобладали в Петроградском совете до конца лета 1917 г. и до октября во многих отношениях контролировали работу Временного правительства. В Архангельской губернии они также играли ведущую роль. Комитеты левых партий на Севере, практически прекратившие свою деятельность в предшествующее десятилетие, в 1917 г. стремительно формировались заново. В отличие от кадетских организаций, левые партийные комитеты не были преемниками довоенных социалистических кружков. Основу левых организаций составили уже не политические ссыльные, а прибывшие на Север во время войны строительные и портовые рабочие, военнослужащие гарнизонов и матросы флотских команд, дезертиры и демобилизованные солдаты, а также члены разросшихся в годы войны кооперативов, оказавшихся под влиянием инструкторов из неонароднической интеллигенции. Именно они стояли за стремительным взлетом влияния левых партий после Февраля 1917 г.³²

Эсеры в Архангельске, как и в целом по стране, на протяжении большей части 1917 г. доминировали на политической сцене. Только на первое организационное собрание партии 14 марта 1917 г. здесь явилось 400 человек, а к маю численность Архангельской организации доходила до 600 членов³³. Среди губернских эсеров преобладали центристы, и на протяжении всего 1917 г. организация не страдала от фракционных расколов. Хотя в начале 1918 г. в Архангельске появилась группа левых эсеров, они до мая не имели собственной организации и не играли самостоятельной политической роли. Самая многочисленная группа эсеров действовала в Архангельске. Эсеры работали в городской думе и, наряду с социал-демократами, занимали ведущие позиции в Архангельском совете, пользуясь популярностью среди рабочих, солдат гарнизона и матросов флотилии. Эсеровские партийные группы действовали в уездных городах — Шенкурске, Онеге, Мурманске и Кемь. Под влиянием эсеров находились губернский и уездные советы и съезды крестьянских депутатов³⁴.

Несмотря на то что самые крупные эсеровские организации действовали в городах, эсеры, пользуясь репутацией крестьянской партии, расширяли свое влияние и в деревне. Эсеры состояли в руководстве кооперативных организаций, возглавляли сельские и волостные комитеты, управы и советы. Популярности эсеров содействовала архангельская эсеровская газета «Воля Севера», расходившаяся по волостям тиражом в 5 тыс. экземпляров³⁵. Влияние эсеров в губернии особенно сказалось на результатах выборов в Учредительное собрание, на которых кандидаты партии А.А. Иванов и М.Ф. Квятковский собрали около двух третей голосов. Как в Исполкоме губернского совета крестьянских депутатов объяснял крестьянские предпочтения один из уездных делегатов, лозунг «Земля и Воля», а также, учитывая местные природные особенности, «Лес и Воля» и «Море и Воля» — «им всего дороже»³⁶. Не удивительно, что позже многие волостные советы и земства, уездные управы и союзы кооперативов, находившиеся под влиянием эсеров, резко протестовали против разгона Учредительного собрания большевиками³⁷.

Эсеры делили центральное место в губернской политике с социал-демократами, которые вплоть до лета 1917 г. имели в Архангельске объединенную организацию, включавшую в себя все социал-демократические течения — от большевиков до плехановцев. Преобладающее влияние в ней имели меньшевики. Хотя Архангельский комитет РСДРП в марте 1917 г. был образован по инициативе латышских рабо-

чих-большевиков, в частности Я.А. Тимме, М.С. Новова и О.И. Валушица, все наиболее важные позиции в Архангельском совете и губернских комитетах остались за меньшевиками. Председателем Архангельского совета рабочих и солдатских депутатов был меньшевик К.А. Кошкин, в мае 1917 г. его сменил меньшевик В.В. Бустрем. Меньшевик А.А. Житков являлся председателем Комитета общественной безопасности, а с августа 1917 г. — председателем городской думы.

По общему признанию, архангельские меньшевики имели одаренных ораторов и организаторов. Тем временем губернские большевики, большинство из которых являлись латышскими рабочими-транспортниками, эвакуированными в Архангельск в годы мировой войны, из-за плохого знания русского языка были лишены более широкого влияния. Даже большевистские собрания в Архангельске проводились чаще всего не на русском, а на латышском языке. У губернских большевиков не было ни своего печатного органа, ни денег для заказа газет из центра. В целом, на протяжении большей части 1917 г. они казались малозаметными в провинциальной политике³⁸.

Политическую незначительность архангельских большевиков обнажил их выход из объединенной организации РСДРП. В мае 1917 г. под влиянием решений апрельской партийной конференции в Петрограде и постановлений ЦК РСДРП(б) о своем выходе заявила большевистская латышская секция в Архангельске. Вскоре за ними последовали оставшиеся большевики, и 10 июня была сформирована отдельная организация РСДРП(б). Последствия этого шага для архангельских большевиков оказались катастрофическими. После раскола у них осталось около 100 членов, в то время как меньшевики продолжали укреплять свое влияние и к августу насчитывали в своих рядах уже 700 человек³⁹. Новым сильным ударом по организации стало июльское восстание некоторых частей гарнизона и рабочих в Петрограде, после которого архангельский комитет покинули даже несколько руководящих членов. Попытка местного большевика Т.П. Зинкевича снять с партии вину за июльские события окончилась провалом. Его заявление, что во всем виноваты «примазавшиеся» «контрреволюционеры и провокаторы», было встречено порицанием архангельского совета, сопровождаемым ехидным замечанием рабочего С. Туфиса: «Я не я и лошадь не моя»⁴⁰.

Выход архангельских большевиков из объединенного комитета РСДРП и их стремление отделаться от союза с «соглашателями» поставили их вне эсеровско-социал-демократического блока, который руко-

водил губернскими органами самоуправления — от Архангельского совета до переизбранной городской думы. Это фактически лишило большевиков влияния в провинциальной политике. В августе 1917 г. на выборах в городскую думу эсеры и меньшевики выставили «единый революционно-демократический список кандидатов», чтобы не разбивать голоса «демократии». Большевики тогда участвовать в выборах отказались. В результате умеренные социалисты получили 42 из 60 мест⁴¹. Представители умеренно-социалистического блока преобладали и в руководстве профсоюзов. Хотя архангельские большевики несколько укрепили свои позиции после августовского выступления генерала Л.Г. Корнилова против правительства А.Ф. Керенского, даже осенью 1917 г. они все еще не играли ведущей роли в выборных органах края. Так, среди 400 делегатов Архангельского совета в большевистской фракции числилось всего 17 членов. Тем временем даже «сочувствующие» большевикам в совете предпочитали голосовать за «беспартийные» резолюции умеренно-социалистического блока⁴². Вплоть до середины декабря 1917 г. руководство совета продолжало осуждать самостоятельные партийные выступления и настаивало на совместной работе всех социалистов, «не уклоняясь в сторону вражды между партиями»⁴³.

Таким образом, если в Петрограде и в ряде провинциальных городов, в частности в Поволжье и на Урале, большевики уже в начале осени 1917 г. контролировали советы⁴⁴, то в Архангельской губернии они не имели большого влияния. На Севере не отдельные партии, а умеренно-социалистический блок, сложившийся уже в первые месяцы революции, вплоть до конца года продолжал определять провинциальную политику. И даже в первой половине 1918 г. меньшевики и эсеры удерживали влиятельные позиции в городских органах самоуправления и профсоюзах.

Социалистический блок, ставший лицом провинциальной политики на Севере в 1917 г., оставался важным фактором и в годы Гражданской войны. В антибольшевистской Северной области умеренные социалисты сохраняли руководящую роль в органах местного самоуправления. И даже на выборы в Архангельскую городскую думу в октябре 1918 г. они шли тем же самым объединенным социалистическим блоком, как и в 1917 г.⁴⁵ Их влияние не только отчасти сделало северную «контрреволюцию» преемницей провинциальной революции, но и содействовало устойчивости антибольшевистской власти на Севере. Именно неизменная поддержка со стороны архангельских социалистов помогла белому правительству преодолевать политические кризисы.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА

Большевистские лидеры винили в запоздалом установлении советской власти в Архангельской губернии экономическую и политическую отсталость Русского Севера. Говоря о трудностях перехода к социализму, В.И. Ленин писал, что к северу от Вологды и на других окраинах России «царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»⁴⁶. М.С. Кедров, с именем которого связано становление большевистской администрации в Архангельской губернии, отмечал, что Север в политическом отношении был, «пожалуй, самый темный угол в мракобесной царской России»⁴⁷. Действительно «Октябрьская» революция в Архангельской губернии «опоздала» на несколько месяцев, наступив, по мнению большинства исследователей, не ранее зимы—весны 1918 г.⁴⁸ Современники же и вовсе относили ее к лету 1918 г., подразумевая, что только тогда большевики окончательно получили под свой контроль Архангельский совет, ликвидировали прежние органы губернской власти и при помощи политических эмиссаров и военных отрядов укрепили свое влияние в большинстве уездных городов губернии⁴⁹.

Архангельская политическая элита жила предчувствием грозных перемен уже с начала осени 1917 г. Умеренно-социалистическое руководство Архангельского совета, городской думы и профсоюзов вполне отдавало себе отчет в том, что положение простого населения стремительно ухудшалось и что это остро сказывалось на авторитете органов губернского и центрального управления. «Отсутствие или слабость власти, как назначенной, так и демократической», говоря словами председателя Шенкурской уездной управы Е. Едовина, не было секретом ни для кого⁵⁰. На собраниях рабочих и флотских комитетов все громче раздавались требования удалить из правительства «министров-капиталистов» и передать власть советам. Губернский и местные советы, профсоюзы и комитеты в Архангельской губернии, так же как и в других регионах страны, уже с лета 1917 г. теряли прежнее влияние⁵¹. Рабочие и солдаты, видя ухудшение своего положения, упрекали выборные органы в потворстве «буржуазии». Они порой открыто «разносил[и] комитеты и всю их деятельность», прибавляя даже, что «лучше было при старом строе»⁵².

Тем не менее губернская политическая элита по-прежнему поддерживала коалиционное Временное правительство. Даже после корниловского выступления умеренные социалисты в Архангельске, осудив

кадетов, от которых шла «идейная подготовка корниловщины», продолжали отстаивать необходимость коалиции с «буржуазией». Только теперь это должна была быть коалиция «организованной революционной демократии» с «революционной буржуазией». Впрочем, «как профильтровать буржуазию», чтобы отделить ее «революционную» часть от «контрреволюционной», кажется, не знал никто⁵³.

Несмотря на ожидания кризиса, 25 октября 1917 г. новости о приходе большевиков к власти в Петрограде потрясли архангельских политиков. Исполком совета в течение пяти дней не созывал общего собрания. Вместо этого по его инициативе был создан новый Революционный комитет из представителей совета, городской думы, земства, профсоюзов и социалистических партий, который ограничил распространение в губернии большевистских декретов и новостей из столицы, полагая, что большевики недолго продержатся у власти. 26 октября экстренно собравшаяся Архангельская городская дума единодушно осудила «захват власти большевистскими частями Петроградского гарнизона», открывший «широкую дорогу контрреволюции»⁵⁴. Только 17 ноября 1917 г. Архангельский совет, отметив, что в такой критический момент «безвластие в стране недопустимо», подтвердил переход власти к советам и признал Совет народных комиссаров, но лишь как временную власть, существующую до скорейшего формирования правительства из представителей всех социалистических партий. При этом совет отказался ликвидировать думу и земства как органы местного самоуправления и вновь призвал к прекращению «партийной грызни»⁵⁵. Тем временем прошедшие 19 ноября 1917 г. перевыборы Исполкома Архангельского совета вновь подтвердили бесспорное лидерство меньшевистско-эсеровского блока. Умеренные социалисты удерживали руководящие позиции в комитете профсоюзов, местных советах и среди моряков флотилии⁵⁶.

Постановления Архангельского совета были созвучны настроениям местных комитетов, профсоюзов, советов, органов земского самоуправления, флотских и гарнизонных комитетов, которые в своих резолюциях также поддерживали коалиционную власть всех социалистических партий, представленных в советах, а не власть одних большевиков. И даже волостные и сельские резолюции, которые десятками приходили в адрес губернского исполкома крестьянских депутатов, хотя часто и признавали советы как органы местного управления, но протестовали против смещения центрального правительства и «военного заговора, затеянного преступным элементом — партией большевиков»⁵⁷.

Архангельские большевики даже после октября 1917 г. продолжали оставаться на обочине местной политики. Большевистские рабочие-латыши, как жаловался секретарь губернского комитета РСДРП(б) Я. Тимме, агитировали только в своей среде, так как не могли «справиться с русским языком»⁵⁸. Влияние большевиков начало расти только в первой половине 1918 г., когда наметился приток в партию новых членов. Открытый в Архангельске весной 1918 г. «Клуб коммунистов» привлек около 400 человек, а к июлю численность большевиков и сочувствующих в Архангельске, включая пригороды и военные части, достигала 600 человек. Впрочем, на рост партии отчасти влияли материальные причины. Например, как вспоминала работница одного из лесозаводов Маймаксы Евдокия Нечаева: «...[в] 1918 г. стал носиться слух, чтобы в партию записывались, будут больше хлеба и ситцу давать. Тут сразу много записалось. Я с мужем переговорились... Мы обоим с ним и записались»⁵⁹. Также даже в Архангельске география большевистских ячеек была ограничена рабочими кварталами и казармами гарнизона и флотских команд. За пределами города большевистское влияние оставалось и вовсе крайне незначительным. Всего в губернии, помимо Архангельска, даже в первой половине 1918 г. насчитывалось несколько десятков членов партии и до 500 сочувствующих. Ячейки существовали преимущественно по линии железной дороги и в уездных центрах. Они были разобщены и не имели никакой связи с архангельской организацией⁶⁰.

Губернские большевики, стремившиеся утвердиться у власти в Архангельске и уездах, возлагали все надежды на помощь из центра. Уже с конца 1917 г. они бомбардировали ЦК РСДРП(б) просьбами прислать численное подкрепление и хотя бы одного «более теоретически способного товарища»⁶¹. Помощь стала поступать в начале 1918 г. Представители ЦК, в частности В.И. Суздальцева, возглавившая горком партии, добились перевыборов исполкома городского совета, в котором большевикам удалось получить небольшой перевес. Избранный на губернском съезде советов в феврале 1918 г. новый губисполком также имел большевистско-левоэсеровское большинство. Затем было распущено губернское земство. Однако вплоть до апреля в губисполкоме оставалась влиятельная фракция умеренных социалистов, и даже позже меньшевики и эсеры сохраняли сильные позиции в городском совете⁶².

В уездных центрах губернии признание власти Совнаркома и образование большевистских исполкомов растянулось до лета 1918 г.

Быстрее всего новое правительство признали те города, где имелись флотские и воинские команды или приезжие военизированные рабочие отряды, симпатизировавшие антивоенным лозунгам большевиков. Так происходило на Мурмане, в Онеге, в Кемском уезде. В частности, даже в Архангельске голоса части гарнизона и флотских команд обеспечили большевистским кандидатам в Учредительное собрание 29,7% голосов. В Мурманске же, население которого состояло почти целиком из военных, моряков и пришлых рабочих, они получили свыше 70% голосов⁶³. Поэтому не случайно, что уже 26 октября объединенное собрание президиумов всех организаций Мурманска и начальник Мурманского укрепленного района контр-адмирал К.Ф. Кетлинский поддержали переход власти к советам⁶⁴. В декабре 1917 г. в Онеге уездный съезд крестьянских депутатов, объединившись с местным Советом рабочих и солдатских депутатов, одобрил действия II Всероссийского съезда советов и избрал большевиков и им сочувствующих в уездный исполком. Впрочем, в уезде вплоть до мая продолжала действовать также и земская управа. В Кемском уезде новый исполком во главе с большевиком А.И. Мосориным был избран в марте 1918 г. на объединенной конференции Советов, профсоюзных и общественных организаций Кемского уезда и Мурмана⁶⁵.

В других уездных городах большевизация советов сопровождалась активными политическими манипуляциями и насильственным роспуском прежних органов власти. В Шенкурском уезде в январе 1918 г. крестьянский съезд отказался признавать власть Совнаркома. Поэтому архангельские большевики созвали один за другим еще два уездных съезда, пока не добились в конце марта избрания в исполком своих кандидатов. В Пинеге большевистско-лево-эсеровский исполком был избран в апреле, после того как была распущена сопротивлявшаяся этому влиятельная уездная земская управа⁶⁶.

В остальных уездах Архангельской губернии признание власти Совнаркома больше походило на первые стычки Гражданской войны. Наиболее острый конфликт возник в Холмогорах. 21 марта 1918 г. по инициативе прибывшего из Петрограда представителя ВЦИК В.К. Гончарика в городе был созван уездный съезд крестьянских депутатов. Объявив себя высшей местной властью, съезд вынес постановления о роспуске земства и изъятии излишков продовольствия. Под влиянием слухов о том, что у населения будут отнимать хлеб, уездный продовольственный комитет и поддержавшие его демобилизованные солдаты решили организовать вооруженное сопротивление. После завязавшей-

ся перестрелки участники съезда бежали в монастырскую гостиницу, где к ним прибыла делегация от «граждан города Холмогор». Она предложила им сдать оружие и больше в Холмогорах не появляться. Члены съезда спешно перебрались в деревню Колпачево. Там они двое суток дожидались прибытия из Архангельска вооруженного отряда во главе с матросом А.И. Вельможным, который ввел в Холмогорах осадное положение и обложил «буржуазию» города чрезвычайным налогом. Под военной охраной съезд возобновил работу и избрал исполком во главе с большевиком С.И. Тубановым⁶⁷.

В Печорском уезде основным инструментом установления большевистской власти стал красногвардейский отряд во главе с большевиком С.Н. Ларионовым. Он был послан на Печору из Архангельска в мае 1918 г. в ответ на разгон Мохченского волостного совета и убийство председателя волисполкома. Не ограничившись подавлением «антисоветского» восстания в Мохче, отряд Ларионова прошел рейдом по реке Печоре от Троицко-Печорска до Усть-Цильмы, организуя большевистские советы и разгоняя земские управы и комитеты. От власти был также отстранен действовавший с февраля 1918 г. эсеровский уездный исполком⁶⁸.

В Мезенском уезде большевики не смогли закрепиться даже в уездном совете. Созванный в апреле 1918 г. съезд делегатов уезда подтвердил полномочия прежней земской управы. Члены управы, включая ее председателя П. Алашева, были избраны в исполком совета рабочих и крестьянских депутатов. Съезд подтвердил власть советов, однако категорически выступил против установления власти одной политической партии⁶⁹.

Таким образом, в первой половине 1918 г. большевики с большим трудом взяли под свой контроль губернский и большинство уездных советов. Однако большевизированные городские советы были островками в море прежней сельской администрации, где советы, организованные, как правило, возвращавшимися домой фронтовиками, оставались несчастным явлением и где имелись лишь единичные члены партии большевиков⁷⁰. Более того, даже в городах с весны 1918 г. архангельские большевики вновь стали утрачивать едва приобретенное влияние. Стихийная демобилизация расположенных в губернии воинских частей и флотских команд оставила большевиков без прежнего электората. Уже с конца 1917 г. в Архангельске перестал существовать Центральный комитет армии, так как солдаты в массовом порядке разезжались по домам. В Мурманске в связи с отъездом строительных рабочих и демо-

биллизацией армии и флота к концу весны 1918 г., по сведениям уполномоченного ЦК РКП(б), осталось всего три большевика⁷¹. Находившиеся на Севере части погрязали в мародерстве и грабежах. В Мурманске и Архангельске остатки флотских частей грабили военные склады и перехватывали частные и правительственные грузы, шедшие на юг по железной дороге. Демобилизованные солдаты и матросы устраивали такие погромы на станциях, что работники Мурманской железной дороги перед приходом поезда из Мурманска предпочитали прятаться в окрестных лесах. Местные командиры и политические лидеры, не видя другого выхода, добивались скорейшей демобилизации разлагавшихся частей⁷².

Постоянное ухудшение экономического положения, вина за которое с конца 1917 г. возлагалась на советское правительство, еще больше подрывало авторитет большевистской власти в губернии. На лесозаводах вновь сократилось производство и почти полностью остановились лесозаготовки, в то время как возвращавшиеся домой демобилизованные солдаты только увеличивали число безработных. Чтобы не допустить остановки предприятий, заводские комитеты из выборных представителей рабочих стали брать управление в свои руки⁷³. Однако завкомы, главной целью которых было сохранить рабочие места, не могли наладить эффективное производство и товарообмен. Поэтому уже весной 1918 г. все громче стали раздаваться требования национализировать предприятия, что означало присылку денег из центра. Но скудные субсидии, отпускаемые Москвой⁷⁴, не могли улучшить положение и лишь усиливали недовольство политикой центра. В Архангельске две с половиной тысячи рабочих судоремонтного завода грозили разгромить губисполком⁷⁵. В Александровском и Кемском уездах, где большинство рабочих трудилось на Мурманской железной дороге и в порту, принадлежавшим казне, участились самосуды над государственными управляющими. Коллегия по управлению дорогой и Совет опасались, что будут сметены восстанием голодных рабочих, которые месяцами не получали заработной платы. Железнодорожники и строители тысячами покидали край. Рабочие, оставшиеся на месте без средств к существованию, вливались в вооруженные отряды, которые занимались грабежами местного населения⁷⁶.

Жители неземледельческого Севера остались не только без работы, но и без продовольствия. Вагоны с хлебом, направляемые в Архангельск с юга России и из Сибири, исчезали в пути. Тем временем упадок морских промыслов не позволял наладить снабжение населения

даже рыбой. Весной 1918 г. запасы продовольствия сократились настолько, что губернский продовольственный отдел призвал население уменьшить потребление до минимума и грозно предупреждал: «Граждане, будьте готовы к самому худшему»⁷⁷. Архангельский губисполком был в панике, предчувствуя приближение голодного бунта. А городской совет даже склонялся к тому, чтобы обратиться за продовольственной помощью к союзникам России по Антанте. В обмен он намеревался прекратить вывоз находившихся на Севере союзных военных грузов в центр страны, хотя это и могло привести к разрыву отношений с Совнаркомом⁷⁸.

Ухудшение экономического положения вызвало резкое падение авторитета большевистской власти даже в городах. С весны 1918 г. в Архангельске, как и в целом по стране, вновь начала быстро расти популярность умеренных социалистов. В июне архангельские меньшевики и эсеры призвали население к смещению «грабителей и предателей, стоящих у власти», и смогли добиться назначения перевыборов губернского и городского советов. Местные большевики были уверены, что им не удержать руководство в своих руках, и просили срочной присылки из центра агитаторов, чекистов и военных отрядов латышей⁷⁹.

Положение спасла приехавшая в Архангельск в конце мая «советская ревизия» во главе с комиссаром М.С. Кедровым, наделенным самыми широкими полномочиями. Вмешательство членов ревизии в проведение выборов смогло обеспечить большинство за большевиками и левыми эсерами в обоих советах. 21 июня архангельские большевики победно телеграфировали в Москву: «Руководство в наших руках благодаря товарищам советской ревизии» и просили оставить Кедрова в Архангельске еще на некоторое время, иначе «рухнет все дело»⁸⁰. За переизбранием советов сразу последовало решение об исключении из них представителей оппозиционных партий. При поддержке «ревизии» в губернии стали проводиться в жизнь и другие решения Совнаркома. В Архангельске была распущена городская дума как учреждение, «не соответствующее духу и организации советской власти»⁸¹. Члены думы, равно как и полный состав архангельского комитета меньшевиков были арестованы новообразованной губернской ЧК. В июне—июле 1918 г. были закрыты последние небольшевистские газеты, проведена национализация торгового флота и банков⁸².

Однако, несмотря на давление организованной оппозиции, голод, с которым большевики не могли справиться все годы Гражданской войны, подпитывал массовое недовольство большевистской полити-

кой. В начале июля в Архангельской губернии снова была сокращена норма продовольственного пайка, составившая 1 фунт хлеба в день для рабочих и солдат и полфунта для остального населения. Реальная же выдача продовольствия была еще меньше, и нередко в день выдавалось лишь 1/8 фунта плохого овсяного хлеба⁸³. Но последней каплей, переполнившей чашу терпения и подтолкнувшей население к открытому выступлению против большевистской власти, стала мобилизация в Красную армию.

В конце июня 1918 г. руководство большевиков отчаянно опасалось высадки в Архангельске военного десанта Антанты, боевые экспедиционные части которой к тому времени уже находились в Мурманском крае и имели стычки с большевистскими отрядами. Чтобы организовать вооруженный отпор возможной интервенции, Архангельский губисполком объявил мобилизацию пяти возрастов. Решение удалось с большим трудом утвердить 2 июля на Втором губернском съезде советов⁸⁴. Однако расчет на авторитет съезда не оправдался. Мобилизация привела к катастрофическим результатам. В Архангельский губвоенкомат потоком стали поступать резолюции крестьянских сходов и волостных советов, где говорилось об отказе от мобилизации со ссылкой на сенокос, на голод, на то, что большинство мобилизуемых уже провели по несколько лет в окопах и не желают больше воевать. В крестьянских резолюциях присутствовали и прямые обвинения большевиков в том, что те обещали хлеб и мир, а не дали ни того, ни другого. Крестьянские сходы нередко избивали красных агитаторов, выступавших за мобилизацию, и заявляли, что не будут воевать против союзников, которые единственные могут спасти население от голодной смерти⁸⁵. Британский пароход «Эгба» с грузом хлеба, стоявший в Архангельском порту, заметно подстегивал просоюзнические симпатии среди населения голодного города и окрестностей⁸⁶.

В селе Ворзгоры Онежского уезда общее собрание граждан не только отказалось от мобилизации, но и арестовало прибывших красноармейцев, которые должны были выставить посты против интервентов. Крестьяне направили резолюцию в уездный военкомат, чтобы в волость красноармейцев более не присылали, так как жители войны ни с кем не желают. После неожиданного ареста ворзгорского священника, которого Архангельск подозревал в «контрреволюционной агитации», вспыхнуло открытое восстание. В соседние волости направились гонцы с призывом присоединиться к выступлению, а жители села встретили приближавшийся красный отряд ружейным огнем. Только

после подхода подкрепления в числе 50 красногвардейцев с пулеметом Ворзогоры вывесили белый флаг⁸⁷.

Но самым яростным ответом на июльскую мобилизацию стало шенкурское восстание. После объявления набора в армию призывники вынесли резолюцию, в которой просили разъяснений относительно цели мобилизации и требовали отмены реквизиций, выдачи хорошего вооружения и обмундирования, материального обеспечения семей и помощи с полевыми работами. Этих требований губвоенкомат удовлетворить не мог, и они, по словам Кедрова, «не хуже прямого отказа вели к срыву мобилизации». Неуступчивость губвоенкомата привела к тому, что 21 июля 1918 г. в городе вспыхнуло вооруженное восстание. Был осажден, а затем арестован уездный исполком, и город перешел под контроль повстанцев. На подавление восстания из Архангельска отправился «железный отряд» под командованием товарища председателя губернского исполкома Павлина Виноградова⁸⁸.

На 28 июля 1918 г. обстановка рисовалась Архангельскому губисполкому в следующих красках: «Положение в Архангельской губернии в связи с объявленной мобилизацией тяжелое. В Шенкурске идет бой между отрядами Красной Армии и мобилизованными... В Пинежском уезде мобилизованные отказываются ехать в Архангельск и требуют оружия. Были столкновения. В Онежском уезде набрали добровольцев из рабочих 120—150 человек, крестьяне же отказываются. Применять террор нет сил. Архангельск висит на волоске. Мобилизованных 1200 человек, настроение — враждебное мобилизации... Одна надежда — маймаксанские рабочие, но и те сидят голодные, заводы не имеют кредита, все заложено в Нарбанке и постепенно закрываются...» Губисполком просил срочной присылки подкреплений из центра, указывая, что «иначе путем внутреннего взрыва и невозможности что-либо сделать англичане возьмут Архангельск»⁸⁹.

Таким образом, летом 1918 г. непрочный большевистский контроль над губернией, едва установленный при содействии вооруженных отрядов и эмиссаров центра, трещал по всем швам. Архангельский губисполком опасался, что он не сможет оказать никакого сопротивления предполагаемому десанту Антанты, так как летом почти все имевшиеся в его распоряжении силы были заняты подавлением внутренних восстаний. Поэтому едва ли последовавшая союзная интервенция положила на Севере России начало Гражданской войне, как это нередко утверждается в исследовательской литературе⁹⁰. Скорее напротив, уже шедшая в стране Гражданская война, которая в Архангельской губер-

нии ярко проявилась в серии восстаний мобилизованных и крестьянских волнениях, окончательно убедила руководство Антанты в шаткости советской власти и подтолкнула к тому, чтобы открыто поддержать вызывавших к союзной помощи противников большевиков.

НАЧАЛО ИНТЕРВЕНЦИИ АНТАНТЫ И МИРОВАЯ ВОЙНА

Союзная интервенция в России, способствовавшая усилению антибольшевистского движения, не была целенаправленной акцией по устранению большевиков от власти. Скорее она являлась случайным следствием обстоятельств, связанных с продолжавшейся мировой войной⁹¹. Несмотря на антибольшевистские взгляды ряда союзных политиков и на возмущение в союзных столицах в связи с отказом большевиков от выплаты российских внешних долгов и реквизицией иностранной собственности в России, руководство Антанты⁹² было всецело поглощено вооруженным противостоянием с центральными державами. Оно интересовалось революционными событиями в России лишь в той мере, в какой эти события могли повлиять на дальнейшее участие страны в мировой войне⁹³. Поэтому приход большевиков к власти в Петрограде осенью 1917 г. сам по себе не стал причиной интервенции. Отношение лидеров Антанты к большевикам долгое время оставалось неопределенным. Стремясь удержать Россию в составе воюющей коалиции, они наряду с поддержкой просоюзнических антибольшевистских сил, в частности казаков А.М. Каледина и Добровольческой армии генералов М.В. Алексеева и Л.Г. Корнилова, пытались также повлиять на советское руководство. Взаимодействие с советами казалось возможным, так как большевистские лидеры, например В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий, периодически высказывали желание принять союзную помощь против немцев⁹⁴. Только когда советское руководство в марте 1918 г. подписало с Германией Брестский мир и затем, вопреки продвижению немецких войск в глубь страны, возобновило военные действия против центральных держав, у руководства Антанты появились планы восстановить Восточный фронт помимо или даже против воли большевиков.

Несмотря на договор Совнаркома с Германией, союзные кабинеты и дипломаты Антанты даже в первой половине 1918 г. придерживались разной тактики в отношении революционной России. Оказавшись в Лондоне весной 1918 г., либеральная журналистка А.В. Тыркова-Ви-

льямс записала в своем дневнике: «Военное министерство было против большевиков и за вмешательство. Министерство иностранных дел за них и против вмешательства...»⁹⁵ Из России французский и американский послы Ж. Нуланс и Д. Фрэнсис убеждали свои правительства в необходимости скорейшей интервенции. Тем временем американский консул Ф. Коул был горячим противником союзного военного десанта, так же как и полковник Р. Робинс из американской миссии Красного Креста. Подобного мнения придерживался и британский консул в Архангельске Д. Янг⁹⁶. Получая редкие и противоречивые указания из своих столиц, «осиротевшие» дипломаты, по определению одного исследователя, действовали в России по своему собственному усмотрению⁹⁷. Ряд союзных представителей раздавали антибольшевистским военным и политикам обширные обещания и даже денежные авансы. Все это давало последним надежду на близкую помощь со стороны Антанты и содействовало росту числа заговоров с целью устроить при союзном содействии антибольшевистский переворот⁹⁸.

Вплоть до конца мая — начала июня 1918 г. судьба будущей интервенции оставалась неясной из-за продолжавшихся колебаний в союзных кабинетах, а также из-за сопротивления вмешательству в дела России со стороны американского президента В. Вильсона. Однако без американского участия более масштабная интервенция считалась невозможной, так как почти все ресурсы европейских союзников были брошены на Западный фронт. Обстановка радикальным образом изменилась в конце мая 1918 г., когда против большевиков неожиданно выступили находившиеся в России части чехословацкого корпуса. Чехословаки быстро взяли под свой контроль часть Сибири и Поволжья⁹⁹. Их успехи, наряду с ширившимися антисоветскими восстаниями внутри России, казалось, свидетельствовали о неминуемом крахе правительства большевиков. Именно это помогло преодолеть последние колебания среди союзного руководства и, в частности, склонило Вильсона к поддержке интервенции.

В начале июня Верховный военный совет в Версале утвердил примерный план операций на Севере России, который должен был стать главным плацдармом интервенции. Особое внимание Антанты к Северу объяснялось тем, что именно здесь находились единственные в европейской части России порты, которые не были блокированы неприятелем. Отсюда можно было попытаться протянуть руку помощи наступающим чехословакам, которых Версаль рассматривал как одно из звеньев нового Восточного фронта. Кроме того, целью союзных час-

тей было не допустить вторжения немецко-финских отрядов со стороны Финляндии, организовать охрану союзных грузов, скопившихся в северных портах, и содействовать воссозданию русской армии, которая могла бы оттянуть немецкие силы с Западного фронта¹⁰⁰. Начало операции облегчало то, что на Мурмане уже с весны 1918 г. в контакте с местным советом действовали небольшие союзные контингенты. Поэтому именно Мурманск должен был послужить мостом для союзной высадки в Архангельске.

Появлению на Мурмане отрядов Антанты, которые как магнит притягивали на Север настроенных антибольшевистски офицеров и политиков, по иронии судьбы отчасти способствовали политические зигзаги самого большевистского руководства. Так как российская армия в начале 1918 г. фактически перестала существовать, Совнарком попытался использовать союзную поддержку, чтобы противостоять вторжению на Север германских частей корпуса Р. фон дер Гольца, расположившегося в Финляндии. Оказание помощи со стороны союзников облегчало то, что уже с 1915 г. северные воды бороздили суда британской эскадры адмирала Т.У. Кемпа, охранявшей от атак немецких подводных лодок морские пути сообщения и российские северные порты. 2 марта 1918 г., заручившись принципиальным согласием большевистского руководства, Мурманский совет заключил «словесное соглашение» с представителями Англии и Франции об оказании ему военной и продовольственной помощи. В апреле 1918 г. совет был преобразован в независимый от Архангельска Мурманский краевой совет, что официально распространило его власть и действие соглашения на территорию Александровского и Кемского уездов Архангельской губернии¹⁰¹.

Хотя первоначально чисто военные последствия договора были незначительны — 6 марта на берег сошли лишь 170 солдат британской морской пехоты с судов союзной эскадры, — в течение весны присутствие союзных войск в регионе стало усиливаться. Мурманский совет приветствовал такое развитие событий, так как вопреки Брестскому миру немецкие подводные лодки на Севере продолжали атаковать и даже топить промысловые и торговые суда. Как и прежде, корпус фон дер Гольца угрожал стратегически важной Мурманской железной дороге, тогда как мобильные финские отряды совершали регулярные рейды в глубь российской территории. Следуя сводкам Наркомата по военным делам, вдоль финской границы могло быть сосредоточено до 100 тыс. штыков противника, угрожавших всему побережью Белого моря¹⁰².

Поэтому в конце мая 1918 г. краесовет с полным непониманием отреагировал на требование Совнаркома удалить с Севера войска и суда Антанты. В то время как центральное руководство испытывало усилившееся давление со стороны Германии и также опасалось антибольшевистских действий Антанты в связи с восстанием чехословаков, местные обстоятельства, казалось, требовали продолжения союзного присутствия. Лишившись помощи отрядов Антанты, краевой совет оказался бы один на один с немецкой и финской военной угрозой, голодом и мародерствующими группами матросов и строительных рабочих. Кроме того, даже при желании он не смог бы силой выдворить союзные войска, численность которых в середине июня возросла уже до 2000 человек и которые явно не намеревались оставлять край на откуп немцам¹⁰³.

Развязка наступила в конце июня. В ответ на все более жесткие требования Москвы 30 июня 1918 г. краесовет на объединенном заседании с Центральным комитетом Мурманской флотилии и комитетом железнодорожников при поддержке делегатов волостей постановил не исполнять требований Совнаркома и принять экономическую и военную помощь со стороны союзников. Спустя несколько дней решение было подтверждено письменным соглашением совета с союзными представителями. Вслед за этим союзные части начали разоружать советские отряды охраны вдоль железной дороги. В свою очередь, Совнарком, объявив председателя краевого совета А.М. Юрьева «врагом народа», дал указание разрушать железнодорожное полотно и расстреливать всех содействующих продвижению союзников¹⁰⁴.

Таким образом, еще до появления союзных войск в Архангельске действия отрядов Антанты на Севере из вспомогательной операции Первой мировой войны, нацеленной на борьбу против немцев и финнов в союзе с местными советами, отчасти превратились в антибольшевистскую кампанию. Хотя борьба против большевиков не была первоначальной целью интервенции (даже в июне—июле 1918 г. планы Версаля не говорили о противостоянии с Совнаркомом), направлявшиеся в Россию новые контингенты все глубже втягивались в российскую Гражданскую войну.

РОЖДЕНИЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

Рост союзного присутствия на Мурмане и разрыв между Мурманском и Москвой служили для противников большевиков сигналами к

скорому появлению союзных войск в Архангельске и началу широкой антибольшевистской кампании союзников. Однако командование Антанты неоднократно откладывало высадку десанта, вначале из-за небывало позднего ледохода на Северной Двине, затем из-за ожидавшегося прибытия дополнительных войск. Только 30 июля 1918 г. корабли с примерно полуторатысячным десантом на борту вышли из Мурманска по направлению к Архангельску¹⁰⁵. Хотя в дальнейшем планировалось послать новые подкрепления, в сам момент высадки союзные силы были крайне незначительны. Командование Антанты всецело полагалось на то, что в преддверии десанта в Архангельске произойдет переворот, подготовку к которому вели русские противники большевиков.

Полыхавшие на Севере летом 1918 г. восстания крестьян и мобилизованных, а также широкое недовольство политикой большевиков в местных либеральных и умеренно-социалистических кругах подготовили благоприятную почву для смены власти в Архангельске. Однако руководство антибольшевистским переворотом в силу обстоятельств неожиданно оказалось в руках не региональных лидеров, а политиков и военных, прибывших из центра страны. Уже с весны 1918 г. в российских столицах многочисленные группы офицеров, членов упраздненных органов самоуправления и оппозиционных политических партий строили планы свергнуть власть большевиков в ряде провинциальных городов. Эти планы были обращены, в частности, на Север, так как именно там заговорщики могли рассчитывать на военную поддержку союзников. В Петрограде и Москве действовали подпольные военные организации, занимавшиеся переправкой в Архангельск и на Мурман офицеров-добровольцев. Они имели контакты с союзными представителями, в частности с британским военно-морским агентом в Петрограде капитаном Ф. Кроми. При содействии последнего один из организаторов переворота — капитан Георгий Ермолаевич Чаплин — появился в середине июня в Архангельске под именем сотрудника английской военно-морской миссии Томпсона¹⁰⁶.

Чаплин являлся типичным представителем той части русского офицерства, которая добровольно пополняла ряды создававшихся белых армий. Выходец из дворян Тверской губернии, он в юности учился в Санкт-Петербургском технологическом институте. Однако с началом русско-японской войны он бросил учебу и отправился добровольцем на фронт, решив связать свою судьбу с российским флотом. Прослужив юнкером на крейсере «Герцог Эдинбургский», Чаплин после окончания военных действий блестяще сдал выпускные экзамены при мор-

ском корпусе, а перед самой мировой войной закончил также курс Николаевской морской академии. В период войны с Германией он около года воевал на британской подводной лодке, а затем служил в оперативном отделе штаба Балтийского флота под началом будущего верховного правителя Белой России адмирала А.В. Колчака. Позже он командовал миноносцем «Михаил Архангел», дослужившись к концу войны до чина капитана 2-го ранга¹⁰⁷.

Формирование Чаплина, которому в 1918 г. исполнилось всего 32 года, как личности и офицера происходило под влиянием сокрушительных поражений России в русско-японской и Первой мировой войнах. Следствием этого было не только глубокое чувство национального унижения, но и недоверие к тыловым политикам, которые, как ему казалось, мало что делали для предотвращения беспорядков в тылу и помощи фронту. Будучи уверен, как и значительная часть кадрового офицерства, что войну с германским блоком надо продолжать до победного конца, он болезненно переживал революционный развал армии и флота. После выхода России из войны и заключения Брестского мира он, как и адмирал А.В. Колчак, посчитал делом чести и национального долга обратиться к английскому и американскому правительствам с просьбой принять его в союзный флот для участия в дальнейшей борьбе против немцев. Пока он дожидался ответа, знакомые чины британской военно-морской миссии в Петрограде сообщили Чаплину о намечавшейся высадке союзного десанта в Архангельске. И в июне 1918 г. он со всей энергией взялся за подготовку переворота на Севере¹⁰⁸.

Как следует из позднейших мемуаров и немногих политических заявлений Чаплина, его представления о целях белой борьбы не были комплексными или последовательными. Для него, как и для широких кругов русского офицерства, был характерен известный антиинтеллектуализм, в значительной мере являвшийся традиционным для профессиональных военных Европы того времени. Но также он был связан с особенностями военного воспитания в позднейимперской России, где узкое образование офицеров, ограждаемых руководством армии от «вредных» политических идей, сочеталось с политической незрелостью и даже наивностью. Офицеры не доверяли политикам и, вливаясь в ряды Белого движения, определяли свои цели не в политических, экономических или социальных категориях, но как квазирелигиозную борьбу за поруганную честь родины, за верность слову, данному союзникам, и за честь офицерского мундира. Офицеры воспринимали ре-

альность в таких категориях, как «честь», «долг» и «достоинство», поэтому и их представления о враге имели моральные, а не политические контуры¹⁰⁹.

Чаплин видел в большевиках не сторонников определенной политической доктрины, а прежде всего «изменников» России, которые, «использовав внутренние раздоры, отдали Родину на позор и разграбление германцев». Поэтому главной своей целью он считал участие в свержении большевистской власти, чтобы в дальнейшем восстановить Восточный фронт для продолжения войны с главным, заклятым врагом страны — Германией. Ясных представлений о политических целях Белого движения у Чаплина не было. Он не скрывал своих монархических симпатий, которыми, как и многие его соратники, он был обязан военному воспитанию и представлению о нерушимости данной присяги. Однако во главу угла он ставил патриотизм, а не монархические идеи. Его представления о будущем России выражались в абстрактной формуле: «Час пробьет, светлое будущее наступит и как встарь, в сердце Страны, в освобожденной Москве, свободный Русский Народ избереет себе достойное правительство»¹¹⁰.

Оказавшись в июне 1918 г. в Архангельске при финансовом содействии британской миссии и по подложному паспорту английского офицера, Чаплин в первую очередь попытался создать военную офицерскую организацию, способную осуществить переворот. Он установил контакт с группами офицеров, проникавшими на Север при помощи главы «Отдела пропусков в Архангельск и Мурманск» В.Ф. Бидо, который примкнул к заговору. В распоряжении заговорщиков был и прибывший в июле под видом личной охраны комиссара М.С. Кедрова Беломорский конно-горский отряд. Чаплин смог также наладить взаимодействие с представителями местных общественных кругов, в частности с Н.А. Старцевым, лидером архангельских кадетов и руководителем губернской организации подпольного «Национального центра»¹¹¹. В устройстве переворота содействовали также гласные городской думы, земцы и даже бывшие члены Архангельского совета.

Нельзя точно определить, чем именно Чаплин привлек на свою сторону местных противников большевиков и почему они уступили ему руководящую роль в организации переворота. С одной стороны, его антибольшевизм и представления об эпохальном конфликте между Россией и Германией, безусловно, были близки взглядам архангельских либеральных политиков и оборонцев из умеренно-социалистического лагеря. С другой стороны, региональные лидеры также, видимо, опа-

сались, что без профессиональной помощи офицеров переворот может потерпеть неудачу. В распоряжении же Чаплина были военная организация и связи с союзниками, при поддержке которых в Архангельске можно было быстро свергнуть власть большевиков, уже пошатнувшуюся в уездах губернии.

Организация Чаплина не была единственным претендентом на лидерство в архангельском перевороте. Вслед за капитаном в городе появились также представители подпольного Союза возрождения России, тайной антибольшевистской организации, созданной в Москве еще в апреле 1918 г. Являясь одним из череды многочисленных нелегальных комитетов, ставивших целью свержение большевиков, Союз возрождения объединял представителей широкого политического спектра, от левых кадетов до меньшевиков и эсеров. Основными программными принципами союза было непризнание Брестского мира и общая демократическая платформа, включавшая восстановление демократических институтов и новые выборы в Учредительное собрание (состоявшиеся выборы, проведенные под растущим давлением со стороны большевиков, признавались недействительными). Союз возрождения также рассчитывал на поддержку со стороны Антанты. При содействии союзных войск предполагалось свергнуть власть большевиков в ряде регионов страны, сформировать русскую армию и новое всероссийское правительство и в перспективе — восстановить Восточный фронт против Германии¹¹².

Хотя демократические лозунги Союза возрождения, как и сотрудничество в его рядах представителей либеральной и умеренно-социалистической общественности, были близки настроениям архангельской провинциальной элиты, союз не попытался создать в губернии своей организации. Вместо этого подпольная группа союза летом 1918 г. была образована в соседней Вологде, и именно там началась политическая подготовка будущего переворота. Созданию вологодского центра способствовало то, что один из ведущих членов Союза возрождения эсер С.С. Маслов, бывший председатель Вологодского губернского съезда крестьянских депутатов, имел хорошие связи с местными крестьянскими лидерами и кооперативными кругами. Он надеялся использовать это при подготовке восстания и добился того, что кооперативы, недовольные большевистским нажимом на деревню, стали тайно финансировать деятельность союза. Вологда выгодно отличалась и тем, что там с февраля по июль 1918 г. находились члены союзных дипломатических миссий. Они также субсидировали местное отделение Союза

возрождения и обещали направить союзный десант на поддержку восстания в Архангельске. Маслов и прибывшие из центра представители Союза возрождения Я.Т. Дедусенко, М.А. Лихач и В.И. Игнатьев были заняты подготовкой переворота и разработкой первых постановлений будущего Архангельского правительства, когда в июле в Вологде проездом оказался известный старый революционер Н.В. Чайковский. Намеченный Союзом в члены будущей Всероссийской директории, которая должна была организоваться в Сибири, он направлялся объездным путем за Урал, далеко огибая красный поволжский фронт против чехословаков¹¹³. Его случайное появление в Вологде оказало решающее влияние на дальнейшую судьбу и политическое лицо антибольшевистского движения на Севере, так как спустя несколько недель Чайковский возглавил белое правительство Северной области.

В свои 67 лет Н.В. Чайковский, по словам одной популярной брошюры того времени, был «живым памятником» русской революции¹¹⁴. Это был высокий крепкий старик с внушительной седой бородой и пронзительным взглядом глубоко посаженных серых глаз. Этапы его политической биографии отражали развитие революционного движения в России начиная с 1870-х гг. Примкнув в юности к народничеству, он позже симпатизировал анархистам, а с начала века состоял в партии эсеров. Позднее он занимал влиятельные позиции среди трудовиков, а после их слияния с народно-социалистической партией в 1917 г. вошел в Центральный комитет этой партии. За его плечами были также неоднократные аресты, многолетняя эмиграция, заключение в крепости и царский суд, закончившийся, однако, оправдательным приговором¹¹⁵.

Не раз переходя из одной партии в другую, Чайковский не отличался последовательностью политических взглядов. По мнению соратников, не был он и выдающимся мыслителем или оратором. Однако он неизменно производил на современников глубокое впечатление моральной возвышенностью своих целей и искренностью побуждений¹¹⁶. Уже в начале 1870-х гг. как один из организаторов народнического кружка «чайковцев» он отличался моральным ригоризмом и аскетизмом, собрав вокруг себя таких же возвышенных молодых людей, считавших своей нравственной обязанностью «помогать страждущему народу». Подчеркивая нравственную чистоту участников кружка, Чайковский называл его «рыцарским орденом». Моральные мотивы лежали и в основе его последовавшего разрыва с «чайковцами», которые наряду с самообразованием и самосовершенствованием со временем стали все более активно заниматься пропагандой среди рабочих и крестьян с

целью подтолкнуть революционный взрыв. Чайковский не поддерживал конспиративную революционную деятельность народников. Более того, он был убежден, что «хождение в народ» обречено на провал, так как у его соратников не было ни «психологического подхода к народной душе», ни глубокого понимания народа¹¹⁷.

Пережив внутренний кризис, Чайковский в середине 1874 г. попал под влияние «богочеловеческого» учения А.К. Маликова, в прошлом связанного с народническим иштутинским кружком. Чайковский глубоко увлекся «богочеловечеством», стремлением обнаружить божественное начало в самом человеке, напомиравшем «религию» Л.Н. Толстого и мечты о «человекобоге», вложенные Ф.М. Достоевским в уста Кириллова в романе «Бесы», и в связи с этим окончательно разошелся с «чайковцами». Вместе с Маликовым, семьей и группой единомышленников он летом 1875 г. оказался в Канзасе. Здесь он попытался основать земледельческую общину, члены которой кормились бы своим трудом и «очищали» души, культивируя любовь к человеку. Однако уже через два года большая часть участников, обнаружив свою неприспособленность к тяжелому физическому труду и коллективному быту, предпочла вернуться на родину. Сам же Чайковский после скитаний по Америке в 1879 г. перебрался в Европу и последующие четверть века провел в эмиграции в Лондоне¹¹⁸. Несмотря на неудачу общины «богочеловеков», Чайковский и позже не утратил веры в пользу человеческой взаимопомощи и коллективного труда. Характерно, что после возвращения в Россию в годы первой русской революции он увлекся крестьянской кооперацией, в частности организовав ознакомительную экскурсию сибирских маслоделов в Данию и Великобританию¹¹⁹. Отпечаток коллективизма и морального ригоризма носила и последующая деятельность Чайковского, в частности во главе Северного правительства в годы Гражданской войны.

Моральные принципы Чайковского и то высокое место, которое он отводил человеческой личности, неизбежно делали противоречивым его отношение к революции и революционному насилию, а позже, к мировой и Гражданской войнам. Необходимость революции он признавал, еще находясь в эмиграции в Америке, когда, несмотря на его ужас перед ростом революционного террора в России, он пришел к выводу, что только революция может исправить существовавшую экономическую, политическую и нравственную дисгармонию. Несколько позже он, хотя и с оговорками, поддержал революционный террор, вину за который возлагал на самодержавие, ежечасно совершавшее «насилие не только над отдельными личностями, но и над целой нацией»¹²⁰.

Начавшаяся Первая мировая война сделала в его глазах необходимым заключить перемирие с царским правительством во имя интересов страны. Чайковский сразу примкнул к оборонческому лагерю. Оправдывая справедливость войны со стороны России, он считал обязанностью русских социалистов защищать родину против Германии, которая стремилась к мировому господству и, по его мнению, представляла угрозу для развития всей европейской культуры. Поэтому он деятельно включился в работу общественных организаций, занимавшихся помощью фронту и населению разоренных врагом территорий. Поддержав Февральскую революцию, Чайковский в 1917 г. также считал главной задачей защитить государство от внешнего поражения и внутреннего распада. Необходимо было создать такую власть, которая могла бы, продолжая войну, установить в стране народовластие и довести ее до Учредительного собрания. Отсюда следовало его активное участие в разных органах народного представительства и структурах власти. Он являлся членом исполкома Петроградского совета, одним из организаторов I Всероссийского съезда крестьянских депутатов, участником Государственного и Демократического совещаний в августе и сентябре 1917 г., членом президиума Временного совета республики, или Предпарламента¹²¹.

С тревогой наблюдая за растущей анархией и признаками распада власти, Чайковский резко отрицательно воспринял большевистский переворот. Он был убежден, что «углублением революции Россия погублена и опозорена», что большевики, «креатура германцев», искусственно привили «микроб классовой ненависти... молодому национальному организму». Поэтому он считал необходимым всеми силами бороться против большевистской «болезни» за восстановление российской национальной государственности¹²². Именно это подтолкнуло его к работе в антибольшевистских организациях — Комитете спасения родины и революции, Комитете защиты Учредительного собрания и, наконец, Союзе возрождения России¹²³.

Когда Н.В. Чайковский появился проездом в Вологде летом 1918 г., его авторитет и общественная известность заставили местных членов Союза возрождения приложить все усилия, чтобы задержать его на Севере. С.С. Маслову, знавшему его по совместной работе в кооперации и в исполкоме съезда крестьянских депутатов, и Я.Т. Дедусенко, работавшему с ним в годы войны в Петроградском комитете Всероссийского союза городов, не составило большого труда убедить его временно остаться, чтобы помочь в формировании новой власти в Архангельске.

Как Чайковский не без некоторого самолюбования впоследствии рассказывал в письме дочерям: «Такое имя, как мое, известное всякому образованному и читающему человеку из прошлого, чрезвычайно важно для внушения доверия к новой формации... и для объединения частей разложившейся на куски страны»¹²⁴. Поэтому уже в середине июля Чайковский, даже на старости лет не утративший решительности и некоторого авантюризма, с перекрашенной в целях конспирации бородой появился в Архангельске. Туда же из Вологды перебрались другие члены Союза возрождения, чтобы заняться подготовкой предстоящего переворота. Вскоре с ними в контакт вошел Чаплин, и подготовка к выступлению стала вестись совместными силами¹²⁵.

При всей несхожести характеров, биографий и убеждений Чаплина и Чайковского, в середине 1918 г. их представления о задачах момента были достаточно близки. Они оба разделяли неприятие большевизма, веру в смертельную угрозу для России со стороны Германии и стремление восстановить при помощи союзников Восточный фронт. Объединяла их и вера в свое моральное превосходство над большевиками и в необходимость восстановить единое российское государство. Также Чаплину импонировало положение Чайковского как одного из руководителей Союза возрождения, способного выступить в роли связующего звена между Севером и другими антибольшевистскими правительствами, которые предполагалось создать при содействии членов Союза. Поэтому Чаплин сразу уступил Чайковскому формирование белого правительства, взяв на себя военную подготовку восстания. Авторитет Чайковского как поборника демократического местного самоуправления и руководителя крестьянской кооперации, так же как и его оборонческая и последовательно антибольшевистская позиция, привлекли к нему симпатии местной политической элиты. В результате Чайковский без какого-либо противодействия сразу выдвинулся на роль политического лидера Белого движения на Севере.

В конце июля заговорщики обсудили последние детали переворота с находившимися в Архангельске проездом союзными дипломатами. Восстание в городе должна была поддержать высадка союзного десанта. Хотя большевики уже не контролировали власть в уездах губернии, подпольщики боялись выступить без поддержки извне. Они опасались, что большевики попытаются удержать губернский город, перебросив дополнительные военные силы. Перед глазами у всех живо стоял пример неудачи недавнего Ярославского восстания, организован-

ного савинковским Союзом защиты родины и свободы, которое было утоплено в крови, так и не дождавшись предполагаемого подхода союзных сил¹²⁶.

Несмотря на то что заговорщики, как, впрочем, и архангельское большевистское руководство, полагали увидеть масштабный союзный десант, их ожидания оказались сильно преувеличенными. На деле большевики, в распоряжении которых находилось около 3000 штыков, обладали в губернском городе большими силами, чем подпольщики и участники союзной высадки, вместе взятые¹²⁷. Однако распад большевистской власти в губернии в связи с повсеместными восстаниями и растерянность перед лицом ожидаемого «империалистического нашествия» привели к тому, что переворот произошел быстро и почти бескровно.

Выступление в Архангельске началось в ночь на 2 августа 1918 г., когда поступило известие о подходе кораблей союзников к устью Северной Двины. Силы повстанцев насчитывали около 500—600 человек и включали офицеров, а также отряд крестьян, собранный эсерами из Союза возрождения в соседних с городом деревнях¹²⁸. Известие о приближении союзных судов вызвало панику среди большевистского руководства, начавшего спешную эвакуацию. Повстанцы не встретили почти никакого сопротивления. Они быстро овладели морским портом и судами, захватили административные здания, заняли центр Архангельска и пригороды — Исакогорку и Бакарицу. На их сторону перешли местные командующие Красной армией и флотом — полковник Н.Д. Потапов и контр-адмирал Н.Э. Викорст, которые содействовали еще большей дезорганизации большевистской обороны¹²⁹.

Успех восстания был в немалой степени обеспечен тем, что местная общественность содействовала восставшим, а население, в том числе рабочие и матросы, демонстрировало полное нежелание защищать город и даже препятствовало эвакуации большевистских учреждений. Типографские рабочие наотрез отказывались печатать последний номер «Архангельской правды» с призывом комитета РКП(б) оказать сопротивление врагу и требовали возвращения долгов по зарплате и выдачи жалованья за две недели вперед. Рабочие района Соллобалы снарядили пароход в погоню за отходящими вверх по Двине судами с руководителями большевистских учреждений¹³⁰. Большинство моряков флотилии, по словам одного большевика, «было пассивно и спешило улепетнуть»¹³¹. Вместо того чтобы оказывать сопротивление восставшим, моряки снарядили экспедицию вслед за отступавшим исполкомом, чтобы отобрать увезенную им архангельскую казну. Же-

лезнодорожники станции Исакогорка организовали отряд во главе с меньшевиком Лошмановым и занялись вылавливанием спрятавшихся большевистских руководителей. При этом местные жители оказывали им всяческое содействие. На улицах Архангельска представителей советской власти арестовывали члены добровольных квартальных комитетов, организованных еще весной 1918 г. председателем Архангельского окружного суда С.Н. Городецким для охраны порядка в районах города. Теперь, получив от организаторов переворота оружие и патроны, горожане поддержали восстание¹³².

В результате к вечеру 2 августа, когда полуторатысячный союзный десант прибыл в Архангельск, весь город уже был в руках восставших. Собравшееся на пристани население приветственно встречало союзников. Как позже вспоминал Городецкий: «Вечером 2-го августа часть прибывших... союзных войск, во главе с генералом Пулем, вступила в город. Набережная Северной Двины, главная улица города — Троицкий проспект были запружены народом, восторженно приветствовавшим союзные войска»¹³³. Ему вторил рыбопромышленник Епимах Могучий: «У всех вид на лицах был радостный, публика вся нарядилась в лучший свой наряд, это действительно был праздник»¹³⁴.

* * *

Хотя смена власти в Архангельске произошла при активном участии союзного десанта, антибольшевистских офицеров и политиков из Союза возрождения России, успех переворота был бы невозможен без широкого содействия восставшим со стороны жителей города и населения Архангельской губернии. Недовольство провинциальных элит большевистской политикой, изоляция большевиков от влиятельных в губернии эсеро-меньшевистских кругов, разочарование обычных жителей неисполненными обещаниями «мира и хлеба» обусловили то, что очень незначительной военной силы оказалось достаточно, чтобы обеспечить переход власти в городе и губернии к противникам большевиков. Провинциальная «контрреволюция», таким образом, стала во многих отношениях продолжением местной революции. Однако август 1918 г., сведя вместе правых офицеров и социалистов, региональных лидеров и всероссийских политиков, союзных военных и представителей патриотической русской общественности, не прочил антибольшевистским лидерам успешного будущего. Им предстояло сформировать устойчивое и авторитетное правительство, опираясь на политически

раздробленные общественные группы, выстроить взаимоотношения с союзным военным командованием и экспедиционными силами Антанты, выработать популярную политику и создать армию из населения, только недавно решительно отказавшегося от красной мобилизации. В последующих главах, исследующих политическую эволюцию белого кабинета, взаимоотношения белых и интервентов, политику Северного правительства и мотивы участия простого населения в Гражданской войне, сделана попытка оценить, насколько антибольшевистское руководство справилось с этими задачами и на чем основывалась его власть в последующие полтора года.

Глава 3

ПРАВИТЕЛЬСТВО СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

После 2 августа 1918 г. Гражданская война на Севере России из разрозненных стычек вооруженных отрядов превратилась в войну правительств, армий и фронтов. В этот день было образовано правительство Северной области. Несмотря на неоднократные политические перестановки, оно вплоть до февраля 1920 г. удерживало под контролем большую часть обширной Архангельской губернии, пытаясь распространить свою власть на соседние территории.

Конструкция власти на Севере многократно менялась. Вначале областью управлял преимущественно эсеровский кабинет, состоявший из депутатов Учредительного собрания и претендовавший на участие во всероссийской власти. В сентябре—октябре 1918 г. после попытки военного переворота его сменило коалиционное либерально-социалистическое правительство с участием видных представителей региональной общественности. Затем в начале 1919 г. отъезд главы кабинета Н.В. Чайковского и появление в Архангельске Е.К. Миллера, назначенного генерал-губернатором Северной области, привели к усилению военной власти.

Политические перестановки на Севере напоминали взлет и падение других антибольшевистских социалистических правительств, в частности в Поволжье и Сибири, а также восхождение к власти адмирала А.В. Колчака. Тем не менее развитие событий в белых провинциях во многом определяли местные условия. Даже известные линии конфликтов между социалистами и монархистами, военными и политиками оказались на Севере крайне запутанными, а реальность — смешанной и неоднозначной. Так, многие архангельские социалисты, будучи недовольны нарушением демократических свобод и протестуя против генеральской «диктатуры», в то же время в целом признавали необходимость сильной военной власти для организации эффективной борьбы против большевиков и косвенно способствовали возвышению Миллера. Также на Севере представители разных кругов провинциальной общественно-

сти вместе выступали против преобладания приезжих политиков и военных во властных органах Северной области, добиваясь большего влияния регионалистов на решение местных проблем. Кроме того, разные группы внутри антибольшевистской политической элиты — военные и гражданские, местные лидеры и приезжие политики, социалисты и монархисты — разделяли представления о ценности сильного национального государства, а также снисходительное отношение к простому населению. Видя, что жители Севера озабочены в первую очередь локальными нуждами и проблемой физического выживания, они упрекали их в «темноте», отсутствии патриотизма и непонимании государственных интересов. Поэтому во многих отношениях борьба вокруг Северного правительства не была борьбой приверженцев коллегиально-представительной и популярной власти против сторонников диктатуры. Скорее это были столкновения внутри узкого слоя политической элиты, боровшейся за то, кто успешнее сможет защитить интересы российской национальной государственности и победить большевизм.

В этой главе рассматривается, как изменялись состав и роль правительства Северной области под влиянием противоборства внутри антибольшевистской политической и военной элиты с лета 1918 до лета 1919 г. Она показывает, как наряду с многочисленными конфликтами в руководстве Северной области формировались часто неожиданные политические альянсы, которые держали вместе разнородную антибольшевистскую коалицию и обусловили сравнительную устойчивость белой власти на Севере.

ВЕРХОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

Днем 2 августа 1918 г. в Архангельске еще продолжалась редкая перестрелка, когда в здании губернских присутственных мест, в темноватом кабинете за длинным, покрытым зеленым сукном столом собрались прибывшие в город члены Союза возрождения России. Это были Н.В. Чайковский, С.С. Маслов, Я.Т. Дедусенко, М.А. Лихач, а также А.И. Гуковский, Г.А. Мартюшин и П.Ю. Зубов. После недолгого совещания они объявили об образовании нового правительства — Верховного управления Северной области¹. Кабинет, состав которого был объявлен на следующий день в расклеенных по городу листовках, возглавил Чайковский — наиболее известная политическая фигура среди оказавшихся в Архангельске представителей Союза. Он также получил

портфель управляющего иностранными делами. Маслов занял пост заместителя председателя и главы Военного отдела и Отдела земледелия, Дедусенко стал управляющим Отделами продовольствия, промышленности, торговли и путей сообщения, Лихач — Отделами труда и народного образования, Гуковский — Отделом юстиции, Мартюшин — Отделом финансов, а Зубов получил пост секретаря правительства и управляющего Отделами внутренних дел, почт и телеграфов².

Большинство членов Верховного управления по своему прежнему политическому опыту мало походили на министров. Помимо Чайковского, зрелостью лет и общественной известностью выделялся 53-летний публицист и адвокат Александр Исаевич Гуковский. Примкнув еще на студенческой скамье к революционному движению, он стал известен как автор хлестких журнальных статей и редактор народнических и эсеровских изданий. Гуковский провел значительную часть своей молодости в тюрьме и ссылке, но затем занялся адвокатской практикой и работой в Череповецком уездном земстве Новгородской губернии. Вероятно, он так бы и остался уездным земским деятелем и левым публицистом, если бы свержение монархии в 1917 г. не вывело его на политическую авансцену. Гуковский выдвинулся в число лидеров правого крыла эсеровской партии, возглавил Новгородское губернское земство, а затем был избран депутатом Учредительного собрания. Однако с приходом большевиков к власти его политическая карьера прервалась, а сам Гуковский оказался жертвой политических преследований. Пропустив из-за очередного ареста единственное заседание Учредительного собрания, он после освобождения активно выступил за восстановление конституанты и свержение большевиков. Сотрудничество в Союзе возрождения и привело его в Архангельск летом 1918 г.³

Шестью годами моложе Гуковского и неизмеримо ниже его по общественной значимости был секретарь правительства левый кадет П.Ю. Зубов. За его плечами было прошлое земского деятеля. Работая в вологодском городском и губернском самоуправлении, он к концу 1917 г. поднялся до должности заместителя городского головы. Он так же, как и Гуковский, не принял большевистский переворот и летом 1918 г. стал одним из организаторов вологодского отделения Союза возрождения, готовившего восстание в Архангельске⁴.

Остальными министрами Верховного управления были довольно молодые люди возрастом около тридцати лет, взлет политической карьеры которых, внезапный и короткий, пришелся на 1917 г. Они принадлежали к той когорте молодых левых политиков, которые выдвину-

лись в 1917 г. на руководящие позиции в советах и преобладали среди депутатов Учредительного собрания⁵. Управляющий Военным отделом тридцатилетний Сергей Семенович Маслов имел образование агронома и богатый опыт организатора крестьянской кооперации. Отбыв ссылку за участие в эсеровской партии, он затем служил в Вологодском обществе сельского хозяйства, сотрудничал в союзах потребительских, льноводческих и маслодельных кооперативов, печатал статьи в кооперативной прессе и в качестве инструктора по кооперации разъезжал по волостям, близко знакомясь с крестьянским бытом. Эта деятельность Маслова, пришедшаяся на время быстрого расцвета кооперации в период Первой мировой войны, выдвинула его после Февраля 1917 г. на роль представителя интересов крестьянства в революционных органах власти. Он выступил как один из организаторов Всероссийских съездов крестьянских депутатов и представлял Вологодскую губернию в Учредительном собрании. Приход большевиков к власти Маслов встретил в штыки в прямом смысле слова. В конце октября 1917 г. он был одним из лидеров военной комиссии Комитета спасения родины и революции во время антибольшевистского восстания юнкеров в Петрограде, а затем пытался организовать вооруженные отряды для защиты Учредительного собрания. Видимо, этот военно-организационный опыт позже обеспечил ему пост управляющего Военным отделом в составе Верховного управления. После разгона Учредительного собрания Маслов скрывался, переехал в Москву, вошел в Союз возрождения России и был направлен в Вологду, где использовал свои связи в кооперативных кругах для подготовки вооруженного восстания против большевиков⁶.

Двадцативосьмилетний управляющий Отделами продовольствия, промышленности, торговли и путей сообщения Яков Тимофеевич Дедусенко, как и Маслов, был заброшен на политические высоты революционной волной. Выходец из крестьян Донской области, он в студенческие годы примкнул к эсерам, был в ссылке, позже служил земским агрономом, сотрудничая в крестьянской кооперации и кооперативной печати, а в революционную весну содействовал организации Всероссийского совета крестьянских депутатов. Дедусенко был известен как специалист по продовольственным вопросам, служа в 1917 г. членом продовольственной комиссии Временного комитета Государственной Думы и товарищем председателя Петроградской продовольственной управы. Этот опыт позже принес ему портфель управляющего Отделом продовольствия в Верховном управлении. Дедусенко был избран в Учредительное собрание по эсеровскому списку, вместе с Мас-

ловым пытался организовать вооруженную защиту собрания, а после его роспуска также стал участником подпольных антибольшевистских организаций и вступил в Союз возрождения России⁷.

Карьера революционера и кооператора также была за плечами тридцатилетнего управляющего Отделами труда и народного образования Михаила Александровича Лихача. Сын витебского полицейского исправника, он не только с ранней юности был участником революционного движения, но и являлся организатором одной из боевых эсеровских дружин. Проведя несколько лет в тюрьме, ссылке и эмиграции, он накануне мировой войны поселился в Петербурге и занялся публицистикой. В 1915 г. Лихач, как и другие члены Верховного управления, увлекся крестьянской кооперацией и работал инструктором промысловых артелей. С весны 1916 г. он находился на фронте мировой войны, а уже спустя год стал председателем войскового комитета 12-й армии и позже от частей Северного фронта был избран в Учредительное собрание. В 1917 г. Лихач выдвинулся на руководящие позиции в эсеровской партии, выступая как представитель армии. На IV партийном съезде он был избран в ЦК и руководил его военным отделом. Вместе с Масловым и Дедусенко Лихач пытался организовать вооруженные отряды для защиты Учредительного собрания. Он также считался экспертом по вопросам труда и весной 1918 г. был одним из организаторов Собраний уполномоченных фабрик и заводов Петрограда, выступивших с протестом против большевистской рабочей политики. Летом же по заданию своего ЦК Лихач выехал в Архангельск для содействия перевороту⁸.

Прошлое эсера-боевика и кооператора с Лихачем разделял тридцатичетырехлетний глава Отдела финансов Григорий Алексеевич Мартюшин. Крестьянин из Казанской губернии, член партии эсеров и участник боевых дружин, он также пережил аресты и ссылку, но затем, выучившись на экономиста в Гейдельбергском университете, стал работать в Московском народном банке. В годы мировой войны Мартюшин занялся кооперативной работой и выступил соучредителем Центрального товарищества льноводов, в котором сотрудничал другой будущий член Верховного управления — С.С. Маслов. После падения монархии Мартюшин, как Маслов и Дедусенко, был организатором Всероссийского съезда крестьянских депутатов. А с приходом к власти большевиков и разгоном Учредительного собрания, депутатом которого от Казанской губернии он являлся, Мартюшин присоединился к другим эсерам-учредилловцам, летом 1918 г. конспиративно выехавшим на Север⁹.

Члены Верховного управления, большинство которых объединяли революционное прошлое, совместная работа в кооперации и Советах крестьянских депутатов и решительное отрицание большевизма, также зарекомендовали себя как последовательные оборонцы в мировой войне. Так, Чайковский и Дедусенко работали во Всероссийском союзе городов, занимаясь продовольственной помощью Северному фронту. Зубов служил в Вологодском губернском комитете по снабжению армии. Лихач, отправившись на фронт в 1916 г., по некоторым данным, как солдат-доброволец¹⁰, боевыми отличиями заслужил производство в прапорщики. В 1917 г. он как член войсковых комитетов пытался поднять боевой дух армии, а в марте 1918 г. в качестве делегата IV Всероссийского съезда советов настолько резко протестовал против заключения Брестского мира, что даже был лишен слова и изгнан с трибуны за нападки на Ленина и «оскорбление Советской власти»¹¹. В свою очередь, Гуковский речами и пером последовательно доказывал, что «защита своего отечества есть нечто... подразумевающееся само собой», что «социалистическое учение есть все-таки учение... государственное» и поэтому точка зрения, позволяющая «часть государства отдать иностранному вторжению... по недоразумению считает себя социалистической»¹².

Антибольшевизм, патриотизм и представления о необходимости оборонять российское государство от внутренних «предателей» и внешних врагов члены Верховного управления сделали лейтмотивом деятельности правительства. Свое первое обращение к гражданам Архангельска и губернии 2 августа 1918 г. они начали с нападок на большевиков «за предательство России в Бресте», а первыми двумя пунктами ответственной программы выставили воссоздание «единой всероссийской государственной власти» и оборону Северной области и страны «от дерзких посягательств на территорию ее и национальную независимость населения со стороны Германии... и других неприятельских стран»¹³.

Одновременно с борьбой за воссоединение страны, которая должна была вестись совместно с другими антибольшевистскими правительствами, организованными по инициативе Союза возрождения, Верховное управление декларировало необходимость возвратить послефевральские демократические институты и исполнить социальные обещания революции. Так, министры заявили о восстановлении демократических прав и свобод и «органов истинного народовластия: Учредительного собрания, земств и городских дум», а также назвали в ряду своих

главных целей обеспечение «прав трудящихся на землю», охрану «интересов труда» и, касаясь наиболее острой местной проблемы, устранение голода среди населения¹⁴.

Уже в первые недели существования Северной области в Архангельской губернии были восстановлены местные самоуправления, а затем начались перевыборы земств и городских дум, причем власти попытались сделать их максимально демократичными, всячески подерживая принцип всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Не заставили себя ждать и социальные инициативы правительства. Так, правительство одобрило основные положения революционного рабочего законодательства, в частности восьмичасовой рабочий день и широкое социальное страхование. Также во многом по настоянию самого Чайковского началась подготовка серии радикальных законов о землепользовании, в духе эсеровской земельной программы¹⁵. Иными словами, Верховное управление, провозгласив себя политическим наследником Всероссийского временного правительства, пыталось повернуть часы назад, к Февралю 1917 г., и продолжить его политику, выступая под знаменем борьбы с внешним врагом, демократических и социальных преобразований.

Члены Верховного управления рассчитывали на поддержку со стороны широких слоев населения. Они полагали, что их лозунги и политические инициативы не могут не быть популярными, о чем, казалось, свидетельствовали десятки телеграмм от местных рабочих и профсоюзных собраний, союзов солдат и моряков, общественных организаций и крестьянских органов самоуправления, которые в первые недели после переворота десятками приходили в адрес правительства, приветствуя свержение власти большевиков в губернии¹⁶. Однако политические позиции эсеровского кабинета не были особенно прочными. Так, одним из главных результатов деклараций Верховного управления, сыгравшим решающую роль в его позднейшей судьбе, стало резкое охлаждение отношений между социалистическими министрами и белыми офицерами в Северной области. Участвовавшие в перевороте офицеры были потрясены тем, что при их содействии у власти оказалось левое правительство, которое открыто выдвигало социалистические лозунги. Несмотря на то что впоследствии члены Верховного управления показали готовность временно поступиться некоторыми из заявленных принципов в целях укрепления «внутреннего фронта», и в частности согласились на введение военной цензуры, ограничение свободы слова, собраний и печати и даже аресты некоторых выборных

народных представителей, заподозренных в сочувствии большевикам, эти уступки не предотвратили растущего отчуждения между кабинетом и белыми офицерами. В свою очередь, архангельская региональная элита была крайне озабочена тем, что правительство состояло из приезжих политиков и не включало в себя представителей местной общест-венности. В результате, несмотря на патриотические лозунги и широкую демократическую программу, уже с первых дней своего существования Верховное управление оказалось в центре конфликтов, которые привели к скорому падению кабинета.

Среди политической и военной элиты Северной области главным яблоком раздора стал персональный состав, а также узкопартийность нового правительства. Действительно, Чайковский, провозглашая сотрудничество всех «государственных политических партий» в борьбе с большевиками и немцами¹⁷, на практике не учел важность правительственной коалиции и отдал почти все места в кабинете эсерам. Его мотивацией, вероятно, явилось то, что эсеры занимали ведущее положение в северном отделении Союза возрождения; видимо, более надежным ему казалось определить на ключевые посты в правительстве своих конфиденентов — прежних сотрудников главы кабинета по кооперативным и земгоровским кругам; и наконец то, что он стремился опереться на авторитет Учредительного собрания, где преобладали победившие на выборах эсеры. В итоге, за исключением самого Чайковского, находившегося с 1917 г. в партии народных социалистов, и левого кадеты Зубова, все министры оказались эсерами. Это тут же вызвало недовольство в местных либеральных кругах и особенно среди белых офицеров, многие из которых плохо разбирались в левых политических течениях и практически не видели различий между эсерами и большевиками.

Чайковский, недооценивший важность партийной коалиции, также не учел возможную критику состава кабинета со стороны региональной элиты¹⁸. Он рассчитывал, что правительство быстро распространит свою власть на соседние губернии Севера России, и поэтому не считал нужным раздавать влиятельные посты представителям архангельской общественности. Также, формируя правительство из членов Учредительного собрания, депутатами которого являлись все управляющие отделами, кроме Зубова¹⁹, он полагал, что никто, кроме большевиков, не способен открыто выступить против авторитета конституанты. Однако, как уже в первые дни работы кабинета показал конфликт вокруг лидера архангельских кадетов Н.А. Старцева, претендовавшего на ми-

нистерский портфель, провинциальную элиту мало заботили легалистские принципы. Зато она желала видеть среди членов Верховного управления местных представителей. Выпустив из своих рук руководство антибольшевистским переворотом, архангельские либеральные круги были недовольны составом правительства и уже в начале августа 1918 г. попытались повлиять на работу северного кабинета.

Николай Александрович Старцев, вероятно, лучше многих других подходил на роль делегата архангельской общественности в Верховном управлении. Уроженец Архангельска, он после окончания университета несколько лет занимал судебные должности в губернии, а потом занялся публицистикой и общественной деятельностью. К началу революции в свои сорок с небольшим лет Старцев находился на подъеме политической и общественной карьеры и по политическому опыту не уступал большинству членов Верховного управления. Он был одним из организаторов архангельского комитета кадетской партии, несколько лет работал издателем первой местной общественной газеты «Архангельск», являлся членом IV Государственной Думы, а после октября 1917 г. стал известен своей деятельностью на посту заместителя председателя Архангельской городской думы, защищая права городского самоуправления от нападков большевиков²⁰. Он активно участвовал в подготовке августовского переворота в Архангельске, так что даже военный руководитель восстания капитан Г.Е. Чаплин рекомендовал Чайковскому включить Старцева в состав кабинета как видного представителя местных кругов, превосходно разбиравшегося в обстановке²¹.

Однако кандидатура Старцева встретила резкое сопротивление со стороны Чайковского. Глава кабинета не считал возможным дать пост человеку, не связанному с Учредительным собранием или Союзом возрождения, ссылкой на авторитет которых Верховное управление обосновывало свое право на власть. Хотя Старцев в виде уступки Чаплину был введен в кабинет как министр без портфеля, уже 5 августа он получил пост губернского правительственного комиссара и выбыл из состава правительства²². Лишенный политического влияния и переведенный на административную должность, Старцев быстро превратился в непримиримого противника Верховного управления и стал участником военного заговора, целью которого было свержение эсеровского кабинета.

В конечном итоге среди членов правительства почти случайно оказался Алексей Алексеевич Иванов, эсер, кооператор, земский деятель и председатель Архангельского губернского совета крестьянских депу-

татов, избранный осенью 1917 г. в Учредительное собрание от Архангельской губернии. Однако, не входя в круги Союза возрождения, он был оставлен без портфеля и, как показывают протоколы заседаний правительства, влияния на работу кабинета не имел²³.

Нежелание членов Верховного управления дать влиятельные посты представителям местной политической элиты быстро настроило против них архангельскую общественность, особенно ее либеральное крыло, возмущенное засильем в кабинете приезжих социалистических министров. В региональной прессе стали появляться язвительные упреки в адрес правительства. Так, журнал «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» называл архангельское правительство «самочинным учреждением». Конечно, оно «состояло из членов Учредительного собрания, — отмечал журнал, — но ведь этих людей выбирали в депутаты парламента, а не в архангельские министры, и выбирало их не местное население»²⁴. По мнению региональных лидеров, управляющих отделами вовсе не интересовали местные проблемы. Члены правительства были озабочены исключительно борьбой за власть в стране, в то время как, по утверждению главы Общества изучения Русского Севера В.В. Шипчинского, «перед Русским Севером стоят и его собственные, присущие только ему задачи, требующие скорейшего разрешения»²⁵.

Политические разногласия отчасти усиливала личная враждебность к некоторым министрам Верховного управления, царившая в кругах региональной элиты. Многие местные политики, видимо, были готовы поддержать председательство Чайковского, имевшего всероссийскую известность и репутацию демократического лидера. Некоторую популярность в Архангельске вскоре смог приобрести и яркий публицист Гуковский, уже в конце 1918 г. неожиданно прибавивший к своим политическим регалиям пост архангельского городского головы, на который он был избран голосами социалистического блока городской думы. Но большинство молодых министров Верховного управления были встречены губернской политической элитой, прежде всего либеральными кругами, настороженно и даже враждебно.

Еще более, чем отчуждение провинциальной общественности, положение Верховного управления осложнило открытое противодействие со стороны капитана Чаплина и правых офицерских кругов. Для Чаплина, занявшего в начале августа 1918 г. пост командующего вооруженными силами Верховного управления²⁶, персональный состав правительства, и особенно его молодые министры с революционно-эсеров-

ским и даже террористическим прошлым, казался главным препятствием на пути успешной организации белой власти на Севере. Несмотря на то что сам тридцатидвухлетний капитан флота только в условиях революции смог превратиться в сухопутного командующего и даже оказаться во главе целой нарождающейся белой армии, его презрение к эсеровским парвеню в Верховном управлении не знало границ. Правда, Чаплин, уступивший еще в июле формирование новой власти Чайковскому, не сомневался в искренности и патриотизме лично главы кабинета, хотя и признавал, что, проведя большую часть жизни за границей, тот совершенно не разбирался в российской обстановке. Не подвергал он сомнению и профессионализм юриста Гуковского, который, по мнению Чаплина, был хорошо подготовлен к занимаемой им должности управляющего Отделом юстиции²⁷. Но молодость, отсутствие политического опыта и радикальное прошлое Маслова, Дедусенко и Лихача, задававших тон в работе кабинета, были тем, с чем Чаплин не мог и не хотел мириться.

Чаплин полагал, что Верховное управление является не «деловым» кабинетом, а «партийным» социалистическим правительством. Он смотрел на все шаги и заявления новой власти как на результат политики радикальных социалистов, которая, по его мнению, ранее уже привела к катастрофическим последствиям: развалу армии, военным унижениям России и приходу большевиков к власти²⁸. Чаплин, оправдывая впоследствии свой заговор против правительства, подчеркивал, что Верховное управление якобы «не столько стремилось к организации борьбы с большевизмом, сколько к лихорадочному закреплению “завоеваний революции” и проведению программы социалистов-революционеров». В его глазах, решения кабинета «нисколько не отличались по духу от декретов большевиков». Все попытки организовать антибольшевистскую борьбу на Севере были сведены на нет, по его мнению, деятельностью таких «типичных революционных подпольных деятелей, специалистов в области разрушения и разложения», как Лихач, Маслов и Дедусенко²⁹.

Особенно Чаплина и других белых офицеров на Севере раздражали попытки молодых министров вмешаться в управление армией. Лихача, в прошлом председателя выборного войскового комитета 12-й армии Северного фронта, офицеры считали участником развала старой армии «комитетным» способом. А управляющий Военным отделом правительства Маслов, появившийся в архангелогородских казармах перед белыми офицерами в сдвинутой на затылок шляпе, которая, по иро-

ничному утверждению подполковника Н.П. Зеленова, у того постоянно «переезжала с одного уха на другое», своими невоенными манерами и принадлежностью к партии эсеров напоминал офицерам других «блестящих воителей, как, например, Саша Керенский»³⁰.

Сходство с неудачной политикой прежнего Временного правительства, в глазах Чаплина и офицеров, усиливала кабинетная «говорильня». Вместо ожидавшихся решительных действий по организации армии и укреплению тыла архангельский кабинет, казалось, погряз в мелочных внутренних спорах, которые уже в первые недели несколько раз приводили правительство на грань раскола. Так, 22 августа 1918 г. Чайковский едва смог убедить не подавать в отставку управляющего Отделом юстиции Гуковского, который таким образом хотел протестовать против решения коллег ввести в будущей северной армии военно-полевые суды³¹. Хотя Гуковский при решении юридических вопросов уже раньше заработал себе репутацию «педанта и формалиста, сутяги и “крючка”, поднаторевшего в вопросах процедуры»³², его демарш не был исключением. Так, на заседаниях 27 и 28 августа уже Лихач категорически настаивал на своей отставке в знак несогласия с решением коллег не выдавать зарплату «техническим» служащим советских учреждений, недополученную ими от большевиков. Теперь уже Гуковский пытался урезонить Лихача. Он полагал излишним платить людям, причинявшим убытки стране, причем «именно за труд по причинению этих убытков»³³. Но Лихач, не найдя поддержки, упорно добивался своей отставки. Чтобы избежать раскола, Верховное управление создало комиссию для специального изучения вопроса.

Чайковский, известный моральным ригоризмом еще со времен своей народнической деятельности, допускал подобные длительные дискуссии в кабинете о моральности или аморальности военно-полевых судов и невыдачи зарплат техническим сотрудникам советов. Но эти моралистские принципы только мешали работе кабинета и оттеняли политическую неопытность его членов. Плохую услугу правительству оказали и коллективистские симпатии его главы. Так, даже быт членов Верховного управления был коммунальным — они жили вместе там же, где заседали, — в здании губернских присутственных мест³⁴. Это еще более отдаляло приезжих эсеров от окружающей действительности. Вместо попыток найти компромисс с региональной элитой и белыми офицерами Верховное управление строчило распоряжения и воззвания, пытаясь силой слова завоевать авторитет. Тем временем Чаплин и его штаб действовали все более независимо, уже не заботясь

о сохранении рабочих взаимоотношений с эсеровским правительством и даже в немалой мере провоцируя обострение конфликта.

Открытые столкновения между Чаплиным и Верховным управлением начались уже в первые дни августа 1918 г. Так, острый конфликт разгорелся по вопросу о красном флаге, в котором Верховное управление видело символ демократической революции и своей преемственности с политикой Временного правительства 1917 г. Чаплин и симпатизировавший ему командующий союзными войсками на Севере генерал Ф.К. Пуль полагали, что красный флаг связан с большевистским правлением. Поэтому они выступили против попыток рабочих поднять красный флаг над зданием Совета профсоюзов и оспорили решение правительства сделать сочетание трехцветного национального и красного флагов официальным флагом Северной области³⁵. После острой перепалки Верховное управление пошло на попятную. Однако оно стало еще более пристально следить за действиями военных, которых кабинет подозревал в «контрреволюции» и желании нарушить прерогативы правительства. Подтверждение не заставило себя ждать. Вскоре новые приказы Пуля и Чаплина, не заручившихся предварительно согласием кабинета, запретили всякие митинги и собрания в общественных местах и объявили о назначении военного губернатора Архангельска в лице французского полковника Донопа, наделив его широкими гражданскими полномочиями³⁶.

Хотя Чайковский впоследствии согласился с большинством из введенных военными ограничений, признав их необходимость для укрепления обороны, его и других министров не устраивал сам стиль действий русского и союзного командования, видимо, даже не принимавших в расчет существование Северного правительства. В конце августа правительство решило утвердить свою главенствующую роль в Северной области и дать отпор вмешательству военных в сферу гражданского управления. Направив несколько резких протестов Пулю и союзным дипломатическим миссиям, оно постановило официально подчинить себе Чаплина как командующего войсками, ограничить компетенцию его штаба исключительно оперативными и стратегическими вопросами и отстранить от должности русского коменданта Архангельска полковника М.М. Чарковского, взаимодействовавшего с союзным губернатором Донопом. Наконец, 3 сентября 1918 г. оно удалило от власти и Донопа, постановив заменить его русским гражданским генерал-губернатором. На эту должность был выдвинут ближайший соратник Чайковского Дедусенко³⁷.

Перспектива оказаться в непосредственном подчинении у молодого военного министра Маслова и нового генерал-губернатора Дедусенко, которых Чаплин открыто презирал, приблизила развязку. В офицерских кругах появились слухи о скором правительственном перевороте. Генерал Пуль, уже ранее ответивший на отставку Донопа угрозой арестовать Маслова, дал понять офицерам, что не будет вмешиваться в это «внутриполитическое» дело. Тем временем некоторые британские военные открыто симпатизировали идее переворота³⁸. Чаплин, вставший во главе заговора против Верховного управления, ожидал встретить сочувствие и в региональных либеральных кругах, так как губернский комиссар Старцев принял деятельное участие в его планах.

В итоге Чаплину удалось быстро и бескровно осуществить намеченный переворот. В ночь на 6 сентября 1918 г. при помощи офицерской роты он арестовал членов правительства прямо в их общежитии, погрузил на пароход и отправил в Соловецкий монастырь. На борту оказались Чайковский, Маслов, Лихач, Гуковский и Зубов. Мартюшин был задержан позднее и приведен в штаб Чаплина. Два члена правительства — Дедусенко и Иванов — успели скрыться. Наутро на параде, устроенном по случаю прибытия американского полка для пополнения союзного контингента, торжествующий Чаплин сообщил генералу Пулю и изумленным союзным послам, что правительства больше не существует³⁹.

Впоследствии многие современники и историки сравнивали чаплинское выступление с переворотом адмирала А.В. Колчака в Омске против Уфимской директории⁴⁰. Однако, в отличие от Колчака, Чаплин не смог закрепиться у власти. У него не было широкой поддержки вне офицерских кругов. Большинство представителей региональной элиты и союзные дипломаты настороженно отнеслись к перевороту. А рабочие и влиятельные на Севере социалистические круги решительно выступили против Чаплина в поддержку свергнутого правительства.

Переворот резко осудило социалистическое руководство кооперативов, профсоюзов и недавно воссозданных земств и городских управ, опасавшихся наступления «реакции». Масла в огонь подливали отсутствие ясных политических заявлений со стороны Чаплина и его приказы о подчинении всех гражданских сфер управления военной власти и запрете всех митингов и собраний⁴¹. Рабочие и левая общественность были взбудоражены слухом, пущенным Дедусенко и Ивановым в специально изданной прокламации, что офицеры готовят восстановление монархии и что для этой цели в Архангельске якобы специально скры-

вали великого князя Михаила Александровича, в действительности уже расстрелянного большевиками. В итоге уже вечером 6 сентября в Архангельске началась рабочая забастовка. Прекратили работу электрическая станция и типография. Остановились трамваи, которые потом почти сутки по улицам города водили американские солдаты, мобилизованные из рабочих районов Детройта. Под антимонархическими лозунгами эсеры даже организовали крестьянский отряд в соседних с Архангельском деревнях, который, по крайней мере по ведомости отпущенного для него кооперативами продовольствия, насчитывал до 300 бойцов⁴².

Не поддержали переворот и местные либералы, напуганные резкими действиями и заявлениями Чаплина. Если Старцев согласился стать помощником Чаплина «по гражданской части», то другой гласный городской думы, кадет А.П. Постников, назначенный помощником Старцева, решительно отказался от этого поста⁴³. И даже архангельский комитет кадетской партии, несмотря на участие Старцева в заговоре, отмежевался от причастности к перевороту и подтвердил приверженность партии «методам открытой борьбы»⁴⁴. В итоге Чаплину, утвердившему за собой пост командующего русской армией на Севере, не удалось создать при себе даже подобия гражданской администрации. Архангельская либеральная общественность, недовольная левым правительством, посаженным по инициативе Союза возрождения России, не была готова, по крайней мере в тот момент, принять другую крайность — правое военное управление во главе с не имевшим широкой известности капитаном.

В общем и целом, неудачи, которые постигли и социалистов, и правых военных, попытавшихся укрепиться у власти в Архангельске, казалось, подсказывали, что лучшим выходом из ситуации было бы создать согласительное коалиционное правительство. К этому же подталкивала и местная традиция взаимодействия среди разных кругов региональной общественности. Однако Чаплин и Чайковский не были готовы к примирению. В свою очередь, региональные активисты теперь, как и во время антибольшевистского переворота, не взялись за формирование нового кабинета и лишь ожидали, чем разрешится спор между военными и политиками из Союза возрождения и пригласят ли местных представителей наконец к участию в правительстве.

Антибольшевистское руководство Северной области оказалось в политическом тупике. Однако в этот момент в конфликт неожиданно вмешались члены союзных дипломатических миссий, которые уже

несколько недель находились в Архангельске, с тревогой наблюдая за развитием кризиса. Союзные посольства, представлявшие страны Антанты при имперском, а затем революционном правительствах в Петрограде, оказались на Севере по случайному стечению обстоятельств. Они покинули столицу уже в феврале 1918 г., опасаясь возможной оккупации города немецкими войсками. Проведя несколько месяцев в Вологде, они в июле переехали на занятый союзниками Мурман, а вскоре после высадки союзного десанта перебрались в Архангельск, рассчитывая представлять страны Антанты при новом всероссийском антибольшевистском правительстве. Среди глав союзных миссий политическим весом выделялись глава дипломатического корпуса престарелый посол США Дэвид Фрэнсис, в прошлом более десяти лет отслуживший американским министром внутренних дел, а также французский посол Жозеф Нуланс, бывший военный министр, а затем министр финансов Франции. Кроме них в Архангельске обосновались посол Италии маркиз Пьетро Томази делла Торрета, британский дипломатический представитель Фрэнсис Линдлей, в начале 1918 г. заменивший посла Джорджа Бьюкенена во главе британской миссии в России, а также представительства Сербии, Японии, Китая и Скандинавских стран⁴⁵. Правда, послы задержались в Архангельске ненадолго и в конце 1918 — начале 1919 г. один за другим покинули Северную область, оставив вместо себя поверенных в делах и консулов. Однако в течение нескольких месяцев провинциальный Архангельск, вместивший высшие союзные представительства, являлся дипломатической столицей России. Это решающим образом отразилось на развитии политического кризиса и на формировании нового северного кабинета.

Первоначально послы вполне симпатизировали Верховному управлению и его политической программе. Американский посол Фрэнсис называл правительство более всех других похожим на то, «которое... американцы хотели бы видеть утвержденным в России»⁴⁶. А британский посланник Линдлей в позднейшем отчете писал: «...[как союзникам] повезло... что мы имели дело с правительством, состоявшим в большинстве своем из членов Учредительного собрания, которых ничье воображение не могло бы причислить к реакционерам»⁴⁷. Однако очевидная политическая некомпетентность новых министров и видимый всем конфликт, разгоравшийся между правительством и главнокомандующим его «вооруженными силами», заставили послов поумерить их оптимизм. В их записках и дипломатических сообщениях

замелькали упреки в предрасположенности членов правительства к мелочным спорам и партийной «демагогии». Руководители миссий даже стали склоняться к тому, что кабинету не помешали бы некоторые политические перестановки, в частности удаление молодых министров Маслова, Дедусенко и Лихача, наименее приемлемых для офицеров⁴⁸. Однако насильственный чаплинский переворот и восхождение к власти командующего войсками, еще менее опытного в политическом отношении, показали послам совершенно неприемлемым способом разрешить конфликт. Выступление Чаплина не только поляризовало архангельскую общественность, но и скомпрометировало самих союзных представителей. Роль в случившемся командующего контингентом Антанты генерала Пуля, не предотвратившего переворот, представлялась довольно неясной. Дипломаты опасались, что население может заподозрить в содействии перевороту союзные державы, имевшие на Севере свои войска. Оказавшись в крайне неловком политическом положении и не видя иного выхода из кризиса, послы решили взять урегулирование конфликта на себя. На несколько дней они фактически стали временной властью в Северной области.

Уже в день переворота совещание послов под эгидой Фрэнсиса осудило произошедшее в специально выпущенном воззвании к населению, объявило об отстранении Чаплина и Старцева от власти и направило на Соловки британский корабль, чтобы вернуть в Архангельск членов правительства. В то же время с целью не допустить новых конфликтов послы предложили Чайковскому вывести из кабинета ненавистных офицерам управляющих отделами и пополнить правительство делегатами от местных общественных кругов⁴⁹.

Чайковский вначале был не намерен идти на уступки и по приезде в Архангельск заявил о возвращении правительства к исполнению обязанностей в полном составе⁵⁰. Но переворот слишком явно обнажил политическую беспомощность кабинета, обязанного своим возвращением кучке иностранных дипломатов. Опасаясь скомпрометировать будущую всероссийскую власть этой зависимостью от иностранцев, а также разочаровавшись в способности белых и союзных войск быстро распространить контроль на обширную территорию, что сделало бы необходимым существование полновластного правительства, Чайковский решил упразднить кабинет. Место Верховного управления, претендовавшего на участие во всероссийской власти под эгидой Учредительного собрания и Союза возрождения России, должна была занять временная региональная администрация.

12 сентября правительство объявило о предстоящей отставке. Верный тому принципу, что верховная власть должна опираться на авторитет конститутанты, Чайковский заявил о решении кабинета передать свои полномочия действовавшему в Самаре комитету членов Учредительного собрания. Для установления связи с ним из Архангельска выехали Маслов, Дедусенко и Лихач. В Северной области предполагалось создать временную, подчиненную Самаре администрацию в лице русского генерал-губернатора, на пост которого кабинет теперь назначил полковника Б.А. Дурова⁵¹. Но вскоре сведения о непрочном военном положении Самары заставили Чайковского отменить это решение и заняться формированием согласительного местного правительства при участии делегатов от самоуправлений и торгово-промышленных кругов. В итоге 27 сентября 1918 г. Верховное управление окончательно сложило свои полномочия. А 9 октября после переговоров с представителями провинциальной элиты был объявлен состав нового кабинета⁵².

Во главе Временного правительства Северной области, которое пришло на смену Верховному управлению, по-прежнему стоял Чайковский. Однако под его руководством находилось совершенно иное правительство. Из прежних министров остался лишь секретарь Зубов, зато важные позиции заняли представители местной либеральной общественности — С.Н. Городецкий, который получил в управление Отдел юстиции, и Н.В. Мефодиев, ставший управляющим Отделом торговли, промышленности и продовольствия. Во Временном правительстве оказался и генерал-губернатор Дуров, возглавив в нем отделы — военный, внутренних дел, путей сообщения, почт и телеграфов⁵³.

Появление в кабинете видных архангельских либералов лишило его состав прежнего радикализма и сделало более приемлемым для офицеров и правых и умеренных архангельских кругов. В то же время председательство Чайковского удержало за правительством симпатии социалистов, считавших, что оно будет следовать прежней программе широкой демократизации управления и социальных реформ⁵⁴. Переменами были довольны и союзные послы. Они полагали, что новые члены кабинета дадут правительству знание обстановки и «более практичный взгляд на вещи»⁵⁵.

Сочувствие разных кругов антибольшевистской политической элиты открывало перед Временным правительством Северной области большие возможности. Но далекоидущие последствия политического кризиса оставались неясными. В частности, было не понятно, какую роль станут играть местные интересы в политике кабинета, который

по-прежнему воспринимал себя прежде всего, как одно из звеньев все-российской борьбы против большевиков. Насколько значительным будет влияние генерал-губернатора, который получил широкие полномочия? И наконец, удастся ли правительству сохранить поддержку социалистических кругов Северной области? В последующие месяцы политическая борьба вокруг правительства и смена знаковых фигур в кабинете дали ответ на эти вопросы, расставив все по своим местам.

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

В своем обращении к населению в связи с образованием нового кабинета Чайковский подтвердил, что общие цели правительства остаются неизменными. Он заявил о «полном преобладании в крае общесоюзных задач и интересов над местными» и подчеркнул, что главный смысл существования Северной области состоит в том, чтобы «послужить исходным пунктом для освобождения России» от большевиков и немцев⁵⁶. Однако на протяжении последующего года региональные интересы занимали в политике Временного правительства Северной области заметное место, а сам кабинет стал в значительной степени рупором провинциальной элиты. Вошедшие в кабинет представители местной общественности попытались использовать полученное влияние, чтобы разрешить давние проблемы экономической и культурной отсталости Русского Севера. В то же время, войдя во власть, местная элита превратилась из критика Северного правительства в одну из его главных опор. В дальнейшем именно содействием со стороны региональных лидеров архангельский кабинет был во многом обязан своей устойчивостью.

Переформированию кабинета предшествовали консультации Чайковского с Архангельским торгово-промышленным союзом при содействии союзных послов. Однако новые члены Северного правительства, выдвинутые союзом, едва ли защищали интересы «крупной буржуазии»⁵⁷. Новые управляющие отделами, будучи местными уроженцами, в первую очередь представляли региональную либеральную интеллигенцию. Сергей Николаевич Городецкий, до весны 1918 г. возглавлявший Архангельский окружной суд, был известен как организатор архангельских квартальных комитетов, один из лидеров правого крыла городской думы, председатель местного союза интеллигенции и кан-

дидат в члены правления Архангельского общества изучения Русского Севера. Николай Владимирович Мефодиев, врач по образованию и, как и Городецкий, один из лидеров губернского комитета кадетской партии, представлял Архангельскую губернию в III Государственной Думе и в течение нескольких лет являлся издателем газеты «Архангельск»⁵⁸.

Городецкий и Мефодиев, разочарованные непрактичностью Верховного управления, видели свою задачу, с одной стороны, в том, чтобы укрепить власть правительства, содействовать возрождению на Севере «государственного уклада», а также более решительно взяться за борьбу с остатками большевизма в губернии. Так, Городецкий в роли управляющего Отделом юстиции занялся восстановлением независимого и профессионального суда, но также содействовал усилению репрессий против бывших сотрудников местных советов. В итоге одним из результатов вхождения Городецкого и Мефодиева в кабинет стало некоторое ужесточение внутреннего курса правительства. С другой стороны, с появлением новых министров Северное правительство занялось также решением особых местных проблем. Провинциальная элита, уже с начала века добивавшаяся от царского правительства экономических и политических уступок, теперь обрела ключевые рычаги власти, чтобы попытаться упрочить влияние местных сил на управление губернией и положить начало преодолению отсталости края. Особое значение имело то, что, получив под свой контроль Отделы торговли и промышленности, а с весны 1919 г. также и Отдел земледелия, когда председатель Архангельской городской думы М.М. Федоров вошел в кабинет в должности управляющего земледелием и народным образованием⁵⁹, представители региональной элиты смогли сосредоточить в своих руках управление экономикой края. Они использовали приобретенные позиции для продвижения программы экономических реформ.

Регионалисты в правительстве представляли не только местную либеральную общественность. Если Городецкий и Мефодиев были кадетами, то Федоров принадлежал к партии народных социалистов. В последующие месяцы в кабинете появились также меньшевик К.Г. Маймистов, а затем другие представители левых архангельских кругов. Кроме того, различные группы региональной элиты влияли на политику Северной области, участвуя в работе созданных при правительстве осенью 1918 г. консультативных комитетов и комиссий для обсуждения законов в сфере экономики и местного хозяйства. Это были, в частности, комитет снабжения, совещание по организации рыбных промыслов и финансово-экономический совет, представлявшие «организован-

ные группы общественного мнения»⁶⁰. Финансово-экономический совет, созданный при правительстве в начале октября 1918 г., являлся показательным примером возросшей роли региональных элит. Он состоял из 15 выборных членов, которые представляли различные организации — от земств, профсоюзов и кооперации до комитета частных банков, торгово-промышленного союза и Общества изучения Русского Севера. Заключение совета по многим вопросам (от мер по стабилизации финансовой системы до коллективных договоров с рабочими) ложились в основу решений Временного правительства⁶¹. Помимо этого, региональные круги оказывали влияние на политику кабинета, посылая ходатайства от различных организаций, и через сотрудников правительственных отделов и администрации, рекрутированных из местной интеллигенции.

В итоге новый кабинет Чайковского наряду с организацией борьбы против большевиков с осени 1918 г. неожиданно занялся разработкой постановлений, принятия которых многие годы добивались провинциальные активисты. Наиболее ярким примером был вопрос о развитии рыболовства. По инициативе совещания по рыбным промыслам кабинет начал широкую просветительную кампанию с целью улучшить методы рыболовства, выделив средства на публикацию популярных брошюр и издание специального журнала по вопросам сельского хозяйства и рыбных промыслов. Даже официальный «Вестник Временного правительства Северной области» рядом с правительственными постановлениями и объявлениями периодически публиковал статьи о том, как рационально организовать рыбное хозяйство, как лучше ловить и солить рыбу⁶². Были предприняты и более практические шаги. В частности, на мурманском берегу в 1919 г. возобновилось снабжение рыболовецких становищ продуктами, солью и наживкой и была восстановлена работа промыслового телеграфа, передававшего сведения о метеорологической обстановке и ходе рыбы⁶³.

Региональная общественность, всегда заявлявшая о необходимости разрабатывать ресурсы края русскими силами, добилась и того, что правительство обратило внимание на охрану северного хозяйства от иностранной конкуренции. В частности, кабинет попытался (хотя и безуспешно) добиться международного соглашения о расширении на Севере с 3 до 12 миль зоны территориальных вод, где запрещались иностранные промыслы. Он утвердил постановления по борьбе с незаконной ловлей рыбы иностранными судами вдоль северного побережья и обсуждал введение протекционистских барьеров в отношении

рыбного импорта. По поручению правительства разрабатывались планы усиленной колонизации прибрежных островов, в частности архипелага Новая Земля, чтобы закрыть туда доступ заграничным предпринимателям и колонистам⁶⁴.

Северное хозяйство было лишь одним из предметов внимания региональной элиты. Местные активисты полагали, что преодолеть отсталость края возможно, лишь повысив общий культурный уровень населения. Поэтому по инициативе региональной общественности, прежде всего архангельских учителей, осенью 1918 г. была учреждена автономия средней школы, стала расширяться сеть образовательных учреждений, вводилось профессиональное и практическое обучение, внешкольное образование для взрослых⁶⁵. Тем временем губернское земство озаботилось сохранением самобытной культуры края и памятников северной старины, занявшись разработкой проекта краевого музея⁶⁶.

Несмотря на усилившееся влияние региональной элиты на работу белого правительства, результаты реформ не были особенно впечатляющими. В условиях Гражданской войны большинство принятых постановлений остались простой декларацией о намерениях и не имели практических последствий. Например, улов рыбы в 1919 г. несколько улучшился по сравнению с предыдущим годом, но составлял только шестую часть довоенных уловов. А для борьбы с иностранным предпринимательством в прибрежной полосе моря северное правительство могло использовать лишь случайно проходившие мимо российские суда⁶⁷. Тем временем реформы образования тормозились из-за нехватки средств, а открытые на Севере новые школы закрывались из-за отсутствия учителей.

Тем не менее региональную элиту заботили не мгновенные результаты, а возможность влиять на политику правительства, претендовавшего на более значимую роль в масштабах страны. Местные активисты стремились привлечь внимание будущих правителей государства к нуждам края, а также перехватить инициативу у центральной бюрократии, которая в предшествовавшие годы разрабатывала собственные технократические схемы освоения окраин, не принимая в расчет местные знания и интересы⁶⁸. Также они желали в целом закрепить роль общественности в управлении новой Россией, которая должна была прийти на смену «комиссародержавию».

В то же время, получив представление в архангельском кабинете, региональная элита во многом утратила прежнюю оппозиционность. Уже раньше северное региональное движение было довольно

умеренным в своих политических требованиях. С началом же мировой войны провинциальные активисты и вовсе перестали критиковать «колониальную» политику центра по отношению к Северу, всемерно подержав власть перед лицом внешнего врага. В губернии при активном участии местной элиты действовали отделения Земгора, а провинциальные лидеры приложили все силы для поддержки военных усилий России. В частности, Мефодиев вернулся к своей профессии врача, отправившись на фронт с лазаретом Красного Креста⁶⁹.

В годы Гражданской войны, получив представительство в белом кабинете и не желая с возвращением большевиков утратить влияние на политику в крае, местные активисты и вовсе из критиков власти превратились в одну из опор белого режима. Они поддерживали его всякий раз, когда внутренние волнения или неудачи на фронте грозили опрокинуть белую власть на Севере, и были готовы идти на многие уступки белому руководству для укрепления антибольшевистского фронта. Симпатизируя идее сильной власти, они также сочувствовали усилению положения генерал-губернатора Северной области, видя в этом возможность консолидировать фронт и тыл на время Гражданской войны⁷⁰. В итоге, хотя кабинет стал более представительным и более тесно связанным с региональными элитами, это не помешало укреплению власти генерал-губернатора, который постепенно выдвинулся на ведущую роль в местной политике.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

Появление влиятельной фигуры генерал-губернатора Северной области стало одним из главных политических итогов правительственного кризиса осени 1918 г. Это не было результатом офицерского заговора против гражданских политиков. Напротив, правительство само нашло себе генерала, пытаясь таким образом справиться с офицерской фрондой, ограничить влияние союзного командования и содействовать эффективной мобилизации ограниченных экономических и людских ресурсов Архангельской губернии для борьбы против большевиков.

Пост русского генерал-губернатора, на который был выдвинут Дедусенко, появился на Севере в разгар конфликта Верховного управления с Чаплиным и союзным командующим Пулем в сентябре 1918 г. Социалистическое правительство изначально видело в генерал-губернаторе не военного диктатора, но властного администратора, наподобие

бие генерал-губернаторов в Российской империи или главноначальствующего Архангельском и водным районом Белого моря в годы мировой войны. Подчиняясь власти российского правительства, северный генерал-губернатор должен был сгладить противоречия между гражданским управлением и русской и союзной военной властью⁷¹. Однако генерал-губернаторство Дедусенко продолжалось недолго. Эсеровского политика игнорировало и союзное командование, и русские офицеры. Поэтому само Верховное управление вскоре заменило Дедусенко полковником Б.А. Дуровым, полагая, что он будет более приемлем для военных. Но в этом оно просчиталось.

Имя полковника Генерального штаба Бориса Андреевича Дурова, получившего производство в полковники лишь в годы мировой войны, не было широко известно в имперской или революционной России. Прибыв в Архангельск из Англии, он случайно оказался одним из старших офицеров на белом Севере. На роль генерал-губернатора его выдвинуло то обстоятельство, что, в отличие от большинства офицеров области, он симпатизировал Верховному управлению. Дуров сотрудничал с управляющим Военным отделом Масловым в качестве его первого помощника и открыто выступил против чаплинского переворота. Однако эти же обстоятельства оттолкнули от него многих белых офицеров. Среди них ходили слухи, что Дуров не только сочувствовал социалистам, но даже имел связи с большевиками, приехав на Север по визе от советского представителя в Лондоне М.М. Литвинова⁷².

Генерал-губернаторство Дурова оказалось окончательно скомпрометировано тем, что его помощником был назначен генерал С.Н. Самарин. Последний считался ближайшим соратником А.Ф. Керенского, которого он поддержал в августе 1917 г. в конфликте с генералом Корниловым. В связи с этим многие офицеры на Севере не подавали Самарину руки. В итоге полковник Дуров и Самарин не смогли сгладить конфликт между правительством и офицерами, которые поступали рядовыми в союзные славяно-британский и французский легионы, лишь бы не служить новой «керенщине»⁷³.

Дуров продержался на посту генерал-губернатора до начала ноября 1918 г., когда он и Самарин подали в отставку, не справившись с беспорядками в формируемом Архангелогородском полку⁷⁴. Впрочем, Временное правительство Северной области уже по крайней мере с октября занималось поисками более авторитетного кандидата на руководящий военный пост. На замене Дурова и Самарина настаивал также новый командующий союзными войсками на Севере британский

генерал Э. Айронсайд, сменивший в середине октября 1918 г. генерала Пуля⁷⁵. Поэтому уже в день отставки Дурова и Самарина Временное правительство направило за границу два приглашения. Одно из них адресовалось русскому послу в Риме для передачи представителю российской Ставки при итальянском главном командовании генералу Е.К. Миллеру, которого кабинет прочил на пост генерал-губернатора. Второе было направлено в Стокгольм генералу В.В. Марушевскому, которому предлагалась должность заместителя Миллера⁷⁶. На приглашения оба генерала ответили согласием. Приезд Миллера был намечен на начало января. А тем временем в середине ноября в Архангельск прибыл Владимир Владимирович Марушевский, хорошо известный в союзных военных кругах как командир 3-й особой русской бригады во Франции. До приезда старшего по чину Миллера он был назначен временным генерал-губернатором и командующим войсками и вошел в состав кабинета⁷⁷.

Марушевский деятельно взялся за реорганизацию штаба, установил в войсках строгую дисциплину и вернул погоны, чем привлек к себе симпатии белых офицеров, прежде уклонявшихся от службы в русских войсках на Севере и предпочитавших поступать в союзные легионы. Несмотря на то что Марушевский считал себя монархистом, его служба последним начальником Генерального штаба при Временном правительстве в 1917 г. снискала ему доверие в либеральных и даже социалистических кругах. И его приездом первоначально оказались довольны и правительство, и левые политики, и союзные послы⁷⁸. Американский консул в Архангельске телеграфировал в Вашингтон о приглашенных генералах: «Миллер имеет репутацию способного военачальника с либеральными идеями... Марушевский, видимо, пользуется всеобщим уважением. Имеет репутацию либерала и хорошего организатора»⁷⁹. Если приезд Марушевского обеспечил генерал-губернатору поддержку офицеров и положил начало быстрому формированию северной армии, то появление Миллера во многом определило дальнейшую политическую эволюцию белой власти на Севере. Высадившийся 13 января 1919 г. на архангельской пристани Миллер вскоре стал ключевой фигурой в управлении белым Севером, поэтому его взгляды и предшествующая карьера заслуживают более пристального внимания.

ГЕНЕРАЛ Е.К. МИЛЛЕР

Генерал-лейтенанту Генерального штаба Евгению Карловичу Миллеру к началу Гражданской войны едва перевалило за пятьдесят лет. Современники описывали его как человека чуть выше среднего роста с пышными светлыми усами и твердым взглядом голубых глаз⁸⁰. Он сделал блестящую военную карьеру, был хорошо образован и свободно владел французским и немецким языками. Выпускник Николаевского кавалерийского училища и Академии Генштаба, Миллер быстро поднялся по служебной лестнице и уже в 34 года был произведен в полковники. Значительную часть своей службы он провел за границей, являясь с 1898 г. на протяжении почти десяти лет последовательно русским военным агентом в Бельгии, Голландии и Италии. Вернувшись затем в Россию, он командовал гусарским полком, кавалерийской дивизией, был обер-квартирмейстером управления Генерального штаба и возглавлял Николаевское кавалерийское училище. Начавшаяся мировая война застала его на посту начальника штаба Московского военного округа. В годы войны Миллер, получив производство в генерал-лейтенанты, служил начальником штаба 5-й и 12-й армий, а накануне революции 1917 г. командовал 26-м армейским корпусом на Румынском фронте, ожидая скорого перевода на должность начальника штаба фронта⁸¹.

Революция в армии не только положила конец многообещающей карьере генерала, но едва не стоила Миллеру жизни. Он не был принципиальным противником революционных преобразований, но и в период революции считал необходимым поддерживать строгую дисциплину и субординацию в войсках. Исполняя приказ командования фронтом, 7 апреля 1917 г. он попытался убедить присланные из тыла пополнения снять с одежды красные банты и вынести из строя красный флаг. В ответ последовал бунт прибывших маршевых рот. Миллера, без шапки и погон, в изорванном пальто и с кровотокающей от ударов головой, солдаты с пинками и бранью гоняли по улицам заштатного румынского городка. Один раз, поскользнувшись и упав в весеннюю грязь, генерал ожидал неминуемой гибели, чувствуя над собой грязные солдатские сапоги. Поднятый чьими-то руками и оказавшись в итоге запертым на гауптвахте этапного коменданта, он четверо суток сидел под арестом, осыпaeмый руганью и угрозами со стороны солдат. Позже Миллер был конвоирован в Петроград, после произведенного расследования, не обнаружившего состава преступления, отчислен в запас, а в августе 1917 г. выехал за границу как представитель

русской Ставки при итальянском главном командовании⁸². Осенью 1918 г. он по-прежнему находился в Европе, где его и застало приглашение Чайковского прибыть в Северную область.

Арест Миллера революционными солдатами дал дополнительную почву рассказам о том, что генерал был противником революции, реакционером и «приятелем Николки». Даже член правительства Северной области народный социалист В.И. Игнатьев видел в нем «реакционера чистой марки» и отмечал, что это «типичный, лояльнейший, способный, придворный генерал»⁸³. Действительно, Миллер был некогда близок к царской семье, и прежде всего к Николаю II, с которым они были почти ровесники. Император лично знал Миллера еще с корнетского чина по совместной службе в лейб-гвардии гусарском полку⁸⁴. Злые языки даже связывали успешное продвижение Миллера по службе с высочайшей протекцией. Однако он был слишком известен своими качествами военачальника и хорошего администратора, чтобы это целиком соответствовало действительности. Хотя генерал никогда не кичился связями со двором и, по его категорическому заверению, ни разу не использовал их в личных целях, он всегда сохранял личную преданность императору. А после того как Николай II был расстрелян большевиками летом 1918 г., генерал глубоко чтит его память⁸⁵. В годы революции Миллер считал своим долгом защищать репутацию двора в глазах европейской общественности, всячески опровергая слухи о существовании немецкого «заговора» в высших российских кругах⁸⁶.

Хотя Миллер был связан со двором и лично лоялен императору, в центре его убеждений стоял вовсе не монархизм, а имперский патриотизм. Поэтому в годы революции, как и большинство высших российских военачальников, он стремился прежде всего защитить страну от внешнего врага и сохранить армию от развала. Он не был замешан в заговорах или выступлениях против Временного правительства и позже утверждал, что если бы «хотел заниматься контрреволюционной пропагандой», то у него «хватило бы мужества не принимать присяги»⁸⁷. Если это верно применительно к первым месяцам 1917 г., то с созданием коалиционного кабинета во главе с А.Ф. Керенским его отношение к правительству стало более критическим. Позже генерал будет возлагать на радикализм политики Керенского и умеренных социалистов существенную долю вины за развал армии и страны⁸⁸. Видимо, если бы не отъезд в Европу, Миллер мог оказаться на стороне Корнилова в его выступлении против правительства в конце августа 1917 г.

Несмотря на настороженное отношение к умеренным социалистам, после Октября 1917 г. главными врагами страны, в глазах Миллера, стали большевики. Генерал использовал все свои связи и влияние в европейских военных и политических кругах, чтобы убедить руководство Антанты, что большевики узурпировали власть при посредничестве Германии, что правили они, опираясь на преступников и деморализованную солдатскую толпу, что их власть была не только гибельна для России, но и угрожала Европе, и поэтому необходимо было оказать всяческую поддержку белым силам, выступившим против большевиков⁸⁹.

Горячий антибольшевизм Миллера сближал его с политиками из Союза возрождения России и северными региональными кругами. Однако в целом его политические взгляды были довольно противоречивы. Как почти все военные лидеры Белого движения, Миллер сочувствовал идее конституционной монархии. Но, не являясь догматиком, он полагал, что белые армии не должны выступать под монархическим флагом, и отмечал, что будущее страны должен определить сам русский народ⁹⁰. В то же время он глубоко не доверял способности народа самостоятельно решить свою судьбу. С одной стороны, он верил в глубинный крестьянский патриотизм и именно с «пробуждением» крестьянства связывал надежды на победу над большевиками⁹¹. С другой же стороны, опыт революции и то, что он сам едва избежал гибели от рук собственных солдат, обусловили его снисходительное и даже презрительное отношение к представителям этого народа. В отношении взбунтовавшихся солдат он впоследствии писал: «...у меня нет к ним ни чувства злобы, ни чувства мести; жалкий серый люд, который можно подбить на что угодно»⁹². Представление о том, что солдаты и крестьяне серы и неразумны и что их легко увлечь несбыточными идеями, оттолкнуло его от попыток бороться против большевиков политическими мерами. Рецепт Миллера был прост — при содействии армии распространить как можно быстрее белую власть на обширную территорию, чтобы силой пресечь влияние большевизма на население⁹³.

Настолько же непоследовательным было и отношение Миллера к возможным союзникам в борьбе против большевиков. С одной стороны, он стремился обеспечить белым армиям как можно более широкое содействие извне и обращался к странам Антанты с призывом о помощи. С другой стороны, обостренное чувство национальной гордости заставляло Миллера с подозрением относиться к присутствию союзных войск на русской территории. А его имперский патриотизм

не позволял ему заручиться поддержкой со стороны бывших национальных окраин в обмен на признание независимости и территориальные уступки⁹⁴.

Хотя Миллер не являлся гибким политиком, его опыт боевого командования, хорошие связи в союзных военных и дипломатических кругах и административные способности, которые признавали даже его недоброжелатели⁹⁵, выдвинули генерала на первый план в архангельской политике. Возвышению генерала в немалой мере способствовала и сама политическая среда внутри Северной области, где не имелось влиятельных политиков всероссийского масштаба и даже, за исключением Чайковского, вообще широко известных политических деятелей. Миллеру помогло и то, что не только архангельские военные, но и местные либералы и даже многие умеренные социалисты сочувствовали идее сильной власти, в особенности в период Гражданской войны. В результате уже с весны 1919 г. Миллер стал самой заметной политической фигурой в Северной области, а с лета получил почти неограниченную власть, сосредоточив в своих руках командование фронтом и управление тылом. Миллер играл ключевую роль в преодолении политических кризисов, действуя при помощи уговоров, а нередко также угроз и репрессий. Через него происходили контакты белых властей с союзным командованием и дипломатами. Именно Миллер гораздо более, чем Чайковский, являлся для современников и историков олицетворением антибольшевистского режима на Севере. То, как и почему военно-административная должность генерал-губернатора превратилась с приездом Миллера в важнейший механизм управления областью, составляет предмет последующего изложения.

МИЛЛЕР И СЕВЕРНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

15 января 1919 г., спустя два дня после своего появления в Архангельске, Миллер официально сменил Марушевского на посту генерал-губернатора Северной области и вошел в правительство, возглавив в нем отделы — военный, почт, телеграфов, путей сообщения и иностранных дел⁹⁶. Хотя он сосредоточил в своих руках множество полномочий, в первое время генерал предпочитал держаться в тени и никоим образом не противопоставлял себя правительству. Даже на заседаниях кабинета он редко брал на себя инициативу, поддерживая, как правило, мнение большинства. Однако несмотря на то, что Миллер не при-

лагал видимых усилий к тому, чтобы укрепить свою власть, вскоре руководящая политическая роль перетекла к нему сама собой. Это стало результатом стечения нескольких обстоятельств. Самым важным из них стал отъезд из Архангельска Чайковского, главы Временного правительства.

Чайковский начал планировать свою поездку в Европу еще до появления Миллера в Северной области. Покинуть Архангельск его побуждали несколько причин, хотя трудно сказать, что именно сыграло решающую роль. Уже с конца 1918 г. он получал телеграммы от русских политиков и дипломатических представителей за границей, настойчиво приглашавших его в Париж для участия в работе так называемого Русского политического совещания. Совещание должно было представлять антибольшевистскую Россию на Мирной конференции, созванной после окончания Первой мировой войны, а возможно, также стать пробразом единого российского правительства. По словам В.А. Маклакова, бывшего посла Всероссийского временного правительства 1917 г. во Франции, чтобы иметь влияние в России и за границей, совещание должно было включить в себя «уважаемых представителей всех политических партий, которые могли бы объединиться на патриотической почве»⁹⁷. Революционная репутация Чайковского, его роль в организации антибольшевистского движения и связи в заграничных общественных кругах должны были укрепить демократический облик и авторитет совещания⁹⁸.

Чайковский не мог не сочувствовать намерениям создать совещание, тем более что еще до своего появления на Севере он рассчитывал поучаствовать в создании центральной антибольшевистской власти. Оказавшись в Архангельске почти случайно, он уже в сентябре 1918 г. размышлял о поездке в Самару. Затем планировал поехать в Сибирь, узнав в начале октября 1918 г. о создании на Уфимском государственном совещании Всероссийской директории, в состав которой он был избран заочно и которую Северное правительство вскоре признало в качестве верховной власти⁹⁹. Однако информация о событиях в Поволжье и Сибири доходила на Север искаженной и с большим опозданием, нередко неделями блуждая по телеграфным линиям России, Америки и Европы. Неясность обстановки заставляла Чайковского откладывать свой отъезд до точного выяснения политического положения на востоке страны. В конце концов планы его поездки в Сибирь пришлось окончательно отменить из-за полученных в декабре сведений о перевороте адмирала А.В. Колчака, который 18 ноября отстранил Дирек-

торию от власти. Теперь с образованием в Париже представительного Русского политического совещания, казалось, центр российской политической жизни перемещался в Париж, где должна была решиться не только судьба послевоенного мира, но и, возможно, политическое будущее России. Чайковский, всегда считавший, что он может и должен сыграть более существенную роль в восстановлении страны и демократической власти, мог полагать необходимым для себя покинуть обреченный на второстепенную роль Архангельск ради «высокой» политики¹⁰⁰.

Помимо этого, к отъезду из Северной области его могли подтолкнуть и более глубокие личные мотивы. Несмотря на то что Чайковский сознательно встал во главе правительства в разгар Гражданской войны и согласился на введение на Севере военно-полевых судов и восстановление смертной казни, он, видимо, так до конца и не смог преодолеть противоречие между признанием необходимости насилия и почитанием человеческой личности. Характерно, что начальник штаба белых северных войск полковник В.А. Жилинский считал ключевым для решения Чайковского покинуть область следующий эпизод. 11 декабря 1918 г. Чайковский с глубоким волнением следил за подавлением мятежа недавно мобилизованных солдат 1-го Архангелогородского полка, каждые 10—15 минут справляясь о ходе событий в штабе командующего войсками. Когда же он узнал, что восставшие сдались, но Марушевский решил «довести дело до конца», а именно предать зачинщиков выступления военно-полевому суду и впоследствии расстрелу, он был подавлен. После долгого раздумья он как бы вынужденно согласился: «Да, надо довести дело до конца». Жилинский полагал, что Чайковский убедился «в этот день, что работа ему не по плечу»¹⁰¹. Необходимость нести в качестве главы правительства непосредственную ответственность за репрессии против обыкновенных людей оказалась, видимо, слишком тяжела для старого революционера, всю жизнь боровшегося против насилия со стороны власти.

Что бы ни сыграло главную роль в решении Чайковского покинуть область, но в начале 1919 г. жребий был брошен. Его отъезд в Париж был намечен на 23 января. Тем временем Чайковский принял меры с целью не допустить ослабления Северного правительства в период временного, как тогда предполагалось, отсутствия его главы. Чтобы не произошло чрезмерного усиления военной власти, полномочия Миллера как генерал-губернатора были ограничены решениями кабинета. Более того, его компетенция оказалась даже сужена по сравнению с предшественниками Миллера на этом посту. Так, командование рус-

скими войсками области пока сохранил за собой Марушевский, а Отдел внутренних дел был еще в декабре 1918 г. передан энесу, члену Союза возрождения В.И. Игнатьеву¹⁰².

Чтобы сохранить равновесие политических сил в правительстве, в январе 1919 г. в дополнение к Игнатьеву в кабинет в качестве управляющего делами вошел еще один социалист, местный уроженец меньшевик К.Г. Маймистов. Кроме того, Чайковский сохранил за собой номинальное председательство в правительстве, назначив себе временным заместителем левого кадета П.Ю. Зубова. Политика кабинета также должна была остаться неизменной, в связи с чем не было сделано никаких правительственных заявлений по случаю произошедших перестановок¹⁰³. Однако несмотря на то что высшая власть на Севере оставалась подчеркнута коллегиальной и гражданской, отъезд Чайковского не мог не повлиять на расстановку сил в руководстве краем.

Середина января 1919 г. стала ключевой вехой в политической истории Северной области. При всех усилиях ни один из представителей Союза возрождения или провинциальных общественных деятелей не мог заменить во главе правительства Чайковского, являвшегося в Архангельске единственной знаковой политической фигурой всероссийского масштаба. Поразительным образом белые кабинеты, стремившиеся сплотить в борьбе против большевиков всю российскую общественность, остро страдали от отсутствия авторитетных политиков. Большинство имперских министров были опорочены своими связями с непопулярным царским режимом и после падения самодержавия ушли в политическую отставку. Тем временем многие лидеры общественности «эпохи Февраля» были дискредитированы неудачной политикой Временного правительства. В годы Гражданской войны вакантную политическую нишу заполнили революционные руководители второго ранга и провинциальные политики, еще не успевшие в полной мере испытать свои политические силы или дискредитировать себя в глазах населения и общественных элит.

Несмотря на отсутствие в белых рядах многих опытных и известных политических деятелей, Павел Юльевич Зубов, возможно, менее других подходил на роль главы Северного кабинета. Вологодский помещик, он в юности обучался на агронома, но бросил, не закончив курса учебы. Долгие годы главным увлечением Зубова был театр. Он писал либретто опер и водевилей и даже сам играл на сцене провинциальных театров, впрочем, не достигнув на этом поприще заметных успехов. Его общественная деятельность началась на рубеже веков, ког-

да тридцатилетний Зубов занял должность земского участкового начальника в Вологодской губернии. Затем последовало членство в губернской земской управе, должность предводителя уездного дворянства, а в годы мировой войны — работа в Вологодском комитете по снабжению армии. Февральская революция 1917 г. сделала Зубова кадетом, а Октябрьская — искренним противником большевиков. Являясь в тот период гласным Вологодской городской думы и заместителем городского головы, Зубов принял участие в организации местного отделения Союза возрождения¹⁰⁴. Именно это обстоятельство обеспечило ему место в составе Верховного управления и Временного правительства Северной области.

На назначение Зубова заместителем Чайковского, помимо его связи с Союзом возрождения, видимо, повлияло и то, что он оказался одним из немногих северных политиков, приемлемых для различных партийных сил. О нем уважительно отзывались такие разные люди, как капитан Чаплин и генерал Марушевский, но также и прибывший на Север в 1919 г. эсер Б.Ф. Соколов, ставший одним из лидеров архангельской левой общественности. Искренний и мягкий Зубов, по определению Соколова «настоящий чеховский интеллигент», стремился сохранить единство разных течений в правительстве и обществе¹⁰⁵. Но даже сами члены правительства отмечали, что для руководящей роли в кабинете ему явно не хватало авторитета. Стремясь выйти из этого неудобного положения, Зубов неоднократно повторял, что он несколько не держится за власть и готов уступить свое место другим, если те смогут лучше справиться с делом¹⁰⁶. На фоне мягкого и неуверенного в себе Зубова Миллер не мог не выделяться решимостью и знанием дела. В условиях, когда революционеры, оппозиционеры и провинциальные чиновники заняли непривычные для них министерские посты, казалось, только генералы находились на своем месте и знали, что именно надо делать. Таким образом, в руки Миллера сама собой стала постепенно перетекать реальная власть.

В первое время Миллер показал себя талантливым администратором, который старался держаться в стороне от политических интриг. Хотя появился он «на архангельских улицах в генеральском пальто старого образца, в обожаемых уже погонах, — короче — с привычным... всем обликом настоящего генерала и начальника»¹⁰⁷, Миллер не поощрял агитации в пользу установления военной власти, которую начали вести в связи с его приездом правые и офицерские круги. Более того, Миллер смог наладить дружественные отношения с либералами и

некоторыми лидерами местных социалистических кругов. Вполне довольным сотрудничеством с ним первоначально оказался управляющий Отделом внутренних дел и губернский правительственный комиссар энес Игнатъев¹⁰⁸. Большевик Маймистов писал, что генерал-губернатор — «человек без предвзятостей и с европейскими навыками»¹⁰⁹. Лидер архангельских эсеров А.А. Иванов часто и подолгу беседовал с генералом, консультируя его по вопросам внутренней политики, и, по всей вероятности, искренне считал его «демократом и честным человеком»¹¹⁰. По свидетельству современников, из уст левых политиков звучали высказывания, что «судьба благоволила к Северной области, поставив ей такого “конституционного” по своей натуре генерала»¹¹¹. Хотя со временем усиление власти Миллера стало вызывать все большую критику в левых земских и профсоюзных кругах, они так до конца и не отошли от поддержки белого режима.

Таким образом, генеральская «диктатура» на Севере отнюдь не была обязана своим происхождением исключительно симпатиям белых офицеров и давлению справа. Напротив, как будет показано ниже, Миллер смог укрепить влияние во многом благодаря тому, что в решающие моменты, несмотря на все политические разногласия, его также поддерживали многие умеренные социалисты из городской думы, земства и общественных организаций. Поэтому если можно назвать новую властную конструкцию диктатурой, то это была диктатура по соглашению, так как именно поддержка со стороны широких общественных кругов обусловила относительную устойчивость белой власти на Севере на протяжении большей части 1919 г.

МИЛЛЕР И СЕВЕРНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ

Главным оплотом влияния умеренных социалистов, которые играли заметную роль в политике антибольшевистской Северной области на протяжении всего ее существования, было губернское земское собрание и Архангельская городская дума. Хотя социалисты также заседали в профсоюзном руководстве, ставшем яростным критиком власти Миллера, в годы Гражданской войны из-за упадка промышленности и сокращения числа рабочих профсоюзы утратили прежнее значение. Земства же и городские думы, став по инициативе Верховного управления единственными органами самоуправления в крае, занимали авторитетные позиции в местной политике и вообще имели на Севере большее влияние, чем на других белых территориях¹¹².

Умеренные социалисты обладали большинством голосов в губернском самоуправлении уже с лета 1917 г. Несмотря на проходившие с октября 1918 г. перевыборы, они сохранили здесь ведущие позиции. Например, хотя в Архангельской городской думе осенью 1918 г. численность социалистических гласных сократилась с 70 до 53%, все же решающий голос остался за ними. Как отмечали современники, если бы явка на выборы в рабочих окраинах была выше и если бы солдаты имели право голосовать, социалисты получили бы в думе еще больше голосов¹¹³. В губернском же земстве социалисты на протяжении всей Гражданской войны сохраняли безоговорочное большинство.

Земские и городские социалисты горячо приветствовали августовский переворот 1918 г. Архангельские меньшевистские лидеры поддерживали Верховное управление, призывавшее бороться вместе с союзниками против немцев и большевиков, даже вопреки тому, что меньшевистский ЦК решил отказаться от борьбы с большевиками перед лицом белой опасности и осудил союзную интервенцию. Вразрез с мнением собственного ЦК действовали и северные эсеры. Несмотря на отказ центральных органов партии от войны с большевиками в конце 1918 — начале 1919 г., они продолжали поддерживать вооруженную борьбу с большевизмом и оказывать содействие архангельскому правительству¹¹⁴.

Хотя северные социалисты не сомневались в необходимости борьбы с большевиками, их отношение к Северному правительству стало более критическим после расформирования Верховного управления и особенно после отъезда Чайковского и укрепления власти Миллера. Но считая себя, по крайней мере с начала 1919 г., находящимися в оппозиции правительству, они так никогда и не решились на открытый разрыв с белой властью. Это объяснялось несколькими причинами. Отчасти лояльность местных социалистов белому руководству была связана с тем, что на Севере земство оказалось почти полностью зависимо от правительства в финансовом отношении. В условиях упадка местного хозяйства городское и земское самоуправление не могло наладить сбора налогов, и его бюджет на 9/10 состоял из субсидий казны¹¹⁵. Но еще важнее были идейные причины. Земские социалисты разделяли национально-государственные лозунги белого руководства и его сомнения в достаточной политической и гражданской зрелости простого населения. Этому способствовала и сама популистская идеология социалистических лидеров, которая изначально во многих отношениях являлась элитарной, и разочарование поведением простого населения в 1917 г.,

когда народ не поддержал призывы умеренных социалистов. Эти обстоятельства еще более подталкивали социалистических лидеров Северной области к союзу с белой властью.

Так, 11 сентября 1918 г. на первом заседании Архангельского губернского земского собрания его председатель эсер П.В. Коптяков, приветствуя гласных, видел в них прежде всего воспитателей «несознательных» масс, которые так легко попали под влияние большевизма. Он подчеркивал, что «могучее народное движение, не введенное вовремя в берега законности... в состоянии произвести разрушения, гибельные для всего государственного организма». Поэтому гласные, «как представители широких слоев населения», должны «напрячь все силы к пробуждению национального чувства» среди масс¹¹⁶. Коптякову вторили другие губернские гласные, в частности представитель Печорского уезда Н.С. Смирнов, отметивший две основные задачи земства: поднятие производительности народного хозяйства и «воспитание сознательных граждан», на которых «зиждется и мощь государства»¹¹⁷. «Отсутствие какой-либо любви к родине и сознания своего гражданского долга [среди] населения, развращенного интернационалом», подчеркивали и делегаты уездных самоуправлений, где значительное представительство было у сельской интеллигенции¹¹⁸.

Таким образом, хотя социалисты из Архангельской городской думы и земств представляли себя выразителями интересов народных масс, их отношение к населению едва ли отличалось от взглядов белых политиков. Их высказывания явно перекликались с речами антибольшевистских руководителей, в частности Чайковского, упрекавшего народ в пренебрежении интересами русской государственности, и Миллера, усматривавшего корень разрушительной революции в «темноте» масс¹¹⁹. Разделяя с офицерами и членами белого правительства представления о ценности сильного национального государства и недоверие к простому населению, северные социалисты имели с белой властью намного больше общего, чем они порой сами были готовы признать. Поэтому их оппозиционность правительству даже в 1919 г. была достаточно ограниченной. Их критика власти развивалась по схеме — «шаг вперед, два шага назад». И в конечном итоге они возвращались к поддержке Северного правительства, на которое, в отличие от большевиков, они могли влиять и с которым можно было вести переговоры, надеясь на демократизацию политического курса.

Изначально несколько настороженное отношение к Миллеру со стороны северной левой общественности было связано во многом не

с генеральскими погонами или личностью их обладателя, а с обстоятельствами появления генерала в Северной области. К началу 1919 г. политический Архангельск уже несколько недель громко обсуждал пришедшие в конце ноября 1918 г. сведения о падении демократической Уфимской директории и установлении в Сибири власти верховного правителя Колчака¹²⁰. Правда, переворот в Омске не имел каких-либо непосредственных политических последствий для Северной области — Архангельск был отдален сотнями верст от сибирского белого фронта и на протяжении всей Гражданской войны жил преимущественно собственными проблемами. Однако символическое значение свергнутой Директории, выступавшей как объединитель антибольшевистских сил, было велико. Вопрос об отношении к омскому перевороту подразумевал более ключевой вопрос, а именно должны ли во главе белой борьбы стоять демократические коалиционные правительства или военная власть.

Даже Северное правительство при обсуждении вопроса о колчаковском перевороте неожиданно раскололось пополам. Если для Чайковского и Зубова переворот был «грубым насилием» над признанной властью, опиравшейся на авторитет Союза возрождения, то Марушевский, Мефодиев и Городецкий считали нужным прежде выяснить все его обстоятельства и последствия. Городецкий даже допускал, что «диктатура» Колчака могла привести к благоприятным результатам, так как «темный народ» скорее подчинится «сильной власти»¹²¹.

Трещина политического раскола прошла вниз от правительства через всю архангельскую общественность. Как свидетельствовал американский консул в Архангельске, сведения из Сибири вызвали «ощутимый рост активности в местных коммерческих и банковских кругах в поддержку реакции... монархическую агитацию среди офицеров русской армии... и усилившееся недовольство и радикальную агитацию в рабочей среде»¹²². Особенно резко против переворота протестовали северные социалисты. В тех условиях едва ли удивительно, что, прибыв в Архангельск, Миллер был встречен с подозрительностью в левых кругах¹²³. Кроме того, генерал сразу испортил отношения с меньшевистским руководством профсоюзов, подписав подготовленный еще Марушевским приказ о запрете рабочим уходить с рабочих мест или отказываться от сверхурочных работ, связанных с обороной области¹²⁴. Все это, наряду с последовавшим отъездом Чайковского за границу, внушало левым кругам подозрение, что на Севере правые силы также готовят установление «реакционного» генеральского режима.

Усилившемуся политическому размежеванию способствовали и слухи о легализации эсеров и меньшевиков в Советской России¹²⁵. Уступки оппозиционным партиям со стороны большевиков в конце 1918 — начале 1919 г. были вызваны тактическими соображениями и уже в апреле 1919 г. были аннулированы. Тем не менее сведения об участии меньшевиков и эсеров в выборах в советы и о возможности свободно выступать в прессе на большевистской территории произвели в Северной области некоторый эффект¹²⁶. В начале 1919 г. левые архангельские круги стали все более критически оценивать политическое положение на белой территории, противопоставляя его кажущейся политической либерализации в Советской России. Левая общественность пристально следила за действиями Северного правительства, периодически обрушиваясь на него с критикой за проведение реакционной политики и чрезмерную репрессивность.

В частности, предметом нападок социалистов на правительство стали аресты бывших сотрудников советов, проводимые агентами белой власти. Хотя аресты имели место уже с начала существования Северной области, именно видимое укрепление военной власти побудило левые круги открыто выступить против белого руководства. Непосредственным поводом для атаки на правительство послужила эпидемия тифа, рассадником которой стала архангельская губернская тюрьма. 20 февраля 1919 г. медико-санитарная комиссия Архангельской городской думы выступила на думском заседании с громким докладом. Отметив резкий рост в городе заболеваний тифом и цингой, члены комиссии указали, что больше половины случаев приходится на губернскую тюрьму. При этом они были сильнее всего раздражены тем, что военные власти не позволили им осмотреть тюрьму, чтобы выявить причины и масштабы эпидемии¹²⁷. Возмущенные думские делегаты возвели санитарный вопрос до уровня политической проблемы. Один за другим думцы-социалисты говорили, что вопрос об эпидемии нельзя рассматривать «вне связи с общеполитическими условиями», что «эпидемии заболеваний» предшествовала «эпидемия арестов» и что устранить «глубинные причины» эпидемии можно, только организовав управление областью на «началах широкой общественности», что означало приход к власти нового социалистического кабинета¹²⁸. Северные социалисты пытались несколько надавить на правительство, однако полная смена режима не входила в их планы. Уже последующие недели показали, насколько недалеко они были готовы идти в своей критике белой власти и насколько велика была их лояльность правительству перед лицом опасности возвращения большевиков.

В первой половине марта 1919 г. Северная область переживала тревожные дни. Вторая годовщина Февральской революции дала повод для выражения недовольства белой властью. В Мурманске и поселках вдоль железной дороги, где по-прежнему находились многочисленные железнодорожные и строительные рабочие, недополучившие заработную плату от казны и ведущие полуголодное существование, прошли демонстрации с красными флагами и революционными песнями. Звучали угрозы в адрес генерал-губернатора и призывы к свержению Северного правительства¹²⁹. Хотя организаторы демонстраций, в которых участвовало несколько сот человек, были арестованы, на Мурмане не прекращались слухи о готовящемся вооруженном восстании, очагом которого должны были стать казармы мобилизованных. Мурманские власти даже сочли необходимым на всякий случай окружить административные и военные учреждения колючей проволокой, снабдить запасами воды и продовольствия¹³⁰.

В Архангельске годовщина революции 12 марта была отмечена антиправительственными речами на утреннем собрании членов профсоюзов и социалистических партий в столовой судоремонтного завода «Труд». Вслед за меньшевиками Г.В. Успенским и С.М. Цейтлиным, обвинившими правительство в проведении реакционной политики, перед несколькими сотнями рабочих с резкой критикой белого режима выступил председатель губернского Совета профсоюзов меньшевик М.И. Бечин. Уже днями ранее под влиянием сведений о переговорах, которые вела с советским руководством уфимская делегация эсеров во главе с В.К. Вольским, он говорил на собрании союза металлистов об объединении всех социалистов в центре страны и призывал прекратить войну как «ненужную бойню». Теперь в своей речи по случаю годовщины Февраля он открыто выступил в поддержку советской власти, назвав ее «единственной и естественной защитницей интересов рабочего класса»¹³¹. Вечером 12 февраля Бечин, являвшийся, как и Успенский и Цейтлин, также делегатом городского самоуправления, продолжил атаку на власть на торжественном заседании городской думы. Он обвинил правительство в том, что оно держится только на штыках союзников, и призвал всех к борьбе с белой администрацией¹³².

Несмотря на недавний демарш думцев против правительства, призывы Бечина шли значительно дальше той умеренной критики режима, которую были готовы принять большинство северных социалистов. Председатель думы энес М.М. Федоров прерывал выступление Бечина два раза и в конце концов вовсе лишил его слова¹³³. Явно смущен-

ные резкостью прозвучавших выступлений, на следующем заседании, 14 марта, думцы сами занялись чисткой своих рядов. По инициативе либерального блока «национального возрождения» они вынесли вотум недоверия руководству думы за попустительство «преступной манифестации». Городской голова, городская управа и президиум думы, представлявшие социалистический блок, подали в отставку¹³⁴. Гласные, еще недавно упрекавшие правительство в «эпидемии арестов», не протестовали ни против произведенного властями ареста Бечина и других радикальных ораторов, ни против 15-летнего каторжного приговора, который был позже вынесен им военно-окружным судом¹³⁵. Теперь, когда выступления против правительства, казалось, поставили под угрозу само существование Северной области, архангельские социалисты с пониманием отнеслись к политическим репрессиям, которые весной 1919 г. приобрели самый широкий размах.

14 марта 1919 г. правительственный «Вестник» вышел с угрозой властей «решительно и твердо» пресекать всякие попытки оказать содействие большевикам¹³⁶. Вслед за этим по области прокатилась волна массовых арестов. Численность арестованных только правительственными следственными комиссиями, не считая арестов, производимых военными властями, в марте составила 351 человек и немногим уступала числу арестованных теми же комиссиями за всю вторую половину 1918 г.¹³⁷ Это были авторы антиправительственных речей, организаторы и участники уличных демонстраций. Помимо них во многом неожиданно для властей в тюрьме оказались члены небольшого подпольного большевистского комитета, на след которого белая юстиция вышла во время обыска в Совете профсоюзов. В результате большевистское подполье в Архангельске перестало существовать, большинство его участников были расстреляны¹³⁸. Также, чтобы уменьшить число недовольных, прежде всего в беспокойном Мурманском крае, командующий войсками генерал В.В. Марушевский организовал высылку за линию фронта «сторонников большевиков». Всего, по его сведениям, край покинуло таким образом до шести тысячи человек¹³⁹. Вероятно, значительную часть из них составляли находившиеся в крае со времен мировой войны строительные рабочие-контрактники, не сумевшие ранее вернуться на родину.

Левые политики на Севере не протестовали против новой волны репрессий. Наоборот, под градом обвинений в правой северной прессе, где социалисты фигурировали не иначе как «большевистские дельцы»¹⁴⁰, они пытались доказать свой патриотизм, антибольшевизм и лояльность

по отношению власти. Лидер архангельских эсеров А.А. Иванов на апрельской сессии губернского земского собрания, отмечая по-прежнему, что «спасение страны... в широком демократизме и в органах народоправства», призывал к соглашению с правительством и правыми группами, так как «только в атмосфере доверия и взаимного понимания может быстро воспрянуть Россия»¹⁴¹. Редакция социалистического ежедневника «Возрождение Севера» была готова признать необходимость укрепления военной власти на период Гражданской войны, не видя другого реального способа противостоять большевикам¹⁴². Наконец, северные социалисты настолько далеко отошли от своей прежней оппозиции военной «контрреволюции», что в мае 1919 г. даже поддержали признание Северным правительством верховной власти адмирала А.В. Колчака, переворот которого они еще недавно единодушно осуждали.

Признанию верховного правителя предшествовало сближение официального Архангельска с Омском, которое наметилось уже с января 1919 г. В правительственном «Вестнике» под специальной рубрикой «Сибирская жизнь» стали появляться сочувственные материалы о действиях и политике Колчака¹⁴³. К соглашению с Колчаком Архангельск подталкивало планировавшееся наступление северной армии на соединение с сибирскими войсками. Этого же добивались и бывшие российские послы, теперь представлявшие за границей белые правительства, и даже официальный глава Временного правительства Северной области Чайковский. Хотя он по-прежнему не поддерживал тактику организаторов омского переворота, Чайковский писал из Парижа, что условия войны требуют передачи всей полноты власти в руки главнокомандующего. Кроме того, в подчинении всех белых правительств Колчаку он видел единственный шанс добиться для них международного признания¹⁴⁴. В итоге 30 апреля 1919 г. Временное правительство Северной области официально признало колчаковское правительство всероссийской властью¹⁴⁵.

Хотя вскоре распоряжения северного кабинета стали издаваться от имени «Временного Всероссийского правительства», признание Колчака не изменило реального положения Северной области. Связь с Сибирским правительством по-прежнему оставалась нерегулярной, и до предполагаемого в будущем объединения белых территорий архангельская власть продолжала действовать самостоятельно. Однако соглашение выявило изменившиеся политические настроения на Севере России. Торжествовали не только правая и либеральная пресса¹⁴⁶, но

и Архангельская городская дума, которая в специальном послании в Омск выразила свою «патриотическую радость» в связи с началом объединения России¹⁴⁷. И даже рупор местных социалистов, газета «Возрождение Севера», приветствовала признание Колчака. Она была готова простить верховному правителю ноябрьский переворот, если омское правительство подтвердит своей работой, что «народ может его уважать, не только за военные успехи, но и за честное служение свободе»¹⁴⁸.

Таким образом, в результате весеннего кризиса 1919 г. многие умеренно-социалистические лидеры в Архангельске отказались от наметившейся оппозиции белой власти. В отличие от большинства социалистов, например, в Сибири и в эмиграции, которые в ответ на переворот Колчака отошли от поддержки белых правительств, на Севере подобного раскола в антибольшевистском движении так и не произошло. Напротив, после некоторых колебаний архангельские левые круги весной 1919 г. еще теснее сплотились вокруг белой власти. Они теперь признавали целесообразность политических репрессий, чтобы обеспечить безопасность области, а один из левых лидеров, правительственный комиссар Игнатъев, энес и руководитель местного отделения Союза возрождения России, сам санкционировал политические аресты¹⁴⁹. Хотя социалисты по-прежнему полагали, что руководство областью не может быть эффективным без поддержки со стороны левых политических сил, в целом не противились они и укреплению генеральской власти и лишь прилагали усилия, чтобы «облечь новую власть максимумом народного доверия»¹⁵⁰.

Лояльность северных социалистов белому правительству объяснялась как осознанием того, что большевиков можно победить лишь совместными действиями, так и тем, что у социалистов отсутствовала самостоятельная массовая опора. Открыто выступая как выразители интересов и воли населения, левые лидеры уже с 1917 г. все чаще упрекали жителей губернии в нежелании действовать, как они считали, в собственных интересах и интересах страны. В годы Гражданской войны социалисты по-прежнему полагали, что будущее — за демократическим правлением и выборным представительством населения. Однако, как горестно отмечал незадолго до падения Северной области председатель губернской земской управы эсер П.П. Скоморохов, население не прониклось идеей выборного земского представительства, и «трудно сказать, с чьей стороны было больше непонимания — со стороны населения или со стороны власти»¹⁵¹.

Видя, что обычные жители Севера озабочены в первую очередь, собственными материальными нуждами и проблемой физического выживания, они упрекали их в «темноте», непонимании демократических ценностей и национально-государственных интересов. В итоге социалистические лидеры все больше превращались из представителей населения в агентов правительства Северной области по мобилизации «несознательных» масс на борьбу с большевистской «анархией». Так, в момент острого политического кризиса в августе 1919 г., когда в связи с неудачами на фронте и предстоящим выводом из области союзных войск встал вопрос о дальнейшем существовании Северного фронта, Архангельская городская дума и представители самоуправления в Земско-городском совещании без колебаний выступили за дальнейшую оборону и в поддержку правительства. Земские и городские гласные с готовностью откликнулись на предложение кабинета укрепить власть, включив туда представителей самоуправления, так как в тех условиях главной задачей левой общественности, по словам лидера архангельских эсеров А.А. Иванова, было «вдохнуть» доверие в правительство и придать ему «наш авторитет и нашу силу»¹⁵².

Несмотря на критику работы кабинета, в момент кризиса северные социалисты сочли невозможным идти на открытый разрыв с властью. Опасаясь падения фронта после вывода союзных войск, они не только обратились к населению области с призывом бороться с большевиками под руководством «правительства обороны», но и сами выехали на места, чтобы подключиться к организации защиты области¹⁵³. Земские и городские служащие лично подавали населению патриотический пример, массово отправляясь добровольцами на фронт, что даже едва не подорвало деятельность Архангельской городской управы, когда в армию добровольно поступили, среди прочих, секретарь управы А.А. Суетин и заведующий отделами народного образования и призрения М.Ф. Макарьин¹⁵⁴.

Среди архангельской левой общественности только меньшевистское руководство профсоюзов выступило против участия социалистов в кабинете и организовало забастовку протеста в ответ на отказ властей объявить всеобщую политическую амнистию. Однако, совпав по времени с попыткой белого наступления на Северном фронте, забастовка вызвала резкое осуждение даже в социалистических кругах¹⁵⁵. Таким образом, несмотря на временами острую критику белой власти, большинство архангельских социалистических лидеров продолжали поддерживать ее до последних дней существования.

В целом борьба в руководстве Северной области и неоднократные правительственные перетасовки были неизбежным следствием политической неоднородности антибольшевистского движения. Однако, несмотря на конфликты между белыми офицерами и социалистами, политиками центра и региональной элитой, общее отрицание большевизма и стремление восстановить российскую государственность в большинстве случаев перевешивали взаимную неприязнь. В частности, эсеры и меньшевики, многие из которых уже в 1917 г. пришли к признанию превосходства государственных интересов над классовыми¹⁵⁶, в период Гражданской войны из тех же патриотических и национально-государственных соображений демонстрировали готовность поддерживать критикуемое ими «недемократическое» Северное правительство и даже генеральскую власть. В свою очередь, региональная либеральная элита, несмотря на упреки кабинета в нежелании учитывать местные нужды, со временем демонстрировала все большую готовность поступиться на период войны своими интересами, чтобы укрепить правительство и оградить Север от большевиков.

Сотрудничеству местной либеральной и социалистической общественности с режимом способствовало то, что на Севере не было бессудных расправ правых офицеров над социалистами, которые происходили, например, в Сибири¹⁵⁷. Кроме того, без сильной военной власти, казалось, было невозможно сохранить лояльность офицеров и обеспечить создание прочной армии. Единый фронт офицеров, либералов и умеренных социалистов против большевиков на Севере было проще организовать еще и потому, что в регионе существовала долгая традиция взаимодействия между разными политическими группами местной общественности, а также потому, что социальные конфликты никогда не были здесь особенно острыми.

Кроме того, к взаимодействию с правительством социалистические и либеральные круги подталкивало и осознание того, что «темное» население не готово откликнуться на призывы своих выборных представителей и отдать все силы воссозданию российской государственности. Поэтому, даже продолжая верить в ценность демократических идей, они все больше приходили к выводу, что для победы над большевизмом недостаточно прокламации или избирательного бюллетеня, но нужна сильная, хотя и не представительная военная власть, способная, если нужно, силой заставить население сражаться против большевиков.

Стремление разных групп белой политической элиты защитить интересы российской национальной государственности не только от-

даляло их от простых северян, но и настраивало против союзных политиков и военных, от помощи которых в значительной степени зависел ход борьбы на Северном фронте. Тому, как это отразилось на развитии союзной интервенции и судьбе Белого движения, посвящена следующая глава.

Глава 4

СОЮЗНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Участие интервентов Антанты в российской Гражданской войне нигде не было настолько активным, как на Северном фронте. Еще весной—летом 1918 г. именно возможность союзного вмешательства привлекла к Северу взгляды антибольшевистских политиков. Августовский переворот в Архангельске произошел при непосредственном содействии интервентов. Союзное командование и послы были участниками и арбитрами в политической борьбе, развернувшейся среди белого руководства. Кроме того, долгие месяцы устойчивость Северного фронта помогали обеспечивать британские, американские, французские, итальянские и сербские солдаты союзного экспедиционного корпуса¹. И даже повседневное существование Северной области было едва ли мыслимо без союзных поставок продовольствия для населения и вооружения для Белой армии, обходившихся странам Антанты в миллионы фунтов стерлингов².

Тем не менее едва ли можно считать интервенцию решающим фактором в Гражданской войне на Севере³. Успеху вмешательства препятствовала непоследовательность руководства Антанты. Планы версальского Верховного военного совета и британского генерального штаба, который руководил операциями на Севере, разительно расходились с действительностью. Оказавшись в России в последние месяцы мировой войны, участники и руководители интервенции не знали, чего они хотят: является ли их целью не допустить германского вторжения на Север или их конечной задачей должно быть свержение власти большевиков. В конце концов, именно против большевиков, а не немцев они фактически сражались в России. Позиция правительств Антанты в русском вопросе долгое время оставалась нечеткой, поэтому местные военные и дипломатические представители союзников в значительной мере сами определяли союзную политику, и в частности то, как именно будет развиваться интервенция на Севере. В свою очередь, солдаты союзного экспедиционного корпуса, не знавшие, почему и за что они

сражаются в России, со временем все более открыто выражали свое недовольство в связи с их участием в чужой гражданской войне. Поэтому, наряду с неясными целями кампании, быстрая деморализация союзных войск на Севере после окончания мировой войны также ослабила военное значение интервенции.

Со своей стороны, белое руководство тоже не смогло наладить гармоничные отношения с союзными дипломатами и командованием экспедиционного корпуса. Военные и политические лидеры Северной области, опираясь на военную и материальную поддержку Антанты, из национально-патриотических убеждений не могли спокойно смотреть на присутствие на российской земле не контролируемой ими иностранной армии. Поэтому, прося союзников о помощи, они одновременно пытались противодействовать их чрезмерному вмешательству в русские дела и тем самым еще более запутывали клубок конфликтов вокруг интервенции.

Эта глава рассматривает развитие союзной интервенции и ее роль в Гражданской войне на Севере. Она показывает, как противоречия между планами интервентов и местными условиями войны, между союзным командованием и солдатами экспедиционного корпуса и, наконец, между интервентами, белой политической и военной элитой и простыми северянами повлияли на провал союзного вмешательства в Гражданскую войну в Северной области.

ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ СОЮЗНИКОВ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Затерянный среди приполярных лесов и тундр отдаленный Северный фронт, пожалуй, был для штаба Антанты одним из самых экзотических фронтов Первой мировой войны. Следуя картам версальских стратегов, здесь, между топких болот, лесов и озер, должен был проходить правый фланг нового союзного Восточного фронта. Ближайшими противниками Антанты на Севере России считались немцы и сотрудничавшие с ними финны. Союзное командование опасалось, что они могут перерезать стратегически важную Мурманскую железную дорогу, создать на Русском Севере свои военные базы и захватить союзные военные грузы, складированные в северных портах⁴. Помешать этому было первейшей задачей отрядов Антанты, которые в первой половине 1918 г. появились на Мурмане и высадились в Архангельске 2 августа, в день антибольшевистского переворота.

Генерал-майору британской армии Фредерику Клинтону Пулю, командовавшему союзными войсками на Севере России, было не привыкать к необычным военным операциям. В свои 49 лет он уже 29 лет находился в рядах армии. И как едва ли не любой британский военный его ранга и возраста, он почти всю свою службу провел в колониях⁵. Однако представшая перед ним картина, вероятно, менее чем когда-либо ранее соответствовала штабным инструкциям. Союзные военные грузы, складированные в Архангельске, были уже большей частью вывезены большевиками в глубь России. Угроза масштабного немецко-финского вторжения со стороны Финляндии также представлялась маловероятной, так как из-за нового наступления союзников на Западном фронте Финляндию в конце лета начали покидать немецкие войска. Тем временем, поддержав создание просоюзнического Северного правительства, отряды Антанты оказались фактически в состоянии войны с большевиками.

Самого генерала Пуля едва ли смущало то, что вместо немцев и финнов его солдаты сражались с русскими солдатами-красноармейцами. Он был убежден, что за спиной большевистского правительства стояла Германия и что, воюя с частями Красной армии, он поддерживал усилия западных союзников в их борьбе против Центральных держав. Показательным было что даже усилившееся сопротивление красных войск и точность большевистского огня он ошибочно связывал с присутствием немецких инструкторов на позициях противника⁶. О том, что большевики держатся, прежде всего, при помощи Германии, говорили и приходившие в Архангельск указания британского военного министерства. В частности, поступившая 10 августа 1918 г. директива предписывала Пулю содействовать лояльным союзникам к белым русским силам в воссоздании страны и армии, чтобы они смогли самостоятельно сопротивляться немецкому вторжению. Информационный листок, распространенный командованием среди солдат экспедиционного корпуса, еще более открыто подчеркивал антибольшевистские цели кампании, называя «преступников»-большевиков врагами союзников, наряду с немцами⁷. В результате союзные отряды все глубже вклинивались в красный центр России, становясь новыми участниками полыхавшей в стране Гражданской войны.

В первые недели боев генерал Пуль строил обширные планы кампании. Невысоко цена боеспособность красных частей, он рассчитывал подняться к 20 сентября вверх по Северной Двине до города Котласа, чтобы зимой продвинуться вдоль железной дороги от Котласа до

Вятки и обеспечить скорое соединение с восставшими чехословацкими войсками на востоке страны. В этом он видел начало воссоздания будущего Восточного фронта против Германии⁸.

Следуя приказам, небольшие союзные отряды при содействии белых добровольцев вначале быстро продвигались вперед и часто без боя занимали деревню за деревней⁹. Все более расширявшиеся масштабы союзной кампании на Севере требовали пополнений. В конце лета — начале осени набережные Мурманска и Архангельска регулярно принимали суда с новыми союзными контингентами. Самым крупным из них были прибывшие в сентябре более 5700 американских солдат и офицеров 339-го пехотного полка. А перед прекращением летней навигации 1918 г. численность союзного контингента, достигнув своего максимума, составила на Архангельском фронте 13 182 человека, а на Мурманском — 10 334 человек¹⁰.

Тем не менее эти силы не соответствовали чрезвычайно растянутой линии фронта на Севере России, которую союзным отрядам приходилось удерживать без помощи белой русской армии, находившейся на первых этапах формирования. Не отвечали задачам активной кампании и невысокие боевые качества союзных войск. Большинство британских и французских солдат на Севере прежде воевали на Западном фронте. Лишь недавно оправившись от полученных ранений, многих из них по физическим данным считались пригодными только для гарнизонной службы¹¹. В то же время американские новобранцы были наспех обучены и вовсе не имели боевого опыта. При этом специальный меморандум американского президента В. Вильсона предписывал использовать их исключительно для охраны союзных складов и содействия русскому населению в организации самообороны¹². Впрочем, воспользовавшись неопределенностью указаний из союзных столиц и согласием американского посла в России Д. Фрэнсиса, Пуль немедленно отправил американцев на фронт¹³. В то время как позиция правительств Антанты в отношении России по-прежнему была неясной, союзные военные и дипломаты теперь, как и в 1917-м и начале 1918 г., решающим образом влияли на союзную политику на местах, и в частности на развитие интервенции¹⁴.

Впрочем, вопреки решительности Пуля, многие союзные солдаты оказались не готовы к непривычным условиям войны и отсутствию ясного противника. Вскоре после высадки на Севере в солдатских письмах и дневниках замелькали жалобы на суровую погоду, отсутствие самых необходимых припасов и ужасающие бытовые условия. В на-

ступление приходилось идти под осенним проливным дождем, передвигаясь по колено в грязи, а умерших и убитых хоронить в наскоро сколоченных гробах в залитых водой могилах¹⁵. Смерть сразу стала частой гостьей среди союзных войск, которые еще по пути в Россию оказались охвачены эпидемией испанской инфлюэнцы¹⁶. Но еще страшнее представлялась судьба погибших от рук большевиков. Из уст в уста переходили истории об изуродованных трупах союзных солдат, попавших в руки красных войск. Кроме того, солдаты опасались местного населения в непривычных для них условиях гражданской войны. Понимая, что они не могут отличить лояльного русского от большевика, солдаты с подозрением относились к северным крестьянам, пытаясь угадать среди них большевистских шпионов или сторонников¹⁷.

Хотя подобные опасения никак не влияли на военные планы генерала Пуля, задержка с прибытием крупных пополнений все же заставила его несколько затормозить наступление. Кроме того, быстрому продвижению вперед мешали отсутствие точных карт местности, нехватка транспорта для перевозки военного снабжения и войск, а также северное бездорожье¹⁸. В начале же октября приближение зимы, которое обещало еще более затруднить наступательные операции, заставило Пуля и вовсе отложить продвижение к Котласу до весны.

Вскоре последовала смена командования войсками Антанты на Севере, после чего более осторожные действия стали частью новой тактики союзников. Из-за протеста американского правительства против вмешательства Пуля во внутреннюю политику Северной области и его действий, противоречивших меморандуму президента, он был отозван на родину¹⁹. Генерал Уильям Эдмунд Айронсайд, сменивший 14 октября 1918 г. Пуля во главе союзных войск, привез с собой новые инструкции британского генерального штаба, которые предписывали ограничить военные операции обороной и содействием подготовке русских вооруженных сил²⁰. Айронсайд, только недавно командовавший бригадой на Западном фронте мировой войны, лично также был склонен к более осторожным действиям. Он считал необходимым предварительно закрепить имевшиеся позиции, усилить численность войск за счет местных мобилизаций и согласовать планы кампании с наступлением белых сибирских войск. В итоге союзные отряды, занявшие к концу осени 1918 г. главные уездные центры губернии, включая второй по величине после Архангельска город Шенкурск, окопались в снегу, выстроили блокгаузы и остались пережидать долгую северную зиму, страдая от вшей, нехватки папирос и однообразного питания из сухарей и привозных консервов²¹.

В то время как Айронсайд занимался укреплением рубежей для затяжной зимней кампании, изменившаяся международная обстановка поставила под вопрос само продолжение интервенции. 11 ноября 1918 г. заключенное на Западном фронте Компьенское перемирие положило конец мировой войне. Поражение Германии окончательно лишило интервенцию в России ее первоначальной и главной цели и вызвало новые политические колебания в союзных столицах. Означает ли конец мировой войны также окончание союзной интервенции или в Россию должны быть направлены новые войска Антанты? Каковы новые цели союзной политики в России? Ответов на эти вопросы не знали тогда ни главы союзных держав, ни командование экспедиционным корпусом на Севере, ни солдаты.

В первые недели после перемирия с Германией в союзных кабинетах царил растерянность. Правительства Антанты не могли объявить большевиков главными врагами союзников и направить в Россию новые союзные контингенты для массовой атаки против Советского правительства. Этому мешала демобилизация армий, отсутствие денег в казне и ширящееся возмущение против интервенции среди общественности стран-союзниц, в особенности в рабочих кругах²². Не могли они и провозгласить кампанию в России законченной и вывести войска с российской территории, так как многие лидеры Антанты разделяли мнение об опасности большевизма. Кроме того, им казалось морально неприемлемым бросить просоюзнические правительства на произвол судьбы, как только они перестали быть полезны²³. Вывод войска с Севера России был и практически неосуществим до возобновления навигации по Белому морю в конце весны 1919 г. Поэтому в первое время союзная политика в русском вопросе продолжала оставаться неопределенной, решение было отложено до открывавшейся в Париже в январе 1919 г. мирной конференции.

Тем временем военное положение союзников на Севере становилось все более опасным. После Компьенского перемирия и зимней остановки регулярного сообщения с Архангельском, отрезанным льдами от внешнего мира, союзники перестали присылать на Север новые войска. Белая армия по-прежнему практически не существовала, так как первые русские части только заканчивали обучение. Однако противостоявший им красный фронт быстро укреплялся. Уже в ноябре красная 6-я армия, несшая оборону на Архангельском участке, усилилась до 10 549 штыков и продолжала расти. Оборону Мурманского участка нес правый фланг формирующейся 7-й армии²⁴. Усиление крас-

ных частей наглядно проявилось в феврале 1919 г., когда они отбили у союзных и белых войск город Шенкурск²⁵.

Еще бóльшую проблему для союзного командования представляла быстрая деморализация среди союзных экспедиционных сил. Союзные солдаты и офицеры верили, что окончание войны на Западном фронте положит конец кампании в России. Вера эта была настолько велика, что, когда в середине ноября 1918 г. на Север пришли сведения о перемирии с Германией, за красный фронт был направлен союзный аэроплан. Он разбрасывал листовки с сообщением, что немцы вышли из борьбы, и с призывами сложить оружие. Участники интервенции, видимо, искренне полагали, что большевики держатся у власти только за счет немецкой поддержки и что поражение Германии заставит их прекратить сопротивление²⁶. Когда же красные атаки только усилились, союзные войска перестали понимать, за что и против кого они воюют в России²⁷.

Зимой 1919 г. в союзных частях на Севере России участились беспорядки и отказы участвовать в боевых действиях²⁸. В феврале 1919 г. на Мурманском фронте рота французских лыжников отказалась вернуться на боевые позиции. На Архангельском фронте деморализация во французских частях привела к тому, что к концу марта они были большей частью отозваны с боевых позиций и арестованы или направлены на тыловые работы²⁹. В конце февраля отказались воевать солдаты батальона британского Йоркширского полка³⁰. В марте с протестом против возвращения на боевые позиции выступила рота американского 339-го полка. Даже боеспособные части составляли петиции, протестуя против продолжения борьбы после выхода немцев из войны³¹. Хотя командованию пока удавалось восстанавливать дисциплину, оно уже не считало возможным продолжать обширную кампанию имеющимися силами³². Тем временем американский дипломатический представитель телеграфировал в Вашингтон, что войска вообще возможно держать в России не дольше июня, иначе может произойти бунт³³.

Сообщения о случаях неповиновения среди союзных войск в России усилили политическое давление на лидеров Антанты. Еще в январе 1919 г., встретившись на Парижской мирной конференции, главы союзных государств попытались найти компромисс, чтобы выпутаться из российской Гражданской войны и сохранить при этом лицо. По инициативе британского премьера Д. Ллойд Джорджа и американского президента В. Вильсона всем противоборствующим правительствам в России было направлено приглашение сесть за стол переговоров при посредничестве союзников на Конференции на Принцевых островах.

Однако эта попытка завершилась ничем из-за дружного отказа белых правительств вести переговоры с большевиками³⁴.

Провал переговоров, восстания в союзных частях и усилившиеся протесты против интервенции среди западных политиков и общественных кругов³⁵ вынудили правительства Антанты наконец выступить с определенными заявлениями. В феврале 1919 г. американское руководство объявило о скорейшем выводе из Северной области своих войск, а 4 марта британский военный кабинет постановил вывести до осени и английские контингенты. Летом область должны были покинуть также войска других стран. Для прикрытия эвакуации в Архангельск направлялись отряды английских добровольцев. Одновременно было объявлено о предстоящем выводе союзных войск с других российских территорий, в частности с Юга России, из Сибири и Закавказья³⁶.

Февральско-мартовские заявления союзных лидеров были важнейшим рубежом, после которого завершение интервенции стало лишь вопросом времени. Вместе с тем весной 1919 г. интервенция в России была еще далека от завершения. Союзники продолжили и отчасти усилили материальное снабжение «дружественных» русских правительств. Даже непосредственное участие союзных войск в Гражданской войне, в частности в Северной области, продолжалось еще более полугодя. Так, в апреле 1919 г. одновременно с выводом американских войск по просьбе британского генерального штаба на Севере появились два вспомогательных американских железнодорожных отряда общей численностью 720 человек для поддержания работы Мурманской железной дороги, а также дополнительные морские силы США, в частности крейсер и несколько меньших судов³⁷. Стараниями нового британского военного министра Уинстона Черчилля на Север в конце мая — начале июня были присланы две английские бригады по 4 тыс. человек каждая, набранные большей частью из добровольцев из числа демобилизованных солдат Западного фронта. Хотя официальной целью новых британских контингентов было прикрывать эвакуацию союзных частей, в военном меморандуме, направленном генералу Айронсайду, говорилось о возможности использовать их в наступательных целях, если таким образом успех эвакуации будет обеспечен «наиболее эффективным способом»³⁸.

Таким образом, несмотря на заявления лидеров Антанты о прекращении интервенции, Северное правительство по-прежнему получало существенную военную и материальную помощь со стороны союзников. Белые могли попытаться использовать эту поддержку, чтобы вес-

ной—летом 1919 г. сокрушить большевистский фронт. Однако союзная помощь не смогла решающим образом повлиять на развитие событий на Севере. Причины этого состояли не только в недостаточной численности союзных сил и политических колебаниях союзных политиков, но и в значительной мере — в противоречивом отношении к интервенции со стороны белой политической и военной элиты.

СОЮЗНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И БЕЛЫЕ ПОЛИТИКИ

Союзная интервенция была для белых политиков и военных одновременно и большой удачей, и непомерным политическим грузом. Еще весной 1918 г. многие противники большевиков, казалось, ничего не ждали с таким нетерпением, как вмешательства союзников в разгоравшуюся в России Гражданскую войну. Именно с союзной помощью они связывали возможность создать политические центры белой борьбы и сформировать антибольшевистские армии, обученные под прикрытием надежного кордона дружественных войск³⁹. Но уже в первые недели после появления союзных контингентов на Севере России в белом лагере стало расти широкое недовольство союзным присутствием, которое разделяли и белые военные, и не всегда ладившие между собой политики социалистического, либерального и правого крыла.

Неприязнь к интервентам имела идеологические корни, которые уходили в период Первой мировой войны и революций 1917 г. Мировая война, вызвав широкий всплеск патриотических настроений, оказала мощное воздействие на российскую политическую и общественную элиту. После начала боевых действий не только либеральные политики, для которых уже до войны были характерны национализм и поклонение российской государственности, но и многие социалисты сочли необходимым встать на защиту общенациональных интересов и российского государства в его смертельной схватке с врагом⁴⁰. Они деятельно включились в работу многочисленных общественных и полугосударственных организаций, содействовавших мобилизации военных усилий России⁴¹. В Архангельской губернии не только властные структуры, но и образованная общественность и органы городского самоуправления активно поддержали мобилизацию общества на войну. В частности, они организовали работу архангельского отделения Земгора и Архангельского торгово-промышленного комитета, широко поддерживали благотворительность⁴².

Если Первая мировая война заставила многих общественных деятелей отказаться от оппозиции царскому режиму и встать на защиту интересов российского государства, то революции 1917 г. окончательно превратили не только либералов, но и значительную часть социалистов в государственников⁴³. С одной стороны, революции освободили общественных деятелей от нелегкого морального груза, связанного с поддержкой в национальной войне непопулярного царского режима. С другой стороны, последовавший развал всей государственной ткани и видимое безразличие значительной части населения к судьбе страны убедили политическую элиту в том, что выживание нации и страны неразрывно связано с восстановлением сильной государственной власти. В результате к началу Гражданской войны не только белые военные, но и антибольшевистские общественные круги исповедовали национализм и этатизм и видели свою цель в защите национальных интересов России и воссоздании сильного независимого государства. Это сделало их чрезвычайно чувствительными к вмешательству внешней, хотя бы и дружественной силы в российскую национально-патриотическую борьбу против большевиков, представлявшихся ставленниками немцев. Именно опасения, что в результате интервенции будущая Россия окажется слабым, зависимым от союзников государством, в значительной мере подпитывали недовольство союзным вмешательством. Это недовольство в ходе Гражданской войны все шире распространялось среди архангельских правительственных и общественных кругов и в формировавшейся русской армии.

Недовольство интервенцией редко выражалось публично. Напротив, официальные заявления белого правительства, которыми с первого дня интервенции пестрели архангельские заборы и передовицы газет, утверждали о единстве целей и действий белой России и союзников. Так же как и союзные прокламации на Севере, они говорили о совместной борьбе против Германии, о невмешательстве союзников в русские дела и связи интервенции с прежними обязательствами союзников перед Россией⁴⁴. Прибытие союзных контингентов на Север сопровождалось торжественными встречами и парадами. А заключение перемирия на Западном фронте мировой войны праздновалось в Архангельске так, как будто белое правительство было непосредственно причастно к этой победе и как будто естественным следующим шагом должна была стать ликвидация большевизма в России. В течение нескольких недель в городе шли торжественные молебны, военные парады, детские шествия, выступления оркестров, бесплатные киносеансы, танцевальные

вечера, собрания и банкеты общественных и политических организаций, где выражалась уверенность, что союзники не сложат оружие, пока в России существует большевистская власть — это «побочное осложнение, порожденное войной»⁴⁵.

Когда на Север проникали сведения, что интервенция может быть прекращена, официальный Архангельск делал все возможное, чтобы добиться продолжения союзной поддержки. Так, после полученного в январе 1919 г. приглашения Антанты прислать делегатов области на Принцевы острова для переговоров с другими российскими правительствами, северные власти и общественность выступили с призывами продолжить интервенцию и с хором заверений, что ни один «разумный и честный русский гражданин» не согласился бы вести переговоры с «изменниками Родине» — большевиками⁴⁶.

Также, когда в марте 1919 г. Русское политическое совещание в Париже⁴⁷ сообщило, что для продолжения интервенции было бы хорошо подчеркнуть демократический характер белой власти и провести выборы в какой-нибудь представительный орган, правительство немедленно объявило о созыве областного Земско-городского совещания из представителей местного самоуправления⁴⁸. Впрочем, когда давление из-за границы несколько ослабло, открытие совещания было отложено. Чтобы не допустить соглашения союзников с большевиками, власти Северной области пересылали за границу радикальные высказывания советских лидеров и фотографировали на занятых территориях изуродованные останки жертв красного террора как доказательства преступности большевистского режима⁴⁹.

Однако если официальный Архангельск добивался продолжения и усиления интервенции, то в правительственных кулуарах и среди северных военных и общественности уже с момента союзной высадки зрело острое недовольство вмешательством Антанты в российскую Гражданскую войну.

Сформированное в Архангельске в день антибольшевистского переворота Верховное управление Северной области, которому не удалось ни добиться от союзников официального признания, ни даже склонить союзное командование к заключению договора о взаимных обязательствах и полномочиях⁵⁰, опасалось оказаться марионеткой в руках интервентов. Оно ревностно следило за действиями союзников и остро реагировало на все приказы, хотя бы отчасти затрагивавшие сферу гражданского управления. Так, когда в августе 1918 г. британский командующий Ф.К. Пуль объявил в Архангельске комендантский час,

ввел запрет на созыв митингов и собраний без разрешения военных властей и назначил союзного военного губернатора Архангельска, Верховное управление выступило с жестким осуждением этих мер, принятых в обход русского правительства⁵¹.

Попытки Пуля настоять на военной целесообразности своих приказов и его явное сочувствие Чаплину, интриговавшему против Северного правительства, натолкнулись на ультиматум Чайковского. Престарелый глава кабинета грозил, что, если союзные власти по-прежнему будут игнорировать полномочия кабинета, «остается один исход — оставить Архангельск... и сделать попытку опереться на население в другом месте, на Урале, в Сибири и там попытаться создать общегосударственную власть»⁵². Одновременно правительство направило ноту союзным дипломатическим представителям в Архангельске, говоря об установлении в крае иностранной «оккупации», от которой необходимо ограждать «права русского государства» и «свободы русского народа»⁵³. В результате резких заявлений белых властей их отношения с союзными военными и дипломатами на Севере сразу оказались натянутыми. Северное правительство с нервной подозрительностью следило за всеми действиями союзников. А представители Антанты, в свою очередь, хотя и признавали необходимость сотрудничества с русским правительством, отзывались о кабинете и его главе как о людях, плохо представляющих себе суть происходящего⁵⁴.

В политизированной архангельской атмосфере русские правые и либеральные круги упрекали социалистов из Верховного управления в том, что они лишь из-за своих «партийных» тенденций «будировали против англо-французского “буржуазного империализма”» и тем самым испортили отношения с союзниками⁵⁵. Но в действительности недовольство союзным присутствием широко затронуло всю архангельскую политическую общественность и военные круги. Так, преимущественно кадетское Временное правительство Северной области, сменившее осенью 1918 г. социалистический кабинет, проявило не больше терпимости по отношению к интервентам. Спустя несколько недель после образования нового правительства его члены двойственно отреагировали на сообщения о поражениях немецких армий на Западном фронте. Хотя официальный Архангельск торжественно отмечал заключение перемирия, кабинет серьезно опасался, что теперь основные союзные силы будут переведены в Россию и что это неизбежно вызовет «нежелательные осложнения» в отношениях с русскими властями⁵⁶. Также Чайковский настоятельно требовал от российского посла В.А. Мак-

лакова, теперь представлявшего во Франции интересы белых правительств, чтобы тот в связи с окончанием войны добивался ограничения полномочий союзных «опекунов». Иначе, прибавлял председатель правительства, «будет не возрожденная Россия, а долговое отделение»⁵⁷.

Недовольство интервенцией, не ограничиваясь правительственными чиновниками, глубоко проникло в среду региональной ответственности. Левые лидеры возмущались деятельностью союзной контрразведки: военной цензурой телеграфного сообщения и прессы, политическими арестами и действовавшими под союзным управлением лагерями для военнопленных, арестованных большевиков и советских работников, одним из которых был печально знаменитый лагерь на острове Мудьюг в устье Северной Двины⁵⁸.

Со своей стороны, архангельские торгово-промышленные круги упрекали союзников в произвольном хозяйничанье на Севере и притеснении русской торговли. В письме к правительству они указывали, что регулирование северного экспорта со стороны Союзного комитета снабжения привело к тому, что, например, в навигацию 1918 г. на агентов союзников пришлось 74% всего экспорта и лишь 26% — на частный, преимущественно русский, экспорт⁵⁹. Региональная газета «Русский Север» весной 1919 г. открыто обвинила иностранцев в том, что они просто хотели ограбить Север. Используя его временную беззащитность, интервенты якобы пришли ухватить «лакомый кусочек», обрекая край в будущем на нищету и вымирание⁶⁰.

Обвинения союзников в попытках разграбить край имели под собой некоторые основания. Так, союзное командование нередко распоряжалось ресурсами области без оглядки на русские власти. В частности, после того как летом 1918 г. частью по соглашению с Мурманским краевым советом, частью безо всякого формального соглашения во временном распоряжении союзников оказался ряд судов военной флотилии Северного Ледовитого океана, некоторые из судов были, вопреки договоренности, полностью укомплектованы союзными командами, и к осени на нескольких кораблях были подняты союзные флаги. Настойчивые просьбы Северного правительства вернуть часть судов удовлетворялись крайне неохотно⁶¹.

Достаточно несвоевременными и неуместными выглядели также попытки дипломатических и коммерческих представителей стран Антанты получить выгодные концессии на разработку природных ресурсов на Севере России. В частности, союзные дипломаты живо интересовались сведениями о залежах железной руды в районе Мурманска,

сразу предложив русским властям помощь в обследовании месторождения⁶². Они подавали заявки на получение земель под союзные торговые представительства в развивающемся городе Мурманске, развернув между собой настоящее соревнование за лучшие участки. Например, как только французский посол Ж. Нуланс в декабре 1918 г. получил справку от помощника генерал-губернатора по управлению Мурманским краем В.В. Ермолова о выделении правительству Франции нескольких участков земли, британский посол Ф. Линдлей моментально составил просьбу о резервировании земель и для британского бизнеса⁶³. А английский полярный исследователь Э. Шекльтон, появившийся в Северной области в конце 1918 г. в связи с вопросом об экипировке союзных войск, вообще выдвинул обширнейший концессионный проект. Он испрашивал в пользу одного лондонского коммерческого общества ряд участков в Мурманске в аренду на 99 лет, право разведки ископаемых в крае и разработки месторождений, преимущественное право производить лесо- и рыбозаготовки, не говоря об иных правах⁶⁴. Предприимчивость союзников была заметна даже простым обывателям. В Архангельске союзные солдаты и офицеры широко обменивали на черном рынке ром, паек и предметы одежды на ценные шкурки пушных животных⁶⁵.

Несмотря на амбициозность концессионных проектов, правительства Антанты едва ли целенаправленно стремились превратить Северный край в свою колонию. Послевоенное урегулирование мира и проблемы в собственных странах, истощенных войной, надолго отвлекли их от новых масштабных заграничных проектов. Характерно, что исходили концессионные инициативы даже не от союзных кабинетов, а от местных дипломатических и коммерческих агентов Антанты, действовавших на свой страх и риск, как правило, даже не дожидаясь согласия своих правительств⁶⁶. Экономическая колонизация Севера союзниками была едва ли возможна и из-за того, что само Временное правительство крайне осторожно реагировало на иностранные коммерческие предложения. Так, оно отказалось признавать справки о концессиях, выданные Ермоловым, и объявило себя не вправе утверждать монопольные договоры с иностранными государствами. Допускавшиеся же частные соглашения о капиталовложениях ставились в зависимость от будущего российского законодательства, что выбивало основу из-под любых долгосрочных проектов⁶⁷.

Едва ли можно говорить и о хищническом разграблении ресурсов Северной области агентами Антанты уже в период Гражданской вой-

ны. В действительности наряду с вывозом экспортных товаров союзники снабжали всем необходимым северную армию и поставляли продовольствие для местного населения. Хотя общий торговый баланс края никогда не был сведен (сейчас это невозможно сделать из-за неполноты данных), обширные расходы союзников на Северную область и развал экспортной промышленности Севера в период революции не позволяют предположить, что он был в пользу союзников⁶⁸.

В общем и целом, маловероятно, чтобы союзная интервенция нанесла или могла в будущем нанести огромный экономический ущерб Северному краю. Страх северных политиков и военных перед превращением Архангельской губернии в колонию стран Антанты теперь представляется достаточно иррациональным. Однако то, что концессионные предложения поступали от официальных дипломатических и военных представителей Антанты, усиливало сомнения белой элиты в истинных целях союзной интервенции. В результате недовольство союзным присутствием на Севере росло и все более обостряло отношения между русской властью, общественностью и интервентами.

СОЮЗНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И БЕЛАЯ АРМИЯ

Недовольство и противодействие интервенции, достаточно явно проявившиеся среди северных политиков и общественности, пожалуй, нигде не было настолько очевидным, как в белой армии. Конфликты между белыми офицерами и союзниками обостряло то, что вплоть до лета 1919 г. в руках союзного командования находилось общее руководство военными операциями на Северном фронте, а также интендантская и госпитальная службы, распоряжение перевозками и пропускной системой⁶⁹. Первоначально отношения портило и высокомерное отношение генерала Пуля к русским военным. Оно живо напоминало даже британскому командующему Мурманским фронтом Ч. Мейнард и американскому послу Фрэнсису о прежней колониальной службе генерала⁷⁰. Однако даже сменившему Пуля Э. Айронсайду, по общему мнению намного более сдержанному и тактичному⁷¹, не удалось существенным образом изменить взаимоотношения с русскими офицерами. Видимо, глубинная причина недовольства скрывалась не в личности командующего, а в самом факте союзного вмешательства в Гражданскую войну. Приведенные далее свидетельства русских военных, несмотря на то что большинство из них были написаны уже в эмиграции,

подтверждаются рапортами и перепиской периода Гражданской войны, а также союзными источниками, и в целом они довольно точно отражают общие настроения, царившие в северной Белой армии.

Русские офицеры считали унижительным для себя служить под командой англичан, нередко уступавших им в чине. На фронте часты были жалобы на то, что союзники «пришли в нашу страну и здесь распоряжаются», что они командуют, тогда как русские должны воевать, и что вообще «англичане пришли не спасать Россию, а погубить ее»⁷². Острое возмущение офицерства вызывали любые случаи неуважения англичан к русским военным и чиновникам. Так, широкую огласку получил случай «издевательства» англичан над начальником Мурманского края Ермоловым. Во время его официального визита на корабль к английскому командующему морскими силами адмиралу Дж. Грину Ермолову дали неудобную веревочную лестницу, по которой, как свидетельствовал современник, этот «глубоко сухопутный правитель поднялся с очень большим трудом, раза три сорвавшись. Всякий раз, как голова его показывалась над бортом, англичане играли встречный туш, Ермолов скатывался вниз, — музыка прекращалась, — снова показывалась голова, снова туш, — и таким образом — раза три»⁷³. Другой автор с негодованием писал, что однажды английский сержант «позволил себе ударить нашего офицера, не понеся за это никакого взыскания»⁷⁴.

Многие русские военные чины видели в интервенции удар по национальной гордости. Союзникам приписывали то, что они опасались роста русских войск, «дабы из роли начальствующих не перейти на роль подчиненных», а также сопротивлялись успешному продвижению русских армий⁷⁵. Как позже писал подполковник В.А. Жилинский, «попытки русского командования идти вперед к победе наталкивались на противодействие английского Главнокомандующего и иногда сопровождалась даже угрозами прекратить снабжение, если русские войска двинутся вперед»⁷⁶. Недовольство офицеров влияло на настроение формирующейся русской армии. Подчеркнуто обособленный быт русских и союзных частей даже во фронтовых условиях резко противоречил официальным заявлениям о единстве целей и действий союзников.

Русское командование не противодействовало антисоюзническим настроениям офицерства и целиком их разделяло. Хотя генерал-губернатор Северной области Е.К. Миллер советовал офицерам во взаимоотношениях с англичанами «не проявлять нервности», он сам признавал жалобы русских военных на порядки службы «совершенно правильными»⁷⁷. В свою очередь, командующий белыми войсками В.В. Марушев-

ский был сам исключительно обижен тем, что Айронсайд и его штаб не прислушивались к советам русского генерала и что вообще рослый британец свысока смотрел на низкорослого Марушевского, не додившего ему даже до плеча⁷⁸. Марушевский полагал, что в принципе «сыны гордого Альбиона не могли себе представить русских иначе, чем в виде маленького, дикого племени индусов или малайцев, что ли». Он был уверен, что поддержание самого статуса превосходства является сознательной политикой англичан, которые «держали себя на Севере так, как будто они находились в завоеванной, а вовсе не в дружественной стране»⁷⁹. Видя интерес англичан к расширению своего экономического влияния на Севере России, офицеры также делали вывод, что богатый ресурсами северный регион попросту стал объектом английского колониализма⁸⁰.

Со своей стороны, многих союзных военных чинов, веривших в необходимость помощи белым армиям в борьбе с большевизмом, уязвляло и обескураживало поведение русских офицеров. Как с горечью констатировал британский полковник П. Вудс, в Мурманском крае офицерами «являлись люди, настроения которых были отчетливо антисоюзническими... а действия — открыто обструкционистскими». Он не мог объяснить это странное поведение иначе, чем завистью, мстительностью и преследованием собственных корыстных интересов⁸¹. Командующий бригадой британских добровольцев генерал Л. Садлер-Джексон, по свидетельству его начальства, испытывал такое недоверие к русским солдатам и офицерам, что во время совместных наступательных операций предпочитал даже выставлять собственные патрули и по возможности перепроверял русские военные донесения⁸². А корреспондент британской газеты «Таймс» в Северной области Э. Соутар вспоминал, что союзные войска жили в постоянном страхе получить удар в спину со стороны «дружественных» русских сил⁸³.

Антисоюзные настроения русских чиновников, военных и обществственности не могли пройти незамеченными и для главного союзного командования в Северной области. Не случайно летом 1919 г., когда дальнейшая судьба интервенции обсуждалась в британском кабинете, генерал Айронсайд выступил за скорейший вывод союзных войск, отмечая ненадежность северной армии и отрицательное отношение к интервенции на Севере⁸⁴. Впоследствии, вспоминая о русских петициях и делегациях, настаивавших на дальнейшей союзной поддержке, он отмечал, что ему «трудно было испытывать какую-либо симпатию к людям, которые так мало сделали для того, чтобы помочь самим себе»⁸⁵.

Таким образом, широкое недовольство интервенцией среди военных кругов, политического руководства и общественности Северной области косвенно способствовало прекращению союзной помощи Белому движению.

Недовольство интервенцией среди северной элиты укоренилось настолько глубоко, что даже эвакуация союзных войск осенью 1919 г. и затем поражение белых армий не заставили северян пересмотреть свои взгляды. Союзная эвакуация, значительно уменьшив северную армию и затруднив снабжение войск и населения из-за прекращения крупных поставок из-за рубежа, в первый момент породила панику в русских военных и политических кругах⁸⁶. Но в не меньшей степени современники отмечали общее чувство облегчения и даже радости в связи с уходом союзников. Американский участник интервенции Р. Альбертсон так излагал свой произошедший незадолго до эвакуации разговор с архангельским школьным учителем. Учитель говорил: «Наш долг — [служить] России. Большевики, возможно, будут управлять нами, или, может быть, нас убьют, но наш долг — [служить] России. Англичане должны уйти»⁸⁷. Видя в конце сентября 1919 г. архангельскую набережную, опустевшую после отхода союзных судов, чиновники и офицеры с сияющим видом поздравляли друг друга с тем, что они «опять в России», и интересовались: «Как вам нравится русский город Архангельск?» А успех последовавшего наступления северной армии многие политики и военные связывали с тем, что, не желая раньше захватывать территорию для англичан, русские солдаты теперь готовы были идти на подвиги, воюя за себя⁸⁸. Описывая свою последнюю встречу с русским командующим Двинским участком фронта полковником А.А. Мурузи, генерал Айронсайд был потрясен, насколько открыто тот говорил о своем недоверии к интервентам и насколько был уверен, что после ухода союзников белая русская армия быстро начнет пополняться крестьянами-добровольцами и сможет смести большевистскую власть⁸⁹. Однако военный порыв длился недолго, и Северной области было отпущено жизни менее полугода.

Недовольство интервенцией пережило Гражданскую войну. Позже в эмиграции многие участники белой борьбы, раньше возмущавшиеся союзным вмешательством, теперь именно на интервентов, которые бросили белые армии на произвол судьбы, стали возлагать значительную часть ответственности за свои поражения. Яркими оценками интервенции на Севере пестрят воспоминания, записки и речи членов Общества северян. Это эмигрантское объединение было создано в

Париже осенью 1924 г. по инициативе Миллера⁹⁰. Самому генералу и принадлежит, вероятно, одно из наиболее авторитетных эмигрантских суждений о Гражданской войне на Севере, которое он изложил в своей речи на торжественном собрании Общества северян в 1926 г. Миллер подчеркивал заслугу участников Белого движения в том, что на Севере в 1918 г. была создана «русская территория с русской государственной властью» и что они сокрушили представления о невозможности осилить большевиков. Если успехи он всецело приписывал храбрости русских офицеров и солдат, то вину за поражение Белого движения на Севере он во многом возлагал на союзников. Как утверждал Миллер, русское командование и правительство вовремя осознали опасность со стороны интервентов и не допустили «политического и экономического захвата области, для колонизации ее, с превращением ее в великобританскую концессию, изобилующую несметными естественными богатствами». Однако, по мнению Миллера, тем самым они лишили себя союзной поддержки. Союзники, утратив практический интерес к интервенции, эвакуировали свои войска, что и предопределило в итоге поражение и белого фронта⁹¹.

Миллер, безусловно, пытался несколько облегчить свою собственную ответственность за военные неудачи белых на Севере. Но как показывают записки и мемуары северян, его отношение к интервенции разделяли многие из его бывших соратников. Они также упрекали союзников в колониальных амбициях, а падение Северной области во многом связывали с уходом интервентов. В переписке ветеранов-северян также нередки упоминания о «предательстве» белого дела со стороны союзников⁹².

Существенная доля вины за поражение белых возлагается на англичан и в набросках очерка истории Северной области, написанных бывшим членом Северного правительства С.Н. Городецким на основе собранных им документов, мемуаров и писем северян. Городецкий даже расширил обвинения против союзников, показав, что уже и раньше, в историческом прошлом, они проявляли корыстный интерес к русскому Поморью. Уже с XVI в., в интерпретации Городецкого, они стремились «использовать по возможности монопольным способом» Северный край и всеми силами пытались препятствовать развитию русской торговли и мореходства, опасаясь «будущего могущества России»⁹³. Интервенция же, следуя его логике, дала новую возможность союзникам, прежде всего англичанам, осуществить свои давние амбиции. Таким образом, Городецкий дал дополнительное обоснование упрекам союзников в «колониальных» намерениях.

Ветераны-северяне, возлагая на союзников вину за собственное поражение, пытались, с одной стороны, как-то объяснить проигрыш того национально-патриотического дела, которое, по их убеждению, должно было иметь все шансы на успех, и, с другой стороны, не утратить представления о высоких мотивах и идеализированной сущности Белого движения. Концепция «предательства» союзников позволяла эмигрантам одновременно и говорить о героизме белых войск и величии белого подвига, и объяснить причины их полного разгрома в Гражданской войне, связав поражение с «ударом в спину» со стороны союзников. В эмигрантских мемуарах белая борьба приобретала некоторые черты патриотической войны на два фронта — против интернационалистов-большевиков и против захватчиков-англичан. Эту последнюю борьбу, в отличие от войны с красными, ветераны-северяне считали выигранной, так как они смогли отстоять Север от полного подчинения англичанам. Так что даже поражение белых отчасти оказалось окрашено в цвета победы.

Недовольство интервенцией, не только не утихшее, но еще более обострившееся в эмиграции, подчеркивает, что его главная причина едва ли скрывалась в непосредственных действиях интервентов. Скорее она заключалась в самом представлении русских офицеров и политических деятелей о сути и характере белой борьбы. Белые офицеры и политики, выступив под знаменем патриотизма и упрекая большевиков в пособничестве немцам, крайне болезненно воспринимали свою собственную зависимость от иностранной помощи и всеми силами пытались ограничить участие союзников в Гражданской войне. Идеология Белого движения консолидировалась вокруг лозунга освобождения страны от «позорного» Брестского мира и «предателей родины» — большевиков и включала в себя значительную дозу российского национализма и этатизма, выросшего и укрепившегося в сознании общественных элит в годы мировой войны⁹⁴. Это не позволяло антибольшевистским военным и политикам, представлявшим различные грани политического спектра, более спокойно воспринимать присутствие иностранной, хотя и союзной вооруженной силы на российской земле. Панически страшась оказаться «марионетками» союзного командования, они пытались ограничить союзное вмешательство во внутри-российский конфликт. Именно с этим было связано постоянное недовольство и даже придирки к союзникам. В итоге, показав себя хорошими патриотами, но плохими стратегами, белые в значительной мере сами оттолкнули руку союзной помощи, которая могла сыграть более существенную роль в их борьбе с большевиками.

СОЮЗНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

Национально-патриотические идеи белых политиков и военных не были совершенно чужды широким массам населения Архангельской губернии. Первая мировая война не только усилила национальные и этатистские убеждения элит, но и сработала как катализатор для появления массового российского национализма. Возложив на все население страны обязанности и ответственность в связи с ведением тотальной войны, она вовлекла широкие массы в общенациональную политику⁹⁵. Большинство жителей Архангельской губернии поддерживали военные усилия страны, отправляя призывников на фронт, и живо интересовались сведениями с театра военных действий. Они были и потребителями массовой патриотической пропаганды, которая не жалела красок для храбрых союзников России (стран Антанты), вступивших в смертельную схватку с извечным врагом — Германией⁹⁶.

Однако антигерманские настроения и зачатки крестьянского национализма не переросли в апологию национального государства, как это было у значительной части образованной общественности. Поэтому простые жители Архангельской губернии, видя в Гражданской войне во многом продолжение длительного конфликта России и Антанты с Германией, не испытывали изначальной враждебности к интервентам. Проявлявшееся периодически недовольство интервенцией было вызвано прежде всего практическими соображениями. Его определяли бытовые столкновения и конфликты, а также неоправдавшиеся надежды населения на то, что союзники принесут с собой «мир и хлеб».

Летом 1918 г. многие жители губернии с нетерпением ожидали начала интервенции. Они связывали с ней прекращение непопулярной мобилизации в Красную армию и поступление хлеба из-за границы, что могло спасти нехлебородный Север от надвигавшегося голода. Население губернии в целом благожелательно отнеслось к высадке союзников в Архангельске. Сформированные в деревнях отряды самообороны не только не противодействовали интервентам, но, напротив, помогали белым и союзным отрядам изгнать красногвардейцев из соседних деревень. Приветственные обращения и телеграммы, приходившие в Архангельск в первые недели после переворота из городов и сел губернии, говорили о сочувственном отношении населения к интервенции и белой власти⁹⁷. Хотя на крестьянские обращения часто влияли представители политических элит и приезжие агитаторы, массовость схожих резолюций показывает, что крестьяне были готовы по

крайней мере выразить согласие с переменой власти и первоначально не противодействовали приходу интервентов.

4 августа 1918 г. в типичной по своему содержанию телеграмме пинежский Комитет общественной безопасности сообщал Северному правительству о своей полной поддержке, основанной на «единодушной воле местного населения, не желавшего подчиниться распоряжению Советской власти о мобилизации против союзников и вообще враждебно настроенного к большевикам»⁹⁸. Мезенское уездное земское собрание выражало надежду, что «союзные державы в нынешнее трудное время братски помогут восстановить целость и независимость России и окажут продовольственную помощь Севобласти»⁹⁹. Из Власьевской волости в Архангельск было направлено следующее постановление: «Приветствуя союзников, как освободителей от германского ига, наложенного на русский народ Брестским договором через агентов Германии — большевиков, волостное собрание Власьевской волости выражает надежду, что союзники снабдят население хлебом, которого в этом году вследствие плохого урожая слишком мало»¹⁰⁰. В целом, первые резолюции с мест нередко повторяли заявления белой власти, что интервенция призвана помочь лояльным русским силам в борьбе против Германии и большевиков. Однако они в первую очередь связывали с приходом союзников решение собственных насущных проблем, и особенно улучшение хлебного снабжения.

Поддержка интервенции среди обычного населения губернии значительно сократилась уже в первые месяцы существования Северной области. Однако причиной служило не возмущение погранными правами русской власти и не страхи перед союзной колонизацией Севера, а разочарование в надеждах на установление мира и снабжение хлебом, которые связывались с приходом интервентов и свержением большевиков. Более того, в отличие от политической элиты и военного командования, если население выражало недовольство, оно касалось не только интервенции, но и вообще политики «верхов» — белых и союзных в равной степени.

Уже в начале осени 1918 г. стало очевидно, что союзные и белые власти не способны наладить достаточное продовольственное снабжение губернии¹⁰¹. В ответ в Архангельск стали поступать протесты с мест и жалобы на неисполненные обещания интервентов и правительства. В частности, общее собрание граждан Нижнемудьюжского сельского общества Онежского уезда жаловалось: «...нам крестьянам приходится заниматься тяжелым физическим трудом, которым могут заниматься

только те, кто питается только более или менее сносно. Нам же приходится питаться чем попало, как например: соломой или хлебом с примесью мха»¹⁰². Другие волости писали, что крестьяне потребляют теперь в пищу различные суррогаты, которые в иные годы не шли даже на корм скоту¹⁰³. Некоторые деревни напрямую связывали требование увеличить хлебный паек с теми «услугами», которые они оказали союзному командованию и Северному правительству. Председатель Вонгудо-Андозерской волостной земской управы так суммировал полученные резолюции сельских сходов: крестьяне голодают, «и тут еще, несмотря на такие заслуги волости, — граждан с. Вонгуда, что они с 18-го августа по 10 сентября включительно почти все стояли под ружьем и охраняли подступы к городу Онеге от большевистских банд — им не то чтобы за услуги дать хлеб в первую очередь, как тогда обещало высшее командование — наоборот им сбавили за целый октябрь месяца и дали такую норму, чтобы только не умереть с голоду»¹⁰⁴.

Недостаток продовольствия породил разочарование в союзной помощи не только среди архангельских крестьян, но и в рабочей среде. Британский генерал Мейнард отмечал, что среди рабочих Мурманского края быстро росло недовольство интервенцией. Причину он видел в нехватке питания и задержках зарплаты железнодорожникам, перевозившим союзные войска и грузы. Он даже предпринял специальную поездку в Лондон, чтобы вытребовать необходимые кредиты для погашения задолженности¹⁰⁵. На связь между плохим продовольственным снабжением и недовольством по отношению к англичанам и белой власти указывали и красные разведчики на Севере¹⁰⁶.

Интервенция не оправдала надежды населения не только на обильное питание, но и на то, что удастся избежать новой войны. Уже в конце августа 1918 г. был объявлен призыв в белую армию, а вместе с ним пришли массовые повинности по перевозке русских и союзных военных грузов и войск¹⁰⁷. Несмотря на то что население в конечном итоге смирилось с необходимостью войны и северная белая армия выросла до значительных размеров, отношение к интервенции уже не было благоприятным. Его сменили равнодушие и апатия. Крестьяне могли более положительно относиться к интервентам, если им удавалось выменять у союзных солдат имевшиеся в некоторых хозяйствах молоко и яйца на дефицитные консервы, хлеб и алкоголь. И равнодушие сменялось возмущением, когда боевые действия опустошали деревни или когда союзные и белые солдаты сжигали прифронтовые села, чтобы те не служили опорными пунктами для вылазок врага¹⁰⁸.

Более резкие выпады против интервенции звучали со стороны некоторых организованных групп архангельских рабочих и меньшевистского руководства профсоюзами. В частности, во время февральско-мартовского политического кризиса 1919 г. председатель архангельского Совета профсоюзов М.И. Бечин, критикуя белое правительство, обрушился также и на интервентов. В своих речах от лица рабочих и мобилизованных солдат он заявлял, что те «союзникам себя за банку консервов и табаку не продадут»¹⁰⁹. Впрочем, эти речи не имели широкого резонанса среди населения губернии или даже в рабочей среде. Хотя власти Северной области решились на открытый судебный процесс, чтобы разоблачить несостоятельность лозунгов Бечина, ни обвинение, ни 15-летняя каторга, назначенная ему решением суда, не вызвали волны возмущения¹¹⁰. Простое население области в целом оставалось безучастным к спорам вокруг интервенции.

Патриотические выпады против интервентов со стороны красной пропаганды также едва ли имели широкое влияние на настроения жителей Севера. Даже советские исследования, приводившие обширный материал о красных пропагандистских кампаниях в белом тылу, не подтверждают документально связь между пропагандой и недовольством союзниками среди населения¹¹¹. Патриотические лозунги советских листовок, как свидетельствуют современники, если и имели влияние, то прежде всего на офицеров северной армии, которые были уязвлены «предательским» и «хищническим» поведением союзников¹¹². Не национальные интересы, но локальные нужды, обеспечившие вначале широкие симпатии к союзникам, продолжали определять политические предпочтения жителей губернии на протяжении всей Гражданской войны.

* * *

В целом союзная интервенция сыграла противоречивую роль в Гражданской войне на Севере России. Укрепив материально и численно антибольшевистские силы, она в то же время вызвала резкое недовольство белых политиков, военных и северной общественности. Упреки в адрес интервентов сыпались со стороны различных политических сил, подчеркивая, насколько глубоко те разделяли представления о ценности сильного национального государства и насколько верили они в необходимость защищать его от любых внешних угроз. Испытывая панический страх перед перспективой оказаться «марионетками» со-

юзников и перед иностранной колонизацией Севера, белые пытались ограничить союзное вмешательство во внутрироссийский конфликт, лишая себя тем самым важнейшей опоры. Хотя антисоюзнические настроения и русский национализм объединяли различные политические группы белой элиты, они же отделяли белое руководство от простого населения Северной области, настроения и действия которого определялись локальными нуждами и практическими соображениями. Жители Архангельской губернии не выступали против интервенции из патриотических соображений. Но они и не поддерживали интервентов, так как те не принесли мира и хлеба, которых более всего желали обычные жители и до начала военных действий, и во время Гражданской войны.

Безусловно, успех союзного вмешательства в значительной мере был связан с нерешительностью кабинетов Антанты, которые не могли или не хотели пойти на более широкомасштабную кампанию в России с целью свергнуть большевизм. Тем не менее, даже если бы союзники изначально направили на Север России многотысячный десант, о котором мечтали многие белые офицеры и политики, они едва ли обеспечили бы успех антибольшевистской борьбы¹¹³. Возможно, напротив, более масштабное вмешательство союзных войск еще сильнее настроило бы против них белые политические и военные элиты, поставив Антанту перед необходимостью сражаться не только с большевиками, но и с «лояльными» союзникам национально-патриотическими русскими силами.

В конечном итоге исход Гражданской войны зависел не от интервенции, которая была лишь второстепенным фактором в развернувшейся в России борьбе за власть, а от того, насколько белые и красные политические элиты смогли привлечь на свою сторону и мобилизовать на войну население. Вопросу о том, в какой мере этому способствовала политика Северного правительства и стала ли антибольшевистская кампания на Севере России хотя бы отчасти действительно народной войной, посвящены две последующие главы.

Глава 5

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

На советских агитационных плакатах времен Гражданской войны популярным мотивом был белый генерал в «царской шапке», которого везут к власти «буржуй», «поп» и «кулак» под лозунгом «Земли и фабрики — помещикам и капиталистам». Это должно было подчеркнуть политическую беспомощность белых правителей, под властью которых восстанавливались прежние непопулярные социальные и политические порядки. Однако белая политика в общем и целом не сводилась к реставрации. Хотя среди белых офицеров и политических деятелей были сторонники старого порядка, политический курс белых правительств в значительной мере определяли люди, находившиеся раньше в оппозиции царскому режиму. Правда, к 1918 г. многие либералы, вошедшие в белые правительства, изрядно поправились, а социалисты утратили веру в способность населения к самоорганизации и пониманию своих собственных интересов. Тем не менее, реагируя на вызовы модернизации и революции, они учитывали перемены, произошедшие в 1917 г., и пытались закрепить многие из революционных достижений, что отчасти сближало политические практики белых правительств с политикой большевиков¹.

Политическое будущее страны все белые правительства представляли в демократических категориях и связывали с созывом в той или иной форме Учредительного собрания. Оно стало объединяющим символом Белого движения. Правда, на практике конституанта первого и единственного созыва, в которой преобладали эсеры, едва ли могла быть восстановлена в прежних правах. Этому мешало не только сопротивление белых офицеров и политиков либерального и правого направлений. Репутацию прежнего собрания пятнали известные случаи нарушений при выборах, а также очевидная слабость этого форума, разогнанного большевиками при полной безучастности большинства

населения. В итоге даже Союз возрождения России, инициировав создание антибольшевистских правительств из депутатов собрания первого созыва, в будущем предполагал провести новые выборы. Тем не менее в период революции и Гражданской войны Учредительное собрание оставалось наиболее известным и понятным символом, олицетворявшим представительство воли всего народа. Белые использовали этот символ в своих политических проектах, видя в нем противовес и власти советов, опиравшейся на отдельные классы, и наследственной монархии, которая, несмотря на симпатии к ней среди части белых политиков и военных, уже не могла возродиться в прежнем виде. И на Севере к Учредительному собранию апеллировало не только социалистическое Верховное управление, черпавшее в нем свою легитимность, но и все последующие составы Северного правительства вплоть до падения области в феврале 1920 г.²

Помимо заявлений о намерении создать новое Учредительное собрание, которое должно было определить политическое будущее страны, политические проекты белых оставались довольно размытыми. Это дало основание многим современникам и историкам упрекать белых в скрытом намерении восстановить старый порядок. Тем не менее, желая или не желая того, белые офицеры и антибольшевистские политики признавали политический рубикон 1917 г. Главным вектором белой политики не была попытка возродить в прежнем виде царскую Россию. Политику всех белых кабинетов, с одной стороны, определяло национализирующее влияние Первой мировой войны, которое сказалось не только на взаимоотношениях белых правительств с интервентами, но и на их подходе к вопросу о независимости национальных окраин России. Второй основой белой политики было признание ведущей роли государства в преобразовании общества и его социальных обязательств перед населением. Северное правительство, как и другие белые кабинеты, продолжило и в условиях революции еще более расширило практику периода мировой войны, когда государство осуществляло помощь бедствующему населению при содействии общественности. В результате, несмотря на существенные различия, белое законодательство, и в частности законодательство Северного правительства, отчасти было созвучно декретам большевиков³. Таким образом, в Гражданской войне противостояли не коммунистическое будущее и царское прошлое, но два варианта пореволюционного модернизационного государства.

Как будет показано в данной главе на примере попыток Северного правительства разрешить экономический кризис, выстроить соци-

альную и национальную политику и взаимоотношения власти и церкви, урегулировать отношения с рабочими и земельный вопрос, корни неуспеха белой политики заключались не в ее предполагаемой «контрреволюционности». Главное значение имели политическая непоследовательность и внешние обстоятельства Гражданской войны.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СЕВЕРНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЭКОНОМИКА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Революция 1917 года в России была прежде всего социальной революцией. Она была таковой не столько потому, что различные группы внутри политической элиты считали предметом своих действий и забот само общество⁴. Она была социальной потому, что многие обычные жители Российской империи видели в революции в первую очередь обещание социальной справедливости и социального равенства. Стихийные попытки населения установить на местах такую справедливость во многом сделали революционную Россию неуправляемой. Они же в годы Гражданской войны остро поставили перед всеми конкурирующими правительствами вопрос о социальных обязательствах государства. Северное правительство приняло этот вызов. Однако его настойчивые попытки исполнить ожидания населения разбились о кризисные обстоятельства Гражданской войны.

Придя к власти в августе 1918 г., Северное правительство получило в наследство пустую казну, расстроенное хозяйство и бедствующее население, ожидавшее от белой власти регулярного хлебного снабжения, оживления экономики и повышения зарплат. На Севере не только социалисты, но и многие либеральные политики признавали, что необходимо сокращать бедность и уменьшать социальное неравенство и что государство обязано помогать неимущим группам населения. Связывая радикальные изменения к лучшему с восстановлением и развитием хозяйства после войны, белые власти уже в период Гражданской войны настойчиво, но безуспешно пытались использовать имевшиеся в его распоряжении административные рычаги, чтобы укрепить экономику и улучшить положение населения.

Неоднократные попытки архангельского кабинета стабилизировать финансовое обращение, чтобы обеспечить пополнение бюджета и остановить обесценение рубля, не увенчались успехом. Задуманная осенью 1918 г. масштабная денежная реформа, связанная с введением твер-

дых северных рублей, обеспеченных валютным вкладом британского правительства, привела к половинчатым результатам. Займы от союзной эмиссионной кассы позволили северному кабинету временно сократить дефицит бюджета. Однако они не помогли побороть инфляцию или же создать устойчивую денежную единицу для развития внешнего товарообмена. Твердые северные рубли, которые могли свободно обмениваться на фунты стерлингов, быстро стали предметом спекуляции и исчезали из обращения⁵. Другие хаотичные попытки затормозить инфляцию, как то: учесть все деньги, имевшие хождение в Северной области, или провести решение Омского правительства об изъятии из обращения обесцененных «керенок», были настолько же непопулярны среди населения, как и бесполезны⁶. В итоге инфляция продолжала расти, а главным источником пополнения бюджета вплоть до конца существования Северной области оставался печатный станок.

Финансовые реформы были зеркалом общих неудачных попыток Северного правительства вывести из упадка экономику края. Земледелие, традиционно слабо развитое на Севере, не могло восстановиться из-за нехватки сельскохозяйственных орудий, семян и вследствие серии неурожаев. Крестьянское кустарное производство, морские рыбные и звериные промыслы страдали от отсутствия оборудования и традиционных рынков сбыта. Хотя правительство попыталось выписать все необходимое из-за рубежа, в связи с трудностью морского сообщения заказанные за границей снасти прибыли на Север уже посреди рыболовного сезона, а закупленные в странах Европы и Америки семена большей частью опоздали к началу посевной⁷. Правительство выделяло средства на просветительские акции по рационализации сельского хозяйства и промыслов, но они также не смогли принести немедленных результатов. И даже поощрение крестьянской кооперации, значительно укрепившей свои позиции в годы мировой войны, в условиях военных мобилизаций оказалось бесполезным. К концу 1919 г. изрядно поредевшие артели лесорубов едва покрывали даже потребность Северной области в дровах⁸.

В свою очередь, частная промышленность в Северной области, несмотря на объявленную Верховным управлением денационализацию предприятий и торговых и промысловых судов, сократилась до минимума. Хозяева заводов и лесопилок массово останавливали работу денационализированных предприятий, так как в связи с разрывом рыночных связей и ростом зарплаты рабочих производство оказалось убыточным. Тем временем у многих торговцев и судовладельцев не

было ни оборотного капитала, ни средств на ремонт денационализированных судов. Несмотря на протесты рабочих и профсоюзов, правительство, страдавшее от нехватки денежных средств, также не могло ни оказать предприятиям достаточную финансовую помощь, ни силой заставить владельцев продолжить работу предприятий⁹. Попытка северной власти в 1919 г. оживить хотя бы внешний товарообмен, отменив действовавшее со времен мировой войны правило сдачи в казну всей иностранной валюты, полученной от экспорта, окончилась неудачей. Потребности губернии в импортном продовольствии и снабжении настолько превосходили возможности северного экспорта, что правительство было вынуждено немедленно восстановить разрешительный порядок торговли¹⁰. В результате, как признавал Н.В. Чайковский, «несмотря на снятие всякого рода запрещений и стеснений... во всем экономическом обороте обнаружился полный застой»¹¹.

Главным последствием экономического упадка было то, что из-за остановки частной промышленности Северное правительство, управлявшее железнодорожной и телеграфной сетью и морским сообщением, осталось самым крупным работодателем в крае. Также оно оказалось один на один с населением, для значительной части которого государственная продовольственная и финансовая помощь были единственным источником существования. Эти обстоятельства определили отношение архангельского кабинета к рабочему вопросу и основные линии его социальной политики.

РАБОЧИЙ ВОПРОС

В рабочем вопросе лидеры Северного правительства изначально отводили государственной власти прежде всего посреднические и контролирующие функции. Однако, так как большинство частных предприятий закрылось уже до начала или во время Гражданской войны, государство превратилось из посредника в монополиста, который диктовал рабочим условия труда. Таким образом, рабочий вопрос в Северной области почти сразу оказался сведен к взаимоотношениям рабочих государственных предприятий с казной, а также к проблеме политических и экономических прав рабочих организаций.

В первые недели существования Северной области взаимоотношения рабочих и белого правительства складывались благоприятно. Многие рабочие Архангельской губернии с удовлетворением восприняли

антибольшевистский переворот, надеясь на регулярную выплату заработной платы, лучшее продовольственное снабжение и освобождение рабочих организаций от усилившегося давления со стороны властей. Группы рабочих даже участвовали в восстании в Архангельске 2 августа 1918 г., а в последующие дни рабочие собрания направляли приветствия в адрес Верховного управления¹².

Со своей стороны, социалистический кабинет уже в первые дни подтвердил основные достижения революции в области рабочего законодательства, в частности 8-часовой рабочий день, больничное страхование, право рабочих на оплачиваемый отпуск и на коллективные договоры, а также запрет на женский и детский ночной труд¹³. Немедленной отмене подлежал только рабочий контроль над производством, на который возлагалась вина за содействие упадку промышленности. Кроме того, объявив о восстановлении независимых рабочих комитетов и профсоюзов, правительство запретило им вмешиваться в хозяйственную деятельность предприятий, проводить собрания в рабочее время, а также требовать выплат от предпринимателей в пользу рабочих организаций¹⁴.

Члены правительства полагали, что эти положения могут в достаточной мере защитить интересы рабочих и что государственной власти не следует раздавать рабочим новые громкие обещания. Как подчеркивал управляющий Отделом труда М.А. Лихач, главной задачей «демократии» было «удержать позиции, завоеванные февральской революцией». Дальнейшее развитие социального страхования и улучшение положения рабочих должно было стать результатом роста промышленности и «организованности рабочего класса»¹⁵.

В своих взаимоотношениях с рабочими казенных предприятий правительство стремилось подать пример того, как выполнение уже имеющихся норм способно улучшить положение рабочих. Так, с рабочими архангельского порта и судоремонтного завода осенью 1918 г. казна перезаключила коллективные договоры, подтвердив, в частности, 8-часовой рабочий день, право рабочих на четыре недели оплачиваемого отпуска в год и на получение заработной платы во время простоев предприятия. Дневная норма выработки была сокращена на 40% по сравнению с довоенной, учитывая сокращение рабочего дня и общее снижение производительности труда. При этом сверхурочные работы оплачивались в полуторном размере¹⁶.

Ставки заработной платы, выработанные согласительной комиссией из представителей управления порта и профсоюзов, были осно-

ваны на прожиточном минимуме. Даже рабочий низшей квалификации получал в месяц 400 руб., что позволяло ему покупать ежемесячно, среди прочего, 30 фунтов хлеба, 15 фунтов трески, 30 фунтов картофеля и 4 фунта мяса. Более 100 руб. в месяц отчислялось на покупку одежды. Профсоюзы первоначально настаивали на том, что рабочему раз в год также положено покупать парадный костюм стоимостью в 500 руб. Однако правительство при утверждении договора отменило соответствующую надбавку к зарплате, видимо посчитав, что во время Гражданской войны рабочие могли обойтись и без парадного костюма. Подобные же права и нормы оплаты были гарантированы рабочим и служащим других казенных предприятий, в частности железных дорог¹⁷. Таким образом, ставки оплаты труда отнюдь не были «голодными». По договорам положение рабочих было заметно лучше, чем, например, у мелких государственных чиновников, заработная плата которых, как и в годы мировой войны, существенно отставала от роста цен¹⁸.

Переговоры с профсоюзами, которые предшествовали перезаключению коллективных договоров, свидетельствовали о том, что правительство признает представительную роль рабочих организаций. Права профсоюзов были прописаны и в коллективных договорах. Также, хотя профсоюзы не могли вмешиваться в хозяйственную деятельность и не контролировали наем и увольнение рабочих, управляющие казенными предприятиями обязаны были сообщать им обо всех кадровых переменах и в случае особо резких возражений должны были считаться с мнением рабочих организаций¹⁹.

Таким образом, Северное правительство демонстрировало политическую волю и желание улучшить положение рабочих. При этом перезаключение коллективных договоров и другие инициативы, начатые еще при социалистическом Верховном управлении, были продолжены и его преемником — либеральным Временным правительством Северной области. Однако буква договоров разбилась об экономическую реальность.

Испытывая постоянные финансовые трудности, казна уже осенью 1918 г. стала задерживать выплату зарплат — задержки составляли месяц и даже более²⁰; 8-часовой рабочий день не соблюдался, так как в связи с войной на предприятиях вводились обязательные сверхурочные работы. А в 1919 г., чтобы не допустить перебоев в работе заводов, портов и железных дорог, были отменены все отпуска. В некоторых случаях администрация предприятий самостоятельно пересматривала пун-

кты договоров. Так, Управление мореплавания и портов уменьшило неоправданно высокую, с его точки зрения, зарплату некоторых категорий рабочих²¹.

Рабочие, в свою очередь, также не считали себя связанными рамками договоров. Производительность труда продолжала снижаться. Например, портовые грузчики весной 1919 г. произвольно уменьшили рабочий день с 8 до 6 часов и не выполняли установленные нормы выработки, что вынуждало русские и союзные власти сокращать поставки грузов в архангельский порт²². Многие рабочие не считали сверхурочные работы обязательными, даже если они касались военных заказов и перевозок. Тем временем профсоюзы требовали предоставлять за сверхурочные работы, помимо полуторной оплаты труда, еще один продовольственный паек и лишний день отдыха²³.

Вопреки официальным запретам рабочие и профсоюзные организации по-прежнему прибегали к забастовкам, чтобы добиться осуществления своих экономических требований, не считаясь с военным положением Северной области. Так, в октябре 1918 г. забастовали двинские речники, возмущенные задержкой заработной платы, и тем самым прервали снабжение фронта по Северной Двине на несколько дней. В ноябре 1918 г. забастовкой угрожали почтово-телеграфные служащие Мурмана, требуя увеличения продовольственного пайка. На Мурманской железной дороге стачки дорожных и строительных рабочих с требованием выплатить прежние долги по зарплате были постоянным явлением, что вело к перебоям в железнодорожном сообщении, авариям и поломкам²⁴.

С начала 1919 г. белые власти, оказавшись неспособными ни ослабить рабочий протест, ни выполнить свои собственные обязательства по договорам, стали все чаще прибегать к угрозам, репрессиям и попыткам милитаризации труда. В январе в ответ на очередной отказ железнодорожников от сверхурочных работ в качестве наказания за такие проступки был введен трехмесячный арест или предание военно-полевному суду. В мае 1919 г. началось создание так называемых рабочих батальонов из мужчин призывного возраста, негодных к службе в армии, которые направлялись на оборонные работы по указанию военных властей²⁵. Осенью 1919 г. милитаризация коснулась уже железнодорожников, на которых было распространено действие военно-уголовных законов. Тогда же правительство занялось разработкой постановления о введении всеобщей трудовой повинности, не видя другой возможности мобилизовать на оборону ограниченные людские ресурсы области²⁶.

Тем временем профсоюзы могли все меньше влиять на положение рабочих и правительственную политику. Уже осенью 1918 г. на профсоюзных собраниях начала присутствовать милиция, а их повестку предварительно просматривал правительственный комиссар. Цензура все строже пресекала обсуждение рабочего вопроса в прессе, что в начале 1919 г. привело к закрытию газеты «Рабочий Севера», печатного органа Совета профсоюзов²⁷. Профсоюзных лидеров сажала под арест и союзная контрразведка. А белые чиновники на местах порой не признавали за профсоюзами вообще каких-либо полномочий. Как отмечал весной 1919 г. начальник Мурманского края, «бывшие члены их боятся даже вести речь о возможных профессиональных организациях, которые представляются им чем-то запретным»²⁸. Рабочие и профсоюзы не имели даже возможности апеллировать к правительственному Отделу труда, так как таковой уже в сентябре 1918 г. был упразднен, а его полномочия переданы фабричной инспекции при Отделе промышленности и торговли. Несмотря на настойчивые протесты профсоюзов, Отдел труда не был восстановлен вплоть до конца лета 1919 г.²⁹

Ухудшение материального положения рабочих и ограничение прав рабочих организаций привели к тому, что в 1919 г. в донесениях местных чиновников все чаще стали встречаться сведения о недовольстве рабочих и профсоюзных лидеров политикой Северного правительства и вообще белой властью³⁰. Однако учитывая, что в Архангельской губернии общее число рабочих не превышало 5—6 тыс. человек, или 1,5% населения³¹, и что здесь не имелось традиции организованного рабочего движения, представляющего опасность для власти, белое руководство уже было склонно игнорировать рабочий вопрос, отложив его решение до лучших времен.

Вместе с тем, хотя Северное правительство со временем перестало обращать внимание на требования рабочих, его едва ли можно упрекнуть в стремлении повернуть часы вспять. Его попытки сохранить основы революционного рабочего законодательства и улучшить положение рабочих разбились о разрушенную экономику и недостаток казенных средств. В итоге его политика, как и политика большевиков, прошла тот же цикл от широких обещаний рабочим и профсоюзам до ограничения их прав во имя интересов обороны, подавления протестов и все более широкой милитаризации труда³².

Несмотря на растущее недовольство рабочих в Северной области, едва ли можно утверждать, что в целом в годы Гражданской войны рабочие больше доверяли советскому правительству³³. Возможно, рабо-

чий протест представлял даже бóльшую угрозу не для белых правительств промышленно слабых окраин, а для большевистских руководителей индустриального центра страны. В любом случае, несмотря на периодические забастовки и низкую производительность труда, в период наиболее активных боев на Северном фронте белый тыл оставался в целом спокоен. Как будет показано в главе 7, оппозиционность рабочих к белой власти усилилась не тогда, когда победа белых в Гражданской войне казалась вполне вероятной, а когда стало очевидно, что белые правительства едва ли могут выйти победителями из войны. Тогда рабочие, опасаясь оказаться на стороне проигравших, все более открыто демонстрировали сочувствие большевикам³⁴.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Попытки Северного правительства закрепить достижения революции в области рабочего законодательства и улучшить положение рабочих опирались на его общие представления о модернизаторской роли и социальных обязательствах государства. Руководство области считало своей обязанностью заботиться о нуждах жителей губернии, об их пропитании, здоровье и просвещении, чтобы помочь населению выжить в трудных условиях Гражданской войны, но также способствовать превращению «темных» и «отсталых» северян в полноценных граждан нового российского государства. В этом отношении оно, как и большевики, являлось действительно пореволюционной властью.

Пропитание населения Архангельской губернии, никогда не снабжавшей себя полностью хлебом, оказалось одной из главных задач северного правительства. Практика централизованных закупок продовольствия появилась уже в годы мировой войны, когда Архангельский губернатор, городские думы и крестьянские кооперативы направляли своих агентов в Сибирь и южные губернии России. Теперь же эта задача осложнилась многократно. В крае, отрезанном фронтами от хлебных районов страны, лишь государственная власть имела возможность организовать широкомасштабные морские поставки хлеба из-за границы, и Северное правительство должно было взять эту обязанность на себя. При помощи союзного отдела снабжения была организована закупка продовольствия, распределявшегося среди населения при посредничестве кооперативов и земств. Недоедание в годы революции и Гражданской войны стало нормой для жителей нехлебородной Архан-

гельской губернии. Поэтому, не имея возможности довести питание до довоенного уровня, правительство прилагало усилия, чтобы по крайней мере предотвратить голодовки и обеспечить население хотя бы небольшим, но регулярным продовольственным пайком. Его размеры были меньше в сельской местности, где население могло получить дополнительное питание от промыслов и сельского хозяйства. В городах же, как предполагалось, паек должен был учитывать всю потребность жителей в продовольствии. Впрочем, из-за трудностей морского сообщения и недостатка денег питание населения не было ни обильным, ни даже достаточным³⁵.

Помимо организации продовольственных, в первую очередь хлебных, поставок из-за рубежа, уже с конца 1918 г. правительство регулярно выделяло денежные ссуды потребительским кооперативам и продовольственным отделам земств. Средства предназначались для выкупа пайка для населения, не имевшего денег даже на оплату нормированного продовольствия. Ссуды были беспроцентными и выдавались на срок от двух месяцев до двух лет, что в условиях переменной военной обстановки и быстрой инфляции было равнозначно безвозмездной помощи со стороны казны голодающим волостям³⁶. Казенные ссуды и продовольственные пособия поступали также жителям волостей, пострадавших от военных действий, и нескольким тысячам беженцев с территорий, занятых красными войсками³⁷.

Если продовольственные и денежные пособия наиболее нуждающимся группам населения правительство рассматривало как чрезвычайную меру, то помощь белой власти солдатам и их семьям была регулярной и планомерной. Забота о военнослужащих и их семьях в Северной области была организована на широком уровне и являлась прямым продолжением возросшей заботы государства о рекрутах в годы Первой мировой войны³⁸. Помимо того что солдатам на Севере полагалось 100 руб. жалованья в месяц и надбавки за пребывание на фронте и службу в отдаленных уездах, семьи солдат и белых партизан также получали бесплатный продовольственный паек и, начиная с весны 1919 г., денежное пособие. Семьям призывников из числа государственных и земских служащих полагалось до 3/4 прежнего содержания кормильца. Государство также брало на себя обеспечение инвалидов и семей солдат, попавших в плен или погибших как в Гражданской, так и в Первой мировой войне³⁹. Особое внимание Северного правительства к нуждам солдат и широкие масштабы помощи их семьям видны из того, что казенные расходы только на продовольственное пособие

семьям военных летом 1919 г. составляли около половины всего бюджета военного ведомства Северной области⁴⁰.

Помимо денежных выплат и бесплатного пайка солдаты и их семьи пользовались и другими льготами. Северное правительство, так же как и имперская власть в годы мировой войны, установило взаимосвязь между выполнением солдатами своего гражданского «долга» в борьбе с большевиками и правом на землепользование. Так, северяне, участники мировой и Гражданской войн, получали преимущественное право на лучшие участки казенных и национализированных церковных земель, передаваемых в пользование населению. Тем временем правительство и земские органы ставили в обязанность крестьянским общинам помогать семьям призывников обрабатывать земельные наделы⁴¹.

Положение солдатских семей, обеспеченных бесплатным продовольственным пайком и денежным пособием, было привилегированным по сравнению с другими жителями губернии, многие из которых из-за остановки промыслов и развала хозяйства зависели от нерегулярных государственных пособий. Оно также отличалось в лучшую сторону от положения военнослужащих на других белых территориях, где офицерское жалованье было минимальным, а солдаты и их семьи часто вовсе не получали или получали лишь незначительные пособия от казны⁴².

Продовольственный паек и денежные пособия помогали Северному правительству поддерживать если не боеспособность, то по крайней мере значительную численность северной армии. Семьи дезертиров и перебежчиков лишались правительственной помощи, что в условиях хозяйственной разрухи могло оставить их без средств к существованию⁴³. Вероятно, небывалый успех мобилизации в северную армию, составлявшую к осени 1919 г. примерно 55 тыс. человек, или около 10% всего населения края, был во многом связан с той поддержкой, которую оказывало правительство призывникам и их семьям.

МЕДИЦИНА И БОРЬБА С ЭПИДЕМИЯМИ

Забота Северного правительства о благосостоянии населения проявилась также в его акциях по борьбе с эпидемиями. В годы Гражданской войны эпидемии не различали линий фронтов и широко распространялись в связи со всеобщим недоеданием и нехваткой врачебной помощи. Они повлекли за собой небывалое количество жертв, унеся вместе с голодом значительно больше жизней, чем боевые действия противоборствующих армий⁴⁴.

В Северной области недостаток питания, приток беженцев при перемещении линии фронта и постой войск в крестьянских домах способствовали распространению эпидемий. Тем временем медицинская помощь населению сократилась до минимума. Почти все имевшиеся на Севере земские врачи, включая женщин-врачей, были мобилизованы для обслуживания нужд армии. В результате к концу 1919 г., например, в Архангельском уезде из семи земских врачей остался только один, в Холмогорском уезде работал один врач вместо пяти. В Онежском, Пинежском и Печорском уездах врачей не было вовсе и помощь населению изредка оказывали находившиеся там военные врачи. Схожее положение наблюдалось и с фельдшерами. В уездах действовало меньше половины фельдшерских пунктов, в большинстве из которых не имелось почти никаких лекарств и медицинских принадлежностей⁴⁵.

Не встречая противодействия, эпидемии стремительно распространялись по губернии. Вначале пришла «испанка», которую осенью 1918 г. занесли на Север союзные солдаты. Быстро охватив все уезды, эта разновидность гриппа поразила в Северной области в общей сложности около 30 тыс. человек. В некоторых уездах болело до 15% всех жителей. Население нередко заболело целыми деревнями и умирало семьями. Северное правительство, узнав о масштабах эпидемии, при содействии земств стало создавать летучие эпидемические отряды. Как правило, они состояли из врача и нескольких фельдшеров, которые переезжали из одной пораженной местности в другую, пытаясь оказать населению посильную помощь. Но, несмотря на усилия врачей, болезнь унесла в губернии около 2,5 тыс. жизней⁴⁶.

Как только в конце 1918 г. отступила «испанка», Северную область охватила эпидемия сыпного тифа. Смертность от тифа достигала 25% от числа заболевших вместо обычных по тем временам 12—15%. Наученное опытом борьбы с «испанкой», Северное правительство немедленно выделило на борьбу с эпидемией около полумиллиона рублей, занялось организацией эпидемических отрядов и наладило посылку лекарств в пораженные районы. В итоге к концу апреля 1919 г. удалось сбить эпидемическую волну⁴⁷. Но и потом по Северной области продолжали ходить массовые заболевания, в частности цинга, вызванная плохим питанием и отсутствием свежих овощей. Особенно страдал от цинги самый северный Мурманский край. Белое руководство создало для цинготных специальные поселки, где заболевшим полагались увеличенный паек и наблюдение фельдшера⁴⁸.

Хотя Северное правительство быстро реагировало на появление эпидемий, эффективность его мер была не очень велика. В губернии по-прежнему не хватало врачей и медикаментов, а эпидемические отряды могли оказывать населению огромной Архангельской губернии лишь точечную помощь. Кроме того, на Севере почти отсутствовала профилактика болезней, за исключением попыток Архангельского союза кооперативов наладить выпуск листовок с описанием симптомов болезней и мер предосторожности в обращении с больными⁴⁹. Тем не менее действия северного правительства в борьбе с эпидемиями показывали, что оно в не меньшей мере, чем советское руководство, считало заботу о здоровье населения обязанностью государства и пыталось выполнять эту обязанность даже в критических условиях Гражданской войны.

Если северному правительству не удалось предотвратить голод и эпидемии, то, по крайней мере, его меры способствовали тому, что общие потери населения Архангельской губернии в годы Гражданской войны были относительно невелики. В то время как население Европейской России сократилось с 1914-го по 1920 г. на 5,5 млн. человек, причем в первую очередь за счет северных и центральных губерний, число жителей Архангельской губернии осталось неизменным. Это напоминало положение на других территориях, находившихся под контролем белых правительств, и являлось резким контрастом с соседними «красными» Вологодской, Вятской и Олонекской губерниями, где население стремительно сокращалось⁵⁰. Таким образом, устойчивая численность населения в несельскохозяйственной и экономически слабой Северной области, вероятно, была в определенной мере результатом политических шагов белой власти.

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Наверное, мало что пользовалось большим вниманием Архангельского правительства, чем дело народного просвещения. Как и политическая элита 1917 г., предпринимавшая масштабные просветительские усилия, белое руководство связывало с ростом образованности масс надежду на пробуждение в населении политической «сознательности» и гражданственности⁵¹. Также просвещение должно было помочь массам «отрезвиться» от веры в несбыточные обещания большевиков, способствовать восстановлению страны и победе белых в Гражданской

войне. Как суммировал эти настроения в своей резолюции финансово-экономический совет при Северном белом правительстве: «Если будет образование, только тогда будет государство»⁵².

Взаимосвязь образования и политики лежала и в основе большевистских усилий по «политпросвещению» населения. Однако белые просветительские акции значительно отличались от красной политической пропаганды. Антибольшевистские политики и военные, имевшие часто противоположные политические взгляды, так и не смогли выдвинуть единой четкой политической программы, которая легла бы в основу пропагандистских кампаний. Кроме того, белые офицеры, наученные опытом революционного развала армии, не могли преодолеть своего отвращения перед прямой политической агитацией среди населения и солдат. Поэтому не удивительно, что действовавшее с осени 1918 г. агитационно-информационное бюро печати при Северном правительстве около полугода не могло наладить даже выпуск собственных печатных изданий⁵³. Отделение военной пропаганды при белом штабе было создано только весной 1919 г. в ответ на резкое усиление большевистской пропаганды за линией белого фронта и восстания в белых частях. Оно начало рассылать в полки газеты и листовки, открыло в Архангельске солдатский клуб и организовало поездку на фронт передвижной актерской труппы. Однако штаб предпочитал информационные материалы агитационным листовкам, а концертная труппа во главе с бывшим актером столичного Александринского театра В.Н. Давыдовым ставила исключительно довоенные водевили и классический репертуар⁵⁴.

Но даже эти полумеры разбились о сопротивление местных военачальников и чиновников. Направлявшиеся в уезды и полки пачки газет и листовок, лишенные, по гордому заявлению главы бюро печати А. Драшусова, всякой «партийной линии», часто не выходили «из недр получающих их учреждений» и оставались нераспакованными. Тем временем на курсы агитации и пропаганды, открытые осенью 1919 г. при белом штабе Северной области и предлагавшие аполитичные лекции по истории, государственному праву, об армии и дисциплине, аграрном и рабочем вопросах, фронтовые начальники направляли наименее способных подчиненных, чтобы не лишать фронт боевых командиров и надежных солдат⁵⁵. Таким образом, пока большевики занимались строительством «пропагандистского государства», пределом белой агитации были разрозненные попытки наладить рассылку информационных изданий и привить населению «ясные понимания о ценности для человечества государственных форм бытия»⁵⁶.

Отвергая политическую пропаганду, белые власти направили все усилия на широкое просвещение населения. Просветительская политика Северного правительства не только учитывала все реформы 1917 г., но и шла параллельно с большевистским законодательством. Так, при правительственном Отделе образования в августе—сентябре 1918 г. действовало совещание из учителей, представителей земств, кооперативов и Общества изучения Русского Севера, которое оставило в силе большинство большевистских реформ в сфере образования, отказавшись лишь от насильственных методов их проведения⁵⁷.

В сентябре 1918 г. циркуляры Отдела народного образования, разосланные в школы области, отменили экзамены при переходе из школ низшей ступени в гимназии, рекомендовали совместное обучение мальчиков и девочек, исключили из списка обязательных школьных предметов Закон Божий, а также подтвердили переход преподавания на новую систему русской орфографии. Они лишь подчеркивали, что переход этот должен быть постепенным, чтобы не допускать насильственного переучивания⁵⁸. Северное правительство поддержало и введение трудового обучения школьников как новейшего метода в педагогике. Помимо этого, оно учредило автономию средней школы. Составление учебных планов, выбор пособий и выработка школьного устава, а также все внутреннее управление школой стали делом педагогических советов с участием родителей и представителей местного самоуправления⁵⁹.

Несмотря на постоянный дефицит бюджета, казна выделяла на нужды образования значительные средства, которые к лету 1919 г. занимали первое место среди невоенных бюджетных ассигнований. Учителя были приравнены к государственным служащим и взяты на казенное обеспечение. Правительство даже погасило задолженность советской власти перед учителями губернии за первую половину 1918 г. Оно отпустило средства на открытие новых школ, в частности четырех новых гимназий в уездных городах, шести высших и 23 низших начальных училищ, а также трех ремесленных училищ⁶⁰. В этом отношении белое правительство продолжило политику Временного правительства 1917 г., при котором численность школ в губернии начала быстро расти. Одновременно уездные земские управы предпринимали усилия, чтобы улучшить внешкольное образование. Действовали земские вечерние и воскресные школы для взрослых, работали библиотеки, читальни и клубы. В целом, по мнению земских представителей, во внешкольном образовании наметились значимые перемены⁶¹.

Однако никакие усилия правительства и северной общественности не могли спасти школу от упадка в условиях Гражданской войны. Несмотря на открытие новых школ, число учебных заведений губернии уменьшалось из-за нехватки помещений, занятых под постой войск, и отсутствия учителей, массово мобилизованных в армию. Так, в Печорском уезде в 1919 г. пришлось закрыть 28 из 66 начальных школ, а в трети школ губернии обучение прерывалось хотя бы на короткое время. Школы страдали от отсутствия учебных принадлежностей и пособий. Ученики порой были вынуждены писать в старых тетрадях между строками, а в качестве учебных пособий использовались единичные экземпляры уцелевших учебников. Пособиями оказался обеспечен только Печорский уезд, так как при наступлении белых войск был захвачен ценный трофей — партия советских учебников для начальных училищ, которые тут же были пущены в дело⁶².

Школам Северной области недоставало не только учителей, но и учеников. Гимназисты старших классов массово записывались добровольцами в армию или пополняли ряды ополченцев. Тем временем крестьянские дети бросали начальную школу, оставшись после мобилизации отцов, наряду с женщинами, главной опорой домохозяйств. Улучшить положение не могло ни то, что начальное образование было бесплатным, а гимназическая плата — символической, ни бесплатные школьные завтраки, которые предлагала детям из бедных семей миссия Красного Креста. В итоге около половины учеников бросали школу до окончания полного курса⁶³.

В целом, хотя Северное правительство обращало на народное просвещение особое внимание, его надежды на быстрый рост образованности населения и на ведущую роль просвещения в преобразовании общества не оправдались. Уровень грамотности в губернии продолжал повышаться, увеличившись с 23,3% в начале века до 41,6% от общего числа жителей губернии в 1920 г. Однако белой власти не удалось добиться здесь резкого скачка. Также не смогла она и устранить различия в уровне грамотности между жителями центральных и отдаленных уездов, города и села, между женщинами и мужчинами, в то время как нерусское население губернии оставалось почти поголовно неграмотным⁶⁴. Еще меньшим успехом увенчались расчеты правительства на то, что просвещение заставит население освободиться от большевистского влияния и поддержать белую власть. Хотя жители губернии использовали возможности, чтобы пополнить свое образование, просвещение не имело прямого политического эффекта. Исход борьбы решался не за школьной партией, а на лесистых заставах и полях Гражданской войны.

В конечном итоге Северное правительство уступило большевикам не из-за неудачной социальной политики. В подходах белого и советского правительств к просвещению, здравоохранению и социальной помощи населению было много общего. Белый архангельский кабинет, так же как и его противники, считал заботу о благосостоянии населения обязанностью государственной власти и, несмотря на недостаток ресурсов и средств, во многих отношениях строил то же социально ориентированное государство, к созданию которого призывали большевики.

ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Намерение северного правительства закрепить основные достижения революции и улучшить положение простого населения нигде не было так очевидно, как в области земельного законодательства. Радиализму реформ способствовало то, что на Севере не стоял столь острый терзавший либералов вопрос о правах частных земельных собственников. Здесь отсутствовало не только помещичье землевладение, но и отрубные хозяйства столыпинского типа, так как столыпинская аграрная реформа Архангельскую губернию практически не затронула⁶⁵. Главным собственником земли являлась казна, к которой также перешли после революции удельные земли. Кроме того, земледелие играло в губернии только подсобную роль в крестьянском хозяйстве. В результате противоречия в землепользовании на Севере не были настолько остры, как в центральной и черноземной России. Земельные конфликты и в годы первой русской революции, и в 1917 г., и в годы Гражданской войны касались в первую очередь споров казны и крестьян о пользовании государственными лесами и угодьями, а также тяжб между соседними сельскими обществами и крестьянами внутри одной общины. От способности Северного правительства урегулировать конфликты внутри деревни во многом зависели его популярность и контроль над сельской местностью. Так как радикальное земельное законодательство было одной из наиболее ярких отличительных черт политики архангельского кабинета, стоит остановиться несколько подробнее на условиях его появления и на предьстории земельного вопроса в губернии.

Хотя на Севере отсутствовали острые земельные противоречия, а земля не имела большой ценности, споры о землепользовании в крае возникали регулярно и были крайне запутанными и трудноразрешимыми. В Архангельской губернии не было проведено даже предваритель-

ное межевание крестьянских и государственных земель, начатое в стране после крестьянской реформы 60-х годов XIX века. Землемерные работы, начавшиеся только в 1912 г., были свернуты с началом мировой войны⁶⁶. Пользуясь неясными границами владений, в 1917 г. крестьяне не только перестали платить пошлыны за пользование казенными и монастырскими угодьями, но и стали произвольно расширять общинные владения. В своих резолюциях и наказах Учредительному собранию крестьяне требовали закрепить за ними все прежние арендные земли и передать дополнительные участки в бесплатное пользование⁶⁷.

Революция, приведя к расширению крестьянского землепользования, также ожесточила поземельные споры внутри самой деревни. Например, в Печорском уезде с лета 1917 г. шла борьба за пользование рыбными тонями на реке Печоре между крестьянами Пустозерской волости, настаивавшими на своем традиционном праве владеть угодьями, и жителями Усть-Цильмы, которые, используя революционную риторику, настаивали на равном доступе всех граждан к земле и ресурсам⁶⁸. В Онежском уезде споры крестьян Кожской волости и деревни Кривой Пояс Пудожской волости вокруг земель соседнего Кожеозерского монастыря дошли до открытых кровавых столкновений⁶⁹.

Враждовали не только соседние волости, но и крестьяне внутри одного общества. Во многих общинах шли переделы земель, связанные с возвращением домой солдат-фронтовиков, увеличением числа вдов, которые после гибели мужей возглавили домохозяйства, и притоком в деревню оставшихся без работы отходников. Революционная риторика равенства повлияла на бóльшую уравнивательность при переделах. Однако переделы затронули не все общины губернии и редко были полными. В период с 1917-го по 1919 г. они прошли лишь в 153 из 665, или менее чем в четверти, поземельных общинах губернии, причем преобладали частичные прирезки и поравнения земель⁷⁰. Таким образом, архангельская деревня не была накрыта волной «черного передела», и значительная часть крестьян продолжала ждать законодательного урегулирования земельных отношений. Например, как сообщал Архангельскому губернскому земскому собранию в сентябре 1918 г. гласный от Шенкурского уезда, во многих местах крестьяне «ждут разрешения земельного вопроса от центра и только делают поравнения»⁷¹.

Чем дольше длилось ожидание, тем туже затягивался узел земельных конфликтов. Одной из причин этого были непоследовательные решения властей. Так, уездные земельные комитеты в 1917 г., а позже земельные отделы исполкомов советов часто предоставляли решение

вопроса о нормах землепользования самим волостям и общинам. Тем временем губернские органы власти предписывали общинам собственные нормы, которые противоречили друг другу. В частности, это касалось пользования так называемыми расчистками, а именно участками казенных лесов, переданными крестьянским хозяйствам для разработки в пашню.

К расчисткам прибегали треть всех крестьянских хозяйств, и они, как правило, значительно превышали площадь наделов. Расчистки требовали большого вложения труда. Поэтому крестьянские хозяйства раньше получали их от казны в бесплатное пользование на сорок лет, после чего расчистка поступала в общинный земельный фонд и могла сдаваться в аренду⁷². Стихийные переделы расчисток, по которым еще не истек срок пользования или которые превышали средние размеры расчисток, привели к противостоянию между старыми хозяевами, затратившими на их разработку значительный труд, и новыми претендентами на уже облагодраженные участки. Два принципа, регулировавшие землепользование внутри общины, а именно право на равный доступ общинников к земле и угодьям, вышедшее на первый план в годы революции, и трудовое право на пользование результатами вложенных усилий, имевшее особенно долгую традицию на Севере, вошли в противоречие друг с другом.

В 1917 г. вопрос о расчистках в каждой волости и общине решался по-своему. В одних волостях были перераспределены только расчистки, превышавшие среднюю волостную норму, или те, по которым истек срок пользования, в других в передел пошли все расчистки, а в третьих переделы расчисток вовсе не производились. Конфликты были еще более острыми из-за отсутствия четких планов земельных участков, а часто и документов о границах, размерах и сроках пользования расчистками. Поэтому, как только право фактического владения было оспорено, тяжбы о расчистках становились бесконечными и едва ли разрешимыми⁷³.

Постановления губернских органов власти еще больше запутали вопрос о землепользовании. Так, в феврале 1918 г. четвертая сессия Архангельского губернского земельного комитета и первый Архангельский губернский съезд советов, постановив передать земельным комитетам казенные, монастырские, церковные и частновладельческие земли, оставили расчистки прежним владельцам, если они не превышали «трудовую норму». Однако в июле 1918 г. второй губернский съезд советов решил отобрать все расчистки и поделить по количеству едоков⁷⁴.

В сельских общинах сторонники и противники переделов отстаивали свои права, апеллируя к соответствующим решениям властей. В итоге, придя к власти в августе 1918 г., антибольшевистское Северное правительство получило в наследство крайне запутанные земельные нормы. Оно встало перед необходимостью не только решить общий вопрос о крестьянском пользовании казенными и церковными землями, но и всерьез вмешаться в поземельные споры в самой деревне.

В первое время северное правительство не считало нужным принимать радикальные решения до созыва будущего Учредительного собрания. Заявив о необходимости обеспечить права «трудящихся на землю», оно передало разрешение местных споров о землепользовании земельным отделам земств. Крестьяне на Севере получили свободный доступ к лесным ресурсам при общей регулирующей роли земских самоуправлений⁷⁵. Также земства распоряжались казенными сельскохозяйственными землями, находившимися в пользовании населения, и дополнительным фондом государственных земель, которые шли на удовлетворение нужд малоземельных крестьян. В качестве общих правил земства должны были руководствоваться положением прежнего Учредительного собрания о бесплатной передаче земель в пользование крестьянам, а также созвучным ему постановлением февральской 1918 г. сессии губернского земельного комитета. Более сложные споры между общинниками предполагалось передавать на третейское разбирательство из волостной управы в уездный земельный отдел, дальше — в губернское земство и наконец, в качестве высшей инстанции, — на рассмотрение Архангельского правительства⁷⁶.

Однако такая схема решения конфликтов не удовлетворила никого. Крестьяне продолжали направлять многочисленные жалобы земствам и мировым судьям, указывая на несправедливое распределение участков, на «незаконное» наделение землей женщин и «пришлого элемента», на изъятие трудовых расчисток и тому подобное. В свою очередь земства, и суды настаивали перед северным правительством на том, что надо наконец ясно определить правила и нормы землепользования в губернии, так как иначе они не могли разрешать споры. Все это вынудило кабинет приступить к разработке земельных законов⁷⁷.

Уже с конца сентября 1918 г. при губернской земской управе действовала земельная комиссия, разрабатывавшая рекомендации по нормам землепользования. А 20 ноября 1918 г. при земельном Отделе правительства открыло работу специальное совещание из представителей земств, агрономов, юристов во главе с председателем кабинета и

управляющим отделом Н.В. Чайковским. Оно собрало имевшиеся земельные законы, постановления земельных комитетов и крестьянских съездов, а также прошения и жалобы населения и выработало три законопроекта, которые были представлены на утверждение правительства⁷⁸. Чайковский считал принятие законов неотложной необходимостью и торопил работу комиссии⁷⁹. В итоге первый и самый главный из законов, регулирующий пользование расчистками, был принят правительством уже 13 января 1919 г., за несколько дней до отъезда Чайковского в Париж. Под руководством П.Ю. Зубова, заместившего Чайковского во главе кабинета и Отдела земледелия, 19 февраля и 4 апреля 1919 г. Северное правительство утвердило остальные законы — о пользовании арендованными казенными землями, а также участками, находившимися во владении монастырей и церкви.

Вместе взятые, эти постановления подтверждали передачу в распоряжение земств казенных и церковных земель, находившихся в пользовании крестьян. Также они впервые ограничивали размер участка, находившегося в пользовании одного домохозяйства. Максимальная площадь расчистки или арендованной земли определялась в 11 десятин на крестьянское хозяйство. И только излишки должны были поступать в передел и распределяться волостными земствами среди нуждающихся. Норма была гибкой, и в виде исключения хозяйства могли сохранять за собой избыточные площади, внося за них поземельный сбор. Главным условием владения землей была обработка ее собственными силами и использование в сельскохозяйственных или промысловых целях. Схожий принцип применялся и к церковным землям. В собственности причтов и монастырей оставались лишь земли в размере «трудовой нормы», соответствовавшей среднему крестьянскому наделу в данной волости или уезде. Остальные земли поступали в распоряжение земств для равного распределения среди нуждавшихся крестьян⁸⁰.

Как отмечал Чайковский, главной целью законов было «поддерживать трудовое хозяйство»⁸¹. Поэтому трудовой принцип землепользования был центральным стержнем аграрного законодательства Северного правительства. Наемный труд разрешался только в исключительных случаях, например в пользу вдов, солдаток и сирот, не способных самостоятельно обработать надел, но не имевших других средств к существованию. Трудовой принцип обусловил и довольно низкий земельный максимум. Хотя норма в 11 десятин примерно в три раза превышала среднюю по площади расчистку в Архангельской губернии, правительство едва ли ставило целью создать крупные крестьянские

хозяйства «столыпинского типа»⁸². Суровый северный климат не позволял наладить на таких участках товарное хозяйство. Не случайно во времена столыпинской реформы земельный максимум в Шенкурском уезде был определен в 21 десятина, а в 1919 г. губернское земство добивалось увеличения максимального размера владений до 24 десятин⁸³. Но хотя Северное правительство допускало отступления от закона, чтобы обеспечить интересы трудовых пользователей, предельный размер участка увеличен не был⁸⁴.

Другой отличительной чертой северного земельного законодательства было стремление закрепить участки за отдельными домохозяйствами, выведя их из круга земельных переделов. Правительство хотело, чтобы крестьяне не боялись вкладывать в землю дополнительный труд, повышая тем самым общую производительность сельского хозяйства. Так, хозяева расчисток и арендованных земель сохраняли за собой участки в пределах максимальной нормы, даже если они превышали размеры соседних хозяйств. Также у прежних владельцев было преимущественное право на аренду своих земель после окончания установленного срока их использования. Такое ограничение не должно было ущемлять интересы малоземельных крестьян, которые могли получать дополнительные участки из фонда бывших церковных и казенных земель⁸⁵.

Наконец, хотя Северное правительство не делало никаких заявлений о будущей форме землевладения, его постановления фактически ограничивали частную собственность на землю. Об этом свидетельствовало не только радикальное решение лишить церковь ее земельных владений, но и фактический запрет на куплю-продажу сельскохозяйственных земель, введенный в Северной области. Крестьяне получали земельные участки исключительно в бесплатное пользование или в аренду. Схожее ограничение распространялось даже на городскую земельную собственность. Так, городским думам было запрещено выставлять на продажу участки земли под частную застройку, вместо чего предлагалась аренда⁸⁶. Таким образом, хотя северные руководители подчеркивали гибкость земельных законов, которые могли быть приспособлены к любому решению Учредительного собрания, будь то укрепление собственности или социализация земли, эти законы были близки к эсеровской земельной программе. Последняя запрещала частный оборот земель и превращала землю в общенародную собственность, находившуюся в распоряжении органов самоуправления⁸⁷.

Таким образом, северное аграрное законодательство, выработанное под влиянием народного социалиста Чайковского, а также при участии земских служащих и агрономов, многие из которых разделяли социалистические взгляды, оказалось самым радикальным из всех земельных законов белых правительств. Однако, наметив пути разрешения земельного вопроса, оно не смогло принести немедленного успокоения в архангельскую деревню. Так, до конца существования Северной области продолжались споры между соседними волостями, между бывшими арендаторами церковных и казенных земель и крестьянами, захватившими их в 1917—1918 гг., и между прежними и новыми пользователями расчисток⁸⁸. Постановления медленно проводились в жизнь из-за отсутствия подробных инструкций⁸⁹. Кроме того, местные чиновники нередко произвольно трактовали принятые законы. Так, начальник Холмогорского уезда своим циркуляром оставил все расчистки в распоряжении прежних владельцев, вне зависимости от их размеров⁹⁰.

Но все же земельные законы Северного правительства заложили основу для постепенного урегулирования земельных конфликтов. С одной стороны, они не противоречили фактическому состоянию землепользования в губернии, подтвердив бесплатный переход части казенных и церковных земель в руки крестьян. С другой стороны, будучи достаточно ясными и последовательными, они вводили четкие законодательные нормы, которые позволяли разрешать конфликты внутри деревни и в итоге поставить точку в бесконечных крестьянских спорах о пользовании землей.

Северное аграрное законодательство также способствовало укреплению авторитета белой власти. Северное правительство и органы самоуправления, к которым крестьяне обращались со своими тяжбами, становились арбитрами в крестьянских спорах и тем самым утверждали государственное присутствие в традиционно недоуправляемой архангельской деревне⁹¹. Несмотря на недовольство части крестьян, полагавших, что белая власть покровительствует зажиточным жителям деревни, большинство северных крестьян, по всей видимости, принимали и поддерживали принятые законы. В частности, военный прокурор Северной области С.Ц. Добровольский, критикуя земельную политику правительства как нарушающую права законных владельцев земли, в то же время признавал, что крестьяне были довольны установленным порядком. При расследовании восстаний в белых полках в последние недели существования Северной области он обнаружил, что при переговорах повстанцев с большевиками они настаивали, чтобы

земли оставались в пользовании у крестьян на условиях, действовавших при Архангельском правительстве⁹².

Если у северных земельных реформ имелся важный недостаток, то это был временный характер постановлений, действовавших только до Учредительного собрания. Также ударом по северному законодательству стало подчинение архангельского правительства власти Колчака. Хотя Архангельск не спешил распространить колчаковские законы на Северную область и продолжал издавать собственные местные постановления, в будущем при создании единого антибольшевистского фронта унификация законов считалась неизбежной. Уже в апреле 1919 г. в Омск в качестве представителя Северной области выехал управляющий Отделом финансов И.А. Куракин. Он стал участником комиссии, обсуждавшей условия введения законов сибирского правительства в Архангельской губернии. Куракин, как и другие северные министры, признавал, что из-за особых местных условий в крае временно должны сохраниться большинство действующих постановлений. На Север были распространены лишь некоторые, прежде всего административные и финансовые распоряжения Омска⁹³. Однако сам факт официального подчинения Колчаку и широкое освещение в северной прессе деятельности омского кабинета говорили о том, что отмена местных постановлений, и в частности земельных законов, является лишь делом времени.

В этих условиях появление в конце апреля 1919 г. в «Вестнике Временного правительства Северной области» земельной декларации Омска, где, в частности, говорилось о возврате земель прежним хозяевам, обрабатывавшим их своим трудом, и о вознаграждении владельцев за прошлые годы, вызвало новый всплеск конфликтов в архангельской деревне⁹⁴. Прежние владельцы крупных расчисток и арендованных земель, узнав об омской декларации, стали требовать возврата отобранных земельных «излишков», ссылаясь на авторитет «всероссийской» власти. В Рикасовской волости Архангельского уезда на волостном земском собрании споры вокруг распределения церковно-причтовых земель разгорелись настолько остро, что несколько членов собрания были арестованы судебными властями за агитацию против Северного и Омского правительств. Впрочем, через месяц их освободили, выяснив, что они выступали лишь за точное исполнение постановлений северных властей⁹⁵.

Таким образом, прагматичные шаги архангельского кабинета, желавшего разрешить земельные конфликты, были в значительной мере ослаблены его попытками равняться на Омское правительство и огра-

ничить свои постановления решением будущей конституанты. Это выбивало из-под белых законов долгосрочную основу. В результате главным недостатком северных земельных постановлений, принимавшихся как временные и местные, была не их «реакционность», а то, что они и были именно временными и местными. Конфликты внутри архангельской деревни были обречены тлеть до тех пор, пока Северная область не воссоединится с остальной Россией и пока не будет принято окончательное решение по земельному вопросу. Поэтому, несмотря на очевидные проблемы, которые испытывала советская власть в отношениях с крестьянством, северные земельные законы не смогли стать сильным политическим оружием Архангельского правительства в его борьбе против большевиков.

ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА

Северное правительство стремилось выстроить на новых основаниях не только социальную и земельную политику, но и взаимоотношения церкви и государства. Вопреки образности советских плакатов, поп не оседлал белого генерала и церковь не получила назад при белых все прежние привилегии и владения. Хотя Северное правительство шло на некоторые уступки православной церкви, вызванные практической необходимостью, просьбами населения и стремлением использовать православие для упрочения антибольшевистского фронта, его целью было построение светского государства.

Придя к власти, Архангельское правительство сразу решительно заявило о намерении продолжить революционную политику и разграничить церковь и государство⁹⁶. Несмотря на то что вскоре после августовского переворота 1918 г. Архангельская духовная консистория обратилась к Северному правительству с просьбой вернуть церкви ее прежнее привилегированное положение, принимая во внимание «религиозные запросы русского народа и исторические права и заслуги Православной церкви», белые власти не спешили восстанавливать права и привилегии церкви⁹⁷. Архангельский кабинет не только восстановил действие постановлений Временного правительства 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» и «О свободе совести», но и пошел значительно дальше, отказавшись вернуть церкви отторгнутую при советской власти земельную собственность и возобновить государственные субсидии. Содержание «церковно-религи-

озных учреждений» в Северной области возлагалось на сами религиозные общины, тогда как преподавание Закона Божия, ставшего обязательным школьным предметом, должны были оплачивать родительские комитеты⁹⁸. Таким образом, хотя Северное правительство выступило с осуждением насильственных действий советской власти против церкви, оно частично подтвердило советское церковное законодательство.

Безусловно, северное руководство не могло сразу порвать все связи между государством и церковью. Прежде всего, власть оказалась неспособна быстро взять на себя те административно-светские функции, которые церковь по-прежнему выполняла даже в предшествовавшие месяцы советского правления. Так, церковные метрики велись как единственные официальные записи актов гражданского состояния. Поэтому, хотя правительственные постановления гласили о прекращении казенных субсидий церкви, уже осенью 1918 г. архангельский кабинет вновь стал выделять средства на церковные нужды. Учтя бедственное положение епархии и то, что церковь выполняла государственно важные функции, правительство стало выплачивать жалование чиновника 4-го класса управляющему епархией викарному епископу Пинежскому Павлу, а также казенное содержание служащим епископской канцелярии и членам Архангельского епархиального совета⁹⁹. Со временем кабинет пошел на еще большие уступки. Летом 1919 г. он откликнулся на просьбы губернского земства и многочисленных крестьянских сходов и стал выделять средства на оплату уроков Закона Божия, когда у населения не имелось на это средств¹⁰⁰.

Утверждения о независимом положении церкви также не помешали Северному правительству попытаться использовать ее влияние для укрепления своего авторитета. Хотя церковь после революции уже не помазывала новых правителей, согласно старой византийской традиции, Верховное управление признало желательным, чтобы на церковных молебнах возглашалось многолетие правительству. Для укрепления белой армии в текст присяги добровольцев и солдат была внесена клятва «всемогущим Богом, перед святым Его Евангелием и животворящим крестом». Отpravку войск на фронт сопровождали торжественные молебны. В армии были восстановлены должности полковых священников, а епископ Павел совершал регулярные поездки во фронтовые районы, проводя службы и назидательные проповеди¹⁰¹. Кроме того, церковные двенадцатые праздники были объявлены официальными праздничными днями, в то время как гражданских праздников было всего три: Новый год, годовщина революции 12 марта и пролетарский праздник 1 мая¹⁰².

В обращениях к населению правительство использовало религиозные образы, призывая к освобождению от большевиков «Святой Русской земли». Белые газеты и листовки тиражировали сообщения об осквернении храмов на советской территории, о вскрытии мощей святых и об убийствах и истязаниях священников. Белая пресса даже не брезговала тем, чтобы провести прямую связь между «антигосударственной» и антицерковной политикой большевиков и еврейским происхождением некоторых из их лидеров¹⁰³.

Наряду с практическими соображениями на политику Северного правительства в отношении церкви также косвенно влияло представление о том, что православие является традиционным партнером и союзником российского государства. Например, отвергнув просьбы Епархиального совета о выплате государственного содержания приходским священникам, кабинет тем не менее выделил казенные субсидии причтам вблизи российско-норвежской и российско-финской границ, где существенный процент населения составляли иноверцы и где причты не могли существовать за счет местных пожертвований. Полагая, что православные приходы смогут противостоять усилению иностранного влияния, северное правительство, как и царская власть, видело в них своего рода форпосты российской государственности¹⁰⁴.

Вопреки заявлениям правительства об отмене вероисповедных ограничений, в Северной области иногда случались и ущемления прав иноверцев. Так, в мае 1919 г. консультация при Отделе юстиции рассматривала иск некоей Люции Штоп, жены призванного в армию чиновника Студентова, о выдаче ей казенного пособия за мужа. Брак, заключенный между православным чиновником и лютеранкой по лютеранскому обряду, был признан недействительным, пока супруги не будут обвенчаны православным священником¹⁰⁵.

Тем не менее, несмотря на некоторые уступки церкви и попытки опереться на ее авторитет, Северное правительство не пошло на полное восстановление юридических и материальных прав церкви. Так, вопреки настойчивым пожеланиям руководства епархии о возвращении церковных земель, белые власти дали понять, что до соответствующего решения Учредительного собрания реституции земельной собственности не будет. Не вернули они церкви и денежные вклады в банках, конфискованные при советской власти. Поэтому северные крестьяне не пугались восстановления церковных привилегий, так как отобранные у церкви земли оставались в их пользовании. Простые северяне часто даже сами настаивали на том, чтобы правительство пошло

на еще большие уступки церкви и восстановило казенные субсидии священникам и законоучителям, на содержание которых у простого населения не было средств. В то же время союз с церковью не позволил белой власти укрепить антибольшевистский фронт. Северяне не считали нужным выступить против большевиков в защиту церкви, так как они не часто сталкивались в реальности с антицерковными действиями советской власти. Протесты заставили себя ждать до 1920—1922 гг., когда в связи с изъятием церковных ценностей, закрытием церквей и насилием над священнослужителями по губернии прошла волна возмущения против действий большевиков¹⁰⁶.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОС О КАРЕЛЬСКОЙ АВТОНОМИИ

Если социальная политика Северного правительства, его попытки разрешить крестьянский вопрос и выстроить новые взаимоотношения с церковью шли дальше полумер Временного правительства 1917 г. и в некоторых чертах напоминали раннее советское законодательство, то национальная политика связывала белые режимы с поздней имперской Россией. В ее основе лежало представление о нераздельности российской территории и главенствующей роли русского этноса. Имперский национализм сквозил в публикациях архангельской прессы, подчеркивавшей символическую роль Севера как центра белой борьбы: воссоединение России происходило при активном содействии «северян, потомков переселенцев из древнего Новгорода, т.е. чистых представителей великорусской нации»¹⁰⁷. В годы Гражданской войны российский национализм стал главной отличительной чертой и чуть ли не «товарным знаком» Белого движения. И так же как и запоздалые национализаторские потуги имперской бюрократии, расшатавшие основы империи¹⁰⁸, имперский национализм в Гражданской войне ослабил Белое движение, лишив его помощи со стороны национальных движений и новых окраинных государств, созданных из осколков бывшей империи.

Национальный вопрос был одним из важнейших камней преткновения для белых режимов. Располагаясь на периферии бывшей империи, белые правительства во многом зависели от сочувствия и поддержки со стороны проживавших на окраинах страны нерусских народов. Но идея воссоздания великой единой России, которая объединяла и

белых генералов, и антибольшевистских политиков, и региональную русскую общественность, не позволяла им идти на широкие уступки национальным движениям¹⁰⁹. Позиция северного правительства в национальном вопросе в целом была гибче и прагматичнее, чем у большинства других белых кабинетов. Первоначально разделяя стремление сохранить целостность имперской территории, оно со временем все более было склонно идти на уступки национальным движениям. Однако последнему препятствовал не только российский национализм белых политиков, военных и общественности, но и нежелание выступить против мнения «всероссийского» правительства Колчака. В вопросах о будущих государственных границах и об отношении к национальным движениям более, чем где-либо еще, северные власти пытались сохранять единую позицию с другими белыми правительствами. Они опасались, что иначе голос белой России не будет услышан на международной арене и не будет иметь авторитета у новых лидеров национальных окраин, и это приведет к окончательному развалу страны. Таким образом, стремление Северного правительства найти прагматичное решение национального вопроса упиралось в желание сохранить единство антибольшевистского движения.

Национальный вопрос для архангельского руководства определялся прежде всего отношением к национальному движению среди карельского населения губернии и к суверенитету соседней Финляндии. К середине 1918 г. Финляндия фактически являлась независимым государством. Хотя Временное правительство откладывало решение вопроса о статусе Финляндии до Учредительного собрания, уже в ноябре 1917 г. финский сейм самостоятельно принял закон о независимости страны, который был подтвержден затем декретом Совнаркома¹¹⁰.

Северное правительство, придя к власти в Архангельске летом 1918 г., вернулось к легислатуре Временного правительства и не признало решения сейма: архангельское руководство утверждало, что границы России определит будущее Учредительное собрание. При этом оно отдавало явное предпочтение сохранению единой империи перед созданием множества самостоятельных государств. Как утверждал глава кабинета Чайковский, «воссоздание и сохранение государственной целостности и единства России... есть органическое условие благосостояния народного, а вовсе не искусственное требование централизаторской политики»¹¹¹.

Впрочем, Финляндия пока оставалась вне досягаемости для белых лидеров. После прокатившейся по стране короткой, но кровопролитной Гражданской войны революционные «красные финны» потерпе-

ли поражение от «белофиннов», получивших содействие со стороны немецких войск¹¹². Поэтому летом 1918 г. архангельское руководство заботил больше не статус Финляндии, а опасность немецко-финского вторжения через западную границу области.

Положение радикальным образом изменилось осенью 1918 г., после поражения Германии в мировой войне. Оставшись без сильного союзника, Финляндия начала искать сближения со странами Антанты. Одновременно глава государства генерал К.Г. Маннергейм, озабоченный неблагоприятным соседством с Советской Россией, в неофициальных беседах стал высказывать желание оказать военную помощь белым силам в борьбе с большевиками. Условием этого он ставил признание независимости Финляндии и передачу финнам порта Печенга на Северном Ледовитом океане и Восточной Карелии¹¹³.

Претензии Финляндии на Восточную Карелию имели давнюю историю. Уже в 1830-е гг., в период пробуждения финского национального самосознания, Восточная Карелия стала восприниматься в патриотических кругах как «прародина» финского народа. Именно так рисовал ее популярный эпос «Калевала», который объединил в себе финские народные сказания и подвел героическую основу под идею финского единства. Требования присоединить Восточную Карелию или даже объединить все финноязычные народы в границах «Великой Финляндии» стали общими для разных групп финской образованной элиты после провозглашения сеймом независимости Финляндии в 1917 г.¹¹⁴

Восточная Карелия, располагавшаяся между финской границей и Белым морем — южнее Кандалакши и до Онежско-Ладожского межозерья, уже с начала XX века все более попадала под экономическое и культурное влияние Финляндии. По данным карельских организаций, на этой территории в 1919 г. проживало 108 тыс. карелов. Близкие по языку к финнам, карелы в значительной части также владели русским языком и, в отличие от финнов-лютеран, исповедовали православие. На территории Архангельской губернии карелы проживали в Кемском уезде, где из примерно 42 тыс. населения больше половины были карелами¹¹⁵. Экономически Карелия, особенно ее западные районы, тяготела к Финляндии. Именно с финской стороны в Карелию шли грунтовые дороги, в то время как со стороны России отсутствовали удобные подъездные пути. Вследствие этого карельский товарообмен велся преимущественно через финские рынки. Из Финляндии же поступал хлеб и товары первой необходимости, а в Карелии широкое хождение имела финская марка¹¹⁶.

Карельское национальное движение, появившееся в начале XX в., также было ориентировано на Финляндию. Оно возникло по инициативе зажиточных карельских купцов, разбогатевших на карело-финском товарообмене. В 1906 г. они создали так называемый Союз беломорских карелов. Затем на его основе было образовано Карельское просветительское общество, разработавшее проект конституции автономной Карелии. Проект был обнародован в июле 1917 г. на собрании карельских представителей в селении Ухта Кемского уезда, ставшем центром карельского национального движения в волостях Архангельской, или, как она еще называлась, Беломорской Карелии. В январе 1918 г. съезд карел в Ухте принял решение образовать независимую Карельскую республику, а в марте новое карельское правительство — Восточно-карельский комитет — постановило присоединить Карелию к Финляндии¹¹⁷. Однако решения комитета не нашли широкой поддержки у карелов. Более того, многие карелы стали сопротивляться продвижению в Карелию финских войск, выступивших в поддержку комитета, и направляли добровольцев в союзный Карельский легион, созданный для отражения финских атак. В итоге к концу 1918 г. финские отряды удерживали только две приграничные волости — Ребольскую и Поросозерскую¹¹⁸.

Северное правительство, утвердив свою власть в Архангельской губернии, в первое время предпочитало не замечать карельское национальное движение. Карелия была в составе Мурманского края присоединена к Северной области, а в Кемском уезде стали восстанавливаться прежние органы земского самоуправления, которые, по мнению Чайковского, должны были целиком удовлетворить все национальные запросы населения¹¹⁹. Однако в начале 1919 г. готовившаяся мобилизация в белую армию и нерегулярное продовольственное снабжение карельских волостей вызвали недовольство карелов и дали толчок новым попыткам утвердить независимость Карелии.

16—18 февраля 1919 г. в Кеми прошло собрание представителей 11 карельских волостей при участии солдат Карельского легиона. Собрание, решив, что в будущем Карелия должна быть независимой страной, избрало местное правительство — Карельский национальный комитет — и командировало двух представителей на Парижскую мирную конференцию. Дальнейшую судьбу Карелии должно было решить национальное Учредительное собрание. Характерно, что карельские представители не симпатизировали Финляндии и даже решили, что участники набегов белофиннов на Карелию будут лишены права голоса на выборах. Чле-

ны совещания передали свои решения британскому генералу Ч. Мейнард, командовавшему Мурманским фронтом, и помощнику генерал-губернатора по управлению Мурманским краем В.В. Ермолову¹²⁰.

Белое руководство Северной области было поражено настолько открытым проявлением карельского сепаратизма и попыталось дать решительный отпор. Ермолов едва не арестовал представшую перед ним делегацию за неповиновение «законной» власти, и лишь вмешательство Мейнарда предотвратило такое развитие событий. Правительственный «Вестник» выступил с разгромной статьей о карельском съезде. Он едко обличал карельский национализм как результат большевистского влияния и «нашептывания врагов России». Карельские националисты, по мнению газеты, представляли собой лишь «кучку людей, не таящих за собой решительно ничего в прошлом, ничего в настоящем и отнюдь не имея никаких данных являть собою что-либо ценное в будущем»¹²¹. Мнение официоза поддержали широкие круги северной общественности. Так, либеральная газета «Северное утро» в статье с обличительным названием «Скоморохи несуществовавшей государственности» обвинила карельских лидеров в «скудоумии», «германо-большевизме» и «панфинизме»¹²².

Громким обвинениям в прессе соответствовали и решительные шаги белой администрации, целью которых было пресечь любые проявления карельского сепаратизма. В феврале—марте 1919 г. в Кемском уезде были организованы земские выборы, а в середине апреля прошло первое Кемское уездное земское собрание. Состав его был преимущественно русским в немалой степени из-за того, что при подготовке и проведении выборов и в работе земства использовался исключительно русский язык. В присутствии Ермолова собрание объявило решения кемского карельского съезда недействительными и вынесло резолюцию в пользу воссоздания «единой, великой, демократической России»¹²³. Одновременно белое руководство стало ликвидировать самостоятельные карельские вооруженные части. Союзники должны были передать командование Карельским легионом русским офицерам, а в конце весны 1919 г. легион и вовсе был расформирован¹²⁴.

Однако уже летом 1919 г. северные власти вынуждены были пересмотреть свое отношение к статусу Карелии. Главной причиной стали планы формировавшейся на Северо-Западе страны армии генерала Н.Н. Юденича осуществить поход на Петроград. Чтобы обеспечить успех наступления, Юденич считал необходимым заручиться содействием финских войск. Для этого надо было согласиться на условия

Маннергейма, признав независимость Финляндии и предоставив финнам территориальные уступки в Карелии¹²⁵.

Дошедшие до Архангельска сведения о переговорах Юденича с Маннергеймом и предполагаемых территориальных уступках первоначально показались северным лидерам безумием. Как заявил союзным послам генерал Миллер, вопрос о статусе окраин может решить только Учредительное собрание. Он предостерег, что если бы белые правительства или верховный правитель «Колчак в глупом безрассудстве попытался бы отдать... русские завоевания последних 200 лет, то протест русского общественного мнения смел бы его от власти»¹²⁶. Но постепенно осознание тех выгод, которые могло принести участие финнов в походе на Петроград, стало перевешивать на Севере негодование в связи с претензиями Финляндии.

К лету 1919 г. Северное правительство все больше приходило к выводу, что необходимо срочно выработать с Финляндией какой-либо *modus vivendi*. Наступление белого фронта на Мурманском участке требовало согласовать военные операции с Финляндией, отряды которой действовали против Красной армии в районе Олонца и Петрозаводска¹²⁷. Также появившиеся слухи о возможном скором выводе с Севера союзных войск заставили северное руководство внимательнее прислушаться к финским предложениям о более масштабной военной помощи в борьбе с большевиками.

Показателем изменившейся позиции Архангельска было то, что 2 июня 1919 г. Северное правительство направило командующего армией Марушевского в Гельсингфорс для переговоров с Маннергеймом. Ему предписывалось, не касаясь вопроса о независимости Финляндии, добиться, чтобы финские отряды в Карелии подчинялись русскому командованию и устанавливали на местах русскую администрацию. Но финское руководство не желало брать на себя никаких обязательств без широких уступок с русской стороны. После кратких переговоров Марушевский выехал обратно в Архангельск в твердой решимости убедить северный кабинет немедленно признать независимость Финляндии и пойти на территориальные жертвы ради финской военной помощи¹²⁸.

К моменту возвращения Марушевского члены Северного правительства уже сами склонялись к тому, что без уступок Финляндии не обойтись. Независимость страны уже была признана державами Антанты. Поэтому подтвердить фактически существующую самостоятельность, уступить порт Печенгу и провести плебисцит о присоеди-

нении к Финляндии в ряде приграничных карельских волостей теперь казалось Архангельску приемлемой ценой за будущий успех петроградского похода Юденича и финскую помощь Мурманскому фронту. 15 июля 1919 г. Миллер телеграфировал Колчаку новое мнение Архангельска, что в «вопросах общего положения России небольшие жертвы в виде уступки порта на Печенге — являются деталью, и выгоды предлагаемой помощи целиком их оправдывают»¹²⁹. Соглашение с Маннергеймом представлялось настолько важным, что до получения прямого ответа из Сибири Миллер даже стал задерживать направлявшиеся через Архангельск телеграфные инструкции Юденичу, в которых Омск запрещал вступать в какие-либо договорные отношения с финнами¹³⁰.

В то же время никакая, даже самая масштабная финская помощь не могла заставить Северное правительство открыто выступить против позиции верховного правителя и нарушить единство белой внешней политики. Хотя ответ из Омска задерживался, кабинет отверг предложение Марушевского заключить с финнами самостоятельный договор. Маннергейму лишь была послана телеграмма, что Архангельск признает его условия приемлемыми и будет ходатайствовать об их утверждении перед Всероссийским правительством. Одновременно в Омск продолжали идти настойчивые просьбы согласиться на требуемые уступки ради «спасения целого»¹³¹. Когда же после месячного ожидания из Сибири пришел ответ, где Колчак как верховный главнокомандующий запрещал Миллеру и Юденичу заключать с финнами политические соглашения, способные «в будущем стеснить свободное волеизъявление народа», Архангельск пошел на попятную¹³². Попытки Северного правительства договориться о помощи с Финляндией были прекращены.

Пока архангельский кабинет дожидался ответа Колчака, положение на фронте изменилось настолько, что выступление Финляндии на стороне белых в любом случае стало маловероятным. Красные войска уже к июлю 1919 г., оттеснили обратно к границе финские отряды в Олонецкой губернии. Неудача олонецкого похода лишила идею финского наступления на Петроград значительной части сторонников в самой Финляндии. Кроме того, в конце июля Маннергейм проиграл финские президентские выборы либералу К. Стольбергу, который был противником выступления против большевиков¹³³. Тем не менее осенью 1919 г. в момент нового похода Юденича на Петроград северное правительство вновь попыталось склонить Колчака к соглашению с Финляндией в обмен на военную помощь. И получив отказ верховного правителя, оно по-прежнему не сочло возможным вступить в само-

стоятельные переговоры с финнами¹³⁴. Таким образом, прагматичные соображения Архангельска о военных выгодах финской помощи оказались опрокинуты политическим равнением на позицию Омска.

В то же время, несмотря на готовность Северного правительства пожертвовать частью Карелии в пользу финнов, оно продолжало игнорировать требования самих карелов о самоопределении. Архангельск не обратил внимания на образование в Ухте в июле 1919 г. Временного правительства Архангельской Карелии, сменившего прежний Национальный комитет, которое выступило за независимость Карелии при поддержке Финляндии. Вместо переговоров белые власти усилили попытки установить контроль над карельскими волостями и в октябре 1919 г. распространили на них мобилизацию в белую армию. Когда в ответ шесть волостей отказались подчиниться приказу, начальник Мурманского края Ермолов заявил о прекращении продовольственных поставок в бунтующие волости¹³⁵.

Непреклонность белого руководства, впрочем, имела обратный эффект. Ухтинское правительство, получив из Финляндии недорогой хлеб, оружие и финансовую помощь, к началу 1920 г. распространило свою власть еще на несколько волостей. Вооруженные карельские отряды находились в состоянии фактической войны с северной армией, взяв в плен больше сотни белых солдат, несколько офицеров и русских чиновников и даже кемского уездного начальника Э.П. Тизенгаузена¹³⁶. Запоздалые попытки северного правительства в январе 1920 г. договориться с Ухтой и признать автономию карельских волостей не принесли результата. Как позже писал Миллеру генерал Н.А. Клюев, возглавивший правительственную делегацию в Карелию, карелы теперь нисколько не нуждались в северной власти и ни капли ее не боялись¹³⁷. Выступление карел не только усилило хаос в белом тылу, но и существенно затруднило конечную эвакуацию белых войск, которым пришлось отступать в недружественную Финляндию по территории враждебной Карелии.

Таким образом, лишь острая военная необходимость могла заставить руководство Северной области поступиться идеей воссоздать империю и пойти на уступки национальным движениям. Но уступки карелам безнадежно запоздали, а желание договориться с финнами о совместных действиях разбилось о непреклонность Колчака.

* * *

Политика правительства Северной области не смогла превратить жителей Архангельской губернии в надежных сторонников белого режима. Архангельское правительство едва ли значительно улучшило положение простых северян и слишком долго не шло на уступки национальным движениям. Тем не менее белый кабинет отнюдь не стремился восстановить непопулярный старый режим. Напротив, политика как социалистического Верховного управления, так и Временного правительства Северной области была политикой пореволюционного правительства, которое пыталось построить национальное государство, а не династическую империю и в значительной мере учитывало политические и социальные итоги революции.

Разделяя представление о модернизирующей роли государства и его социальных обязательствах перед населением, белое правительство старалось заботиться о пропитании, здоровье и образовании жителей губернии, и особенно о нуждах солдат и их семей. Оно считало необходимым учитывать потребности рабочих и строить отношения с ними на основе коллективных договоров. Наконец, в урегулировании земельного вопроса оно пошло значительно дальше полумер Временного правительства 1917 г. и подтвердило бесплатную передачу земель в пользование крестьянству, как это предполагало постановление Учредительного собрания и как это декларировал большевистский Декрет о земле. В этом отношении Северная область оказалась своего рода политической «лабораторией», где были успешно применены к местным условиям некоторые положения социалистических программ. Сложно утверждать, в какой мере и с каким успехом северные практики могли бы действовать в иных обстоятельствах и в других регионах страны. Тем не менее опробованная на Севере формула политического развития, революционная и модернизаторская, но значительно отличавшаяся от большевистской, показывает, что даже в годы Гражданской войны не стоял выбор только между победой советского правительства или возвратом старого режима, но все время сохранялись другие, менее радикальные варианты политического развития страны.

Однако стремление учитывать политическую реальность и местные условия не обеспечило долгосрочный успех правительству Северной области. Неудачи белой политики на Севере были связаны не с тем, что правительство не хотело признавать итоги революции, а с тем, что оно не смогло осуществить собственные планы. Во многом этому препятствовали условия Гражданской войны. Например, попытки Северного

правительства заручиться симпатиями рабочих и поднять экономику области были обречены на неудачу в экономически отсталой Архангельской губернии, традиционные хозяйственные связи которой были перерублены фронтами. Помощь со стороны государства голодающим волостям и меры по борьбе с эпидемиями не могли обеспечить благополучие населения, когда все жители области страдали от недоедания и не имели доступа к врачебной помощи. Война препятствовала и подъему образования, и становлению финансовой независимости церкви.

В то же время в значительной мере неуспех белой политики обусловила ее непоследовательность. Попытки найти прагматичное решение местных проблем наталкивались на нежелание кабинета выступить против мнения «всероссийского» колчаковского правительства или ограничить свободу решений будущего Учредительного собрания. Не только все законы Северного правительства принимались как временные, но белая власть даже отменяла некоторые из своих же постановлений, если они входили в противоречие с распоряжениями Омска. Поэтому, насколько бы жители области ни поддерживали те или иные решения правительства, они не могли не понимать, что в конечном итоге политическое будущее Архангельской губернии будет определяться не в Архангельске, а в Москве и что необходимым условием этого должно стать окончание Гражданской войны.

Таким образом, поп, помещик и капиталист не стали атрибутами белого социального и политического порядка на Севере. Однако Северное правительство не смогло использовать свое временное законодательство как политический аргумент в борьбе с большевиками. Хотя население Архангельской губернии могло сочувствовать многим шагам белой власти, характер войны на низовом уровне определялся другими законами — законами мести и традиционной вражды, которые стали главными двигателями народной гражданской войны.

Глава 6

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ И НАРОДНАЯ ВОЙНА

Белое движение, по убеждению многих современников и историков, обрекло себя на поражение тем, что не смогло заручиться массовой опорой. И эмигрантские, и советские исследователи, и даже некоторые сочувствующие белым современные авторы утверждали, что оно так и осталось, в первую очередь, уделом прежних имперских элит, патриотического офицерства и казачества. Однако, как будет показано в этой главе, простые жители Северной области не остались в стороне от белой борьбы, но принимали активное и часто добровольное участие в Гражданской войне на стороне белых. Они смещали большевистскую администрацию в уездах и деревнях, создавали добровольческие партизанские отряды, пополняли ряды мобилизованных белых полков и оказывали содействие белой власти и армии. Впрочем, их целью было не воссоединить страну или создать сильное национальное государство, а выжить в невероятно тяжелых условиях Гражданской войны и свести счеты в старых и новых конфликтах, расколовших северную деревню. Участие обычного населения в борьбе против большевиков укрепило белую власть на Севере. Оно также придало еще большую остроту и жестокость Гражданской войне, превратив ее из противоборства политических элит в действительно народную войну.

Чтобы понять мотивы и оценить масштабы участия обычного, в первую очередь сельского, населения в Гражданской войне на стороне белых армий, необходимо, во-первых, исследовать систему местной власти в Северной области. Во-вторых, важно проследить, что именно толкало жителей губернии к тому, чтобы примкнуть к белым армиям, и как это сказалось на характере Белого движения.

ЛОКАЛЬНЫЕ «КОНТРРЕВОЛЮЦИИ» И МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

Белая власть пришла в Архангельскую губернию не медленной волной «контрреволюции», расплывавшейся от Архангельска, а мгновенной серией локальных переворотов. Антибольшевистский переворот в Архангельске, совпавший с пиком крестьянских выступлений в связи с надвигавшимся голодом и красной мобилизацией, не встретил почти никакого противодействия в губернии. В августе 1918 г. в течение нескольких суток после смещения Архангельского исполкома большинство уездных центров и многие волости губернии поддержали белое правительство. Но местные «перевороты» происходили настолько быстро, что порой мало что отличало новые органы управления городом и деревней от прежних советов и комитетов.

«Контрреволюция», так же как и революция годом ранее, распространилась по уездам губернии посредством телеграфа. Сводки северного бюро печати показывали, что многие города и волости переходили на сторону белого правительства, едва получив телеграфные сообщения о перевороте и задолго до подхода первых союзных или русских офицерских отрядов. Так, уже к трем часам дня 3 августа 1918 г., или всего через сутки после смещения советской власти в Архангельске, Холмогоры сообщали: «Три члена уездного Исполкома... бежали; остальные сложили полномочия. Власть в Холмогорах перешла Временной комиссии по управлению городом и уездом... организованы и вооружены крестьянские отряды Курейской, Ломоносовской и Кушевской волостей». Усть-Пинега телеграфировала: «Красноармейцы бегут, власть переходит к местному самоуправлению»¹. На следующий день из Пинеги передавали: «Организован Комитет Общественной Безопасности в составе представителей от Городской думы, земства и общественных организаций... Местный уездный исполнительный комитет, убедившись в полном бессилии губернского исполнительного комитета, принужденного бежать в Шенкурск, и покоряясь единодушной воле местного населения, не желавшего подчиниться распоряжению советской власти о мобилизации против союзников и вообще враждебно настроенного к большевикам, извещает... о своем постановлении: сдать все дела в полном порядке органам Нового Правительства». Мезень рапортовала: «Советская власть свергнута. Организованы органы новой местной власти»².

В последующие дни подобные сообщения и приветствия в адрес Верховного управления продолжали приходиться из других уездов и сел,

во многих из которых новая власть установилась мирно и бескровно. Спонтанно организованные отряды самообороны арестовывали большевистских руководителей и помогали подходившим союзным и белым отрядам преследовать красноармейцев³.

Жители губернии массово изгоняли непопулярных советских руководителей, посаженных при поддержке большевистского Архангельска. Однако часто они не считали нужным ликвидировать сами советы. В то время как в городах Архангельске, Холмогорах, Мезени и Пинеге возобновили работу земские управы, в других городах население восстанавливало небольшевистские советы или создавало новые органы власти, которые включали представителей как советов, так и земств. Так, в Онеге открывшийся 10 августа шестой уездный крестьянский съезд приветствовал антибольшевистский переворот и Верховное управление и избрал в качестве местной высшей власти Онежский народный совет⁴. В Печорском уезде свержение большевистской власти подтвердил работавший в Усть-Цильме с 12 по 14 августа чрезвычайный уездный съезд советов. Съезд избрал временный правительственный комитет во главе с комиссаром бухгалтером Козловым и включил туда многих членов прежнего исполкома совета. Представители комитета сообщали в Архангельск, что местные большевики «здесь не безобразничают и безобразничать не будут, это всюду устраивает безобразия красная армия из Архангельска, местные же красноармейцы слушались местного исполкома, который здесь действовал разумно»⁵. Поэтому съезд даже не считал нужным распустить отряд красноармейцев, который был переименован в милицию и поступил в распоряжение правительственного комитета. Из печорских сел Мохчи и Ижмы также победно сообщали, что «красноармейцы имеются местные, вскоре они будут называться милиционерами»⁶.

В волостях и селах губернии местное управление нередко оставалось почти неизменным. Например, в промысловом становище Териберка на Мурмане после полученного распоряжения правительства распустить Териберский совет и восстановить земство общее собрание жителей вынесло резолюцию «в местную земскую управу выбрать совет рыбачьих депутатов»⁷. В других же волостях по-прежнему всем управляли непереизбранные советы. По свидетельству земского представителя Шенкурского уезда Г.Н. Преображенского, некоторые волости даже «не думают изменять названий своего самоуправления». С Печоры же сообщали, что там, как и в предшествующие месяцы, на местах всем заправляют волостные комитеты⁸.

Северное правительство стремилось восстановить всеобщие земства и городские думы и не доверяло советам, являвшимся, в его представлении, классовыми организациями⁹. Однако оно не имело возможности сместить советы силой. Более того, желая скорее распространить свою власть на всю губернию, оно первоначально признавало и санкционировало работу различных органов местного управления. Так, белые власти утвердили состав Онежского народного совета и назначили его руководителей Я.А. Моторина и С.Г. Мелехова членами уездного правительственного комитета, который вместе с уездным правительственным комиссаром представлял в уезде центральную администрацию. Избранный съездом советов усть-цилемский комиссар Козлов был 15 августа утвержден правительственным комиссаром Печорского уезда, несмотря на то что в Архангельске так и не смогли выяснить его партийной принадлежности¹⁰. В городе Коле на Мурмане сохранил власть прежний городской совет, после того как его председатель Лоушкин заверил правительство, что земскую управу восстановить нельзя из-за отсутствия многих гласных и что полномочия городского совета «не выходили за пределы прежней управы». Верховное управление лишь настояло, чтобы именовался совет не советом, а Временной кольской городской управой¹¹.

Таким образом, в первые месяцы белой власти местное управление в Северной области мало отличалось от прежней революционной администрации. Удалив «пришлых» большевиков и некоторых непопулярных местных руководителей, население восстанавливало выборные советы, комитеты или земства. Обычные жители и низовые политические лидеры часто вообще не видели различий между советами, земствами и другими формами самоуправления. Главное, чтобы выборные органы отражали волю большинства населения и были избраны демократично. Например, Александр Драгунов, делегат от Онеги на 6-м онежском крестьянском съезде, рассуждал: «Наша задача создать такую власть, которая бы базировалась на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании, а как эта власть будет называться: Советами или Земством, не важно»¹². Поэтому в уездах и волостях Северной области продолжали лишь с небольшими изменениями действовать прежние органы самоуправления, являвшиеся прямыми преемниками тех выборных организаций, которые создавались в губернии еще с 1917 г.¹³

Белое правительство чувствовало себя неуютно на старом советском фундаменте местных самоуправлений. Поэтому уже осенью 1918 г. оно

занялось организацией земских перевыборов, в результате которых в волостях и уездах должны были появиться всесословные демократически избранные органы власти, избавленные от бывших членов большевизированных советов. Стараясь представить образец справедливых и открытых выборов, белое руководство уделяло много внимания этой кампании. Утвержденные северным правительством временные правила о выборах повторяли демократические положения 1917 г. и основывались на праве всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Единственным изменением было то, что права голоса теперь лишались военнослужащие, чтобы не допустить политизации армии¹⁴. В уезды и волости направлялись инструкторы, объяснявшие населению процедуру и значение выборов и распространявшие листовки и предвыборную литературу.

Кампания по земским перевыборам растянулась с октября 1918 г. до весны 1919 г. и охватила все уезды губернии, за исключением волостей, отрезанных красным фронтом. Хотя выборы в земства проходили всего во второй раз после учреждения земств в губернии в 1917 г., на избирательные участки явились больше половины избирателей. Явка была достаточно высокой, несмотря на то что часть населения не смогла проголосовать из-за распутицы, перевозки военных грузов или промыслового сезона. Число участвовавших в голосовании колебалось от 67% в тыловом Архангельском уезде до 45% в прифронтовом Холмогорском уезде¹⁵.

Как свидетельствуют отчеты о выборах, интерес населения к кампании менялся в зависимости от того, какую роль играли выборные органы в деревне. Так, в тех селах и волостях, где наиболее важные вопросы по-прежнему решал крестьянский сход, выборы в волостные земства порой приходилось проводить по нескольку раз, так как намеченные кандидаты отказывались, не желая служить по три года без всякого жалования. Бывали случаи, как, например, в Часовенской волости Архангельского уезда, что в итоге в земствах оказывались те, «кто побогаче и кто не нес повинностей — не был в солдатах, не служил старшиной или десятским», или те, кого провели «по злобе», лишь бы самим не служить¹⁶. Но ситуация резко менялась, когда с новым земством связывалось разрешение важных конфликтов на селе или когда от числа голосовавших зависело, пройдут ли представители того или иного села в волостное или уездное собрание. Тогда нередко голосовали более 90% избирателей. Таким образом, даже если крестьяне не всегда признавали значение земств, все же в органах волостного и уездного

самоуправления они предпочитали видеть собственных местных представителей и делали все, чтобы обеспечить их избрание.

В целом Северное правительство могло быть довольно успешом переизборной кампании. К весне 1919 г. на большей части территории области уже действовали переизбранные земства. Однако, несмотря на все усилия, земские органы не отличались значительно от прежних советов. Даже попытка внедрить на селе демократическую процедуру выборов имела лишь ограниченный успех. Так, наряду со всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, на котором настаивало правительство, низовые выборы в губернии, как и в 1917 г., нередко проводились традиционным способом — на общем собрании простым поднятием рук¹⁷. Жители губернии также не стремились удалять из выборных органов сотрудников большевиков и представителей радикальных левых партий. Как правило, они вообще не обращали внимания на партийность. Сводки об уездных и волостных выборах регулярно отмечали, что партийного «деления на местах не существует» и что выборы, как и раньше, проходили по персональному принципу¹⁸.

Как и в предшествовавшие месяцы революции, население, как правило, выдвигало в органы самоуправления грамотных крестьян, местных уроженцев, пользовавшихся авторитетом на селе. В частности, как отмечал правительственный комиссар Онежского уезда, в земские кандидаты намечались «люди грамотные, деятельные, хозяйственные»¹⁹. Избранные представители не были маргиналами и в имущественном отношении. Например, по данным выборов в Холмогорском уезде, «большинство гласных являются средними по зажиточности; однако есть в составе гласных люди богатые, а также и бедняки»²⁰. Нередко в органы самоуправления избирались те же местные представители, которые уже в 1917 г. успели поработать в земствах, а в первой половине 1918 г. состояли в советах. Губернские земские делегаты открыто признавали, что в волостных земствах оказались многие члены прежних советов, но при этом разводили руками: «...других способных людей не было — все наперечет»²¹.

В результате местная власть в Северной области была прямой преемницей тех органов самоуправления, которые возникали в деревне с началом революции. В новых земствах не оказалось лишь немногих прежних руководителей, посаженных сверху большевистской администрацией губернии. Также в ряде волостей лишились полномочий представители фронтовой «молодежи», которая прежде «заполнила советы». Но в целом в земствах, как правило, заседали те же, что и раньше, ав-

торитетные местные лидеры, и даже многие фронтовики сохранили свои места в местном самоуправлении²².

Таким образом, белая власть на Севере не опиралась на зажиточных крестьян, деревенских «кулаков»²³, как утверждала советская историография, а управляла той же пореволюционной деревней, что и большевистское правительство, с почти теми же местными лидерами и лишь слегка измененными органами местного самоуправления. Если вовсе не засилье «кулаков» сделало белую деревню белой, то, как будет показано ниже, белый террор и устрашение населения также не играли первостепенной роли в управлении Северной областью.

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И БЕЛЫЙ ТЕРРОР

Белый террор традиционно занимал особое место в красной пропаганде и позже советской историографии, полагавшей, что именно широкое применение насилия позволяло белым удерживать власть в своих руках. Утверждалось, что только через Архангельскую тюрьму за год прошли 38 тыс. заключенных, из них было расстреляно 8 тыс.²⁴ Встречались даже заключения, что при белой власти «в тюрьме или концлагере побывал каждый шестой житель Северной области, каждый четвертый был убит»²⁵. Однако подобные заявления далеко отстоят от действительности²⁶. Более того, террор едва ли вообще играл ведущую роль в сохранении белого контроля над Северной областью.

В отличие от красного террора, который был институционализирован в большевистских постановлениях и имел идеологические основы, служа не только борьбе с политическими противниками, но и социальной перекройке общества²⁷, политические репрессии в белой Северной области были спонтанны, непоследовательны и лишены ясной идеологической направленности. Политическими арестами на Севере занимались и аппарат губернского правительственного комиссара, и союзная контрразведка, и отряды самообороны из местного населения, и позже также генерал-губернатор Северной области. Их действия нередко противоречили друг другу, и бывали случаи, когда люди, арестованные союзной контрразведкой, выпускались на свободу решением белых следственных органов, только чтобы затем вновь оказаться в тюрьме по распоряжению союзных властей²⁸. Политические преследования несколько упорядочила созданная Верховным управлением в середине августа 1918 г. Особая следственная комиссия для

расследования злоупотреблений и противозаконных действий агентов советской власти. Уже осенью она обросла сетью уездных комиссий и занялась разбором дел политических арестантов, а также арестами и следствием против бывших большевистских комиссаров, членов губернского и уездных исполкомов, а также лидеров профсоюзов и комитетов левых партий²⁹.

Комиссии не только арестовывали отдельных членов бывших советских самоуправлений, но даже порой заводили следствие против целых уездных советов и земских управ. Широкую известность получило дело членов Мурманского краесовета, который всецело поддержал белый переворот в Архангельске, однако уже в октябре 1918 г. по решению Северного правительства передал полномочия помощнику генерал-губернатора по управлению Мурманским районом В.В. Ермолову³⁰. Разгром краесовета, начатый правительством, довершила следственная комиссия. Уже осенью за сотрудничество с большевиками в тюрьму был отправлен заведующий «гражданской частью» совета В.М. Брамсон. Вскоре следствие было заведено и против управляющего делами Г.М. Веселаго, председателя совета А.М. Юрьева и военного руководителя края Н.И. Звегинцева. Одновременно следственная комиссия вела дела о профсоюзах моряков и железнодорожников, о местных советах Мурманского края и даже о Мурманской рыбной экспедиции, арестовав в общей сложности до четырех десятков человек³¹.

Схожая с членами краесовета судьба постигла руководителей Онежского народного совета. Хотя он был избран уже после белого переворота и вскоре преобразовался в уездную земскую управу, следственная комиссия подозревала его членов в сочувствии большевизму. Поэтому в январе 1919 г. полный состав совета был конвоирован в Архангельскую тюрьму. Другие уездные управы лишились хотя бы некоторых из своих членов. Так, на Пинеге был арестован председатель земской управы, бывший член уездного исполкома меньшевик Петр Полонский³².

Политические аресты вызвали не столько страх, сколько возмущение и раздражение на местах. Так, жители Польской волости Онежского уезда требовали освободить членов бывшего Онежского народного совета, отказавшись до тех пор проводить земские выборы³³. На Пинеге уездное земство постановило в знак протеста против ареста Полонского выплатить ему недополученное жалованье за время пребывания в тюрьме и выразить «благодарность за его работу на

пользу уезда»³⁴. Общее собрание граждан Соломбальской волости Архангельского уезда добивалось освобождения председателя исполкома Пычкина и члена совета Мехренгина, не находя со своей стороны «за ними никаких проступков»³⁵.

Многие аресты, проводимые следственной комиссией, вызывали недоумение даже у членов Северного правительства и местных чиновников. Полагая, что необходимо арестовывать только наиболее скомпрометированных советских руководителей, они видели в более широких репрессиях угрозу репутации белого режима. Однако кабинет боялся вмешиваться в решения судебной власти, опасаясь обвинений в политизации судов³⁶. Тем самым, не являясь инициатором террора, правительство попустительствовало еще более широким арестам. Заседавшие в следственных комиссиях бывшие царские юристы и судьи твердили букву имперского Уголовного кодекса и были готовы отправить в тюрьму всех бывших членов советов и комитетов за участие в «преступном сообществе», стремящемся к свержению государственного строя. В результате только следственные комиссии к лету 1919 г. арестовали более тысячи человек³⁷.

Оказавшись за решеткой, политические узники становились жертвами неповоротливости судебной системы. Северные суды и следователи были завалены делами и не могли пропустить через себя такую массу арестантов. Заключение месяцами томилось в переполненных камерах, дожидаясь конца расследования. Даже вынесенное судебное решение не было окончательным, так как у осужденных было право на апелляцию, а высшей кассационной инстанции на Севере не имелось³⁸. В итоге число арестантов и тюрем постоянно росло.

Эпизодические попытки правительства повлиять на судебную систему только усиливали путаницу. Характерным примером была судьба Я.А. Моторина, одного из руководителей Онежского народного совета. Хотя арестованные члены совета, успев отморозить себе ноги в мудьюжской тюрьме, были освобождены решением главы правительства Чайковского, следствие по их делу не прекратилось. Спустя полгода прокурор окружного суда вновь стал добиваться ареста и суда над Моториным, к тому моменту уже воевавшим в рядах белой армии³⁹. Впрочем, командир части смог отстоять ценного бойца. А в ноябре Моторин, несмотря на обвинения в сочувствии большевизму, оказался во главе Онежского отделения бюро печати ответственным за антибольшевистскую пропаганду в уезде⁴⁰. Левая рука белой власти воистину не знала, что делала правая.

Несмотря на то что хаос, творившийся в белой судебной системе, не позволяет более или менее точно подсчитать общее количество заключенных, очевидно, что оно было не настолько велико, как это рисовала красная пропаганда. Наиболее достоверные данные были представлены еще советским историком А.И. Потылицыным. Детально изучив книги приема арестованных Архангельской губернской тюрьмы, он установил, что с августа 1918-го по ноябрь 1919 г. в ней побывало вовсе не 38 тыс. человек, а 9760 арестованных⁴¹. Учитывая, что Архангельская тюрьма была не только самой большой тюрьмой Северной области, но и главным пересыльным пунктом, эта цифра, по всей вероятности, включает в себя большее число всех побывавших под арестом. Некоторые арестанты учитывались по нескольку раз, дважды или даже четырежды проходя через губернскую тюрьму. Кроме того, число заключенных включало не только политических, но и уголовных и даже административных арестованных, которые в большом числе попадали в тюрьму на несколько дней или недель за спекуляцию, нарушение комендантского часа или отсутствие пропускных документов⁴². В тюрьмах и лагерях Северной области оказывались и многочисленные красные военнопленные и перебежчики. В частности, в августе 1919 г. из примерно 4 тыс. человек, находившихся под стражей в Архангельской губернии (не считая Мурманского края), почти 4/5 были красными военнопленными, солдатами дисциплинарных рот или арестованными солдатами тех белых полков, где недавно произошли беспорядки. Большинство из них после «сортировки» направлялись в белые части⁴³. Учитывая все имеющиеся данные, в целом через тюрьмы и лагеря Северной области, очевидно, прошло от 10 до 15 тыс. человек.

В отличие от количества арестованных, численность погибших от репрессий в Северной области можно определить лишь гипотетически. Большинство материалов военно-судебного ведомства и военно-полевых судов, выносивших приговоры о расстрелах, были уничтожены накануне белой эвакуации. Однако свидетельства о расстрелах в советских мемуарах, детально перечислявших известные случаи казней, упоминания в белой прессе и приказы командующего армией, утверждавшего смертные приговоры, позволяют примерно оценить общие масштабы террора.

Большая часть расстрелов обычно связывается с деятельностью военно-полевых судов. Они разбирали дела военнослужащих, жителей занятых «неприятельских» областей и гражданских лиц, совершивших «особо тяжкие виды государственной измены»⁴⁴. Однако учрежденные

вскоре после белого переворота, они в первые месяцы почти не выносили смертных приговоров. Поэтому ноябрьский 1918 г. расстрел в Архангельске прапорщика Ларионова и пяти членов его отряда, устанавливавшего советскую власть на Печоре, вошел во многие красные мемуары и советские исторические труды как исключительно значимое событие и показатель жестокости белой юстиции⁴⁵.

С конца 1918 г. в связи с успехами белой мобилизации военно-полевые суды над военнослужащими стали более частым явлением. Все чаще выносились и смертные приговоры, в частности за самовольное оставление командования, за шпионаж в пользу неприятеля или попытки подговорить часть к переходу на сторону противника. Жертвами расстрелов становились также зачинщики восстаний в белых полках и участники нападений на офицеров⁴⁶.

Однако военно-полевые суды не стали слепым орудием скорых расправ. Как свидетельствуют уцелевшие судебные протоколы, они продолжали приговаривать преимущественно не к расстрелу, а к тюремному заключению и принудительным работам⁴⁷. Кроме того, они едва ли были средством устрашения простого населения, так как судили преимущественно военных и почти исключительно за военные преступления. Казни гражданских лиц были редки. Самым известным случаем был, пожалуй, расстрел членов подпольного большевистского комитета в Архангельске весной 1919 г.⁴⁸ И даже известный приказ Миллера о политических заложниках, угрожавший в отместку за убийства белых офицеров казнить заключенных, арестованных за большевистскую пропаганду⁴⁹, едва ли имел широкие последствия, так как нет никаких данных о том, что это распоряжение когда-либо применялось в действительности. Расстрелы стали более часты осенью 1919 г., когда положение белого фронта оказалось наиболее угрожающим.

Тем не менее главной причиной гибели заключенных были не расстрелы, а болезни, связанные с недоеданием и невыносимыми условиями содержания. В этом отношении показателен пример Иоканьгской тюрьмы, ставшей символом белого террора. Тюрьма в заброшенном промысловом становище Иоканьга на Мурмане была создана осенью 1919 г., чтобы обезопасить Архангельск и окрестности от соседства политических заключенных. На Иоканьгу были переправлены более тысячи человек, большинство из них — подследственные арестанты, обвиняемые в содействии большевикам, и пленные красноармейцы, которых можно было содержать на пустынном берегу при минимальной охране. Заведовал тюрьмой выходец из забайкальского казачества

И.Ф. Судаков. Несмотря на четыре класса образования, он в прошлом сделал блестящую карьеру, поднявшись от тюремного писаря до начальника Верхнеудинской тюрьмы. Отличаясь крайним садизмом, Судаков собственноручно избивал арестантов до полусмерти, выгонял их босиком на снег и мороз и возглавлял пьяные оргии охраны со стрельбой по арестантским баракам. От рук Судакова и охранников погибло, судя по различным источникам, более двух десятков заключенных. Тем не менее главными палачами на Иоканьге были тиф и цинга, которые десятками отнимали жизни у голодных обитателей, промерзших и продуваемых ветром бараков. В итоге из-за истощения и болезней погиб почти каждый четвертый из иоканьгских арестантов⁵⁰. Преимущественно от болезней гибли и обитатели других тюрем, в частности Архангельской тюрьмы, где эпидемии убивали не только заключенных, но даже надзирателей⁵¹.

Таким образом, хотя белые расстрелы, вероятно, унесли несколько сотен жизней, главной причиной гибели населения в Северной области, как и в Советской России, были истощение и эпидемии. Косвенным показателем этого являются демографические данные о численности населения губернии за 1917—1920 г. Зафиксированный в 1918 г. рост смертности на треть по сравнению с предыдущим годом был связан, с одной стороны, с резким ростом рождаемости после возвращения домой фронтовиков (более пятой части всех умерших составляли дети в возрасте до одного года), а с другой стороны, с последствиями охватившей губернию эпидемии «испанки». В 1919 г., на который, согласно всем данным, пришелся пик белых репрессий, напротив, численность населения губернии существенно не менялась, а уровень смертности не превышал среднестатистический за предшествовавшие годы⁵².

Таким образом, несмотря на многочисленные политические аресты и расстрелы, белый режим на Севере России не опирался исключительно или даже преимущественно на террор. Жертвами расправ становились, как правило, участники восстаний в белых полках, пленные большевистские комиссары и наиболее скомпрометированные советские руководители. Более жестокие политические репрессии, как это было типично для Гражданской войны, прокатывались по недавно захваченным территориям. В частности, когда белые кратковременно заняли Яренский уезд Вологодской губернии, по уезду было расстреляно до ста человек по приказу местного военачальника капитана Н.П. Орлова, как позже утверждала советская уездная комиссия по установлению жертв белого террора⁵³. Однако в целом Северный фронт

отличался малой подвижностью, поэтому случаи, подобные яренским, были немногочисленны.

Судя по всему, репрессии со стороны белых также не изменили радикально состав местных самоуправлений. Хотя политические аресты смели некоторые уездные советы и управы, они глубоко не затронули волостную и сельскую администрацию. Несмотря на случаи арестов председателей и членов волостных советов и комитетов бедноты на недавно захваченных территориях⁵⁴, многочисленные свидетельства о составе самоуправлений говорят о том, что в сельской и волостной администрации массово продолжали работать прежние лидеры.

Устойчивость власти в деревне на протяжении Гражданской войны, безусловно, была связана с тем, что белые не могли жестко контролировать территорию, находившуюся под их управлением, так как все силы и ресурсы Северной области были направлены на фронт. В то же время очевидно, что белое руководство не пыталось изменить местное управление и вообще отношения в обществе в такой степени, как это стремилась делать советская власть. Белый террор, несмотря на мстительность некоторых военачальников и упорство старорежимных судей, не являлся средством социальной инженерии⁵⁵. Вероятно, белый террор в Северной области несколько приглушил голоса недовольных и запугал некоторых из возможных сторонников большевиков. Однако в целом население Архангельской губернии поддерживало белую власть и воевало в составе белой армии прежде всего не потому, что боялось репрессий. Главным мотивом было то, что содействие власти обещало принести некоторые выгоды, способствовать разрешению сельских споров и помочь выжить в трудных условиях Гражданской войны.

АРМИЯ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

Армия Северной области значительно уступала по численности белым армиям Южного и Восточного фронтов. Но если учесть малонаселенность Архангельской губернии, отсутствие в ней многочисленных представителей военизированного сословия казаков и значительного притока антибольшевистски настроенных офицеров из центра, масштабы мобилизации на Севере были беспрецедентны для российской Гражданской войны. Несмотря на случавшиеся уклонения от призыва и дезертирство, от которых страдали все армии, и красные, и бе-

лые, архангельскому руководству удалось поставить под ружье примерно десятую часть всех жителей области. Этот показатель был близок к масштабам мобилизации в годы общенациональной Первой мировой войны и далеко превосходил масштабы призывов в войне Гражданской. Но с чем было связано решение населения Архангельской губернии настолько массово откликнуться на призыв в белую армию или даже добровольно встать под флаг борьбы с большевиками?

Первыми бойцами северной армии были группы офицеров, которые вместе с союзными войсками продвигались в глубь территории губернии, и крестьяне из сельских отрядов самообороны, действовавших в Северной области накануне и в первые недели после антибольшевистского переворота⁵⁶. Крестьянские отряды включали в себя бывших солдат-фронтовиков мировой войны, участников недавних восстаний против красной мобилизации, членов кооперативов, собранных эсеровским руководством для содействия перевороту, а также группы крестьян, выступивших по решению сельских и волостных сходов для защиты своих деревень от разгрома со стороны отступавших красноармейцев. Однако эти отряды не были постоянными. Они распались вскоре после того, как на местах были смещены непопулярные большевистские руководители, отступала опасность насильственной красной мобилизации и фронт отодвигался дальше от их деревень. Поэтому когда на второй неделе августа 1918 г. Сергей Маслов, глава Военного отдела Северного правительства, направился в информационную поездку по губернии, он обнаружил лишь разрозненные вооруженные крестьянские группы, которые уменьшались с каждым днем. Он с отчаянием писал из Холмогор, его первой остановки после Архангельска, что созданный там крестьянский отряд «с каждым днем все тает» и вскоре вовсе исчезнет⁵⁷. Северное правительство видело подтверждение этому и в самом Архангельске. Так, крестьянский отряд, содействовавший белому перевороту в городе, отказался преследовать отступавшего противника и мирно разошелся по деревням, после того как власть перешла в руки Верховного управления. Из Онежского уезда также сообщали, что большинство крестьян-добровольцев отказывались идти в наступление, мотивируя это тем, что «шли только для защиты селения Порог». Подобная картина наблюдалась и в других уездах⁵⁸.

Исчезновение крестьянских отрядов заставило Северное правительство отказаться от первоначальных надежд создать добровольческую армию. И уже 20 августа 1918 г. кабинет объявил о восстановлении на территории области всеобщей воинской повинности⁵⁹. Однако дей-

ствительный набор в войска постоянно откладывался из-за нехватки офицеров, кадровой чехарды в командовании войсками Северной области и отсутствия на местах мобилизационного аппарата⁶⁰. Видимо, правительство медлило еще и потому, что опасалось создавать армию из бывших фронтовиков, прошедших через все этапы разложения старой армии. Поэтому еще до начала призыва в уездах оно понизило минимальный возраст призываемых с традиционного 21 года до 19 лет, чтобы в армии оказались хотя и менее обученные, но, как предполагалось, более дисциплинированные кадры⁶¹. После многочисленных задержек первые уездные мобилизации были начаты только 10 октября 1918 г.⁶² Но даже тогда, казалось, мобилизация была на грани срыва.

Из-за того что архивы воинских присутствий были уничтожены и списки призывников отсутствовали, уездные мобилизации проводились явочным порядком. То есть в армию забирали тех, кто оказывался на месте. Британский генерал Э. Айронсайд так описывал происшедшее: «Офицеры, занимающиеся набором рекрутов, появлялись в деревнях и зачитывали постановление правительства, после чего проводился смотр всех присутствовавших молодых мужчин. После быстрого медосмотра все годные к воинской службе мужчины призывного возраста получали приказ прибыть в Архангельские казармы»⁶³.

Призыв в белую армию был, по сути, полудобровольным, так как примитивная практика набора давала широкие возможности для уклонения от службы. Слухи о предстоявшей мобилизации доходили до деревень, как правило, раньше появления офицеров из воинского присутствия. Поэтому не желавшая служить молодежь порой уходила на промыслы как раз во время военного призыва. Рекруты иногда скрывались в лесу в охотничьих домиках, а жители прифронтовых деревень могли избежать мобилизации, временно перейдя линию фронта. В последнем случае дело нередко заканчивалось тем, что такие группы призывников брало на содержание красное командование в обмен на услуги по составлению карт местности и сбору разведывательной информации. Они также эпизодически могли участвовать в боевых действиях на стороне красных с целью изгнать белых из своих волостей или создавали красные партизанские отряды⁶⁴.

Тем не менее вскоре после начала широкой поуездной мобилизации белая армия стала неожиданно успешно расти. Через два месяца после объявления призыва в русских полках насчитывалось около 2700 штыков. К апрелю 1919 г. русская армия выросла до 10 тыс. человек. Следуя постоянно расширявшимся возрастным рамкам призыва, к маю

число мобилизованных перешагнуло 15-тысячный рубеж, а летом достигло 25-тысячной отметки. На фронт было выведено 13 стрелковых полков. Осенью же 1919 г. общее число мобилизованных в Северной области, включая ополченцев, тыловых чинов и солдат так называемых рабочих батальонов, превысило 54 тыс. человек⁶⁵. Таким образом, на фронте, на охранных и военных работах находился по крайней мере каждый десятый житель (преобладающая часть взрослого мужского населения области). Даже в Архангельске трамваи водили преимущественно женщины, а в крестьянских домах, где останавливались на постой союзные солдаты, они видели лишь женщин, детей и стариков⁶⁶.

Успех мобилизации не был связан с каким-либо особым насилием со стороны белых властей при наборе в армию⁶⁷. Северная область была слишком обширна, а архангельская власть слишком слаба, чтобы осуществлять больше, чем точечное насилие. Отношение белого руководства к уклонившимся от мобилизации, напротив, было достаточно мягким, так как главной целью являлось не расправиться с дезертирами, а использовать все возможности для увеличения армии. Если рекрут «опаздывал» по мобилизации на незначительный срок, то раскаявшемуся или пойманному призывнику в худшем случае угрожал месячный арест, а чаще всего после разъяснительной беседы он сразу направлялся в часть. Призывникам, долгое время скрывавшимся от мобилизации, грозило уже от двух до четырех месяцев тюрьмы. Но, как правило, наказание откладывалось до конца войны, и всех провинившихся сразу зачисляли в армию с правом выслужить прощение примерной службой⁶⁸.

На успех мобилизации, видимо, повлияла не угроза наказания, а материальные факторы. В Северной области, где в период войны почти полностью прекратились промыслы и население осталось почти без средств к существованию, поступление в армию давало рекруту регулярный паек, обмундирование и жалованье, а также возможность содержать семью, которой полагался бесплатный продовольственный паек и небольшое денежное пособие⁶⁹. Показательно, что особенно успешно набор в армию пошел зимой—весной 1919 г., когда даже в более южных уездах области были доедены последние остатки собственного небольшого урожая и в полной мере почувствовался голод. Приток мобилизованных в армию, возможно, был связан и с представлением населения о том, что белая власть установилась надолго и что у нее есть хорошие шансы победить большевиков. Поэтому по мере укрепления на местах белой администрации сельские сходы, прежде

сопротивлявшиеся набору в армию, начали выносить решения подчиниться мобилизации, не желая противоречить власти.

Со своей стороны, белое правительство не только ввело материальные стимулы для поступивших в армию, но и пыталось сделать воинскую службу более справедливой, утвердив ряд положений о демократизации армии 1917 г. Так, в Северной области в качестве обращения к вышестоящим начальникам вместо, например, «вашего превосходительства» использовалось пореволюционное — «господин генерал». При наборе в армию была ликвидирована непопулярная практика «учетничества», т.е. освобождение от воинской повинности по званию или роду занятий. Были отменены и другие льготы⁷⁰. Таким образом, все жители Северной области были равно обязаны исполнять свой гражданский долг по освобождению страны от большевиков.

Безусловно, белому руководству не удалось искоренить все беды старой армии и создать дисциплинированные и высокобоевые части. В условиях пореволюционной России это вообще было едва ли возможно. Например, северное руководство пыталось установить в войсках строгую дисциплину, но это нередко вызывало недовольство бывших фронтовиков, которые считали дисциплинарные ограничения, запреты и придирки мелочными и унижающими достоинство солдата⁷¹. Чтобы укрепить военную иерархию, в северной армии были восстановлены воинские звания, награды и «отдание чести» в строю. Командование попыталось вернуть офицерам чувство собственного достоинства и утраченный корпоративизм, возродив офицерские «суды чести». Также оно вернуло погоны, постановив, впрочем, вместо старых «золотых» использовать погоны защитного цвета, применявшиеся ранее в русской армии при походной форме и принятые в качестве офицерских знаков отличия Временным правительством 1917 г.⁷² Но и это многие солдаты восприняли как возрождение социального неравенства в армии. В солдатском обиходе офицеры снова стали именоваться «золотопогонниками» или «барамми», а в Архангельске солдаты насильно спарывали погоны с офицеров в городских трактирах и кабаках⁷³.

Возрождению дисциплинированной армии не содействовали также и коррупция и пьянство среди командного состава, которые широко распространились во всех войсках в годы революции и Гражданской войны. На Севере никакие наказания не могли остановить воровство и перепродажу солдатских пайков и растрату казенных средств, в чем были замешаны даже руководящие чины белой армии, включая первого начальника северного штаба⁷⁴. Широко известны были пьяные

скандалы с участием офицеров на фронте и в тылу и случаи избиений музыкантов архангельского профсоюзного оркестра за отказ играть «Боже, царя храни». Но даже массовые разжалования офицеров за пьянство не могли исправить положение⁷⁵. Солдаты, в свою очередь, не желали подчиняться непопулярным командирам и исполнять «несправедливые» приказы. Поэтому солдатские восстания периодически сотрясали северные войска, повторяя опыт других белых армий и красноармейских частей.

Поводом для волнений в северной армии могло служить недовольство размером пайка и тем, что он уступал по качеству пайку союзных солдат. В частности, именно это стало причиной выступления новобранцев в Архангельске в конце октября 1918 г. Случаи утайки пайка или задержки с выплатой жалования также были причиной солдатских волнений на фронте. Толчком к выступлению могли стать и усилившиеся атаки противника и даже просто тревожные слухи. Так, именно слухи послужили толчком к восстанию в 8-м стрелковом полку на Пинеге весной 1919 г. Проводившаяся в тот момент очередная денежная реформа была трактована так, что генералы и офицеры собираются бежать из Северной области и собирают себе на дорогу деньги. Солдаты нередко дезертировали и даже переходили на сторону красных в ответ на усиление их атак. Кроме того, включенные в белые части красные военнопленные и перебежчики часто при успешных наступлениях Красной армии вновь меняли сторону фронта, увлекая за собой белых солдат⁷⁶.

Однако, несмотря на мятежи в войсках и случавшееся дезертирство, в целом белая армия продолжала стремительно расти. Большинство жителей Северной области после некоторых колебаний в конце концов соглашались воевать на стороне белых, если белая власть была устойчивой, казалась способной победить большевиков в Гражданской войне, а также заботилась о рекрутах и их семьях. Прежние дезертиры возвращались в свои части, а тысячи новобранцев поступали во вновь формируемые полки⁷⁷. Таким образом, успех мобилизации был проявлением особой формы политической активности со стороны населения, выражением если не поддержки, то по крайней мере согласия и подчинения существующей власти. Но еще более поразительным было то, что наряду с мобилизационными войсками в Северной области стали расти добровольческие отряды народного ополчения и белых партизан, ставшие скрепами северной армии.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

В обращениях к населению и кабинетных дискуссиях белые власти неоднократно воскрешали образы Минина и Пожарского, легендарных руководителей народного ополчения 1612 г., освободившего Москву от польских войск и «изменников»-бояр⁷⁸. Мечтая о народной войне против предателей-большевиков, белые руководители пытались создать подобие того патриотического ополчения, которое увлекло бы за собой и мобилизованные войска.

Будучи в первое время поглощено мобилизацией, белое руководство смогло заняться ополчением только в начале 1919 г. Основой его послужили квартальные комитеты — объединения домовладельцев кварталов Архангельска, которые уже в течение года по собственной инициативе патрулировали город по ночам, чтобы защититься от частых грабежей. Видя успешный опыт квартальных охранных дружин, правительство в марте 1919 г. объявило о создании в Архангельске Национального ополчения. Оно должно было поставить под ружье добровольцев-мужчин, получивших отсрочку от мобилизации или признанных негодными к регулярной воинской службе⁷⁹.

В ответ на горячие призывы командующего ополчением полковника К.Я. Витукевича, местного уроженца, безногого героя-ветерана Первой мировой войны, запись в ополченцы пошла быстрыми темпами. Так как в ополчение принимали уже с 17-летнего возраста, в его рядах оказались многие учащиеся старших классов Ломоносовской гимназии, мореходного училища, политехникума и учительской семинарии⁸⁰. В число ополченцев записывались и почтенные горожане из центральных районов города: чиновники, интеллигенция и представители торговой среды. Как вспоминал о своей службе в ополчении рыбопромышленник Епимах Могучий, «собравшаяся публика по своему образованию и положению были первые люди в городе... краса и гордость города»⁸¹. Ополченцы, число которых к концу марта достигло тысячи человек, не оставляя учебы или работы, по несколько раз в неделю собирались для обучения и несения нарядов. Они патрулировали город, охраняли казенные учреждения и служили в качестве тюремного караула. Привычным для горожан зрелищем стали чины ополчения, бодро шагающие по улицам с трехцветной повязкой на рукаве и традиционным ополченским крестом на фуражке, оставшимся еще от царской армии, где странным диссонансом для пореволюционного Архангельска читалась надпись «За Веру, Царя и Отечество»⁸².

Первые отряды ополчения, для записи в которые требовалась положительная характеристика от квартальных комитетов, отличались исключительной лояльностью правительству. Командующий северной армией В.В. Марушевский даже называл их настоящей «белой гвардией»⁸³. Однако значительный успех ополчения оказался ограничен Архангельском. Попытки создать добровольные ополченские дружины в уездных городах не имели такого успеха, так как там не было патриотически настроенных студентов или значительной городской образованной элиты, представители которых преобладали среди архангельских ополченцев⁸⁴. Стремясь увеличить численность ополчения, уже летом 1919 г. правительство объявило принудительную мобилизацию в его ряды. Но, с одной стороны, это вызвало недовольство среди жителей городских окраин, которые полагали, что «буржуйам» надоело служить и теперь придется их дело делать рабочим⁸⁵. С другой стороны, это сделало ополчение политически ненадежным и отчасти скомпрометировало саму идею добровольческого ядра армии. К концу осени 1919 г. из более чем 9000 ополченцев только 1159 были добровольцами, большинство из них — в архангельской дружине⁸⁶.

В итоге, хотя белому руководству на Севере удалось сформировать народное ополчение, боевое значение его было невелико. Гимназисты, старики и люди с физическими недостатками, которые составляли его основу (многие из них впервые взяли винтовку в руки), не представляли собой серьезной боевой силы. И даже когда осенью 1919 г. белое командование начало направлять ополченские дружины на фронт, они едва ли могли сделать больше, чем охранять дороги и склады, поить мобилизованных солдат на отдыхе чаем и уговаривать их воевать⁸⁷. Тем не менее ополчение, включившее в себя широкие круги городских обывателей, служило для белого командования важным символом всенародной борьбы против большевиков. Но еще большее значение для Северного фронта имели крестьянские партизанские отряды. Именно они превратили белую борьбу на Севере действительно в народную гражданскую войну.

БЕЛЫЕ ПАРТИЗАНЫ

Партизанские отряды, состоявшие из крестьян-добровольцев, действовали почти на всех участках Северного фронта. Они не страдали от дезертирства, демонстрировали высокую боеспособность и отличались

лояльностью режиму. В отличие от красных партизанских отрядов или «зеленых» партизан, скрывавшихся в лесах от реквизиций и мобилизаций⁸⁸, о белых партизанах периода Гражданской войны почти ничего неизвестно. Тем не менее именно они сыграли ключевую роль в Гражданской войне на Севере.

Главным условием появления на Севере партизанского движения стала относительная неподвижность линии фронта. После того как в 1918 г. белое наступление застопорилось, утонув в осенней распутице и в ожидании скорых холодов, Северный фронт расположился отдельными боевыми заставами. Они прикрывали основные линии коммуникаций вдоль рек, железнодорожных путей и главных дорог. Из-за особенностей местности — труднопроходимой, болотистой и лесистой — и малого количества войск, задействованных с той и другой стороны, на Севере не было непрерывной линии фронта. Поэтому прифронтовые деревни нередко становились легкими жертвами разрушительных и жестоких рейдов мобильных большевистских отрядов.

Подобные рейды больше, чем что-либо другое, способствовали появлению партизанского движения. Об этом свидетельствует история действий красных отрядов под командованием Алексея Щенникова на Пинеге и Морица Мандельбаума на Печоре. Немногочисленный, но хорошо вооруженный отряд особого назначения под руководством члена Архангельского губисполкома А.П. Щенникова был организован в Котласе в сентябре—октябре 1918 г. Первые части отряда, насчитывавшего около 150 бойцов при нескольких пулеметах, в середине сентября появились в верховьях Пинеги. А во второй половине октября отряд проделал глубокий рейд вниз по течению реки и подчинил себе ряд волостей. Захватив по дороге транспорт с хлебом, направленный из Архангельска для пропитания жителей Пинежского края, Щенников оказался обладателем двух самых важных рычагов власти — военной силы и продовольствия⁸⁹. Использованы они были для установления красного влияния на Пинеге и раскола пинежской деревни.

Опираясь на штыки и сочувствие части пинежского населения, прежде всего молодых фронтовиков, командование отряда стало создавать комбеды, а в ноябре созвало съезд советских работников уезда. Как позже на 1-й архангельской губернской конференции РКП(б) признавался участник рейда Ставров: «...нельзя сказать, что это были лица выбранные, так как Съезд пришлось созывать почти по усмотрению т. Кулакова [одного из руководителей отряда. — Л.Н.] и моему». Также он отмечал: «...по нашему личному усмотрению было вынесено

постановление о расстреле негодных элементов. По постановлениям Комитетов бедноты расстреливали — быть может это будет преступление — по 18 или даже по 20 человек... [У]ездный исполком и местные исполкомы вообще считали это правильным»⁹⁰.

Комбеды и исполкомы опирались в своих действиях на военную силу отряда Щенникова, который вел себя как на завоеванной вражеской территории. Он терроризировал население и широко реквизировал хлеб и крестьянское имущество, включая лошадей, сено и скот. Члены советов и исполкомов и участники отряда в первую очередь распределяли реквизированные припасы между собой. Были широко распространены денежные контрибуции. За уклонение или сопротивление следовала смерть. Расправы сделались действительно массовыми, когда на Пинеге появились значительные белые и союзные силы. В ряде волостей руководство отряда объявило мобилизацию населения в возрасте от 17 до 50 лет вместе с лошадьми и телегами с целью вывезти из края зерновой хлеб и реквизированное имущество. Чтобы подавить возможное сопротивление, красноармейцы брали заложников из населения и расправлялись с людьми, подозревавшимися в симпатиях к белым. По свидетельству очевидцев, только в селе Карпогорское было решено казнить более сорока человек. Перед смертью им выкалывали глаза, разрубали лицо и половые органы, мучали, многократно погружая в ледяную реку Пинегу. Священник Чухченемского прихода Михаил Шаньгин был изрублен на куски. На других жертвах расправ подошедшие белые солдаты насчитали до 22 штыковых ран⁹¹.

При отступлении отряда Щенникова члены комбедов и исполкомов, опасавшиеся мести со стороны односельчан и белых сил, отходили вместе с ним, часто уводя с собой свои семьи. Они создали красный партизанский отряд, на основе которого в начале 1919 г. был сформирован 160-й красный стрелковый полк⁹². В то же время по мере отхода красных сил на оставленной ими территории шло быстрое создание отрядов самообороны из местных крестьян, стремившихся не допустить новых набегов и отомстить обидчикам. Целые волости добровольно мобилизовывали наличное мужское население для борьбы с красными. Уже к началу 1919 г. численность постоянно действовавших крестьянских отрядов на Пинеге доходила до 700 человек. Существовали Верхнепинежский, Труфаногорский, Печезерский, Юровский, Завраский и Подборский отряды. Они слали архангельскому командованию просьбы о помощи вооружением и военной силой⁹³.

На Печоре роль, схожую с отрядом Щенникова, сыграл отряд под командованием австрийского «интернационалиста» Морица Мандельбаума. Он действовал осенью 1918 г. по приказу командования красной 6-й армии. Пароход с красноармейцами, численность которых не превышала 80—100 человек, появился на Печоре в середине сентября 1918 г. Чтобы предотвратить возможное сопротивление, подплывая к селу, Мандельбаум обстреливал его из ружей или пушки, после чего красноармейцы окружали и занимали деревню. Затем следовали грабежи и расправы, жертвами которых вначале становились священники, более обеспеченные представители населения и жители, подозревавшиеся в сочувствии белым. Красноармейцы Мандельбаума порой применяли жестокие пытки. Сохранились свидетельства, как людей обнаженными клали под открытый кран кипящего самовара и держали так, пока не вытечет вся вода. Среди убитых встречались даже женщины и дети⁹⁴.

Панику на население края наводило то, что отряд, ограбив село один раз, нередко возвращался, и реквизиции, пытки и расстрелы начинались заново. Так, село Усть-Цильма, административный центр Печорского уезда, впервые подверглось разгрому в середине сентября 1918 г., когда красноармейцы Мандельбаума арестовали и частично расстреляли членов местной администрации, реквизировали наличность уездного казначейства и имущество богатых жителей села. После недолгого постоя отряд отправился дальше. Однако через две недели, когда в Усть-Цильму с низовьев реки Печоры пришла баржа с хлебом, пароход с красноармейцами появился вновь. Отряд захватил продовольственный склад потребительского кооператива и провел новую серию арестов и реквизиций. Возмущение действиями Мандельбаума на Печоре стало повсеместным, когда накануне отступления командование отряда отдало приказ сжигать склады с хлебом, который нельзя было вывезти. Это вызвало всеобщий протест в крае, где привозной хлеб имелся в недостаточном количестве. Жители печорских сел стали организовывать добровольные отряды самозащиты, вооружаясь имевшимися на руках примитивными берданками. Они слали в Архангельск настойчивые просьбы прислать подкрепления и оружие для отражения красных набегов⁹⁵.

Обстоятельства возникновения вооруженных крестьянских отрядов на Севере России напоминали причины появления «зеленого» движения⁹⁶. Однако стремясь, как и «зеленые», защититься от реквизиций и отомстить обидчикам, северные крестьяне не желали оградить дерев-

ню от любого внешнего вмешательства или в принципе от Гражданской войны между белыми и красными. Напротив, они всеми силами пытались заручиться покровительством и поддержкой одной из сторон.

Помощь извне нужна была прежде всего для того, чтобы не допустить перемещения линии фронта. Частый переход деревень от противника к противнику грозил крестьянам новыми военными разрушениями, грабежами и репрессиями за сотрудничество с врагом. На нехлебородном Севере спорные волости также чаще страдали от голода, так как враждующие правительства не хотели снабжать продовольствием «чужие» деревни⁹⁷. Поэтому крестьянские повстанческие отряды стремились получить признание и помощь со стороны властей, тем самым превращаясь из «зеленых» формирований в белых или красных партизан.

Несмотря на то что советская историография делила партизанские отряды на красные — «бедняцкие» и белые — «кулацкие»⁹⁸, социальные факторы далеко не всегда определяли выбор «своей» стороны. Например, в первые недели существования Северной области более бедные волости были, напротив, склонны поддерживать белых в расчете на лучшее снабжение привозным продовольствием. В свою очередь, случалось, что более богатые села симпатизировали советам.

Имущественные различия могли толкать односельчан к поддержке враждующих сторон в Гражданской войне, если они накладывались на уже существовавшие в деревне конфликты. При этом ярлыки «красный» и «белый» нередко становились способом для сведения личных счетов. Либеральный публицист А.С. Изгоев, направленный в начале 1919 г. «по мобилизации буржуазии» на возведение красных укреплений под станцией Плесецкая на Архангельской железной дороге, позже вспоминал о своем разговоре с крестьянкой в арестантском вагоне. Женщина сквозь слезы шептала случайному попугачику, что после прихода красных односельчане, имевшие виды на зажиточное хозяйство, донесли на ее мужа, что он давал подводы белым. Добившись ареста мужа, соседи затем без труда избавились от оставшейся на хозяйстве женщины, традиционно имевшей уязвимое положение в крестьянском мире. «[Т]ы, говорят, белым сигналы показывала», — утверждали односельчане, со слов крестьянки. Оказавшись после этого под арестом, она особенно сокрушалась о судьбе троих малолетних детей: «Обидят их соседи, сведут последнюю корову»⁹⁹. Таким образом, борьба между белыми и красными отчасти обострила внутренние конфликты в деревне.

В свою очередь, крестьяне на белой территории также не стеснялись вовлекать власть во внутридеревенские споры. Например, крестьяне Дениславской волости Онежского уезда М. Малышев и О. Сандровский добились того, чтобы в губернскую тюрьму были направлены их односельчане А.Н. и Д.Н. Малышевы. Во время краткосрочного пребывания в волости красных два брата возглавляли соответственно волостной исполком и поселковый комитет бедноты. Но главное, они не только являлись «сторонниками большевистской власти» и произносили речи «большевистского направления», но и «принимали участие в реквизициях у граждан хлеба и имущества», от которых, вероятно, пострадали сами истцы¹⁰⁰. Одинаковая фамилия истца и обвиняемых говорит о том, что первопричиной конфликта мог быть спор между родственниками. Подобные деревенские тяжбы нередко заставляли крестьян искать убежища в партизанских отрядах по другую сторону фронта.

Служба в противоположных армиях, в свою очередь, влекла за собой новые переделы имущества. В типичном постановлении крестьянского схода Ростовской волости Шенкурского уезда 196 присутствовавших домохозяев признали перебежавших к красным Александра Шалагина и Антона Константинова с семьей «большевиками». Поэтому решено было их «исключить из среды нашего общества и лишить их землепользования душевым наделом». Семью другого «большевика» — Антона Деткова — ростовчане выселили из дома¹⁰¹. Таким образом, порой не бедные крестьяне примыкали к большевикам, а наоборот, примкнувшие к большевикам становились бедняками, теряя свою собственность в деревне.

При выборе крестьянами «своей» стороны в Гражданской войне большее значение могло иметь не имущественное положение, а возраст добровольцев. И белые, и красные источники сходятся на том, что советы и Красную армию чаще поддерживала молодежь, вернувшиеся с мировой войны солдаты, в то время как более старшее поколение было скорее склонно симпатизировать белым¹⁰². В результате Гражданская война между красными и белыми отчасти усилила давно существовавший в деревне конфликт поколений¹⁰³.

Но несмотря на это, разница между белыми и красными партизанскими отрядами даже в возрастном отношении не была разительной. Советские следственные материалы о партизанских руководителях и белых партизанах показывают, что основу белых отрядов также, как правило, составляли бывшие фронтовики. Например, организатор Шенкурского отряда, 26-летний Максим Ракитин, выходец из крестьян

ян Шенкурского уезда и сельский учитель, руководивший восстанием мобилизованных в Шенкурске в 1918 г., был прапорщиком в годы мировой войны и, находясь в феврале 1917 г. в Петрограде, даже участвовал в революции. 23-летний крестьянин Шенкурского уезда Савватий Копылов, попавший вместе с Ракитиным в красный плен во время разведки в ноябре 1919 г., до революции воевал в Галиции в Преображенском полку¹⁰⁴. В Пинеге организатором отряда был 25-летний фронтовик Сергей Старков. Значительный процент молодые фронтовики составляли и среди членов партизанских отрядов¹⁰⁵.

Белые крестьянские лидеры, как и их красные противники, могли в прошлом являться руководителями войсковых комитетов и членами советов. Так, например, командир белого Лисестровского отряда Гордей Мосеев весной—летом 1917 г. был членом, а затем председателем войскового комитета 177-го пехотного полка, а осенью того же года был кооптирован от армии в Новгородский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Уроженец деревни Перхачевская Архангельского уезда, он уже раньше интересовался политикой. До революции Мосеев успел несколько лет поработать рабочим в Петрограде, где даже вступил в объединенную социал-демократическую партию. За политическую деятельность он был в 1913 г. выслан из столицы в административном порядке¹⁰⁶. Таким образом, политически активные фронтовики, имевшие в прошлом связи с социал-демократическими или эсеровскими организациями, нередко возглавляли не только красные партизанские группы и «зеленые» отряды, но и отряды белых партизан¹⁰⁷.

Хотя односельчане порой сражались добровольцами в противоборствующих армиях¹⁰⁸, чаще всего одна волость становилась основой только для одного — белого или красного — партизанского отряда, добровольно мобилизуя в него наличное мужское население. Несмотря на то что революция обострила имущественные споры и конфликт поколений на селе, большинство крестьян по-прежнему предпочитали действовать сообща, сопротивляясь общим обидчикам или желая отомстить соседям. Гражданская война усилила традиционную вражду, существовавшую между некоторыми соседними селами и волостями, жители которых могли искать поддержки у белой или красной власти. Например, командир белого 7-го стрелкового полка, подчеркивая высокие боевые качества добровольцев-крестьян из Церковнической волости Холмогорского уезда, признавал, что «в основе... лежит старая вражда двух смежных волостей»¹⁰⁹. В Онежском уезде поземельный конфликт вокруг владений Кожеозерского монастыря привел к появ-

лению там красного партизанского отряда. Крестьяне деревни Кривой Пояс захватили монастырские земли и скот вопреки сопротивлению соседней Кожской волости, убив при этом настоятеля, нескольких монахов и двоих кожских крестьян. В течение месяцев они удерживали монастырь в своих руках благодаря тому, что установили связь с красными частями, поставившими им вооружение и даже приславшими подкрепление¹¹⁰. В Шенкурском уезде традиционное соперничество «верхних» и «нижних» волостей определило перерезавшую уезд красно-белую линию фронта и дало добровольцев-«шенкурят» и в белые, и в красные партизанские отряды. На Пинеге «верхние» волости также поддержали красных, в то время как волости по нижнему течению реки большую часть Гражданской войны поддерживали белых. Участие крестьян в партизанских отрядах нередко было практически поголовным. Об этом свидетельствует тот факт, что даже в середине 1920-х гг. в некоторых районах и волостях Архангельской губернии до половины населения было лишено избирательных прав за добровольное участие в Гражданской войне на стороне белых¹¹¹.

Таким образом, партизанская гражданская война в значительной степени выросла из традиционных конфликтов в северной деревне. Нередко соседние волости служили основой для двух враждующих партизанских отрядов. Поэтому белые и красные крестьяне-добровольцы часто почти не отличались друг от друга по социальному или имущественному положению. Выбор партизанами «своей» стороны в Гражданской войне во многом оставался случайным. Он в первую очередь зависел от того, кто именно являлся главным обидчиком, кто из противников мог оказать большую помощь и не допустить того, чтобы волость стала ареной непрекращающихся грабежей¹¹².

БЕЛОЕ КОМАНДОВАНИЕ И ПАРТИЗАНЫ

Белое руководство Северной области плохо понимало причины появления крестьянских отрядов и настороженно относилось к поступающим к нему просьбам о помощи. Оно опасалось, что население, получив оружие, может повернуть его против белой власти. Тем не менее со временем оно не только начало снабжать партизан всем необходимым, но и само выступило инициатором создания партизанских отрядов там, где раньше их не существовало. Превращение крестьянских повстанческих групп в белые партизанские отряды и затем в полу-

регулярные части северной армии хорошо документировано на примере Тарасовского отряда белых партизан.

Отряд, получивший свое название от большого села Тарасово в южной части Холмогорского уезда, состоял из крестьян Порецкой, Петровской и части Церковнической волостей. Эти волости располагались в промежутке между железнодорожным и двинским участками белого фронта и, по сути, не контролировались ни одним из противников. По сообщению делегации от тарасовских крестьян, прибывшей в Архангельск для переговоров с белым командованием в середине декабря 1918 г., эти волости начиная с августа в течение двух с половиной месяцев находились в прифронтовой полосе, регулярно подвергаясь разорительным набегам «красноармейцев-большевиков». Особенно печально известен был отряд И.Я. Гайлита, бывшего главы административно-судебного отдела Холмогорского уездного исполкома. Красноармейцы Гайлита, снабжавшиеся за счет местного населения, отбирали у крестьян хлеб и другое имущество, вывозя его целыми обозами. Жители, страдавшие от неоднократных грабежей, воспользовались появлением в середине октября 1918 г. в Порецкой волости небольшого союзного отряда, чтобы организовать самооборону и предотвратить новый набег красных. Несколько деревень добровольно мобилизовали все мужское население, способное носить оружие, в возрасте от 18 до 45 лет, и к декабрю в отряде насчитывалось уже около 320 партизан¹¹³.

Отряд сразу проявил себя как внушительная боевая сила. Уже в конце октября партизаны при содействии союзников неожиданным рейдом выбили красноармейцев Гайлита из села Тарасово, захватив обоз, винтовки с патронами и мешки с награбленным крестьянским имуществом. После отхода союзного отряда партизаны решили защищать территорию своими силами. В ноябре 1918 г. они вновь отбили у красных временно оставленное село Тарасово, освободив попутно ряд деревень и захватив обоз, два пулемета и три десятка пленных. Преимущество партизан было в том, что, превосходно зная местность, они делали глубокие и неожиданные для противника обходы. Они пробирались десятки верст лесами, где не было не только дорог, но даже тропинок. Поэтому, внезапно нападая то здесь, то там, они могли успешно действовать против значительно превосходивших красных сил. Так, 2 декабря партизаны отбили атаку полутысячного отряда красноармейцев, который при поддержке трехдюймового орудия и двух автоматических пушек попытался вновь занять Тарасово. Хорошее знание местности и поддержка со стороны местного населения обусловили и то,

что потери партизан были сравнительно невелики. В то время как число погибших и раненых в стычках с партизанами красных бойцов исчислялось сотнями, сам Тарасовский отряд за два месяца боев потерял только 25 человек убитыми и столько же ранеными¹¹⁴.

Несмотря на боевые успехи партизан, они остро нуждались в помощи со стороны белой власти. Представители тарасовских партизан Денис Потехин и Егор Харитонов, прибывшие в декабре 1918 г. в Архангельск, просили белое командование срочно оказать помощь отряду продовольствием, медикаментами, оружием, а также по возможности деньгами и дополнительной вооруженной силой. Разоренные волости не могли снабдить партизан даже теплой одеждой и обувью для зимней кампании. Партизанам не хватало и собственной артиллерии, чтобы противопоставить ее пушечному огню противника. Наконец, указывая на переутомление бойцов, руководители отряда просили прислать подкрепления, чтобы дать бойцам отдохнуть на тыловых позициях и привести в порядок запущенное хозяйство¹¹⁵.

Обращение тарасовских партизан было не первой просьбой о помощи, полученной белым руководством. Уже с октября 1918 г. в Архангельск приходили телеграммы и приезжали делегации от крестьянских отрядов самообороны, просившие о присылке оружия, офицеров и оказании военной поддержки в борьбе с красными. В первое время белое руководство опасалось высылать оружие крестьянам, сомневаясь в их лояльности. Однако оно также боялось, что потеряет свой авторитет, если будет препятствовать самозащите населения края. Поэтому с согласия штаба белые и союзные части эпизодически делились с партизанами продовольствием и оружием, а местные правительственные комиссары раздавали им винтовки и патроны¹¹⁶.

К декабрю 1918 г., убедившись, что партизанские отряды превратились во внушительную военную силу и ведут активные боевые действия против большевиков, белое правительство и штаб начали оказывать им регулярную помощь. Так, тарасовским партизанам в ответ на их просьбы был направлен транспорт с хлебом, теплой одеждой, оружием, боеприпасами и медикаментами. К ним также выехали инструкторы-офицеры. Это позволило отряду увеличить свою численность к январю 1919 г. до 600 человек. В Холмогорском уезде, помимо Тарасовского, действовал также Селецкий партизанский отряд, который вырос до 600 бойцов к концу февраля. На Пинегу еще в декабре во главе группы офицеров-инструкторов отправился капитан П.Т. Акутин, снабженный деньгами и оружием. К январю 1919 г. под его командо-

ванием находилось уже до 700 человек. При поддержке белых властей организовались небольшие отряды под Шенкурском и в долине реки Онеги. В Печорском крае был создан партизанский отряд в 500—600 человек. В результате уже к концу января 1919 г. белые партизанские отряды составляли существенную боевую силу общей численностью до 2,5 тыс. человек¹¹⁷. Видя их содействие обороне области, белое командование вскоре стало само инициировать создание крестьянских отрядов и направлять оружие и инструкторов в прифронтовые волости¹¹⁸.

Чтобы усилить партизанское движение, зимой 1918/19 г. Северное правительство распространило на партизан многие преимущества, которыми пользовались солдаты регулярной белой армии. Партизаны теперь получали солдатский паек и денежное довольствие, их семьям выделялось денежное и продовольственное пособие, а также обеспечение в случае увечья или гибели кормильца¹¹⁹. Тогда же белое командование начало преобразовывать партизанские отряды в ополченские дружины, а затем включать их в состав регулярных белых полков. Тарасовский и соседний Мехренгский партизанские отряды были переименованы в Тарасовскую ополченскую дружину, Селецкие и плесовские партизаны образовали Селецкую ополченскую дружину, куда было дополнительно мобилизовано население окрестных волостей до 45-летнего возраста включительно. Пинежские партизаны-добровольцы составили основу создававшихся в уезде регулярных частей¹²⁰. Таким образом, партизанские формирования постепенно превращались в части регулярной Северной армии.

Несмотря на включение партизанских отрядов в состав северных полков, они тем не менее во многих отношениях отличались от частей, созданных на мобилизационной основе. В частности, они нередко имели особую внутреннюю структуру. Как сообщал из Пинеги капитан Акутин, там применялся принцип «территориального комплектования войск»: «волости составляют взводы и отряды, взводы по деревням делятся на отделения, в отделениях ближайшие родственники составляют звенья». В качестве офицеров крестьяне также предпочитали видеть местных уроженцев, поэтому Акутин просил Архангельск присылать ему офицеров — выходцев из Пинежского уезда¹²¹.

Помимо особого внутреннего устройства, партизанские отряды отличала привязанность к конкретной местности. Характерно, что северные партизаны были известны не по имени командира, но по той местности, где они действовали. Единственным партизанским лидером, имевшим некоторую известность, был, пожалуй, Максим Раки-

тин, руководитель отдельного Шенкурского партизанского батальона, иногда упоминаемого в источниках как отряд Ракитина¹²². Имена же командиров тарасовских, селецких, онежских партизан почти не встречаются в документах.

Крестьяне видели в партизанских отрядах вооруженную часть сельского мира. Поэтому они часто не разделяли военные и гражданские потери, включая в списки даже погибший скот. Так, в отчете о партизанском бое в ночь с 7 на 8 ноября 1918 г. за деревни Петрушина и Похвальская среди потерь тарасовских партизан числились: «два партизана... крестьянский мальчик д. Петрушиной и несколько лошадей и коров крестьянских»¹²³.

Несмотря на первоначальные опасения белого командования, воюя за собственные деревни, партизаны отличались дисциплинированностью и высокой боеспособностью. Солдаты-партизаны не враждовали с собственными офицерами, которые в значительной части выдвигались из самих же односельчан и являлись в прошлом старослужащими или унтер-офицерами царской армии. К кадровым офицерам, присланным из Архангельска для помощи в организации отрядов, отношение также было подчеркнуто бережным и уважительным. Например, в донесениях тарасовских партизан офицеры упоминались только с восторженными эпитетами. Так, крестьяне с сожалением писали, что во время одного из боев «храбрый из храбрых офицеров, командующий этим отрядом З. получил серьезное обморожение ног», или гордо отмечали, что партизаны действовали самоотверженно, ободряемые «любимцем-командиром офицером Т., везде и всюду показывающим личный пример храбрости»¹²⁴.

Хорошее взаимодействие между партизанами и их командирами и тесная связь с местностью и населением обусловили исключительную стойкость партизанских отрядов. Они нередко сражались с противником, многократно превосходившим их числом, и несли значительные потери — до десятой части численности отряда убитыми и больше, и все равно продолжали бой, когда ставкой были собственные деревни. Если им приходилось отступать, то часто они увозили с собой семьи и имущество. В партизанских отрядах не случалось восстаний, и они демонстрировали лояльность Северному правительству, снабжавшему их продовольствием и вооружением. Не случайно именно партизан белое командование использовало для подавления беспорядков в мобилизованных частях¹²⁵.

Не менее, чем высокая боеспособность, партизанские отряды отличала жестокость в отношении к врагу. Суровые наказания не были

нормой в крестьянском мире и прежде угрожали в первую очередь чужакам и конокрадам, представлявшим опасность для всей общины. Даже в годы революции и Гражданской войны самым распространенным наказанием была порка¹²⁶. Однако возникнув в условиях войны и часто в ответ на исключительное насилие, крестьянские отряды проявляли по отношению к противнику такое же насилие. Так, на Печоре после рейда красного отряда Мандельбаума крестьяне повели «охоту» на большевиков: ставили охотничьи капканы для ловли красных патрулей и пойманных убивали. Один такой «охотник» сообщал заезжему инженеру, что лично истребил 60 красных, а в ответ на ужас собеседника комментировал свои действия так: «Нам с ними не жить, либо они, либо мы», ссылаясь на гибель своей семьи от рук отряда Мандельбаума¹²⁷.

Руководство Северной области, до которого доходили сообщения о прорубях на Печоре, доверху заваленных трупами, объясняло такие случаи «темнотой» печорского населения, состоявшего отчасти из «полудиких» зырян¹²⁸. Однако другие партизанские отряды не отличались большей гуманностью. Так, на Пинеге осенью 1919 г. партизаны во главе с Зосимой и Иваном Кобылиными также спустил в прорубь схваченных в Веркольском монастыре большевиков и членов Пинежского уездного исполкома. Раздетых донага арестантов связывали, а затем живыми стаскивали в прорубь, подгоняя штыками и прикладами¹²⁹. Местное население, видимо, не препятствовало расправе, так как члены исполкома представляли власть недружественных верхнепинежских волостей.

Красноречивым свидетельством партизанской жестокости служит соотношение числа убитых в стычках с партизанами и пленных красноармейцев. Например, тарасовские партизаны в бою 24 ноября 1918 г., атаковав силы противника численностью около 450 бойцов, сообщали, что было «убито и ранено больше 150 красноармейцев, взято в плен три»¹³⁰. Раненые и пленные впоследствии также обычно погибали. В типичном сообщении о действиях отряда пинежских партизан говорилось, что в марте 1919 г. у деревни Торума из перехваченной группы красной разведки противник потерял 5 человек убитыми, 16 ранеными и 3 пленными, «раненые и пленные после допроса умерли»¹³¹. Спустя неделю у той же деревни была уничтожена целая большевистская рота. Как телеграфировал в Архангельск командующий войсками Пинежского района полковник П.А. Дилакторский, там было «больше ста убитых, 58 пленных. Всех ликвидировал»¹³².

Северные крестьяне убивали пленных отчасти потому, что не считали возможным тратить на их пропитание и так скудные продовольственные запасы, тогда как сами партизаны и их семьи порой страдали от недоедания¹³³. Не менее важным было и желание выместить обиду. Поэтому нередко перед смертью к пленным применялись жестокие пытки. Их раздевали до нижнего белья, кололи штыками, топили в реке, закапывали в землю заживо¹³⁴. Жестокость, вероятно, играла также демонстративную роль и служила для крестьян способом отпугнуть противника от своих деревень, чтобы не допустить новые рейды и грабежи. Поэтому партизаны не только не скрывали совершенные акты насилия, но нередко даже хвалились своей жестокостью. Впрочем, это влекло за собой новую волну насилия с красной стороны, отмеченную порой еще более жестокими пытками и убийствами¹³⁵.

Жестокость партизан, граничившая с кровной мстостью, не давала покоя белому командованию и политическому руководству Северной области. За линией красного фронта население, напуганное рассказами об убийствах и пытках, было склонно оказывать большее сопротивление наступлению белых войск. Кроме того, падал авторитет Северного правительства, а красная пропаганда получала обильную почву для обвинений белого режима в том, что он держится исключительно на насилии. Однако попытки белых властей остановить резню оканчивались неудачей. Так, например, командующий 8-м северным полком, куда входили пинежские партизаны, решил выпустить брошюру о необходимости гуманного отношения к пленным и организовать разъяснительные беседы, но был вынужден отказаться от своей идеи. Пинежские крестьяне выражали в связи с его проектом крайнее неудовольствие, заявляя, что их действия являются ответом на жестокости, которые учиняли красные отряды по отношению к их близким¹³⁶. Другой современник с сожалением отмечал, что едва ли было возможно привить партизанам гуманность, так как противник в их сознании был уже давно дегуманизирован. Большевики были для них «врагами, волками, прибежавшими в их деревню, зверями, которых надо убить»¹³⁷.

Белое командование, опиравшееся на боевую силу партизанских отрядов, вынуждено было смириться не только с их жестокостью, но и с нежеланием воевать за пределами своей территории. Попытки брать с партизан расписку, что они будут «действовать не только оборонительно, но и наступательно», не имели успеха¹³⁸. Крайне неохотно воюя за пределами ближайших деревень и волостей, партизаны, как правило, особенно резко сопротивлялись их переводу на другие участки

фронта. В последнем случае партизанские части начинали быстро распадаться из-за большого числа дезертиров, так как крестьяне опасались, что «чужие» полки сдадут их деревни большевикам¹³⁹. Как с сожалением отмечал генерал В.В. Марушевский: «Они все были готовы драться до последнего человека за свою деревню и не могли по своему разумению встать на более широкую точку зрения, не говорю уже государственных, но хотя бы областных интересов»¹⁴⁰. Марушевскому вторил врач Б.Ф. Соколов, член последнего состава Северного правительства, близко общавшийся с партизанами: «Напрасно... было бы искать в психологии партизан чувств общегосударственных, общенациональных. Напрасной была бы попытка подвести под их ненависть антибольшевистскую — идейную подкладку. Нет, большевики оскорбили грубо душу... партизан, допустив насилия над их женами и сестрами, разрушив их дома и нарушив их вольные права... Но до России, до всей совокупности российских переживаний им было дела очень мало. Чрезвычайно мало»¹⁴¹.

Таким образом, хотя широкое участие партизанских отрядов сделало белую борьбу на Севере отчасти народной войной и обеспечило устойчивость архангельского фронта, это была не та война, о которой мечтали белые военные и политики. Крестьяне добровольно выступали против большевиков не из-за пробуждавшегося общенационального самосознания или гражданского чувства, а из-за сохранявшегося традиционализма северной деревни и стремления отомстить обидчикам. Локальные идентичности и региональные привязанности партизан по-прежнему преобладали в сознании крестьян над общенациональными¹⁴². Это способствовало прочности белой обороны, но также обусловило неудачу любых попыток вывести белые войска в широкомасштабное наступление. Поэтому северная партизанская война, выросшая из неподвижности Северного фронта, сделала его еще менее подвижным.

* * *

Антибольшевистские военные и политики и в годы Гражданской войны, и в эмиграции не переставали винить население Севера в равнодушии к судьбе страны и слабой поддержке Белого движения. Крестьяне, рассуждавшие о событиях в стране как о чем-то, происходившем далеко, «там — в России», были лишены, по мнению белого начальства, «идеи здоровой государственности»¹⁴³. Жители северной деревни в большинстве своем не стремились воевать за свержение боль-

шевиков в центре страны и были больше озабочены нуждами своей деревни и волости. Тем не менее Гражданская война в Северной области не была лишь делом политических элит. Во многих отношениях она превратилась в народную войну, в которой в той или иной мере участвовала большая часть населения Архангельской губернии.

С открытием боевых действий на Северном фронте простое население Севера не стремилось отгородиться от происходивших событий. Напротив, оно пыталось использовать перемену власти для того, чтобы удалить посаженных сверху большевистских руководителей и восстановить у власти местных популярных лидеров. По мере того, как укреплялась белая администрация на местах, а война все теснее входила в жизнь архангельской деревни, жители губернии активнее шли на сотрудничество с белой властью. Они пытались заручиться ее помощью в борьбе против набегов красных отрядов, соглашались служить в мобилизованных полках в обмен на продовольственное и материальное обеспечение рекрутов и их семей и в целом были готовы содействовать правительству, которое демонстрировало устойчивость и способность добиться скорой победы в войне. Крестьяне видели в Северном правительстве защитника своих интересов отчасти потому, что симпатизировали некоторым политическим инициативам белого кабинета, в частности его земельным законам и попыткам оказать социальную помощь населению. Но все же при выборе «своей» стороны в Гражданской войне крестьянами в первую очередь двигали не политические предпочтения, а практический расчет и инстинкт самосохранения. Пытаясь обезопасить себя в обстановке распада государства и в буквальном смысле войны всех против всех, крестьяне прагматически стремились обрести сильного покровителя. Их сотрудничество с белым режимом было своего рода политическим альянсом, возникшим в ответ на особые обстоятельства. Но с изменением обстоятельств прежние альянсы могли рушиться и уступать место новым. Так, несмотря на содействие белой власти, большинство жителей Севера не хотело оказаться на стороне проигравших и не было готово поддерживать до конца ту власть, которая скоро падет. Именно поэтому изменившееся положение на других белых фронтах стало причиной стремительного распада Северного фронта и крушения Северной области в начале 1920 г. Как и почему это произошло, является предметом следующей главы.

Глава 7

ПАДЕНИЕ БЕЛОГО СЕВЕРА И СОВЕТИЗАЦИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Руководство Северной области и командование белыми войсками с весны 1919 г. пристально следили за известиями о наступлениях на других белых фронтах. Они рассчитывали, что Северная и Сибирская армии смогут создать единый фронт, что А.В. Колчак или А.И. Деникин скоро дойдут до Москвы и что войска Н.Н. Юденича захватят Петроград, положив конец большевистскому режиму. Однако в начале 1920 г. сама территория Северной области, наряду с большей частью белой Сибири и почти всем югом страны, оказалась под контролем красного центра.

Стремительность, с которой передвигались по стране линии фронтов, и кажущаяся близость победы то белых, то красных были главными особенностями российской Гражданской войны. Но изменчивость военной удачи едва ли объяснялась переменой политических симпатий населения¹. Как свидетельствуют последние месяцы существования Северной области — с лета 1919 г. до падения Северного фронта в феврале 1920 г., не массовые настроения влияли на военный успех, но, наоборот, военный успех в значительной мере определял политические предпочтения населения. Ничто не пугало жителей Севера больше, чем перспектива оказаться на стороне проигравших. Признаки скорого военного поражения подталкивали население, опасавшееся мести за сотрудничество с «врагом», к тому, чтобы заблаговременно перейти на сторону победителя и обеспечить свою безопасность. В годы Гражданской войны слабые армии могли на волне успеха наносить поражение более сильному противнику. И, напротив, даже незначительные военные неудачи, вызванные порой стечением обстоятельств, приводили к лавинообразному крушению фронтов. Как будет показано в данной главе, именно эта динамика привела к падению Северной области.

Уже с лета 1919 г. сведения о неудачах на других белых фронтах, прежде всего на Восточном фронте, не только вызвали разочарование населения Северным правительством, но и способствовали прекращению интервенции Антанты на Севере России. В результате прежние преимущества Северной области превратились в недостатки. Морская связь с внешним миром уже не могла компенсировать экономическую слабость и отсутствие продовольственных резервов в Архангельской губернии. Тем временем непомерно выросшая армия ложилась все большим грузом на экономику Севера. В итоге существовавшая как осажденная крепость, Северная область стала заложницей борьбы на других белых фронтах. И когда в конце 1919 г. в Архангельск стали приходить известия о крушении белых армий на Востоке, Юге и Северо-Западе России, Северный фронт рухнул почти без сопротивления. Однако Гражданская война в Архангельской губернии не завершилась с исчезновением Северной области в феврале 1920 г. Она продолжалась еще многие месяцы в виде массового насилия, террора и политических чисток, которые стали главным инструментом интеграции Архангельской губернии в Советское государство.

ЛЕТНЯЯ ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ 1919 г. и ЗАВЕРШЕНИЕ СОЮЗНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Правила фронтовой Гражданской войны в Архангельской губернии диктовала северная природа. Морозные и снежные зимы и весенне-осенняя распутица ограничивали период активных военных операций короткими летними месяцами. Поэтому после неудачной попытки небольших союзных и белых частей под командованием генерала Ф.К. Пуля в августе—сентябре 1918 г. прорваться к Вологде и Котласу все надежды северного руководства были обращены на летнюю кампанию 1919 г. Тогда фронтовая Гражданская война после вынужденного затишья должна была возобновиться с новой силой.

Уже с весны 1919 г. британский командующий союзным фронтом на Севере России генерал Э. Айронсайд вместе с чинами белого штаба корпел над картами летнего наступления. Одна из стрелок предполагаемых атак шла на юг вдоль Архангельской железной дороги, представлявшей собой кратчайший путь на Москву, и упиралась в узловую станцию Плесецкая. Взяв ее, войска должны были наступать дальше на Вологду. Вторая стрелка следовала изгибам Северной Двины, нацели-

ваясь на Котлас. Именно вблизи Котласа, по расчетам союзного и белого командования, северные части должны были соединиться с сибирскими войсками адмирала Колчака, находившимися весной 1919 г. на пике победоносного наступления. Уже 21 марта на пустынных пространствах средней Печоры передовой отряд сибирских войск вступил в контакт с ротой Мезенско-Печорского района Северной области. Белая пресса трубила об этой встрече как о предвестнице широкого соединения фронтов. Подготовительные операции к масштабному наступлению на Северном фронте начались в июне. Начало же главных атак было намечено на июль 1919 г.²

Решение наступать именно в июле демонстрировало, насколько несогласованными были боевые действия на белых фронтах. Хотя более раннее наступление сделало бы соединение с войсками Колчака более вероятным, ему препятствовали несколько факторов. Так, северное командование дождалось наступления удобных для военных операций летних месяцев, а также прибытия в конце мая — начале июня двух британских добровольческих бригад, которые должны были участвовать в прорыве красной обороны. Что еще важнее, находясь под впечатлением от решительных успехов колчаковских войск, северные власти переоценивали боеспособность сибирских частей. Они полагали, что более позднее наступление облегчит задачу и обеспечит успех все еще недостаточно хорошо обученной Северной армии, сократив ей путь до соединения с сибиряками. Наконец, согласованные наступательные операции были в принципе едва ли возможны, так как между Омском и Архангельском не существовало налаженной радиосвязи и даже срочные военные сообщения нередко шли по нескольку недель³.

Надежды на успех, впрочем, оказались вскоре перечеркнуты тревожными известиями с колчаковского фронта. Во второй половине июня, когда подготовка к наступлению на Севере близилась к концу, телеграф принес запоздалые новости о масштабном отходе армий Колчака. Восточная стрелка будущих атак северных войск уперлась в пустоту. И даже менее масштабные операции затрудняло то, что из-за необычно жаркого лета уровень воды в Северной Двине стремительно падал, не позволяя кораблям речной флотилии участвовать в прорыве красной обороны. Тем не менее генерал Айронсайд, руководивший совместными операциями союзных и русских войск, все же решил нанести удар по большевикам. Неожиданный успех, а затем откат сибирских войск позволяли надеяться, что положение Колчака скоро вновь переменится, и поэтому хорошо было бы заранее вывести северную

армию на лучшие позиции. Удачу обещало и соотношение сил на архангельском фронте, где 23 тыс. бойцов красной 6-й армии противостояло 32 тыс. штыков белых и союзных солдат. Наступлению благоприятствовали также волнения в связи с голодом в непосредственном красном тылу и усилившееся дезертирство из Красной армии⁴.

Однако уже первые стычки с врагом в июне 1919 г. перечеркнули надежды на легкую победу белых войск. Дальнейшие же события и вовсе положили конец еще не успевшему начаться масштабному летнему наступлению. Неожиданно для белого и союзного командования красноармейцы стали оказывать довольно упорное сопротивление. Так, 20 июня в бою за деревни Троица и Топса на Северной Двине, где белые и союзные войска одержали победу, захватив в плен около 500 красноармейцев и убив еще более сотни, они, в свою очередь, также потеряли около ста человек убитыми и ранеными⁵. Одновременно с усилившимся сопротивлением врага на Север стали проникать все более определенные сведения о сокрушительных поражениях колчаковской армии. Их распространению немало содействовали красные листовки, которые большевистские патрули разбрасывали в прифронтовой полосе. Кроме того, начавшийся в конце весны вывод с Севера американских и французских контингентов, казалось, подтверждал, что положение Северного фронта крайне непрочное. Под влиянием слухов, что белое наступление бесполезно и только приведет к ненужному кровопролитию и даже что дни самой Северной области сочтены, белые солдаты стали отказываться идти в атаки, и бывали случаи перехода к противнику.

Как и в предшествовавшие месяцы, восстания чаще случались в тех частях, где значительный процент составляли пленные красноармейцы. Однако представление о непрочном положении фронта способствовало выступлениям и в прежде надежных частях. Первым тревожным сигналом стало восстание роты Дайеровского батальона Славяно-британского легиона, сформированного из пленных красноармейцев и заключенных губернской тюрьмы. Получив приказ выйти на боевые позиции, рота восстала в ночь на 7 июля. Около 150 человек из состава батальона, убив спящими офицеров полка, перешли к противнику. Хотя командование немедленно разоружило остатки батальона, отправив на тыловые работы, а 11 пойманных участников выступления были показательным образом расстреляны перед строем солдат, белое руководство не смогло предотвратить дальнейших волнений в армии⁶.

Спустя всего две недели под влиянием слухов о том, что красные прорвали фронт и что командование скрывает сведения о поражени-

ях, гоня солдат на верную смерть, восстал 5-й Северный полк, прикрывавший Онежское направление. Убив и частично захватив в плен офицеров, группы солдат перешли к красным. Большинство же разошлись по домам, так как стояла горячая пора сенокоса. Восстание обнажило правый фланг белых позиций, позволив красным занять город Онегу. Более того, оно прервало сухопутную связь между Архангельском и Мурманом, поставив под угрозу снабжение Северной области и ее связь с внешним миром через единственный на Севере незамерзающий порт Мурманск⁷. До белого руководства доходили сведения о готовившихся восстаниях в других полках, которые удалось вовремя предотвратить. В итоге в июле 1919 г., вместо того чтобы руководить наступлением, северные военачальники, по словам полковника Н.П. Зеленова, «или ожидали восстания, или подавляли уже прорвавшееся»⁸.

Июльские восстания, вызванные тревожными слухами и стечением обстоятельств, не были показателем особой непрочности белого фронта или непопулярности северного правительства. Подобные выступления периодически случались во всех армиях в годы Гражданской войны. И столь же неожиданно, как и волнения в войсках, всего спустя несколько недель вновь произошло упрочение Северного фронта. Под влиянием известий об успехах денкинского наступления дезертирство из архангельской армии почти прекратилось, и войска опять начали пополняться перебежчиками от врага. Тем не менее июльские восстания предопределили исход летних боев 1919 г. на архангельском фронте. Они положили конец попыткам белого руководства перейти в масштабное наступление. Также они послужили последней каплей, убедившей союзное командование в необходимости скорейшей эвакуации войск Антанты с Севера России.

В целом окончание интервенции было предreshено еще весной 1919 г., когда союзные правительства под давлением общественности и проблем в собственных странах одно за другим объявили о предстоящем выводе своих контингентов из России⁹. С открытием летней навигации северные порты стали покидать суда с американскими, французскими и британскими войсками на борту, и до наступления зимы Северную область, как предполагалось, должны были оставить последние отряды Антанты. Однако в союзном руководстве еще оставались сторонники интервенции. Также решение об окончательном выводе союзных войск открыто не афишировалось. Это создавало у белого руководства иллюзию, что интервенция может быть продолжена и следующей зимой. Прибавляло надежд и то обстоятельство, что британс-

кое военное министерство отправило на Север в мае—июне 1919 г. еще две бригады по 4 тыс. бойцов каждая для участия в оборонительных, а также, в случае необходимости, и наступательных операциях на Северном фронте. Впрочем, предпочитая действовать осторожно, генерал Айронсайд не планировал выдвигать их далеко от Архангельска. Задачей союзного контингента было лишь содействовать прорыву красной обороны, а затем передать эстафету наступления русским частям. Однако восстания в белой армии заставили Айронсайда в принципе отказаться от участия союзных войск в боевых действиях на Северном фронте.

Уже после выступления Дайеровского батальона генерал Айронсайд приостановил боевые операции на Северной Двине. А 22 июля 1919 г. он телеграфировал в Лондон, что если не будут присланы новые крупные подкрепления, то эвакуация должна начаться немедленно. Сообщения о восстаниях в войсках дали новые козыри в руки членам британского кабинета — сторонников скорейшего завершения интервенции. Преобладающие настроения в лондонских политических кругах уже и так были не в пользу интервенции, и лишь из-за стараний военного министра Уинстона Черчилля Англия еще не отозвала окончательно свои войска из Северной области. Теперь даже Черчилль не мог убедительно объяснить, в чем заключается польза от дальнейшего пребывания союзных войск в России. И 23 июля Лондон вынес окончательное решение о прекращении кампании на Севере, последовав за американским и французским правительствами, которые к тому времени уже почти полностью вывели из области свои войска. Чтобы не вступать в переговоры с большевиками, эвакуация должна была осуществляться как военная операция. Айронсайду предстояло провести еще одно небольшое наступление, чтобы дезорганизовать красный фронт и обеспечить беспрепятственный вывод оставшихся союзных частей из Северной области¹⁰.

СЕВЕРНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС АВГУСТА 1919 г.

Неудача летней кампании и решение союзников окончательно покинуть Северную область вызвали в Архангельске острый политический кризис. Также они дали толчок новой серии дебатов среди северной политической общественности о том, является ли белый Север

лишь одним из звеньев общей цепи антибольшевистских фронтов, или его существование имеет самостоятельное значение, вне зависимости от исхода белой борьбы в Сибири и на Юге страны. От ответа на этот вопрос зависели будущее Северной области и политическая конструкция власти. Это предопределяло, в чьих руках — военного командования или региональной общественности — должно находиться управление краем. Несмотря на то что первоначально общественность преобладала, конечная победа осталась за генеральской властью.

В июле 1919 г., чтобы предотвратить дальнейшую деморализацию армии, белое командование упорно молчало о крушении наступления в Сибири. На карте Бюро пропаганды в центре Архангельска колчаковские войска располагались к западу от Глазова, приближаясь к Котласу, в то время как на самом деле фронт находился намного восточнее, откатившись уже к Перми¹¹. Однако тревожные слухи плодились, несмотря на угрозы предавать виновных в распространении «ложных» сведений военному суду и даже имевшие место единичные расстрелы¹². Именно в этот момент британское командование официально объявило о предстоящей эвакуации оставшихся союзных контингентов. 27 июля 1919 г. при встрече с генерал-губернатором Северной области Миллером и на следующий день на заседании белого правительства генерал Айронсайд сообщил о планируемом выводе союзных войск и поставил вопрос, сможет ли Северная армия самостоятельно продолжать борьбу¹³.

Несмотря на недовольство союзной интервенцией среди военных и политических кругов Северной области, известие о предстоящей эвакуации поставило белое руководство в тупик. Интервенция уже давно воспринималась как данность, так же как и союзные поставки продовольствия и военного снаряжения. Правда, боевое значение союзных отрядов уже не было так велико, как в первые месяцы интервенции, так как даже в численном отношении они теперь значительно уступали выросшей в предшествовавшие месяцы белой армии. Однако материальная помощь со стороны союзников по-прежнему играла существенную роль в снабжении Северной области. Еще более велико было символическое значение союзного присутствия на Севере. Союзные отряды, сражавшиеся плечом к плечу с белыми войсками, казалось, показывали всем, что большевики являются политическими изгоями и что мировые державы — на стороне белых правительств. Поэтому известие о прекращении интервенции было воспринято на Севере не только как удар по обороне области, но и как серьезное дипломатичес-

кое поражение и даже как начало международной изоляции белых правительств. Неожиданная перспектива остаться без союзных войск и снабжения испугала белое командование, политиков и региональных активистов и заставила их приложить все силы, чтобы остановить эвакуацию. Но несмотря на все их протесты, в десятых числах августа войска Антанты начали стягиваться в тыл для отправки на родину¹⁴. В результате в августе 1919 г. белому руководству предстояло решить, что делать, и на кого или на что может в будущем опереться его власть.

Генерал Миллер отчаянно пытался оценить военные последствия союзной эвакуации для обороны Северной области, особенно ввиду продолжавшегося отступления колчаковских войск. Предложенный Айронсайдом отход белой армии вместе с союзниками казался ему позорной и поспешной капитуляцией. Однако военный опыт говорил ему, что в случае дальнейшего усиления красного фронта Северная армия, опиравшаяся только на ограниченные людские и материальные ресурсы Архангельской губернии, едва ли сможет самостоятельно противостоять врагу более одного-двух месяцев¹⁵. Его опасения подтвердили командующие фронтовыми районами и полками. На созванном Миллером совещании они сошлись во мнении, что Архангельск необходимо эвакуировать. Командиры считали, что армию можно спасти, лишь перевезя более крепкие части на белый Северо-Западный или Южный фронты или усилив ими Мурманский участок обороны. В последнем случае, даже при неудачном развитии событий, армии был бы обеспечен путь отступления в Финляндию или Норвегию¹⁶.

Идею эвакуации на Мурман поддержал и начальник Мурманского края В.В. Ермолов, а также формальный глава северного кабинета Н.В. Чайковский вместе с другими членами Русского политического совещания в Париже¹⁷. Тем не менее, прежде чем принять решение, Миллер решил дождаться мнения Колчака. 4 августа 1919 г. в своей телеграмме в Омск он запросил мнение верховного правителя об общем положении на белых фронтах. Миллер сообщал, что попытка удержать Архангельск будет иметь смысл, только если «есть твердая уверенность, что власть большевиков будет сломлена до наступления зимы»¹⁸.

В то время как Миллер размышлял о спасении армии и общих перспективах белых военных кампаний, члены Архангельского правительства и провинциальной общественности с отчаянием осознали, что теперь один военный приказ может подвести черту под всем существованием Северной области. В их представлении значение белого Севера, этого прообраза будущей небольшевистской России с его демокра-

тическими земствами, партиями, региональными общественными организациями и относительно свободной прессой, далеко превосходило вопрос об исключительно военной целесообразности дальнейшей борьбы. Поэтому, чтобы не допустить падения фронта, в августе 1919 г. они инициировали серию кабинетных перестановок и созыв Земско-городского совещания с целью сделать правительство более представительным, и тем самым укрепить доверие населения к власти. В них говорила надежда, что, если все жители области как один встанут на ее защиту, ликвидации фронта удастся избежать.

Августовские инициативы не сочетались с предшествовавшими шагами правительства, нацеленными на укрепление генеральского правления. Еще в середине июля 1919 г. ввиду приказа Колчака о назначении Миллера главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами на Северном фронте кабинет обсуждал вопрос о самоликвидации. Тогда члены правительства, надеясь на скорую военную победу и объединение белых фронтов, полагали, что именно сильная генеральская власть в тот момент «может быстрее реагировать на выдвигаемые этой [боевой] обстановкой жизненные запросы области»¹⁹. Но военные неудачи, а также протесты и предостережения со стороны социалистических лидеров, союзных дипломатов и русских заграничных представительств заставили их отложить роспуск кабинета²⁰. А затем известия о предстоявшей эвакуации союзных войск подтолкнули членов правительства к тому, чтобы, напротив, укрепить кабинет, сделав его более представительным и популярным.

Заметавшись в поисках общественной опоры, члены кабинета обратились за помощью к недавно переизбранным земствам и Архангельской городской думе, выступавшим как демократические представители широких народных масс. Самоуправления охотно пошли на переговоры и выдвинули в члены правительства беспартийного архангельского городского голову И.В. Багриновского, который вскоре занял пост начальника Архангельской губернии и управляющего внутренними делами Северной области. Также левые земские и городские круги настояли на удалении из правительства С.Н. Городецкого и Н.В. Мефодиева, ставших к тому времени олицетворением правого крыла в кабинете, а также члена Союза возрождения России энеса В.И. Игнатьева, так и не сумевшего заручиться популярностью среди архангельской общественности. Значимой уступкой левым стало и создание в кабинете самостоятельного Отдела труда, чего безуспешно добивались профсоюзы уже с осени 1918 г. Кроме того, в составе правительства были зарезервированы еще

два места для выборных представителей от органов местного самоуправления. Таким образом, хотя председательство в кабинете оставалось в руках кадета П.Ю. Зубова, а генерал Миллер сохранил свое место в правительстве в качестве главнокомандующего армией и главы Отдела иностранных дел, начавшиеся 10 августа кабинетные перестановки усилили влияние левых кругов на власть²¹.

Еще большему сдвигу архангельской политики влево способствовало Земско-городское совещание, которое начало свою работу 12 августа 1919 г. Идея созыва совещания обсуждалась в правительственных сферах уже с весны 1919 г. Теперь этот форум представителей самоуправления, который еще недавно считался источником политической нестабильности, показался членам кабинета спасительной соломинкой. Он должен был стать опорой белой власти и воодушевить население на борьбу с большевиками²². Земско-городское совещание по своему политическому составу оказалось левее преобразованного кабинета. Хотя социалистические делегаты разделяли убеждение, что Северную область необходимо спасти, и выразили готовность прийти на помощь правительству, они потребовали более глубоких изменений в управлении краем, и в частности создания представительного органа, контролирующего правительство. Также они добивались политической амнистии для арестованных членов социалистических партий²³. Ввиду критического положения области кабинет пошел на уступки. Для разработки положения о представительном органе при правительстве была создана специальная комиссия. Помимо этого, кабинет согласился на помилование политических заключенных по представлению Земско-городского совещания, отказавшись от проведения всеобщей амнистии²⁴.

Хотя правительство и не выполнило всех требований совещания, ухудшавшаяся военная обстановка заставила земцев удовлетвориться достигнутым. Несмотря на временами резкую критику прежней политики кабинета, совещание согласилось делегировать в кабинет членов губернской земской управы эсеров П.П. Скоморохова и Е.В. Едовина и в специальном воззвании призвало население края сражаться с большевиками под руководством «правительства обороны», облеченного народным доверием. Члены совещания также послали обращения к союзным правительствам с просьбой отменить эвакуацию, направили в Лондон собственную делегацию и даже попытались обратиться напрямую к западным «демократиям» через головы правительств, призвав европейских рабочих и общественные организации поддержать борьбу в Северной области²⁵.

Призывы совещания не остановили вывода союзных войск. Но его решимость продолжать оборону даже в трудных военных условиях прибавила членам белого правительства веры в то, что Северную область еще можно спасти. Надежды на благоприятный исход укрепляло то, что в конце лета 1919 г. неожиданно улучшилась обстановка на других белых фронтах. Уже в августе в Архангельск стали приходить известия о начале успешного наступления армий генерала Деникина на Юге России, о приостановившемся отходе сибирских войск и о готовившейся атаке Юденича на Петроград. Все это, казалось, свидетельствовало о том, что удача вновь готова склониться на сторону белых²⁶. Об изменившемся военном положении говорила и полученная в двадцатых числах августа телеграмма Колчака. Отвечая на вопрос Миллера о целесообразности дальнейшей борьбы на Северном фронте, верховный правитель категорически требовал продолжать оборону. Он сообщал о готовившемся наступлении на других белых фронтах и приказывал «удерживать архангельский район до последней крайности и напряжения», подготовив как крайнюю меру переправку войск на Мурман²⁷. Этот приказ окончательно разрешил последние сомнения северного командования. 24 августа Миллер телеграфировал Чайковскому: «Не считая возможным без сопротивления отдать Северную область большевикам, что вызвало бы сильный подъем духа у большевиков и совершенное разложение наших солдат, способных в лучшем случае защищать свои очаги, делаю попытку удержаться, независимо от ухода англичан»²⁸.

Таким образом, и северная политическая общественность, решившая во что бы то ни стало отстоять Северную область, и военное командование, поверившее заверениям Колчака, сошлись во мнении о необходимости дальнейшей обороны. Но мало кто ясно представлял себе последствия этого решения. В ближайшие осенние и зимние месяцы Северной армии предстояло оборонять позиции без помощи союзных войск и без регулярного снабжения из-за границы, надеясь на неспадающий патриотический подъем среди населения и скорое свержение большевиков силами других белых фронтов.

БЕЛАЯ АРМИЯ И ТЫЛ ОСЕНЬЮ—ЗИМОЙ 1919 Г.

Полковник В.А. Жилинский, начальник штаба Северной армии, позже объяснял крушение Северной области тем, что после ухода со-

юзников борьба с большевистским центром и содержание огромной армии оказались совершенно непосильными «для населения трех четвертей Архангельской губернии»²⁹. Действительно, хотя осенью 1919 г. военное положение области упрочилось, а численность войск продолжала быстро расти, северное руководство столкнулось с неразрешимой дилеммой. Растянутая линия обороны и невысокая боеспособность частей заставляли его прибегать ко все более широким мобилизациям, чтобы обеспечить количественный перевес над противником по всему фронту. Однако, как и в большевистском центре страны, растущая армия ложилась все большим грузом на экономику, вызывая недовольство населения³⁰. В традиционно экономически слабой Архангельской губернии, лишившейся осенью 1919 г. своего единственного преимущества — союзной продовольственной и военной помощи, этот конфликт между интересами армии и тыла оказался непреодолимым и резко ослабил способность Северной области продолжать борьбу.

Еще в начале осени 1919 г. могло казаться, что худшее уже позади, так как на горизонте вновь показался призрак белой победы. Не успели союзные войска покинуть Северную область, как военная обстановка на архангельском фронте начала улучшаться. В августе британские части в своей последней атаке против большевиков смяли красные позиции, прикрывавшие Котлас. Затем в наступление перешел Мурманский фронт, отеснив противника более чем на 40 км к югу. Когда союзные части, дезорганизовав таким образом красный фронт, начали грузиться на корабли, белые войска неожиданно успешно продолжили наступление. Они потеснили красных на участке фронта по Архангельской железной дороге и вынудили противника оставить Онежский район, 10 сентября вновь заняв Онегу. Затем белые части возобновили атаки и в октябре взяли станцию Плесецкая, которую они безуспешно пытались захватить с осени 1918 г. В последующие недели под контроль Архангельска также перешли обширные территории на Пинеге и в Мезенско-Печорском районе. Под властью белого правительства оказался даже ряд волостей Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии, когда отряд полковника Н.П. Орлова глубоким рейдом в красный тыл дезорганизовал оборону противника³¹. Удачное наступление принесло белым войскам более 14 тыс. пленных красноармейцев, множество орудий, пулеметов и боеприпасов³².

Военные успехи конца лета — осени 1919 г. имели для Северной области двоякие последствия. Позволив белым войскам занять несколько стратегически важных пунктов, захватить запасы вооружения

и пленных, они в то же время еще более растянули линию белой обороны. Чтобы удержать позиции, белому командованию приходилось усиленно пополнять численность армии. Уже в августе в преддверии союзной эвакуации оно вновь расширило рамки мобилизации, призвав в армию мужчин в возрасте 18—45 лет. Тем временем все остальное мужское население от 17 до 50 лет и лица, негодные к воинской службе, обязывались служить в ополчении под угрозой лишения продовольственного пайка. Фронтовые начальники даже стали жаловаться, что наспех обученные новобранцы не усиливали боеспособность частей, а лишь умножали количество ртов³³.

Белые власти также пытались увеличить численность войск и создать видимость продолжавшейся союзной поддержки, привлекая иностранных добровольцев-контрактников. Агенты Северного правительства и русские дипломатические представители вербовали их в Швеции, Дании, Бельгии, Англии, Чехословакии и Сербии. Однако, столкнувшись с протестом западной общественности и нехваткой валютных средств в казне для оплаты высоких контрактов, северное руководство вынуждено было оставить эти попытки. В итоге в область прибыло не больше 200 контрактников³⁴.

Более щедрым источником пополнений для северной армии были красные военнопленные и перебежчики, приток которых значительно возрос в связи с успехами белых войск на фронте. Переходам содействовали также сведения о победах антибольшевистских сил на Юге и Северо-Западе России и ослабление противника из-за переброски красных войск с Севера на другие фронты³⁵. Белое командование, испытывая нехватку солдат, проводило упрощенную «сортировку» пленных. Как правило, уже спустя одну-две недели они вновь получали оружие и направлялись в часть. В результате более 95% военнопленных, захваченных белыми летом—осенью 1919 г., оказались в составе Северной армии. Существовали роты, где бывшие красноармейцы составляли до 9/10 личного состава. Потребность в военной силе была настолько велика, что командующие полками и фронтами предпочитали даже не направлять пленных для сортировки в Архангельск, а тут же на месте включали их в боевые части или рабочие роты³⁶.

Белое командование охотно принимало на службу и взятых в плен командиров красных частей. Специальные комиссии из высших белых офицеров опрашивали пленных. Если выяснялось, что офицер имел награды царской армии, что он оказался в Красной армии по мобилизации, что в большевистской партии не состоял и «особого рвения по

службе» не проявлял, он тут же восстанавливался в прежнем чине и направлялся в часть³⁷. Вследствие этого осенью 1919 г. в составе Северной армии оказалось значительное число бывших красных командиров, под руководством которых нередко служили те же бывшие красноармейцы.

Таким образом, несмотря на вывод из Северной области последних союзных войск в сентябре—октябре 1919 г., белому командованию удалось быстро компенсировать некоторое ослабление фронта и даже значительно увеличить размеры армии за счет внутренних мобилизаций и военнопленных. Общая численность белых войск в последние полгода существования Северной области увеличилась вдвое и превысила 54 тыс. человек³⁸. Размеры армии в отношении к количеству жителей края на Севере сравнивались с масштабами мобилизации в годы Первой мировой войны и превосходили мобилизационные усилия большевиков и других белых режимов.

Однако чем быстрее росла северная армия, тем труднее становилось белому правительству ее обслуживать и содержать. В значительной мере трудности снабжения армии были связаны с прекращением союзных поставок. Еще накануне эвакуации союзники перестали поставлять на Север продовольствие, предметы первой необходимости и вооружение. Более того, полагая, что белым одним долго не продержаться, союзное командование вывезло или уничтожило значительную часть уже находившихся на Севере запасов. Продукты и оружие часто топились в реке прямо на глазах у белых солдат. Только в Мурманском крае, который, как предполагалось, мог продержаться дольше, союзники оставили шестимесячный запас снабжения³⁹. Ожидая со дня на день падения Архангельска, союзные власти не спешили передавать белому командованию и находившиеся в их пользовании русские ледоколы. И даже имевшиеся на Севере суда часто нельзя было задействовать для организации снабжения, так как для них не было угля⁴⁰.

Осенью 1919 г. перед северным руководством вновь остро встала продовольственная проблема. Чтобы снабдить население области хлебом, в августе—сентябре 1919 г. из Архангельска в Сибирь направилась беспрецедентная морская торговая экспедиция под руководством известного полярного исследователя Б.А. Вилькицкого, прошедшая вдоль Северного морского пути к устью Оби. Однако из-за трудных погодных условий и политического хаоса в Сибири оттуда удалось получить лишь груз, равный пяти процентам годовой потребности Архангельской губернии в хлебе⁴¹. Помимо этого, белые власти, не

имевшие валютных запасов для закупок продовольствия за рубежом, с большим трудом смогли договориться о покупке в кредит крупной партии муки в Америке. Однако эти поставки обеспечивали жителей области только по «голодной» норме и только до весны⁴². Тем временем успешное осеннее наступление распространило контроль Архангельска на новые территории с голодающим населением, которое необходимо было кормить⁴³.

Осенью 1919 г. белое правительство вынуждено было сократить норму выдачи хлеба. В Архангельске она уменьшилась в среднем с 20 до 15 фунтов в месяц, а в некоторых сельских районах не превышала пяти фунтов⁴⁴. Тем временем запустение промыслов не позволяло населению пополнять рацион местными продуктами. Продовольственная нужда заставила правительство даже пойти на такую крайне непопулярную меру, как сокращение армейского пайка. Солдаты в письмах домой жаловались, что «то, что раньше давали сверх пайка, дают вместо пайка» и что даже в новый год солдат кормили гнилой рыбой⁴⁵. Продовольственный кризис имел ошутимые политические последствия. Британский офицер связи, находившийся в Архангельске, доносил в Лондон в январе 1920 г., что теперь «многие солдаты говорят, что еда у большевиков не намного хуже, чем у них»⁴⁶. Отмечая недостаток продовольствия, обмундирования и вооружения, генерал Миллер телеграфировал русским послам в Париже и Лондоне, что, если ситуация с поставками не изменится, скоро армия «сама начнет разбегаться по домам, потому что ее перестанут кормить и одевать»⁴⁷.

К концу 1919 г. в Северной области обострилась нехватка всех продуктов питания, одежды, фуража. Это толкало военные власти на все более широкие реквизиции. В ноябре был издан приказ, который обязал крестьян сообщить сведения о имевшихся в хозяйстве полушубках для реквизиции их по твердым ценам для нужд армии. Появились запреты на вывоз сена, мяса и других продуктов из прифронтовых районов. Кроме того, из-за крайней нужды местные военачальники нередко пренебрегали установленными правилами и широко конфисковали крестьянское имущество без оплаты и даже без каких-либо расписок⁴⁸. Постоянные ревизии не только вызывали возмущение населения, но и влияли на настроение фронта. Солдаты жаловались, что, пока они воюют, правительство обирает их хозяйства⁴⁹.

Непомерно выросшая армия легла тяжелым грузом на население области, несшее повинности для нужд фронта. Наиболее обременительными для деревни были постоянные конские мобилизации и гу-

жевая повинность. Так как в области не было железных дорог, проходивших параллельно фронту, значительная часть перевозок приходилась на крестьянские подводы. Возчики проделывали путь в десятки и сотни километров, надолго покидая свои хозяйства. Лошади массово гибли от перенапряжения и бескормицы. Однако плату, выдаваемую за извоз и реквизируемых лошадей, быстро съедала инфляция. В результате резкого сокращения поголовья скота, например, в Холмогорском уезде к началу 1920 г. осталась лишь пятая часть имевшихся до войны лошадей. Но, как отмечали свидетели, крестьяне часто не жалели о реквизируемых и павших животных, поскольку это освобождало их от гужевых перевозок⁵⁰.

Быстрый рост армии сказался также на положении городов. Массовая мобилизация рабочих и служащих в войска привела к увеличению рабочего дня на заводах для оставшихся рабочих. Нормой стали сверхурочные работы. Дополнительное рабочее время на казенных предприятиях уже не оплачивалось, как прежде, в полуторном размере из-за недостатка средств в областной казне. И даже после долгого рабочего дня горожане должны были нести бесплатную охранную службу в рядах ополчения⁵¹. Северяне, существовавшие на полуголодном пайке, не могли даже докупить себе продовольствие на свободном рынке, так как цены достигли астрономических размеров. Кругом ходили слухи, что хлеба в области хватит только до весны, и это еще более усиливало недовольство. По сообщению агентов белой контрразведки, в январе 1920 г. рабочие архангельских заводов говорили между собой, что «большевики и не пойдут сюда: зачем они будут класть людей; они нас голодом заморят»⁵². А Архангельский совет профсоюзов все более открыто заявлял о том, что положение может изменить лишь «по возможности скорое завершение гражданской войны», намекая на перемирие с большевиками⁵³.

Находясь в Северной области как в осажденной крепости, даже региональная торгово-промышленная элита должна была в последние месяцы 1919 г. ту же затянуть пояса. Чтобы достать валюту для закупок снабжения за рубежом, в августе 1919 г. Миллер жесткими мерами попытался принудить торговцев сдать в казну полностью всю валюту, полученную от экспорта. В обмен власти предлагали обесцененные русские рубли по завышенному курсу, что фактически грозило банкротством архангельским торговым кругам. Чтобы обеспечить исполнение приказа, «должникам» было запрещено покидать Северную область под угрозой конфискации имущества. В октябре 1919 г. наказание за уκλο-

нение от уплаты было увеличено до 4—6 лет каторжных работ с конфискацией денежных вкладов и собственности⁵⁴. Теперь скамья подсудимых грозила виднейшим представителям местных торговых кругов. Например, в декабре северное руководство пыталось добиться выдачи как уголовного преступника предпринимателя И.И. Данишевского, находившегося в тот момент в США в качестве официального представителя Областного комитета продовольствия для организации продовольственных поставок в Архангельск⁵⁵.

Валютные средства, полученные от экспортеров, едва ли могли разрешить финансовый кризис в Северной области. Однако нажим на торговцев испортил отношения белой власти с региональными кругами. Торгово-промышленная элита громко протестовала против «большевистских приемов», применяемых белым руководством, и возводила на него вину за развал хозяйства, за экономическое запустение и нарушение «коренных интересов» Севера⁵⁶. Но протесты не нашли понимания у правительственных чиновников, обвинявших торгово-промышленников в отсутствии патриотизма и защите своих «шкурных интересов»⁵⁷. С осени 1919 г. наиболее дальновидные и обеспеченные представители архангельской элиты, не видя возможности продолжать свою деятельность на Севере, потянулись за рубеж. В частности, Данишевский решил не возвращаться в Архангельск и предпочел добровольное изгнание северной каторге. Другие местные активисты отошли от политики. Многие теперь сомневались, действительно ли настолько ужасна жизнь под властью большевиков, что стоит и дальше терпеть все те беды, которые принесла с собой война.

В итоге к концу 1919 г. беспрецедентный рост белой армии до предела выжал ресурсы Северной области. Напряжение населения было таково, что, по свидетельству очевидцев, для обслуживания транспорта гражданские власти, за неимением трудоспособных мужчин, поголовно служивших в армии, привлекали женщин, даже находившихся на последних месяцах беременности. Как отмечал в январе 1920 г. командующий Мурманским фронтом генерал В.С. Скобельцын: «...мы взяли от населения все, что оно могло дать. Все, что еще не в рядах войск, то на работе в земских и городских учреждениях или обслуживает те же войска, неся службы на железной дороге»⁵⁸. Больше мобилизовать было некого и нечего.

РАСПАД СЕВЕРНОЙ АРМИИ

Перенапряжение фронта и тыла Северной области сказалось на том, что для крушения белого фронта почти не понадобилось активного вмешательства большевиков. Данные белой контрразведки и воспоминания северных большевиков свидетельствуют, что к концу 1919 г. на Севере не было даже организованного большевистского подполья⁵⁹. Однако резкое изменение военной обстановки на других белых фронтах решающим образом отразилось на положении области. Уже в ноябре 1919 г. в Архангельск стали приходить известия, что армия Деникина, не достигнув Москвы, перешла в длительное отступление, что войска Юденича так и не смогли взять Петроград и отходят в Эстонию и что Колчаку не удалось остановить отход сибирских войск и даже удержать в своих руках Омск. Именно это предрешило судьбу белого Севера. Красным не потребовалось военных побед. Северная область рухнула сама собой под тяжестью неоправдавшихся надежд и непосильной для нее армии.

Первым предвестником крушения фронта стала быстрая деморализация армии, и в первую очередь белого офицерства. Многие фронтовые офицеры уже в августе 1919 г. были поражены решением Миллера оборонять весь Северный фронт, несмотря на уход союзников. Они предвидели собственную гибель и гибель армии, так как в случае новых неудач зимняя эвакуация казалась невозможной. В решении продолжать оборону фронтовики усматривали «бонапартизм тыловых генералов, которые на крови фронта хотят построить свою славу»⁶⁰. Это, казалось, подтверждали широкие наступательные операции, которые штаб планировал даже в конце 1919 г., вопреки изменившемуся соотношению сил⁶¹.

Недоверие офицеров к штабу достигло таких масштабов, что, по свидетельству очевидцев, едва ли не «всякий едущий в Архангельск фронтовик грозился побить штабных и вообще всяких тыловых м—в». В свою очередь, тыловые офицеры порой даже не рисковали приезжать на фронт, так как их там угрожали «вывести в расход»⁶². Осенью 1919 г. широкою известность приобрело дело капитана Лерхе, адъютанта командующего Железнодорожным фронтом. Капитан устроил в Архангельске пьяный скандал, обругав патруль национального ополчения и старших штабных офицеров. Дело дошло до суда, где в защиту подчиненного выступил сам командующий железнодорожным фронтом полковник князь А.А. Мурузи, давний критик распоряжений штаба и его

главы генерала М.Ф. Квезинского. В связи с делом Лерхе ситуация обострилась до крайности и даже распространились слухи, что в случае надобности Мурузи может повернуть фронт на Архангельск⁶³. В итоге дело закончилось тем, что Лерхе и Мурузи получили отставку и покинули Северную область. Но этот инцидент неожиданно остро ударил по авторитету штаба и самого генерала Миллера. Среди фронтовых офицеров распространились слухи, что лавры Мурузи как талантливого военачальника не давали покоя Миллеру, боявшемуся, что князь заменит его на этом посту. Также видимое нежелание Миллера часто появляться на фронте окончательно закрепило за ним репутацию «тылового» генерала и способствовало падению его популярности в армии⁶⁴.

Помимо нападков на штабное командование осенью 1919 г. фронтовые офицеры стали все чаще атаковать левых общественных деятелей, которых они упрекали в содействии большевикам, в развале армии и страны. Жертвой покушения стал бывший член Верховного управления эсер А.И. Гуковский, который чудом остался жив, будучи ранен неизвестным в грудь навывлет. Едва избежал нападения со стороны группы офицеров лидер архангельских эсеров А.А. Иванов⁶⁵. Несмотря на то что расправы с левыми политиками не достигли на Севере такого размаха, как, например, в белой Сибири, они были показателем углублявшегося распада Северной армии.

Белое командование объясняло выходки офицеров непрерывным нервным напряжением, в котором находились фронтовые командиры уже с начала мировой войны⁶⁶. Однако по мере того, как поражения на других белых фронтах все более осложняли положение Северной области, нервные срывы и панические настроения охватывали все большее число северных военных и чиновников. Так, начальник Мурманского края В.В. Ермолов в пространных письмах Миллеру уговаривал отпустить «по-хорошему... душу на покаяние», указывая, что больше не видит смысла в том, что он делает. «Мне очень тяжело, и больно, и грустно уходить... но что же мне делать — я так устал», — заканчивал Ермолов одно из своих писем в январе 1920 г.⁶⁷ Вторя ему, командующий Мурманским фронтом генерал В.С. Скобельцын также просил Миллера отправить его в командировку за границу или хотя бы дать отпуск на несколько недель: «Чувствую необходимость отдохнуть душою. Слишком много работы для нервов»⁶⁸.

Если одни офицеры панически боялись падения фронта и просили об отставке, то другие уже не боялись прихода красных. Как общал в штаб в начале января 1920 г. командир 7-го стрелкового пол-

ка полковник Гейман, из частных бесед с подчиненными выясняется, что «у офицеров теперь отсутствие “Идеалов”, что когда воевали с немцами, тогда “Идеалы” были, а теперь устали, да и если большевики будут, то страшен только момент перехода, а потом “можно устроиться”». Офицеры высказывались об этом открыто, не боясь наказания или разжалования. Напротив, они считали, что если разжалуют — то солдату легче, безопаснее⁶⁹.

В конце 1919 г. уверенность в скором приходе красных начала широко проникать в войска. В декабре донесения белой контрразведки стали сообщать о резком изменении настроений на фронте. Например, солдаты 3-го стрелкового полка на Железнодорожном фронте рассуждали между собой, что «надежды на успех уже нет и... что если со стороны красных будет серьезное наступление, то придется кончать войну», так как на всех других фронтах белые уже разбиты. Приезжавшие в тыл офицеры сообщали о разговорах солдат, что «большевики сильны и делаются все сильнее» и что Северная область не сможет выстоять одна без посторонней помощи⁷⁰.

Этими настроениями солдаты делились со своими родственниками в тылу. В письмах домой они сообщали, что «скоро надо ожидать большевиков сюда в Архангельск, потому что на всех фронтах они наших союзников разбили». Наиболее практичные бойцы рекомендовали родственникам не ждать и обменивать северные деньги на товар, а товар прятать от будущих красных обысков. Но, как заверял один солдат, «дорогие родители, не беспокойтесь, Вам все равно кто бы не был у власти, лишь бы жилось в спокойе»⁷¹. Как свидетельствовал другой современник, к концу 1919 г. не только северные крестьяне, но и многие представители элит надеялись, что с большевиками можно будет ужиться и что «большевизм уже не то, что в 1918 г.»⁷².

Изменение настроений в армии и общей обстановки на фронте сказалось и на том, что к началу 1920 г. почти полностью прекратился приток перебежчиков от противника и, напротив, многократно увеличилось дезертирство из северных частей и переходы за линию фронта. Солдаты уходили поодиночке и целыми партиями, иногда с винтовками и пулеметами. Они шли в разведку или в караул и не возвращались. Иногда исчезали целые белые заставы, а позже командиры обнаруживали оставленные винтовки с приделанными к ним записками следующего содержания: «Тогда как вы убежите, нам некуда бежать, так как наш дом здесь. И в случае, если наше дело проиграно, мы должны как-то существовать с большевиками»⁷³. По сведениям офицеров, дезертир-

ство подстегивали красные листовки, распространявшиеся по линии фронта, которые сообщали, что у белых заканчивается продовольствие, и также обещали денежное вознаграждение за принесенное оружие или приведенного с собой офицера. Перейдя к противнику, некоторые солдаты вскоре вновь появлялись в своих полках уже в роли красных «разведчиков» и уговаривали однополчан последовать их примеру. До командования доходили сведения, что в войсках опять начали появляться заговоры с целью открыть фронт противнику⁷⁴.

В бесполезности дальнейшей борьбы все более начинали убеждаться и жители прифронтовых деревень, которые менее охотно оказывали содействие белой армии. Как жаловался в частном письме офицер морского стрелкового батальона, «[о]тношение крестьян к нам... ниже всякой критики. Помещения дают нехотя, даже жалко им дать на время свою посуду»⁷⁵. Солдатам на Железнодорожном фронте было невозможно получить у крестьян даже кружку молока. Рядовой стрелкового полка писал домой, что у самих местных крестьян «киснет молоко, а для солдата нет»⁷⁶. Настроение населения изменилось не потому, что оно разочаровалось в политике белого правительства. Но, как писал один современник, поскольку крестьянин «устал от войны и думал, что “мир даст большевик” — он и сочувствовал неизбежному концу Северной Области»⁷⁷.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ЯНВАРЯ 1920 г. И ПАДЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

Изменение военной обстановки, деморализация армии и тыла резко сказались на авторитете Северного правительства, положение которого неожиданно стало шатким. Еще в конце осени 1919 г., казалось, мало что предвещало правительственный кризис. В белом кабинете не было фракций и разногласий, и он целиком поддерживал генерала Миллера, в руках которого находилась реальная власть. Сильной политической оппозиции вне правительства также не существовало. Уступки левым кругам, выторгованные земством и августовским Земско-городским совещанием, уже осенью были взяты обратно. Проект о представительном органе Северной области утонул в недрах разрабатывавшего его правительственного комитета. Созданные совещанием постоянные комиссии по обороне и внутреннему управлению прекратили работу уже в конце сентября из-за отказа правительства признать

за ними законосовещательные права и предоставлять им на обсуждение законопроекты. Тогда же представители совещания П.П. Скомоухов и Е.В. Едовин вышли из состава кабинета⁷⁸.

Тем временем, освободившись от опеки слева, Миллер все более сосредоточивал власть в своих руках. Уже в августе 1919 г. к своим портфелям управляющего иностранными делами и путями сообщения генерал прибавил контроль над управлением внутренними делами⁷⁹. Тогда же, вступив официально в должность главнокомандующего Северным фронтом, Миллер, помимо генерал-губернаторских полномочий, получил в непосредственное командование армию. Прежний командующий русскими войсками В.В. Марушевский ушел в отставку и покинул Архангельск. Вскоре в связи с союзной эвакуацией британское командование передало все руководство боевыми операциями в штаб Миллера. Таким образом, Миллер целиком сосредоточил в своих руках также и военную власть⁸⁰. По мере того как генерал получал все большие полномочия, работа правительства становилась менее заметной. Уже с лета кабинет собирался всего лишь два раза в неделю. Его заседания были большей частью заполнены утверждением списков награжденных и бюджетных ассигнований. Тем временем Миллер и гражданская канцелярия при главнокомандующем играли ведущую роль в управлении краем. Современники отмечали, что во второй половине 1919 г. уже не генерал состоял при правительстве, а скорее правительство при генерале. Хотя в хаосе Гражданской войны Миллер едва ли мог осуществлять дирижистское правление и прямой политический контроль, осенью 1919 г. система власти в крае была ближе, чем когда-либо раньше, к генеральской диктатуре⁸¹.

Генеральская власть не пользовалась широкой популярностью. Но все же ее терпели. Терпела региональная либеральная общественность, потому что в принципе сочувствовала идее сильной власти и знала, что без помощи военных область не удержать и что альтернативой были большевики. Терпели земцы и левые круги, так как считали необходимым продолжать войну и не видели возможности изменить систему управления областью. Терпели обычные жители края, потому что слышали об успехах белых армий и надеялись на скорое завершение войны. Но как только военное положение ухудшилось, критика правительства и главнокомандующего вновь усилилась. Инициаторами выступили северные социалисты, которые вновь стали громко требовать демократизации власти.

Уже в ноябре 1919 г. собравшиеся в день Георгиевского праздника солдаты Двинского фронта, кавалеры георгиевских крестов и медалей,

обратились к Миллеру с просьбой созвать новое Земско-городское совещание для обсуждения положения Северной области. По сведениям контрразведки, за этим требованием стояли главным образом партизаны из Шенкурского батальона, офицеры которого сочувствовали эсерам. Требование георгиевских кавалеров поддержали делегаты прежнего совещания и земские лидеры, также направившие обращения к правительству. В начале января 1920 г. кампания в пользу созыва Земско-городского совещания приняла более широкий размах. Шенкурские партизаны открыли сбор подписей под требованием созвать совещание и протестом против политических репрессий. С фронта к правительству и командующему ехали делегации, призывая демократизировать власть и принять меры для «внутреннего успокоения»⁸².

Разрозненные выступления переросли в политический кризис, когда в январе 1920 г. с резкой критикой кабинета выступило северное отделение Союза возрождения России. Управляющие правительственными отделами, большинство из которых были членами Союза, в ответ решили сложить свои полномочия, поручив Миллеру создание нового правительства. Теперь наряду с трудной военной обстановкой и усилившейся критикой власти слева, Северная область лишилась еще и правительства. У Миллера не оставалось иного выхода, кроме как пойти на переговоры с представителями самоуправлений и профсоюзов о реконструкции кабинета⁸³.

Начавшиеся в конце января переговоры продвигались медленно и сложно из-за острого размежевания среди белой политической элиты. Умеренные социалисты требовали дать делегатам от «общественности» ключевые посты в кабинете и подчинить правительство Земско-городскому совещанию. Тем временем на секретном собрании представителей социалистических партий звучали предложения силой свергнуть власть Миллера и даже начать переговоры с большевиками о мире. В свою очередь, Миллер вместе с членами прежнего правительства отводил совещанию лишь консультативную роль, а земцам предлагал два второстепенных поста в кабинете⁸⁴. Но даже эти уступки казались чрезмерными более правым региональным кругам, в частности Торгово-промышленному союзу, либеральному блоку Архангельской городской думы и Союзу интеллигенции, которые ввиду трудной военной обстановки требовали передать всю власть главнокомандующему⁸⁵.

Конфликт еще более обострила очередная, 5-я сессия Архангельского губернского земского собрания, которая открылась в Архангель-

ске 3 февраля 1920 г. Обрушившись на власть с обвинениями в недемократичности, неэффективности и чрезмерной репрессивности, левые делегаты во главе с председателем П.П. Скомороховым 5 февраля попытались совершить переворот. Они объявили собрание высшим органом власти в области и сообщили, что берут формирование нового правительства на себя⁸⁶. Ошеломленный Миллер, которому доложили, что среди делегатов имеются даже сторонники перемирия с большевиками, уже на следующий день выставил вокруг земского здания вооруженный караул и лично появился на собрании. Он отверг претензии земцев на власть и заявил, что сам сформирует кабинет из представителей разных общественных групп⁸⁷.

Неизвестно, чем бы закончилось это противостояние, но пришедшие сведения о новом красном наступлении на Северном фронте заставили совещание пойти на попятную. Потратив весь следующий день на дебаты, земцы уступили требованиям Миллера и начали переговоры о составе нового кабинета. Кроме того, собрание призвало войска усилить оборону, объявив, что будет охранять интересы населения перед правительством, формирование которого ведется при его участии⁸⁸. Соглашение с земцами наконец позволило образовать новый кабинет, состав которого был объявлен 14 февраля 1920 г. Во главе правительства встал Миллер⁸⁹, но среди его членов оказалось много представителей левой общественности. Земский выдвиженец А.А. Репман возглавил Отдел финансов, торговли и промышленности. Эсер Б.Ф. Соколов встал во главе Отдела образования и пропаганды. В кабинет также вновь вошел лидер архангельских эсеров А.А. Иванов, уже работавший в составе Верховного управления в первые месяцы существования Северной области. А управляющим Отделом внутренних дел был заочно назначен кемский уездный начальник, правый эсер барон Э.П. Тизенгаузен, находившийся в тот момент в плену у карельских повстанцев. В качестве единственного представителя торгово-промышленных кругов в правительстве оказался кадет А.Е. Попов⁹⁰.

Впрочем, преобладание социалистов в новом правительстве оказалось пирровой победой. Отчаянные телеграммы с фронта не оставляли им другого выхода, кроме как целиком поддержать усилия Миллера по укреплению обороны. Вместо политической амнистии и демократизации управления члены правительства писали обращения к населению и армии с призывом оказать поддержку власти и строчили постановления, ужесточавшие наказания за дезертирство. Чтобы укрепить дух войск, Иванов лично направился в агитационную поездку на

фронт⁹¹. Однако деятельность правительства уже не имела никакого значения. Обстановка окончательно вышла из-под контроля белой власти.

Затянувшийся политический кризис, разочарование белым командованием и правительством и недовольство войной, которое разделяли офицеры, региональные элиты и обычные жители области, стали причиной того, что небольшое красное наступление с целью потеснить линию белой обороны положило конец Северной области. Наступление 6-й Красной армии, начавшееся 3—4 февраля 1920 г., вызвало неожиданный отход белых частей и массовые переходы к противнику. После того как в ночь на 8 февраля восстали солдаты белого 3-го полка на Железнодорожном фронте, их примеру последовали солдаты соседнего 6-го полка. Это стало началом конца белого фронта, так как при отсутствии резервов командованию нечем было заполнить брешь в обороне. Как только слухи о восстаниях достигали других фронтовых районов, солдаты, не веря в возможность победы, пытались обезопасить свое будущее заблаговременным переходом на сторону врага или просто бросали винтовки и расходились по домам⁹².

Архангельск не успевал реагировать на все более тревожные сообщения с фронта. 15 февраля командующий железнодорожным фронтом генерал Б.Н. Вуличевич доносил Миллеру, что рассчитывает продержаться на позициях 5—6 недель. На следующий день он говорил уже о 2—3 днях, а 17 февраля сообщил, что бо́льшая часть пехотинцев разошлись и он с остатками войск отходит на Мурман⁹³. Теперь и Миллер должен был признать, что дальнейшая оборона невозможна. На заседании кабинета, работавшего всего третий день, он доложил, что Архангельск будет оставлен и предстоит сухопутная эвакуация на Мурман. На следующий день было заключено соглашение с представителями профсоюзов о вручении им временной власти в городе. Земские лидеры, несмотря на предшествовавшие демарши, взять власть отказались⁹⁴.

Тем временем белому правительству, штабу и остаткам армии предстояли трагические дни эвакуации. Руководству области сразу стало ясно, что планировавшийся вывоз многотысячной армии и части населения на Мурман по заснеженному северному бездорожью неосуществим. Узнав о развале фронта, крестьяне массово отказывались давать подводы для перевозки чиновников и войск. На весь многотысячный Архангельск удалось набрать лишь несколько телег. Эвакуация по морю даже центральных учреждений штаба и правительства казалась практически невозможной, так как все ледоколы накануне вышли на Мур-

ман. Получив приказ вернуться в Архангельск, 18 февраля в город смог прийти только «Козьма Минин». Вслед за ним в отдаленный аванпорт Экономия возвратились ледоколы «Канада» и «Сусанин». Однако к ним не была выставлена охрана, и не желавшие уезжать команды на следующее утро вывесили красные флаги⁹⁵.

Всю ночь на 19 февраля на «Минине» шла беспорядочная погрузка. К ледоколу тянулись служащие военных и правительственных учреждений, офицеры и горожане, которые смогли узнать о предстоящей эвакуации. Но, опасаясь восстания в городе, руководители посадки не стали дожидаться даже всех членов правительства. И в 11 часов утра ледокол, перегруженный пассажирами, спешно отчалил от архангельской пристани. С берега им отчаянно сигналили подходившие солдаты, офицеры и местные жители, которым не было места на борту. С ледокола телеграф донес жителям области последнее обращение внезапно исчезнувшего правительства. Объявляя о решении увести войска, оно возлагало вину за поражение Северной области на население, которое оказалось заражено «ядом большевистского разложения» и не желало продолжать борьбу⁹⁶.

Пока «Минин» с приблизительно тысячей пассажиров на борту боролся со льдами, уходя от отправившегося за ним в погоню ледокола «Канада»⁹⁷, на огромной территории Северной области агонизировали остатки белой армии. Большинство солдат Пинежского и Печорского фронтов, которым с падением Архангельска оказались отрезаны пути к отступлению, разошлись по домам. Белые партизаны, опасаясь мести со стороны большевиков, скрылись в лесах и тундре. Впоследствии они составили костяк крестьянских повстанческих отрядов, сопротивлявшихся продразверстке. Многие офицеры были арестованы образованным революционным войсковым комитетом и впоследствии сданы советским войскам⁹⁸. Такая же судьба постигла большинство офицеров Двинского фронта, солдаты которого разошлись по домам или сдались в плен. Только поредевшие части Железнодорожного и Онежского фронтов вместе с остатками архангельского гарнизона попытались пешком отступить на Мурман. Однако 29 февраля, подойдя после изматывающего многодневного похода к бывшему расположению частей Мурманского фронта, они обнаружили там красные войска. В результате остатки белой армии численностью около 1000 человек сдались в плен. Только несколькими небольшими группами, решившимися на отчаянный лыжный бросок, удалось после трудного перехода пробраться в Финляндию⁹⁹.

Внезапное крушение Мурманского фронта, положившее конец последним белым попыткам закрепиться на Севере, было прямым следствием известий о падении Архангельска. 21 февраля, получив сведения об оставлении города, а также телеграмму Губернского земского собрания с призывом сложить оружие, в Мурманске восстали солдаты комендантской команды. В распоряжении начальника Мурманского края не оказалось надежных войск, поэтому власть в городе перешла в руки временного исполкома совета. Мурманск смогли покинуть только несколько российских граждан, 25 бельгийских добровольцев и 2 английских офицера-летчика, находившихся на борту парохода «Ломоносов». Почти все члены белой администрации во главе с начальником края В.В. Ермоловым, так и не успевшим получить отставку, были арестованы и отправлены в тюрьму¹⁰⁰. Сведения о перевороте в Мурманске оказались последним толчком, развалившим Мурманский фронт. Солдаты стали расходиться по домам тем более охотно, что за некоторыми приезжали их жены, слышавшие об «окончании гражданской войны» и желавшие забрать своих мужей домой. Лишь 1001 человеку удалось пробраться по заснеженным дорогам в Финляндию¹⁰¹.

Блуждавший среди льдов «Минин» еще не успел доплыть до Мурманска, как радиотелеграф донес сообщение о восстании в городе и на фронте. Белая борьба на Севере была завершена. Чтобы не привлекать к себе внимания, ледокол при потушенных огнях проследовал мимо ночного Мурманска и 24 февраля вошел в норвежский порт Варде. Большинству эвакуированных из Северной области гражданских лиц и офицеров предстояло провести несколько месяцев в беженских лагерях в Норвегии и Финляндии. Затем они разъехались по странам Европы¹⁰². Сам генерал Миллер летом 1920 г. перебрался в Париж, где продолжил карьеру в военных организациях русского зарубежья. Находясь на посту председателя Русского общевоинского союза (РОВС), он был в 1937 г. похищен в Париже советскими спецслужбами и после почти двух лет заключения во внутренней тюрьме на Лубянке расстрелян в мае 1939 г.¹⁰³ Вывезший на своем борту многих беженцев ледокол «Козьма Минин» был взят вначале под британский контроль, а впоследствии приобретен французским флотом и, уже перестроенный в миноносец, был затоплен в Бизерте в мае 1943 г.¹⁰⁴

СОВЕТСКИЙ СЕВЕР

Внезапное исчезновение Северного фронта не положило конца насилию в Архангельской губернии. Не доверяя населению, почти полтора года поддерживавшему белую власть, большевистское руководство широко прибегало к принуждению, террору и репрессиям против бывших сотрудников белого правительства, представителей местной общественности, ополченцев, солдат и жителей Севера. Архангельская губерния в начале 1920-х гг. находилась под фактической оккупацией Красной армии, по краю волнами прокатывались аресты и расстрелы. Здесь действовали лагеря для пленных белых солдат и офицеров, позже преобразованные в исправительные лагеря системы ГУЛАГа. Большевистская политика на Севере в начале 1920-х гг. не ограничивалась террором, и новая власть также должна была вырабатывать способы взаимодействия с населением губернии. Тем не менее именно террор стал важнейшим инструментом советизации края, послужив кровавым предвестником сталинского террора 1930-х гг.

Падение Северной области застало врасплох командование красного Архангельского фронта. Получив известие об эвакуации белого правительства, красноармейцы выжидали еще двое суток, опасаясь засады, и лишь 21 февраля вступили в город. До Мурманска большевистские войска дошли и вовсе спустя полмесяца, 13 марта 1920 г. В красный плен, по некоторым данным, в Северной области попало до 4 тыс. белых солдат и офицеров¹⁰⁵. Смена власти сопровождалась резким ростом насилия. Большевизированные солдаты в первые дни после падения белого фронта жестоко расправлялись с пленниками, особенно с партизанами и офицерами. Жажда мести была настолько велика, что они порой по жеребьевке решали, кто будет убивать¹⁰⁶.

Архангельская губернская тюрьма, едва успев выпустить из своих недр пленников белого режима, уже 22 февраля 1920 г. начала принимать новых арестантов. Это были преимущественно белые офицеры, члены национального ополчения, чины администрации, земские лидеры и руководители кооперативов. К середине июня в тюремной книге было зарегистрировано больше 2600 человек. Арестованные не помещались в губернскую тюрьму, поэтому как места заключения стали использоваться здания семинарии и окружного суда, заводские клубы и помещения профсоюзов¹⁰⁷. В Архангельске печально известные Мхи, где раньше происходили расстрелы большевиков, превратились в место массовых расправ над белыми арестантами по решению революци-

онных трибуналов и ЧК. Жители городских окраин привыкли к звукам стрельбы в лесу, а ходившие летом в лес по ягоды дети с ужасом бежали от групп заключенных, которых водили на расстрел¹⁰⁸. Сумевшие позже пробраться за границу белые офицеры сообщали, что летом 1920 г. в Архангельске расстреливали по 60—70 человек в день¹⁰⁹.

Судьбу более видных представителей белой армии и администрации решали в Вологде и Москве. Начальник Мурманского края В.В. Ермолов был направлен в Вологду, где его расстреляли по приговору ревтрибунала 6-й армии¹¹⁰. Жена его, О.Н. Ермолова, была расстреляна «за контрреволюцию» в Архангельске по постановлению Архангельской губернской ЧК в ноябре 1920 г. вместе с еще 35 арестованными. Она оказалась одной из нескольких сотен расстрелянных по решению губернской ЧК, списки которых были опубликованы в местных «Известиях» с мая по ноябрь 1920 г. Среди них были, в частности, последний архангельский городской голова С.С. Александров, редакторы местных газет, представители торгово-промышленной элиты, порой вместе с женами и членами семей¹¹¹.

Большие северные монастыри — Соловецкий, Холмогорский, Пертоминский уже в ближайшие месяцы после исчезновения Северного фронта превратились в концентрационные лагеря для пленных солдат и офицеров белой армии, где уже в 1921 г. находились тысячи заключенных¹¹². Арестованные военные и чиновники из Северной области содержались также в тюрьмах Петрозаводска и Вологды, в Бутырской тюрьме, в Покровском и Ивановском лагерях особого назначения в Москве. В свою очередь, на Север, как и во времена царской ссылки, стали направляться политически «неблагонадежные элементы» из других регионов страны: пленные солдаты денкинской и врангелевской армий, красные дезертиры из Москвы и южных губерний, участники студенческих выступлений и восставшие против большевистской власти весной 1921 г. кронштадтские матросы¹¹³.

Если до революции «политические» арестанты нередко пользовались более уважительным отношением, то теперь белые пленники стали объектом особого насилия. Арестованных офицеров и представителей элиты направляли на работы, которые имели показательную цель публично унижить бывших членов привилегированного общества. Они вручную чистили отхожие места, пилили бревна, нередко под издевательства и плевки красноармейцев и толпы. В Архангельске весной 1920 г. пленные должны были вскрывать на окраине города могилы с останками большевиков, казненных белыми и интервентами, для пе-

резакоронения их в сквере у набережной Архангельска, где потом был поставлен памятник жертвам интервенции¹¹⁴. Условия содержания белых узников поражали даже архангельских советских руководителей. Например, в Архангельском лагере в морозном декабре 1920 г. белые офицеры были одеты в разорванное в клочья нижнее белье и лапти на босу ногу. Половина не имели даже шинелей. Озлобленные и истощенные люди, в грязи и вшах, толпились вокруг железных печек и были готовы растерзать друг друга за крошку хлеба¹¹⁵. Попытки заключенных улучшить свое положение встречали жестокий отпор. Так, в апреле 1921 г. были расстреляны 70 заключенных Петроминского лагеря за требование увеличить выдачу продовольствия¹¹⁶.

Террор был неоправданно жесток, тем более что многие бывшие сотрудники белых не хотели ничего больше, чем прекращения теперь уже, казалось, бессмысленной борьбы с большевиками, и демонстрировали горячее стремление приспособиться к новой власти. Со своей стороны, советские учреждения и армия, несмотря на разгул репрессий со стороны трибуналов и ЧК, в первое время особенно остро нуждались в содействии белых специалистов. Начальники большевистских контор и ведомств, не имея под рукой политически надежных кадров, порой охотно принимали к себе белых чиновников и офицеров. На советской службе оказывались даже целые белые учреждения. Так, белая милиция в уездах почти целиком добровольно перешла на службу к красным и стала нести охрану порядка¹¹⁷. Белые чиновники, некоторые из которых успели отсидеть несколько недель или месяцев в тюрьме, затем поступали на службу в местные советы народного хозяйства, комиссариат внешней торговли, советские продовольственные органы¹¹⁸. Например, глава белой онежской уездной следственной комиссии Николай Стратилатов в сентябре 1920 г. уже работал заведующим информационным отделом Архгубпродкоммуны. Руководитель блока Национального возрождения в Архангельской городской думе Мечислав Рупинский весной 1921 г. служил секретарем в Архангельском губернском отделе юстиции¹¹⁹. И даже оставшийся в Архангельске член Северного правительства Н.В. Мефодиев, проведя несколько месяцев в заключении, вернулся к своей врачебной практике в городе¹²⁰. К осени 1920 г. некоторые бывшие служащие белой милиции, военные чиновники и земские деятели уже состояли членами РКП(б)¹²¹.

Белые офицеры, освободившись из-под ареста, поступали на работу в штаб Беломорского военного округа и гражданские учреждения губернии. Так, бывший командир роты национального ополчения

Николай Чудинов, отсидев 6 месяцев по распоряжению опять оказавшегося на Севере уполномоченного ВЧК М. Кедрова, устроился на административную должность и к началу 1921 г. числился кандидатом в члены РКП(б)¹²². Сергей Старков, делопроизводитель школы прапорщиков при Миллере, стал командиром роты в Красной армии¹²³. Полярный исследователь Б.А. Вилькицкий, оказавшийся в начале 1920-х гг. в Архангельске проездом по делам советской северной морской экспедиции, вспоминал о своей случайной встрече в единственном городском ресторане с несколькими бывшими белыми офицерами. За бутылкой вина те воодушевленно рассказывали ему, что после первых трудностей «все пристроились и живут прилично»¹²⁴. Не видя за собой особой вины, даже некоторые эвакуированные в Норвегию белые офицеры и чиновники начали возвращаться домой к своим семьям, с трудом добываясь пропусков в Архангельск¹²⁵.

Загладить прежние «ошибки» стремились и архангельские крестьяне, массово «раскаивавшиеся» в содействии белым. Солдаты, служившие по мобилизации в белой армии, после месячного отпуска возвращались в ряды красных войск. Местные жители порой сами арестовывали «буржуев» и «контрреволюционеров» как «врагов революции» и «виновников» Гражданской войны, быстро усваивая большевистский курс для обеспечения собственной безопасности¹²⁶.

Однако надежды населения на возвращение к нормальной жизни снова не оправдались. Вместо ожидаемого восстановления экономики весной 1920 г. жители губернии увидели небывалый рост цен и еще большую продовольственную нужду. Большевистские власти не были склонны считаться с экономическими особенностями Русского Севера, быстро распространив на новые территории практику продовольственной разверстки. В результате голод на Севере оказался настолько острым, что в Мурманском крае летом 1920 г. из-за недостатка питания продолжала свирепствовать цинга — явление, прежде наблюдавшееся только в зимние и весенние месяцы¹²⁷. Во второй половине 1920 г., реагируя на массовое изъятие продовольствия, крестьяне начали нападать на исполкомы и продовольственные отряды. На Печоре кампания по заготовке мяса оленей у самоедов сопровождалась поголовной мобилизацией коммунистов уезда для конвоирования закупочной экспедиции, чтобы на нее не напали скрывавшиеся в тундре белые партизаны и красные дезертиры. По Северу прокатилась серия крестьянских восстаний, нередко подавлявшихся при содействии войск. Например, при помощи оружия было подавлено выступление в Михай-

ловской волости Пинежского уезда, где в голодном марте 1921 г. женщины восстали против реквизиции последних хлебных запасов. В последующие месяцы исполнение крестьянами государственных повинностей требовало участия армии, милиции и выездных сессий революционного трибунала¹²⁸.

Голод и массовое насилие, которые принесла с собой новая власть, дали почву для слухов, что сложившееся положение не может продлиться долго и что поражение белых армий — не окончательное. Секретные сводки ВЧК отмечали появившиеся среди крестьян разговоры, что Мурманск уже занят союзниками, а в Архангельске с часу на час ждут переворота. Архангельские рабочие ожидали новой союзной высадки с открытием навигации¹²⁹. Уверенность в скором падении советской власти была настолько велика, что, например, в январе 1921 г. в селе Кольве Печорского уезда опоздание почты на двое суток было воспринято как свидетельство смены режима. Поэтому со здания волостного кооператива был спущен красный флаг, а население сдало все советские денежные знаки в кооператив под лозунгом: «Придут белые, и эти деньги не будут иметь хождение». Даже информация о появлении на Севере иностранных торговых концессий трактовалось как то, что «в Архангельск прибыли отряды белых англичан и вся губерния сдалась без боя»¹³⁰.

Спротивление реквизициям и слухи о скором приходе белых, в свою очередь, усиливали убеждение большевистских руководителей, что противник не исчез и что враг находится буквально везде¹³¹. Уезды бомбардировали Архангельск сообщениями, что население настроено «в полном смысле недоброжелательно». С мест жаловались, что часто даже невозможно вычленить «контрреволюционные элементы», так как в целом ряде волостей, особенно там, где действовали белые партизанские отряды, «все население причастно к расстрелам красных»¹³². Представления о том, что советская власть располагается островками во враждебном море «отсталого», «темного» и по-прежнему симпатизирующего белым населения, провоцировались новыми репрессиями, которые непрерывными волнами ходили по Северу после падения белого правительства.

Причинами арестов, которые мелкой гребенкой продолжали прочесывать население Севера, могли являться материалы белой прессы, где упоминались имена бывших белых военных и чиновников, земцев и кооператоров, а также попавшие в руки ЧК архивы белых учреждений. Судя по следственным делам ЧК, основанием для преследований

порой являлись «сигналы снизу»¹³³. Например, красноармеец И. Белолобов, вернувшийся в июле 1920 г. домой в деревню Перхачевскую Лисестровской волости, настроил донос на односельчанина Гордея Мосеева, председателя сельсовета и кандидата в члены РКП(б). В прошлом Мосеев возглавлял волостную земскую управу и организовал крестьянский отряд в момент белого переворота. Белолобов был поражен, что «такой самый вредный элемент для советской власти находится на воле и замазывает свою противную морду», и просил принять «ответствующие меры»¹³⁴. Мосеев был арестован и вскоре расстрелян. Три других красноармейца требовали арестовать земских руководителей Ростовской волости Шенкурского уезда. Один из них возмущенно писал, что земский председатель Алексей Сакин лишил семьи красноармейцев белого «продовольственного пайка, пособий, меня и мою семью вычеркнув из членов нашего общества»¹³⁵. Земцами немедленно занялась ЧК.

Газетная заметка или личное заявление нередко были достаточным основанием для вынесения смертного приговора. Допросы самих обвиняемых были поверхностны и порой вообще считались излишними. Как просил уездный представитель губчека, направивший в Архангельск десятерых крестьян — участников Церковнического белого партизанского отряда, «нажмите все силы на них, потому что не показывают то что надо». Со своей стороны, он замечал, что «раз такие преступники, с ними не стоит долго говорить»¹³⁶.

В заключение нередко попадали люди, уже отбывшие наказание за сотрудничество с белыми и успевшие увериться в том, что худшее позади. Так, отработав свой срок в лагерях принудительных работ, Чудинов и Мефодиев вскоре после освобождения вновь оказались под арестом. Арестован был и заведующий отделом губпродкоммуны бывший белый судья Н.И. Стратилатов, также уже отбывший наказание. Находясь за решеткой, он возмущенно писал в высшие инстанции, что ни одна власть не может наказывать дважды за одно и то же преступление. Однако его повторный арест закончился расстрелом¹³⁷. Вернувшиеся из Норвегии эвакуированные белые чиновники, заявлявшие о готовности служить стране и власти в качестве специалистов, были схвачены прямо на корабле и вскоре расстреляны по обвинению в «бегстве за границу со штабом генерала Миллера»¹³⁸. И даже те, кто, подобно руководителю Шенкурских партизан Максиму Ракитину, согласился в обмен на обещание жизни и свободы открыто признать борьбу за белых «роковой и горькой ошибкой» и призвать бывших сторонников последовать своему примеру, не избежали расстрела¹³⁹.

Раз попавшего в руки ЧК часто не могли освободить ни сочувственные приговоры сельских обществ, ни ходатайства подчиненных¹⁴⁰. Даже просьбы руководителей советских учреждений вернуть им ценных технических сотрудников оставались без ответа. В частности, военного топографа Евгения Стапельфельда пытались отспорить друг у друга сразу три советских учреждения — топографический отдел военного флота, начальник морских сил Северного моря и начальник гидрографической экспедиции. Тем не менее ценный специалист Стапельфельд был расстрелян ЧК в ноябре 1920 г.¹⁴¹ Такая же судьба постигла бывшего лесопромышленника Константина Башмакова, одного из организаторов Онежского народного ополчения. Ему не помогло заступничество Архангельского гублескома, с которым Башмаков сотрудничал, содействуя запуску лесозаводов губернии¹⁴². Несмотря на жалобы советских учреждений на нехватку опытных специалистов, Архангельская ЧК настаивала на более глубокой «чистке» советских органов. В августе 1920 г. председатель комиссии Тимофей Смирнов указывал, что бывшие белые офицеры и чиновники, теперь служащие в советских учреждениях, уже успели между собой связаться, и требовал их немедленно «изъятия»¹⁴³. Среди расстрелянных и первых заключенных советских лагерей наряду с белыми офицерами, партизанами и чиновниками были и обычные крестьяне, обвиненные в распространении «ложных слухов» и «агитации против советской власти»¹⁴⁴.

Волна насилия, накрывшая Архангельскую губернию после падения белой власти, не ослабевала. Весной 1921 г. в связи с восстанием матросов Кронштадта списки расстрелянных стали даже длиннее, а процедура вынесения приговора — проще. Например, только за один день, 15 апреля, тройка Особого отдела охраны северных границ постановила расстрелять списком 105 заключенных в лагере белых офицеров за «неисправимость означенных кровных белогвардейцев» и «агитацию» в связи с кронштадтскими событиями. Как свидетельствуют сохранившиеся протоколы, подобные заседания проходили по нескольку раз в неделю¹⁴⁵. Судя по сведениям, проникавшим в эмигрантскую прессу, и позднейшим воспоминаниям очевидцев, бывали случаи, когда белыми арестантами до отказа набивали баржи и после топили или расстреливали узников из пулеметов прямо на палубе или на берегу реки¹⁴⁶.

Архангельская ЧК противилась попыткам центра ограничить ее право на расправы. В частности, в январе 1921 г. она отстаивала свое право самостоятельно выносить смертные приговоры, указывая на

недавнее пребывание в губернии белого фронта, близость границы и «особенности населения»¹⁴⁷. Губернская ЧК не подчинялась и контролю местных советских и партийных организаций. Так, Холмогорская уездная парторганизация была возмущена тем, что комендант Холмогорского лагеря Иосиф Бачулис произвольно расстреливал заключенных на лугу у лагеря на глазах у населения и расстрелянных не убирал по трое суток. Хотя Бачулис был отозван из Холмогор, вскоре он уже руководил Петроминским трудовым лагерем¹⁴⁸.

Несмотря на массовые расправы, ЧК и местное военное командование настаивало на необходимости еще более жестких мер по обеспечению большевистского контроля над губернией. Руководство созданного на Севере весной 1920 г. Беломорского военного округа требовало разместить здесь значительную вооруженную силу, чтобы «в любой момент противодействовать всевозможным случайностям»¹⁴⁹. После вывода из губернии весной—летом 1920 г. частей красного Северного фронта в губернии расположились несколько полков ВНУС — войск внутренней охраны республики, специальных формирований, задачей которых являлась охрана тыла. Вместе с создававшимися на месте мобилизационными частями Архангельский гарнизон летом 1920 г. насчитывал 12 тыс. человек, или более чем 30 воинских частей. К декабрю в Архангельске и уездах было размещено уже более 27 тыс. штыков¹⁵⁰. В начале 1921 г. управление округом даже жаловалось в центр, что красноармейцев невозможно обеспечить нормальным жильем, так как только в городе Архангельске находилось уже 18 500 военнослужащих. Командование указывало, что численность размещенных на Севере частей была не только больше, чем в царское время, но и превышала «войска Севера во время войны»¹⁵¹.

Общие масштабы красного террора в первые месяцы после падения белого Северного фронта не поддаются точной оценке из-за отсутствия систематических данных. Официальные списки расстрелянных, появлявшиеся в местной прессе, и уцелевшие протоколы заседаний тройки Архангельской ЧК содержат имена нескольких сотен расстрелянных в 1920 г. и весной 1921 г. Архангельский историк Ю. Дойков смог установить имена более тысячи людей, расстрелянных на территории бывшей Северной области в 1920—1921 гг.¹⁵² Однако сообщения очевидцев говорят, что число безымянных жертв террора на Севере могло быть во много раз больше. Современники утверждали, что только в первые недели после установления советской власти жертвами расправ стали не менее тысячи пленных чиновников, офицеров и сол-

дат белой армии. Число погибших в 1920—1921 гг. в Холмогорском лагере, где производилось систематическое истребление заключенных, согласно различным свидетельствам, могло доходить до восьми и более тысяч человек¹⁵³. В любом случае, «сочувствующий идейному социализму Степанов», обратившийся в конце лета 1921 г. с письмом в приемную председателя СНК Ленина и просивший разобраться с бесчинствами архангельской ЧК, сообщал, что под Холмогорами было расстреляно свыше семи тысяч заключенных¹⁵⁴. Массовые расстрелы под Холмогорами были настолько известны современникам, что, по воспоминаниям архангельских старожилов, в 1930-е гг. именно туда студенты и преподаватели архангельского медицинского института ездили в экспедиции за скелетами для учебных пособий¹⁵⁵.

Регулярные расстрелы также шли в Архангельске на Мхах, на Мудьюге, в Петроминском лагере, на Соловках и даже на далеком полярном архипелаге Новая Земля, куда направлялись партии заключенных. По данным архангельского краеведа А.А. Куратова, с февраля по ноябрь 1920 г. в этих лагерях были расстреляны и умерли от голода и болезни 25 640 человек¹⁵⁶. Общие оценки численности жертв политических репрессий на Севере России в 1920—1922 гг., куда включены солдаты и офицеры Северной армии и сосланные в губернию чины других белых армий, переправленные на Север кронштадтские матросы, крестьянские повстанцы из Тамбовской губернии, Украины и Сибири, доводят количество погибших в 1920—1922 гг. до ста тысяч человек¹⁵⁷. Хотя эти цифры во многом основаны на личных свидетельствах и не поддаются проверке, вполне вероятно, что счет жертвам террора в первые годы советской власти на Севере действительно шел на десятки тысяч жизней.

Политические преследования, связанные с Гражданской войной, не знали срока давности. Неполная картотека архива управления ФСБ по Архангельской области датирует последние дела по обвинению в службе у белых 1941 годом¹⁵⁸. Но встречающиеся в папках отдельные документы свидетельствуют, что расследования продолжались даже во второй половине 1950-х гг. Например, в 1956 г. шло следствие по делу члена ракинотского отряда Антона Шепурева, подозреваемого «в принадлежности к агентуре английских разведывательных органов»¹⁵⁹.

Масштабные репрессии на Севере России после окончания Гражданской войны во многих отношениях предвосхищали большой террор 1930-х гг.¹⁶⁰ Хотя между этими всплесками насилия нельзя установить прямую преемственность, т.к. исполнителями сталинского террора

были во многом уже другие люди¹⁶¹, да и обстоятельства конца 1930-х гг. значительно отличались от первых лет советской власти, тем не менее очевидно, что сталинский террор вырос не только из фантазий диктатора-параноика, конфликтов внутри коммунистической элиты или стремления советского руководства избавиться от внутренних врагов перед лицом возросшей внешней угрозы СССР в конце 1930-х гг.¹⁶² Масштабные «чистки» белых территорий после окончания Гражданской войны показывают, что уже в ранней советской истории имелось достаточно много прецедентов массового политического насилия, сопровождавшего становление советской политической системы.

Массовый террор против реальных и мнимых врагов, применяемый советским государством после окончательного разгрома белых армий, т.е., по сути, уже в мирное время, не был ограничен Севером России. Еще более кровавые расправы коснулись белых офицеров и жителей юга страны после эвакуации армии П.Н. Врангеля, жертвами которых стали многие десятки тысяч человек¹⁶³. Террор помог большевикам, во многом случайно вышедшим победителями из Гражданской войны, сохранить власть в своих руках. Практики террора отработывались на белых и национальных окраинах, где уже в первые годы советской власти выросли лагеря принудительных работ, ширились аресты и доносы, а тройки ЧК списками выносили смертные приговоры. Сталинские годы, несмотря на все отличия, принесли в качественном отношении не так много нового. Скорее, это кольцо террора, охватившее периферию сразу после Гражданской войны, в 1930-е гг. сжалось, накрыв собой красный центр страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стремительное крушение белых режимов в 1919 и 1920 гг. создало у многих современников и исследователей впечатление о неизбежности и закономерности происходившего. Казалось, не могло быть революции без контрреволюции. И царские офицеры в рядах белых армий, и некоторые представители прежних элит, поддерживавшие белые правительства, многим представлялись воплощением старой России, которая не имела шансов на успех в стране, до основания потрясенной революцией. Тем не менее, как показывает пример антибольшевистской Северной области, Белое движение было многогранным и неоднозначным и не сводилось к попытке восстановить в прежнем виде царский режим. Белые правительства пытались построить национальное государство, а не династическую империю и во многих отношениях, несмотря на их противостояние большевикам, являлись не противниками, а наследниками российской революции.

Яркой чертой революции в России было то, что в ней отсутствовала контрреволюция в прямом смысле этого слова, то есть политическое движение, стремившееся восстановить *status quo ante*. Царский режим Николая II был настолько дискредитирован, что даже аристократия и высшее офицерство не оказали сопротивления свержению монархии в феврале 1917 г.¹ Правые силы в период революции оказались крайне раздроблены². И хотя правые группировки позже смогли несколько консолидировать свои силы за линиями белых фронтов, они не определяли безусловно ни политическое лицо белых кабинетов, ни суть их политики.

Как показывает пример Северной области, белая власть здесь на протяжении всего ее существования опиралась на широкий политический фронт, в основе которого стоял блок либералов и умеренных социалистов. Этот блок уходил корнями в 1917 г., когда тесное сотрудничество разных политических сил стало отличительной чертой местной революции, и еще дальше, в период Первой мировой войны, когда патриотическая общественность сплотила свои силы в целях обороны страны. В годы Гражданской войны, несмотря на многие разногласия и конфликты, белых политиков, офицеров и региональных активистов объединяло стремление создать сильное национальное государство, так

или иначе основанное на воле выборных представителей народа. Также они признавали необходимость защитить страну от внешней угрозы и освободить от внутренних «предателей», а именно большевиков. Эта общность взглядов позволяла преодолевать политические кризисы в Северной области и держала вместе разнородную антибольшевистскую коалицию. Правда, со временем белое правительство перестало быть по форме хотя бы в какой-то мере представительным, а место кабинета, состоявшего из членов Учредительного собрания, после серии кабинетных перестановок заняла укреплявшаяся генеральская власть. Однако возвышение генерал-губернатора Е.К. Миллера происходило не вопреки сопротивлению, а благодаря поддержке значительной части левой и либеральной общественности, сочувствовавшей идее сильной власти и не видевшей иной возможности создать мощную армию и привлечь на свою сторону офицерство.

В то же время, несмотря на усиление военной власти, белый режим на Севере не стал оплотом реакции. Напротив, отвечая на вызовы модернизации и революции, белые во многом продолжили революционную политику. Северные власти подтвердили отделение церкви от государства и содействовали становлению выборного местного самоуправления. Они попытались радикальным образом разрешить земельный вопрос и выстроить на справедливых основаниях рабочую политику. Также они признали, что забота о благосостоянии населения является обязанностью государства. Поэтому они пытались организовать поставки продовольствия из-за границы, чтобы накормить голодных, создавали эпидемические отряды, чтобы помочь больным, и открывали новые школы, чтобы дать образование неграмотным. Правда, в кризисных условиях Гражданской войны многие из этих мер не могли принести немедленных результатов. Тем не менее очевидно, что, приспособившись к условиям революционной России, белые режимы в значительной мере повторяли если не лозунги, то политические практики большевиков.

Если целый ряд политических принципов роднил Северное правительство с большевиками, то российский национализм связывал его, как и другие белые режимы, с позднеимперской Россией. Белые правительства стремились сохранить целостность империи и не шли на уступки требованиям национальных окраин, что лишило белых возможной помощи со стороны нерусских народов и окраинных правительств в борьбе с большевиками. Также желание видеть Россию сильным и свободным национальным государством осложнило взаимоотношения бе-

лых кабинетов со странами Антанты, которые оказывали им военную и экономическую помощь. Зависимость от союзной поддержки казалась белым национальным унижением, а присутствие союзных войск в Северной области и концессионные предложения союзных дипломатов внушали им опасения относительно колониальных намерений Антанты в России. В результате временами достаточно резкая критика интервенции со стороны белых военных и общественности отчасти способствовала прекращению союзной интервенции и тем самым привела к военному и экономическому ослаблению Белого движения.

Хотя белая политика в значительной мере отражала национализм и государственнические взгляды политических элит, Белое движение встретило также сочувствие и содействие со стороны простого населения края. Так, северные крестьяне симпатизировали земельным законам Архангельского правительства, его просветительной политике и одобряли широкую помощь со стороны государства населению голодающих волостей и семьям солдат и офицеров. Кроме того, белым удалось оседлать местные конфликты в северной деревне. Так, они обратили в свою пользу традиционную вражду соседских общин и внутренние противоречия в пореволюционной деревне, а также недовольство крестьян грабежами и насилием со стороны красновардейских отрядов и частей Красной армии, которые сопровождали установление советской власти во многих уездах и волостях губернии. В результате в Северной области не только была создана значительная мобилизационная армия, но и возникли многочисленные добровольные отряды белых партизан, которые служили опорой белого фронта.

Содействие простых северян белой власти имело преимущественно не идеологические, но прагматические причины. Архангельские крестьяне едва ли разделяли националистические и этатистские убеждения белых элит, однако практический расчет и инстинкт самосохранения подталкивали их к тому, чтобы заручиться покровительством и защитой белой власти. Жители голодной и перерезанной фронтами Архангельской губернии массово сражались в белой армии, потому что армия кормила и одевала рекрутов и обеспечивала их семьи денежным пособием и продовольственным пайком. Целые деревни провозглашали лояльность белому правительству и создавали добровольческие партизанские отряды, пытаясь таким образом избежать мародерства и насилия со стороны противоборствующих армий и понимая, что в Гражданской войне нередко безопаснее воевать за одну из сторон, чем вовсе не воевать. Хотя многие белые полки в результате не отличались

особой прочностью и высокой боеспособностью, тем не менее Белое движение на Севере действительно стало массовым, превратившись из противоборства политических элит в народную гражданскую войну.

Пытаясь создать массовую армию и выстроить систему местного управления, белые демонстрировали прагматизм и некоторую политическую гибкость. Они приспособивались к обстановке пореволюционной России, к местным условиям своего существования. Белое движение впитало в себя широкие слои региональных элит и в значительной мере учитывало в своей политике традиционные условия Русского Севера и нужды его населения. Хотя во многом это сделало белую политику локальной, тем не менее способность белых адаптироваться к местным обстоятельствам свидетельствовала о политическом потенциале Белого движения.

В случае победы в Гражданской войне белые режимы, вероятно, вновь изменились бы, адаптируясь к мирным условиям и требованиям населения центральной России. Неизвестно, в какой мере они сохранили бы авторитарные черты, сформировавшиеся в обстановке военного времени, в частности ведущую роль генеральской власти. Но возможно, что страна смогла бы избежать крайностей тоталитаризма в той форме, которую он принял в СССР в 1930-е гг.

Однако, возникнув на окраинах России, русская «контрреволюция» так и осталась провинциальной. Способность белых вести борьбу с большевистским центром ограничили скудные людские и материальные ресурсы отдаленных провинций. А редкие линии коммуникаций не позволили эффективно использовать даже имевшиеся резервы. В итоге именно географические и военные, а не политические факторы, вероятно, сыграли решающую роль в судьбе Белого движения. В частности, на Севере России, несмотря на внушительные успехи мобилизации, армия Северной области не могла соперничать с Красной армией, набранной в центральных районах России с ее многомиллионным населением и лучшими материальными ресурсами. Белые не смогли получить решающий перевес над противником в 1919 г. А затем кризис снабжения и усталость простого населения и даже военных и общественных элит Северной области от непрекращающейся войны и стремление к миру, кто бы ни вышел победителем из противостояния, обусловили окончательную победу закрепившихся в центре страны большевиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ *Цветаева М.* Дон // Цветаева М. Лебединый стан, стихи 1917—1921 гг. / Ред. Г.П. Струве и Ю.П. Иваск. Мюнхен, 1957. С. 27.

² Наиболее яркое изложение этого мифа см.: *Ильин И.А.* Белая идея. (Вместо предисловия) // Белое дело. Летопись белой борьбы / Ред. А.А. фон Лампе. Берлин, 1926. Т. 1. С. 7—15.

³ *Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. London, 1996. P. 3. Об этом же см.: *Chamberlin W.H.* The Russian Revolution, 1917—1921. Princeton, 1987. Vol. 2. P. 455; *Kenez P.* The Ideology of the White Movement // Soviet Studies. 1980. Vol. 32. № 1. P. 58—83; *Kenez П.* Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 94—105; *Mawdsley E.* The Russian Civil War. 2nd ed. Edinburgh, 2000. P. 280—282.

⁴ *Figes O.* Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution (1917—1921). Oxford, 1989. P. 5, 126.

⁵ О взаимоотношениях белых правительств с правительствами национальных окраин см., в частности: *Procyk A.* Russian Nationalism and Ukraine: The Nationality Policy of the Volunteer Army during the Civil War. Edmonton, 1995; *Brüggemann K.* Die Gründung der Republik Estland und das Ende des «Einen und unteilbaren Rußland». Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918—1920. Wiesbaden, 2002; *Смолин А.* Белое движение на Северо-Западе России, 1918—1920 гг. СПб., 1999. Об отношениях с умеренными социалистами см.: *Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. О значении крайнего расположения см., например: *Smele J.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918—1920. Cambridge, 1996.

⁶ О новейшей историографии Гражданской войны и Белого движения см.: *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Гражданская война. Новое прочтение старых проблем // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Ред. Г.А. Бордюгов. М., 1996. С. 206—221; *Михайлов И.В.* Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце тоннеля? // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. Сборник памяти Ю.И. Кораблева. М., 2002. С. 639—655; *Новикова Л.Г.* Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С. 142—158; *Голдин В.И.* Россия в гражданской войне: Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск, 2000.

⁷ См., в частности: *Smele J.* Civil War in Siberia; *Pereira N.* White Siberia: The Politics of Civil War. Montreal, 1996 (сокращенный перевод: *Переура Н.* Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. М., 1996); *Смолин А.* Белое движение на

Северо-Западе России; *Brüggemann K.* Die Gründung der Republik Estland und das Ende des «Einen und unteilbaren Rußland»; *Федюк В.П.* Белые. Антибольшевистское движение на юге России. 1917—1918 гг. М., 1996; *Карпенко С.* Очерки истории белого движения на Юге России, 1917—1920 гг. М., 2002. Самый фундаментальным исследованием Белого движения на Юге России остается двухтомная работа П. Кенеза. См.: *Kenez P.* Civil War in South Russia, 1918: The First Year of the Volunteer Army. Berkeley, 1971; *Idem.* Civil War in South Russia, 1919—1920: The Defeat of the Whites. Berkeley, 1977.

⁸ *Katzer N.* Die Weiße Bewegung in Russland: Herrschaftsbildung, praktische Politik und politische Programmatik im Bürgerkrieg. Köln, 1999; *Зымина В.Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны 1917—1920 гг. М., 2006.

⁹ См., например: *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак: Верховный правитель России. М., 2006; *Ушаков А., Федюк В.* Лавр Корнилов. М., 2006.

¹⁰ См., например: *Figes O.* Peasant Russia, Civil War; *Raleigh D.* Revolution on the Volga: 1917 in Saratov. Ithaca, 1986 (перевод: *Рейли Д.* Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов, 1995); *Idem.* Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917—1922. Princeton, 2002; *Яров С.В.* Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918—1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999; *Penter T.* Odessa 1917: Revolution an der Peripherie. Köln, 2000; *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001; *Karsch S.* Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Voronež (1917—1919). Stuttgart, 2006; *Badcock S.* Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge, 2007; *Retish A.* Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1917—1922. Cambridge, 2008.

¹¹ См., например: *Кедров М.С.* Без большевистского руководства (Из истории интервенции на Мурмане: Очерки). Л., 1930; *Миц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. М.; Л., 1931; *Мырлин Г.Е.* Англо-американская военная интервенция на Севере и ее разгром 1918—1920 гг. Архангельск, 1953; *Тарасов В.В.* Борьба с интервентами на Севере России (1918—1920 гг.). М., 1958; *Овсянкин Е.И.* Архангельск: годы революции и военной интервенции 1917—1920. Архангельск, 1987; *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. М., 1993; *Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север в историческом пространстве российской Гражданской войны. Архангельск, 2005.

¹² *Strakhovsky L.* Intervention at Archangel: The Story of Allied Intervention and Russian Counter-Revolution in North Russia, 1918—1920. Princeton, 1944; *Long J.* Civil War and Intervention in North Russia, 1918—1920. Ph.D. diss. Columbia University, 1972; *Karasik T.* Revolution and Civil War in Arkhangel'sk, 1917-1920. Ph.D. diss. Los Angeles: University of California, 1999; *Kotsonis Y.* Arkhangel'sk, 1918: Regionalism and Populism in the Russian Civil War // *Russian Review*. 1992. Vol. 51. № 4. P. 526—544.

¹³ По административному делению на 1918 г. Архангельская губерния включала в себя девять уездов: Александровский, Архангельский, Кемский, Мезенский, Онежский, Печорский, Пинежский, Холмогорский и Шенкурский. Некоторые волости в южной части губернии большую часть Гражданской войны находились под контролем красных сил. Но, в свою очередь, в отдельные периоды в белую Северную область входили волости Повенецкого уезда Олонецкой губернии и Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии.

¹⁴ О разграничении между широким антибольшевистским движением и белыми режимами, под которыми обычно понимают генеральские диктатуры, опиравшиеся на консервативных политиков и офицеров, см., например: *Mawdsley E. The Russian Civil War*. P. xii; *Swain G. The Origins of the Russian Civil War*; *Милоков П.Н.* Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Париж, 1927. Т. 2. С. 1—2.

¹⁵ Следуя за С.П. Мельгуновым и рядом современных исследователей, в данной работе понятие «белые» я применяю в широком смысле, включая в него политических противников большевиков от умеренных социалистов до монархистов, которые с оружием в руках выступили против советского правительства после октября 1917 г. См.: *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. (Материалы для истории русской общественности 1917—1925 гг.). Париж, 1929. С. 16; *Pereira N.* White Siberia. P. 5. О сложности попыток разграничить Белое и антибольшевистское движение см. также: *Katzer N.* Die Weisse Bewegung in Russland. S. 10.

¹⁶ Сходство некоторых политических практик пореволюционных правительств, основы которых были заложены в годы мировой войны, уже убедительно показал П. Холквист, исследовавший революцию и Гражданскую войну на Дону. См.: *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914—1921. Cambridge, Mass, 2002.

¹⁷ О значительном своеобразии революции в регионах и проблематичности попыток выделить одну «типичную» провинцию даже в центральной России см., например: *Raleigh D.* Experiencing Russia's Civil War. P. 4; *Badcock S.* Politics and the People in Revolutionary Russia. P. 2—3.

Глава 1. Архангельский Север в начале XX века

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 4. Л. 2 (доклад начальника Архангельского губернского жандармского управления (далее — АГЖУ) Е. Фагоринского товарищу министра внутренних дел С.П. Белецкому, 30 октября 1915 г.).

² Одна верста равнялась 1,0668 км.

³ *Шабунин Н.А.* Северный край и его жизнь. Путевые заметки и впечатления по северной части Архангельской губернии. СПб., 1908. С. 2. Узкоколейная железнодорожная линия Архангельск—Вологда, строившаяся в течение трех лет, была открыта в ноябре 1897 г.

⁴ *Максимов С.В.* Год на Севере. 4-е изд. М., 1890. С. 36—37.

⁵ Краткий очерк Архангельской Маргаритинской ярмарки в 1911 г. Архангельск, 1912. Треска составляла более половины всей привозимой в Архангельск рыбы, из остальных видов рыб преобладали сельдь, сайда, пикшуй. См.: Там же. С. 12—13, 18—19.

⁶ *Верещагин В.* Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849. С. 399—408.

⁷ Численность лесопильных заводов Архангельска возросла с 18 в 1903 г. до 26 в 1914 г.: *Трофимов П.М.* Очерки экономического развития Европейского Севера России. М., 1961. С. 127, 231.

⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Ред. Н.А. Тройницкий. СПб., 1904. Ч. 1: Архангельская губерния. Тетр. 3. С. 2; Архан-

гельская городская жилищная перепись 1918 года с приложением некоторых итогов жилищной переписи 1920 года. Архангельск, 1922. С. 2; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917—1924 годы. Архангельск, 1925. С. 5.

⁹ *Попов Г.В.* Старый Архангельск. Архангельск, 2003; Летопись города Архангельска, 1584—1989. Архангельск, 1990.

¹⁰ Границы Архангельской губернии в начале XX в. отличались от современных и включали помимо нынешней Архангельской области, а также территорию Ненецкого автономного округа, Мурманской области, части Республик Карелии и Коми.

¹¹ Обзор Архангельской губернии за 1901 г. Архангельск, 1902. С. 1; *Жилинский А.А.* Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Пг., 1919; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917—1924 годы. С. XXV. Население губернии возросло с 346,5 тыс. в 1897 г. до 508 тыс. в 1917 г. Ср.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Ч. 1. Тетр. 2. С. 2.

¹² Средняя плотность населения в европейской части России в 1913 г. составляла 30,3 чел. на кв. версту, в Сибири — 0,8 чел. См.: Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 18—22.

¹³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Ч. 1. Тетр. 2. С. viii.

¹⁴ В 1897 г. из 346,5 тыс. жителей Архангельской губернии 337,3 тыс. исповедовали православие, кроме того, имелось 6,2 тыс. «старообрядцев и уклоняющихся от православия», около 1,7 тыс. лютеран и более 500 католиков. См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 6: Наличное население обоого пола по уездам и городам, с указанием преобладающих вероисповеданий и главнейших сословий. СПб., 1905. С. 1.

¹⁵ См., например.: *Танфильев Г.И.* По тундрам Тиманских самоедов летом 1892 г. // Известия императорского Русского географического общества. 1894. Т. XXX. Вып. 1. С. 23—41. Об отношении российских властей и общественности к кочевым народам Севера см.: *Slezkine Y.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, 1994. В частности, глава 4 (перевод: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008).

¹⁶ См.: *Витужновская М.А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905—1917. СПб., 2006; *Дубровская Е.Ю.* Противоборство панфиннизма и русского великодержавия в Карелии (по материалам источников конца XIX — начала XX века) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 55—64; *Она же.* Из истории национально-демократического движения в Карелии в начале XX века // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 68—85.

¹⁷ История северного крестьянства / Ред. Ю.А. Поляков. Архангельск, 1985. Т. 2: Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. Главы 2 и 6.

¹⁸ Государственные крестьяне губернии имели право расчищать под пашню участки казенных лесов и болот и бесплатно пользоваться расчищенными в течение 40 лет. См.: Приложение к всеподданнейшему отчету Архангельского губернатора о состоянии Архангельской губернии за 1894 год. Архангельск, 1895. С. 5—6; Обзор Архангельской губернии за 1901 г. С. 5—6. Проблема малоземелья до 1917 г. существовала преимущественно в сельскохозяйственном Шенкурском уезде, где крестьяне страдали от «неудобий», т.е. обилия малопродуктивных для обработки участков, находившихся в пользовании крестьянских хозяйств.

¹⁹ Одна десятая равна 1,09 га.

²⁰ Приложение к всеподданнейшему отчету Архангельского губернатора о состоянии Архангельской губернии за 1894 год. С. 1; История северного крестьянства. Т. 2. С. С. 84—85, 90, 193—197, 217. В начале XX в. архангельские крестьяне получали более 60% своих доходов от неземледельческих занятий.

²¹ Обзор Архангельской губернии за 1901 г. С. 4; История северного крестьянства. Т. 2. С. 202—203. Треть площади Архангельской губернии находилась за чертой Северного полярного круга, среднегодовая температура в губернии составляла +0,7°С. См.: Приложение к всеподданнейшему отчету Архангельского губернатора о состоянии Архангельской губернии за 1894 год. С. 2.

²² Рыболовством и охотой в Архангельской губернии занималось в 1913 г. 46,7 тыс. человек. См.: История северного крестьянства. Т. 2. С. 218.

²³ *Боговой И.* Морской зверобойный промысел на Севере. Архангельск, 1923. С. 42—46; *Энгельгардт А.П.* Русский Север: путевые записки. СПб., 1897. С. 99.

²⁴ Лесными промыслами в 1913 г. занималось 21,3 тыс. жителей губернии. См.: История северного крестьянства. Т. 2. С. 218.

²⁵ *Энгельгардт А.П.* Русский Север. С. 250.

²⁶ Число отходников из губернии выросло с 34,8 тыс. человек в 1901 г. до 55,3 тыс. в 1913 г.: Обзор Архангельской губернии за 1901 г. С. 35—36; История северного крестьянства. Т. 2. С. 217—218.

²⁷ *Трофимов П.М.* Очерки экономического развития Европейского Севера. С. 127, 231. Помимо лесозаводов, значительное число рабочих трудилось на железной дороге и пароходном транспорте.

²⁸ *Петров А.К.* Первые с.-д. рабочие кружки в Архангельске (Из воспоминаний рабочего) // Пролетарская революция. 1923. № 10 (22). С. 42.

²⁹ Дефекты беломорского лесного промысла // Архангельск. 1909. 29 янв.; *Никulina Т.В.* Лесозэкспорт на Севере России в годы империалистической войны // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 122—123.

³⁰ О полномочиях губернаторов см.: *Robbins R.* The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca, 1987.

³¹ Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 14. С. 6—7.

³² О губернаторстве Энгельгардта и Сосновского и их путешествиях по Северу см.: *Энгельгардт А.П.* Русский Север; Наш Север. Из Архангельска // Архангельск. 1909. 25 янв.; *Повов Г.* Губернаторы Русского Севера. Архангельск, 2001. С. 241—458.

³³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Ч. 1. Тетр. 2. С. 2; *Энгельгардт А.П.* Русский Север. С. 217; *Максимов С.В.* Год на Севере. С. 3—4, 12, 62, 67; *Шабунин Н.А.* Северный край и его жизнь. С. 4.

³⁴ *Энгельгардт А.П.* Русский Север. С. 17, 35, 211, 258.

³⁵ О Сибири см.: *Slezkine Y.* Siberia as History // Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture / Eds. Y. Slezkine, G. Diment. New York, 1993. P. 1—6; Сибирь в составе Российской империи / Ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М., 2007. С. 24—25. См. также: *Lincoln B.* The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. London, 1994.

³⁶ *Ильинский М.В.* Архангельская ссылка. Бытовые очерки из истории архангельской политической ссылки. СПб., 1906. С. 12.

³⁷ Максимов С.В. Год на Севере. С. 67, 597 и др.; *Верещагин В.* Очерки Архангельской губернии. С. 387. Образцы древних нарядов северных крестьянок см.: *Энгельгардт А.П.* Русский Север. С. 8—9.

³⁸ См.: Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. М., 1904. Т. 1—3.; *Шабунин Н.А.* Северный край и его жизнь. С. 1—2.

³⁹ См.: *Чичерин Б.Н.* Обзор исторического развития сельской общины в России // Русский Вестник. 1856. Т. 1. С. 373—396; 579—602, в частности о Севере см.: С. 583, 589, 596—597. См. также: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 262—263. Анализ этого исследования Чичерина см.: *Hamburg G.M.* Boris Chicherin and Early Russian Liberalism, 1828-1866. Stanford, 1992. P. 80—92.

⁴⁰ *Knight N.* Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845—1855 // *Imperial Russia: New Histories for the Empire* / Eds. J. Burbank, D. Ransel. Bloomington, 1998. P. 108—147 (перевод: *Найм Н.* Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845—1855 // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология* / Ред. П. Верт и др. М., 2005. С. 155—198).

⁴¹ *Nielsen J.P.* The Murman Coast and Russian Northern Policies ca. 1855—1917 // *In the North My Nest is Made: Studies in the History of the Murman Colonization 1860—1840* / Eds. A. Yurchenko, J.P. Nielsen. St. Petersburg, 2005. P. 10—27. Исследование Данилевского о рыбных промыслах на Севере см.: [*Данилевский Н.Я.*] Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. Общие отчеты и предположения [Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 6]. СПб., 1862.

⁴² *Кизеветтер А.А.* Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории русского государства. Вологда, 1919. С. 50, 54.

⁴³ Об обществе см.: *Бартенев В.* Очерк деятельности Архангельского общества изучения Русского Севера с 1909 по 1918: Докл. на общ. собр. 19 авг. 1918 г. // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1918. № 8/9. С. 149—151; *Куратов А.А.* Архангельское общество изучения Русского Севера // Европейский Север России: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня учреждения Архангельского общества изучения Русского Севера (1908 г.). Архангельск, 1999. С. 191—203.

⁴⁴ Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 14. С. 3—4.

⁴⁵ См.: Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 23. С. 3—7; 1918. № 1/2. С. 20; № 8/9. С. 170. О содействии губернаторов общественным инициативам см.: *Robbins R.* The Tsar's Viceroys. P. 68—69.

⁴⁶ Архангельское общество изучения Русского Севера. Открытие Общества. Состав правления. Список членов. Архангельск, 1909; Отчет Архангельского общества изучения Русского Севера за 1912 год. Архангельск, 1913; Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1918. № 8/9. С. 149. См. также переписку и заявления о вступлении в члены общества: Государственный архив Архангельской области (далее — ГАОО). Ф. 83. Оп. 1. Д. 1.

⁴⁷ О сибирском областничестве см.: Сибирь в составе Российской империи. Глава 10; *Pereira N.* Regional Consciousness in Siberia before and after 1917 // *Canadian Slavonic Papers*. 1988. № 1. P. 113—133; *Idem.* The Idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia // *Russian History*. 1993. Vol. 20. № 1/4. P. 163—178;

Watrous S. The Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // *Between Heaven and Hell*. P. 113—132; *Stuch S.* Regionalismus in Sibirien im frühen 20. Jahrhundert // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2003. Band 51. Heft 4. S. 549—563; *Faust W.* Rußlands goldener Boden: Der sibirische Regionalismus in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Köln, 1980.

⁴⁸ О попытках Общества изучения Русского Севера добиться реформ, посылая обращения и ходатайства в петербургские министерства, см.: Отчет Архангельского общества изучения Русского Севера за 1909 год // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1910. № 24. Приложение. С. 3—7.

⁴⁹ *Шелохаев В.В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983. С. 63, 72, 175, 181, 297—309, 455; *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, Mass., 1983. P. 175, 455.

⁵⁰ Периодическая печать Архангельска и Архангельской области (1838—1968): Библиографический справочник. Архангельск, 1971. С. 6; *Поморская энциклопедия* / Ред. Н.П. Лавров. Архангельск, 2001. Т. 1: История Архангельского Севера / Ред. В.Н. Булатов. С. 43.

⁵¹ Письма из Германии. Новый избирательный закон // Архангельск. 1909. 24 янв.

⁵² Победа консерваторов в Бельгии // Архангельск. 1912. 3 июня.

⁵³ Государственная Дума и местное самоуправление // Архангельск. 1912. 6 июня; Отчет Леванидова о его работе в 4-й думе // Архангельск. 1914. 28 июня.

⁵⁴ Печальная годовщина // Архангельск. 1912. 5 июня; Гонения на социалистическую печать // Архангельск. 1912. 7 июня.

⁵⁵ На выборах в I Государственную Думу в Архангельской губернии победу одержали мелкий торговец из Шенкурска А.Е. Исупов и И.В. Галецкий, бывший ссыльный народоволец, частный поверенный и глава кадетской организации в Архангельске. В III Думу были избраны врач Н.В. Мефодиев и И.С. Томилов; в IV Думу — волостной старшина из Шенкурского уезда П.А. Леванидов и редактор Н.А. Старцев. Об Исупове и Галецком см.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1321. Л. 32—33 об. (секретное донесение губернатора председателю Совета министров, 11 апреля 1906 г.). См. также: *Шелохаев В.В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии. С. 181; *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. P. 179, 303. О численности кадетов см.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1321. Л. 112—112 об. (письмо начальника АГЖУ губернатору, 24 августа 1906 г.).

⁵⁶ *Соколов Д.* Из истории революционного рабочего движения 1905—1908 годов в Архангельской губернии (Составлен по делам канцелярии Архангельского губернатора и фабричного инспектора) // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. Очерки и воспоминания. Архангельск, 1925. С. 12.

⁵⁷ Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель—сентябрь. М., 1957. Ч. 1 / Ред. Н.С. Трусова. Док. 431.

⁵⁸ *Соколов Д.* Из истории революционного рабочего движения 1905—1908 годов в Архангельской губернии // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 13; *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России: начало XX в. — 1920 г. М., 1977. С. 167; *Rawson D.* Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995. P. 155; *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. P. 250.

⁵⁹ *Соколов Д.* Из истории революционного рабочего движения 1905—1908 годов в Архангельской губернии // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 19—20. О правых погромах в других городах России см.: *Ascher A.* The Revolution of 1905. Russia in Disarray. Stanford, 1988. P. 253—262.

⁶⁰ Архангельск. 1912. 9 июня.

⁶¹ О ссылке на Севере см.: *В.Т.* Цифры ссылки // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 73—77; *Косухин С.Я., Малиновский В.В.* Архангельская социал-демократическая ссылка конца XIX — начала XX вв. // Из истории политической ссылки на Европейский Север (XVIII — начало XX вв.). Вологда, 1978. С. 53-105; *Супрун М.Н., Косухин С.Я.* Политическая ссылка на Европейском Севере в конце XIX — начале XX вв.: Краткий биобиблиогр. словарь. Вологда, 1989. Вып. 1: 1895-1905 гг.

⁶² См., например: *Федотова Е.Д.* Революционное движение в Архангельской губернии в годы первой русской революции. Архангельск, 1955. С. 23—24, 43; Очерки истории Архангельской организации КПСС. Архангельск, 1970. С. 13.

⁶³ ГАО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 4. Д. 1165. Л. 44 об. (письмо губернатора И.В. Сосновского в Департамент полиции, сентябрь 1908 г.).

⁶⁴ ГАО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1345. Л. 38 (донесение исправника Пинежского уезда губернатору, 3 апреля 1914 г.); ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244. Д. 9. Ч. 4 Б. Л. 1 (письмо ссыльной М.И. Бурко из Пинеги, 7 января 1914 г.); Оп. 243. Д. 5. Ч. 4 Б. Л. 1—1 об. (письмо ссыльного Л. Винкова из Лешуконского, 23 января 1913 г.); Д. 9. Ч. 4 Б. Л. 38—38 об. (письмо А. Меньшикова из Пинеги, 3 августа 1913 г.); *Ильинский М.В.* Архангельская ссылка. С. 36, 71, 121, 187, 230—234, 270—271 и др.; *В.Т.* Онежская ссылка // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 116; *Он же.* Емецкая ссылка (Воспоминания) // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 109—110; С. Очерк по истории РСДРП в Архангельской губернии // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 123; Государственный архив Мурманской области (далее — ГАМО). Ф. П-102. Оп. 1. Д. 14. Л. 4—5 (воспоминания рабочего Г. Сироткина, 1922 г.).

⁶⁵ *Кузнецов В. (Северный).* Ссылка в Мезени (Воспоминания) // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 97—98. В 1905 г. интеллигентный ссыльный с семьей в Шенкурском уезде получал 127 руб. в год, тогда как семейный полицейский служащий — только 124 руб., см.: *В.Т.* Наброски ссылки // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 83. См. также: *Ильинский М.В.* Архангельская ссылка. С. 36; *В.Т.* Емецкая ссылка (Воспоминания) // 1905 год. С. 109. Однако порой в отдаленных уездах высокая стоимость жилья и продовольствия заставляли ссыльных бедствовать, см.: *В.Т.* Наброски ссылки. С. 116.

⁶⁶ *Ильинский М.В.* Архангельская ссылка. С. 175, 181—185, 244.

⁶⁷ См. десятки резолюций волостных и сельских сходов, собраний мещан и органов городского управления, полученных канцелярией архангельского губернатора с апреля 1906 по июль 1908 г.: ГАО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 4. Д. 1165.

⁶⁸ См. постановления нескольких волостных и сельских сходов в Печорском, Мезенском, Архангельском уездах, июль 1907 — сентябрь 1908 г.: ГАО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 4. Д. 1165. Л. 10, 49, 51—51 об., 55—56 об. Архангельские губернаторы также настаивали перед Департаментом полиции на прекращении ссылки, ссылаясь на проблемы с охраной и размещением ссыльных. Хотя ссылка продолжалась, численность ссыльных постепенно уменьшалась по мере отбытия ими сроков наказа-

ния и объявления политических амнистий, и к началу Первой мировой войны в губернии оставались лишь единичные ссыльные. См.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 4. Д. 1165. Л. 19—19 об., 22—22 об., 44—44 об. (журналы губернских совещаний и переписка о размещении ссыльных, январь—сентябрь 1908 г.).

⁶⁹ С. Очерк по истории РСДРП в Архангельской губернии. С. 122—135; Очерки истории Архангельской организации КПСС. С. 15—26. См. также: *Петров А.К.* Первые с.-д. рабочие кружки в Архангельске. С. 45—58.

⁷⁰ *Петров А.К.* Первые с.-д. рабочие кружки в Архангельске. С. 59.

⁷¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1321. Л. 112—112 об. (донесение начальника АГЖУ губернатору, 24 августа 1906 г.); Очерки истории Архангельской организации КПСС. С. 12—63; Архангельская областная организация КПСС в цифрах. 1917—1981. Архангельск, 1982. С. 12—13. Об Онежском кружке социал-демократов см.: Ф. 102. Оп. 243. Д. 5. Ч. 4. Л. 1—3 (донесения начальника АГЖУ Молчанова в департамент полиции, 25 января и 14 мая 1913 г.); Д. 5. Ч. 4 Б. Л. 9—9 об. (сводка агентурных сведений по Архангельской губернии, январь 1913 г.).

⁷² ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1321. Л. 112—112 об. (донесение начальника АГЖУ губернатору, 24 августа 1906 г.).

⁷³ По данным М.И. Леонова, архангельский союз эсеров в начале 1907 г. уже насчитывал до 300—350 членов, в городе имелся также союз учащихся. Кроме того, существовали группы эсеров в селе Ковда, городах Мезени и Шенкурске. См.: *Леонов М.И.* Эсеры в революции 1905—1907 гг.: Учебное пособие к спецкурсу. Самара, 1992. С. 50; *Он же.* Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М., 1997. С. 407.

⁷⁴ Во II Государственной Думе архангельских эсеров представлял И.А. Лебедев, трудовиков — Г.С. Михайлов. Об эсеровских организациях в губернии см.: *Hildermeier M.* Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900—1914). Köln, 1978. S. 241—243, 311, 315; *Чунров В.И.* О деятельности социалистов-революционеров на Севере Европейской России (1905—1914 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1995. С. 133—138.

⁷⁵ О близких связях между либералами, социал-демократами и эсерами в Саратове см.: *Raleigh D.* Revolution on the Volga. P. 51; *Melancon M.* Athens or Babylon? The Birth of the Socialist Revolutionary and Social Democratic Parties in Saratov, 1890—1905 // Politics and Society in Provincial Russia: Saratov, 1590—1917 / Eds. R. Wade, S. Seregny. Columbus, 1989. P. 73—112.

⁷⁶ О рабочем движении в стране в период революции 1905—1907 гг. см.: *Панкратова А.М.* Первая русская революция 1905—1907 гг. М., 1951; Рабочий класс в первой российской революции 1905—1907 гг. / Ред. В.И. Бовыкин и др. М., 1981; *Engelstein L.* Moscow, 1905: Working-Class Organization and Political Conflict. Stanford, 1982; *Suhr G.D.* 1905 in St Petersburg: Labor, Society, and Revolution. Stanford, 1989.

⁷⁷ *Федотова Е.Д.* Революционное движение в Архангельской губернии в годы первой русской революции. С. 37, 49—51, 63, 69—71, 88—94.

⁷⁸ Второй период революции. 1906—1907 годы. Часть вторая: Май—сентябрь 1906 года. Кн. 2 / Ред. М.С. Симонова. М., 1962. Док. 65; см. также док. 64.

⁷⁹ О комиссии Шидловского см.: *Шустер У.А.* Петербургские рабочие в 1905—1907 гг. Л., 1976. С. 101—110; *Suhr G.* 1905 in St. Petersburg: Labor, Society, and Revolution. P. 203—218.

⁸⁰ Второй период революции. 1906—1907 годы. Часть вторая. Кн. 2. Док. 65, 66; 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 23—27, 141, 145—146.

⁸¹ Второй период революции. 1906—1907 годы. Часть вторая. Кн. 2. Док. 66; Часть третья. Октябрь—декабрь 1906 года / Ред. М.С. Симонова. М., 1963. Док. 123; С. 546. Примеч. 188; Часть третья. Январь—июнь 1907 года. Кн. 1 / Ред. Н.С. Трусова. М., 1963. Док. 6, 11; *Соколов Д.* Из истории революционного рабочего движения 1905—1908 годов в Архангельской губернии // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 28—32.

⁸² Второй период революции. 1906—1907 годы. Часть третья. Кн. 1. Док. 125; *Соколов Д.* Из истории революционного рабочего движения 1905—1908 годов в Архангельской губернии // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 13—15.

⁸³ История северного крестьянства. Т. 2. С. 143—145, 185—187; *Федотова Е.Д.* Революционное движение в Архангельской губернии в годы первой русской революции. С. 77.

⁸⁴ О крестьянской реформе на Севере см.: История северного крестьянства. Т. 2. С. 26—42. Об аграрном движении в начале XX в. и позиции архангельской администрации см.: Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель—сентябрь. Часть первая. Док. 428—431; Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь—декабрь 1905 года. Часть вторая / Ред. А.Л. Сидоров. М., 1955. Док. 192, 208.

⁸⁵ Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь—декабрь 1905 года. Часть вторая. Док. 192—194, 205.

⁸⁶ Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь—декабрь 1905 года. Часть вторая. Док. 208; Второй период революции. 1906—1907 годы. Часть вторая: Май—сентябрь 1906 года. Кн. 2. Док. 67, 70; *Суздаев А.* Союз шенкурских крестьян (Из истории крестьянского движения в Шенкурском уезде, Архангельской губернии, в 1905—1906 гг.) // Красная летопись. 1925. № 4. С. 166—184; *Потылицына А.И.* Революционное крестьянское движение на Севере в 1905—1907 гг. Архангельск, 1941. С. 27—59. О Всероссийском крестьянском союзе см.: *Кирюхина Е.И.* Всероссийский Крестьянский союз в 1905 г. // Исторические записки. 1955. Т. 50. С. 95—141; *Куренных А.А.* Всероссийский крестьянский союз. 1905—1930 гг. Мифы и реальность. М., 2004.

⁸⁷ Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь—декабрь 1905 года. Часть вторая. Док. 196, 197, 205, 207, 208; Второй период революции. 1906—1907 годы. Часть вторая: Май—сентябрь 1906 года. Кн. 2. Док. 68, 69; Часть третья: Октябрь—декабрь 1906 года. Док. 122, 124.

⁸⁸ Второй период революции. 1906—1907 годы. Часть третья: Октябрь—декабрь 1906 года. Док. 127; *Соколов Д.* Из истории революционного рабочего движения 1905—1908 годов в Архангельской губернии // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 32—33; Крестьянское революционное движение в Шенкурском уезде 1905—06 гг. // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. С. 69—70. По данным У. Фуллера, в целом по стране в 1905—1907 гг. войска использовали оружие для подавления беспорядков лишь в 4,5—8% случаев: *Fuller W.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia, 1881—1914. Princeton, 1985. P. 129—130.

⁸⁹ См.: *Seregny S.* Peasants and politics: Peasant Unions during the 1905 Revolution // Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921 / Ed. E. Kingston-Mann, T. Mixter. Princeton, 1991. P. 341—377.

⁹⁰ В других уездах губернии произошло несколько забастовок сплавщиков леса; также крестьяне составляли наказы, включавшие иногда политические требования. См.: *Потылицын А.И.* Революционное крестьянское движение на Севере в 1905—1907 гг. С. 59—65.

⁹¹ В 1906 г. Крестьянскому банку были переданы значительные площади удельной земли для продажи крестьянам, что позволило ослабить земельный голод в Шенкурском уезде. См.: Второй период революции. 1906—1907 годы. Часть вторая: Май—сентябрь 1906 года. Кн. 1 / Ред. Г.М. Деренковский. М., 1961. Док. 34; Часть вторая. Кн. 2. Док. 70; Часть третья: Октябрь—декабрь 1906 года. С. 548. Примеч. 200.

⁹² См. в первую очередь: *Gaudin C.* Ruling Peasants: Village and State in Late Imperial Russia. DeKalb, 2007.

⁹³ Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь—декабрь 1905 года. Часть вторая. Док. 197, 205, 208; Второй период революции. 1906—1907 годы. Часть вторая: Май—сентябрь 1906 года. Кн. 2. Док. 68.

⁹⁴ ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1541. Л. 24 (журнал заседания Архангельской городской думы, 20 января 1916 г.).

⁹⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1343. Л. 158 (циркуляр архангельского губернатора полицмейстеру и уездным исправникам, 27 ноября 1914 г.). См. также, например: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1343. Л. 174 (список одиннадцати иностранных подданных, исключенных из союзов г. Архангельска, февраль 1915 г.). В годы войны решением «Особого совещания по вопросу о немецком влиянии в Архангельской губернии» в Архангельске также была закрыта немецкая школа, а в кирхе было запрещено читать проповеди на немецком языке. См.: *Трошина Т.И.* Архангельск в годы Первой мировой войны: экономические и социокультурные процессы. Дисс. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1999. С. 182—183.

⁹⁶ Городская дума утвердила переименование улиц только спустя несколько месяцев, в апреле 1916 г., после долгих споров и повторных обращений губернатора. См.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1480. Л. 138 (письмо губернатора городскому голове, 13 апреля 1916 г.); Ф. 50. Оп. 1. Д. 1541. Л. 100—100 об. (журнал заседания Архангельской городской думы, 15 апреля 1916 г.).

⁹⁷ *Амбросевич Ф.В.* Городской голова Архангельска. (К 150-летию со дня рождения Вильгельма Вильгельмовича Гувелякена) // Памятные даты Архангельской области. 2007 год. Архангельск, 2007. С. 85—89; *Поморская энциклопедия.* Т. 1. С. 134.

⁹⁸ *Доценко В.Д.* Словарь биографический морской. СПб., 2000. С. 178; *Поморская энциклопедия.* Т. 1. С. 185.

⁹⁹ *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, Mass., 2003; *Соболев И.Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004.

¹⁰⁰ В.В. Гувелякен с 1895 по 1917 г. четыре раза избирался на пост городского головы, Я.И. Лейцингер прослужил на этом посту подряд четыре срока с 1903 по 1914 г. По данным на 1897 г., среди 20 882 жителей Архангельска лиц неправославного вероисповедания было около 5%, однако среди гласных городской думы в 1910—1913 гг. они составляли 22%, причем все, за исключением одного, были лютеранами, владевшими торговыми и промышленными предприятиями и крупной недвижимостью. См.: *Справочная книга по Архангельскому городскому обществу* управлению, 1870—1910. Архангельск, 1910. С. xviii—xxvii, 10; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. 6. С. 1.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 14 (воспоминания рыбопромышленника Е.Д. Могучего с 20 июля 1914 г. по 11 марта 1920 г.); ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 1. Л. 58 (воспоминания В.Ф. Бидо, апрель 1925 г.).

¹⁰² ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 2. Л. 103—105 об. (воспоминания Архангельского вице-губернатора С.И. Турбина); Л. 109—111 (воспоминания архангельского генерал-губернатора А.М. Валуева); Д. 1. Л. 58 об.—59 (воспоминания Бидо); *Понов Г.П.* Ногою твердой стать при море...: Штрихи к портрету Архангельского порта. Архангельск, 1992.

¹⁰³ *Nachtigal R.* Die Murmanbahn 1915 bis 1919. Kriegsnotwendigkeit und Wirtschaftsinteressen. Remshalden, 2007. В архангельском порту и на железной дороге с 1916 г. также работали более 6 тыс. ратников бурятской инородческой дружины, см.: *Трошина Т.И.* Архангельск в годы Первой мировой войны. С. 150—154.

¹⁰⁴ Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917—1920 гг.): Сборник документов. Л., 1982. С. 4—5, 350—351; *Залесский Н.А.* Флот Русского Севера в годы первой мировой и гражданской войн // *Летопись Севера.* М., 1972. Т. 6. С. 148, 154—161. В целом население Архангельска увеличилось к осени 1917 г. в полтора раза, достигнув 66 тыс. человек, см.: Архангельская городская жилищная перепись 1918 года. С. 2

¹⁰⁵ На пост архангельского генерал-губернатора был назначен А.М. Валуев, после учреждения должности главнача ее до весны 1917 г. последовательно занимали А.П. Угрюмов, Л.Ф. Корвин, И.И. Федоров. См.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1383. Л. 82 (письмо директора Департамента общих дел МВД архангельскому губернатору, 9 августа 1915 г.); ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 1. Л. 58 об. (воспоминания Бидо, апрель 1925 г.); Д. 2. Л. 105—105 об. (воспоминания вице-губернатора Турбина); Л. 108—108 об. (воспоминания генерал-губернатора А.М. Валуева). О системе военной администрации в России в годы Первой мировой войны см.: *Graf D.W.* Military Rule behind the Russian Front, 1914—1917: The Political Ramifications // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1974. Band 22. Heft 3. S. 390—411.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 48. Ч. 4. Л. 46 об. (донесение начальника АГЖУ, 8 декабря 1916 г.); Оп. 247. Д. 20. Ч. 4. Л. 18 об. (донесение жандармского полковника Заварзина, 5 февраля 1917 г.).

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 20. Ч. 4. Л. 9 (повторная нумерация) (телеграмма генерала Соловьева, 16 января 1917 г.); Л. 18 об.—20 (донесение полковника Заварзина, 5 февраля 1917 г.); Л. 9, 12—15 об. (донесения начальника АГЖУ Кормилина, 23 января — 10 февраля 1917 г.). См. также: Оп. 247. Д. 20. Ч. 4. Л. 16, Оп. 246. Д. 48. Ч. 4. Л. 15, 47 об., 48, 61—75 об. (переписка между АГЖУ, Департаментом полиции, Генеральным штабом и военными следователями в Архангельске, октябрь 1916 г. — февраль 1917 г.); Ф. 5867. Оп. 1. Д. 1. Л. 59 (воспоминания Бидо, апрель 1925 г.).

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 48. Ч. 4. Л. 3 об., 4 об. (донесение начальника АГЖУ Фагоринского, 7 января 1916 г.); ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1381. Л. 34—34 об. (анонимный донос на имя архангельского губернатора, 21 июля 1915 г.).

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 247. Л. 33 (донесение архангельского губернатора Бибикова, 17 мая 1915 г.); Л. 31—32 об. (донесение губернатора министру внутренних дел В.Ф. Джунковскому, 25 июня 1915 г.); Л. 34 (листовка-обращение губернатора к населению, 6 июня 1915 г.); Архангельск. 1915. 6 июня; Северное утро. 1915. 7 июня. О немецких погромах в России в годы мировой войны см.: *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire. Ch. 2.

¹¹⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1336. Л. 31 (донесение шенкурского исправника Высоцкого, 22 июля 1914 г.); Л. 300—302 (донесение чиновника по крестьянским делам 1-го участка Александровского уезда В.А. Михина, 2 августа 1914 г.); Д. 1345. Л. 92 (донесение архангельского исправника, 10 августа 1914 г.); Л. 83 (донесение кемского исправника, 3 августа 1914 г.); Л. 5 (донесение пинежского исправника, 4 февраля 1915 г.).

¹¹¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1375. Л. 28 (донесение пинежского исправника, 3 апреля 1915 г.); Д. 1336. Л. 268—268 об. Д. 1345. Л. 84 (донесения шенкурского исправника, 28 июля и 3 августа 1914 г.).

¹¹² ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1345. Л. 95—95 об., 98 (донесения мезенского исправника, 4 и 11 августа 1914 г.); Л. 82 (донесение пинежского исправника, 4 августа 1914 г.).

¹¹³ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 1. С. 120 (см. также переиздания: М., 2001, и М., 2006). В среднем в России мобилизовано было 11,2% населения, или 47,4% всех трудоспособных мужчин.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 4. Л. 19 (доклад начальника АГЖУ А. Кормилева директору Департамента полиции, 17 октября 1916 г.).

¹¹⁵ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 14—15 (воспоминания Е.Д. Могучего).

¹¹⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1336. Л. 314 (рапорт емецкого исправника Голенищева, 8 августа 1914 г.); Д. 1345. Л. 104 (рапорт кемского исправника, 14 августа 1914 г.). К 1917 г. из 44 лесопильных заводов губернии работало только 30, см.: Аксенов А.Н. Установление Советской власти в Архангельской губернии. Архангельск, 1956. С. 9.

¹¹⁷ Никулина Т.В. Лесоэкспорт на Севере России в годы империалистической войны. С. 128—130. В годы войны в три раза (с 84,7% до 29,5%) упала численность крестьянских хозяйств губернии, занимавшихся промыслами: История северного крестьянства. Т. 2. С. 241.

¹¹⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1343. Л. 382—382 об. (письмо крестьянина (без подписи) архангельскому губернатору, 9 февраля 1915 г.).

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 4. Л. 3 об.—4 (доклад начальника АГЖУ Фагоринского товарищу министра внутренних дел, 30 октября 1915 г.).

¹²⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 4. Л. 11 (доклад начальника АГЖУ Фагоринского товарищу министра внутренних дел, 24 декабря 1915 г.).

¹²¹ Kotsonis Y. Arkhangel'sk, 1918: Regionalism and Populism in the Russian Civil War // Russian Review. 1992. Vol. 51. № 4. P. 531. См. также: Воронин А.В. Советская власть и кооперация (Кооперативная политика советской власти: центр и местные власти Европейского Севера в 1917 — начале 30-х гг.). Петрозаводск, 1997. С. 22.

¹²² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 4. Л. 3 об.—4; 16—16 об. (доклады начальника АГЖУ Фагоринского товарищу министра внутренних дел, 30 октября 1915 г., и директору Департамента полиции, 22 марта 1916 г.).

¹²³ См. переписку пинежского исправника и архангельского губернатора, февраль—март 1915 г.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1375. Л. 5, 17. См. также: Поморская энциклопедия. Т. 1. С. 260.

¹²⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1478. Л. 102 (сведения о распределении беженцев в Архангельской губернии на 1 января 1916 г.); Л. 90, 91, 93, 192 (донесения и анкетные листы о положении беженцев в уездах, март 1916 г.); Л. 288—288 об., 291 (протоколы Онежского и Мезенского уездных совещаний по устройству беженцев,

18 мая и 21 апреля 1916 г.). По данным Т.И. Трошиной, всего за годы войны в губернии было размещено свыше 6 тыс. беженцев: *Трошина Т.И.* Архангельск в годы Первой мировой войны. С. 164—165. В целом в России с традиционных мест проживания было поднято 17,5 млн. человек, или 12% населения, в число которых входили мобилизованные, военнопленные и беженцы. См.: *Gatrell P.* Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, 2005. P. 222; *Idem.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, 1999.

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 4. Л. 13 об. (доклад начальника АГЖУ Фагоринского товарищу министра внутренних дел, 13 февраля 1916 г.).

¹²⁶ Там же. Л. 3 об.—4 (доклад начальника АГЖУ Фагоринского товарищу министра внутренних дел, 30 октября 1915 г.). В Онеге цена на словые дрова доходила до невероятной суммы в 80 руб. за кубическую сажень (1 кубическая сажень — 9,7 кубометра). См.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1494. Л. 4 (донесение онежского исправника, 6 февраля 1916 г.).

¹²⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 165. Ч. 4. Л. 2, 5—5 об. (копия писем А. Курицына в Онегу Л.Я. Курицыну, 15 июля 1916 г., и В.М. Козобину, 24 июля 1916 г.).

¹²⁸ Об антивоенных беспорядках в стране см.: *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы первой мировой войны (1914—1917 г.). М., 1962. С. 347—348 и др.; История первой мировой войны, 1914—1918 / Ред. И.И. Ростунов. М., 1975. Т. 1. С. 228.

¹²⁹ Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны, 1914—1917 гг.: Сборник документов / Ред. А.М. Анфимов. М., 1965. С. 492, 513.

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 5. Ч. 4. Б. Л. 6 (записка № 3 начальника АГЖУ, 14 августа 1915 г.); Л. 12 (донесение начальника АГЖУ, 4 сентября 1915 г.); Д. 167. Ч. 4. Л. 4 об.—8 (донесение начальника АГЖУ, 30 октября 1915 г.).

¹³¹ Там же. Л. 7—8 (доклад начальника АГЖУ Фагоринского в Министерство внутренних дел, 30 октября 1915 г.).

¹³² Там же. Л. 2 об.—3 об., 10 об., 14, 17 (доклады начальника АГЖУ Фагоринского, 30 октября и 24 декабря 1915 г., 13 февраля и 22 марта 1916 г.); Л. 19 (доклад начальника АГЖУ А. Кормилева, 17 октября 1916 г.). См. также донесения уездных исправников за 1916 г.: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1494.

Глава 2. Революция 1917 г. на Севере и рождение антибольшевистского движения

¹ *Попов Г.П.* Старый Архангельск. Архангельск, 2003. С. 432.

² О февральских днях в Петрограде см.: *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция: восстание в Петрограде. М., 1967; *Hasegawa T.* The February Revolution: Petrograd 1917. Seattle, 1981. О провинциальных революциях см.: *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.

³ *Артлебен М.Н.* Архангельск в дни государственного переворота // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1917. № 3/4. С. 116; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973. С. 43—44.

⁴ Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917—1920 гг.). Сборник документов / Сост. А.Е. Иоффе. Л., 1982. Док. 1, 4; *Артлебен М.Н.* Архангельск в дни государственного переворота. С. 116—126; *Грязнов В.* Февральские дни в

Архангельске // 1917—1920. Октябрьская революция и интервенция на Севере. Архангельск, 1927. С. 22—23.

⁵ В Архангельской губернии, как и в ряде других губерний, революция действительно оказалась бескровной, см.: ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 2. Л. 99 (воспоминания вице-губернатора С.И. Турбина, декабрь 1924 г.). О бескровном крушении старой власти в феврале—марте 1917 г. в других провинциальных городах, например в Саратове, см.: *Raleigh D. Revolution on the Volga*. P. 85.

⁶ Революционная власть в Архангельской губернии напоминала положение в других губерниях, где также отсутствовало «двоевластие», например на Урале, в Саратове, Казани и Нижнем Новгороде, см.: *Нарский И.* Жизнь в катастрофе. С. 35; *Raleigh D. Revolution on the Volga* P. 92—93; *Badcock S. Politics and the People in Revolutionary Russia*. P. 14. Также см. критику концепции «двоевластия»: *Гайда Ф.А.* Механизм власти Временного правительства (март—апрель 1917 г.) // Отечественная история. 2001. № 2. С. 141—153. В оценке «двоевластия» я расхожусь во мнении с большинством отечественных исследователей революции в Архангельской губернии, отмечавших сходство системы власти в губернии с «двоевластием» в Петрограде, см. например: *Киселев А.А., Климов Ю.Н.* Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск, 1977. С. 36; *Овсянкин Е.И.* На изломе истории. События на Севере в 1917—1920 гг.: мифы и реальность. Архангельск, 2007. С. 95.

⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1578. Л. 11 (акт о передаче дел временному губернатору Гувелякену, 6 марта 1917 г.); ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 2. Л. 98 (воспоминания Турбина); *Артлебен М.Н.* Архангельск в дни государственного переворота. С. 121. Посты губернского и уездных комиссаров заняли городские головы, а не председатели земских управ, как это было в большинстве губерний центра России, так как земства на Севере по-прежнему не существовало.

⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1578. Л. 18, 35 (телеграмма Гувелякена в Министерство внутренних дел, 14 апреля 1917 г., и телеграмма Беляева о вступлении в должность, 19 апреля 1917 г.); Л. 87 (письмо Шипчинского губернскому правлению о вступлении в должность, 6 октября 1917 г.).

⁹ *Артлебен М.Н.* Архангельск в дни государственного переворота. С. 128; ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 2. Л. 105 об. (воспоминания Турбина); Д. 1. Л. 58—59 (воспоминания В.Ф. Бидо, 22 апреля 1925 г.); *Бустрем В.* Октябрь в Архангельске // Каторга и ссылка. 1932. № 11/12 (96/97). С. 286; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 44.

¹⁰ ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1596. Л. 61—62 об. (журнал экстренного заседания Архангельской городской думы, 2 марта 1917 г.).

¹¹ Там же. Л. 64—64 об., 66—66 об. (журналы совещаний Архангельской городской думы, 15 и 17 марта 1917 г.); ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 13. Л. 7—8 об. (журнал собрания Архангельского совета, 6 марта 1917 г.). Как показывает пример Архангельской думы, в 1917 г. прежнее влияние сохраняли только те органы городского самоуправления, которые быстро демократизировали свой состав. Ср.: *Raleigh D. Revolution on the Volga*. P. 97; *Badcock S. Politics and the People in Revolutionary Russia*. P. 23—27.

¹² ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1596. Л. 61—62 об. (журнал экстренного заседания Архангельской городской думы, 2 марта 1917 г.); Ф. 272. Оп. 1. Д. 13. Л. 1—2 об., 7—8 об. (журналы заседаний Архангельского совета, 5 и 6 марта 1917 г.).

¹³ ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1. Л. 51—52 (письмо рабочих Архангельской станции железной дороги, 28 марта 1917 г.). См. также другие жалобы рабочих и служащих на низкую оплату труда: Там же. Л. 96, 129, 164 и др.

¹⁴ Борьба за установление и упрочение Советской власти на Севере. Сборник документов и материалов (март 1917 — июль 1918 гг.) / Ред. Г.Е. Мымрин. Архангельск, 1959. Док. 35; ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1. Л. 134, 202 (заявление солдата Ф. Фельгын, 3 апреля 1917 г., и жалоба солдатки А. Обуховой).

¹⁵ См. переписку Архангельского совета, март—апрель 1917 г.: ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1. Л. 102—104, 126—126 об., 138—139 об., 175 и др.

¹⁶ Там же. Д. 13. Л. 7—8 об. (журнал заседания Архангельского совета, 6 марта 1917 г.); Л. 57—58 (отчет председателя исполкома совета К.А. Кошкина, 31 мая 1917 г.). О создании и деятельности профсоюзов и войсковых комитетов см.: Военные моряки в борьбе за власть советов на Севере. Док. 6, 8, 11, 13, 20; *Грязнов В.* Февральские дни в Архангельске. С. 21—22; *Фомин Н.* Местные заводские комитеты рабочих и профессиональные союзы в борьбе с капиталом в 1917 г. // 1917—1920. Октябрьская революция и интервенция на Севере. С. 45—60; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 58—60, 91, 94.

¹⁷ ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 13. Л. 105 (журнал заседания Архангельского совета, 8 июля 1917 г.). О взглядах меньшевиков на характер революции см.: *Galili Z.* The Menshevik Leaders in the Russian Revolution: Social Realities and Political Strategies. Princeton, 1989.

¹⁸ См. протоколы заседаний Комитета общественной безопасности 5—10 марта 1917 г.: Архангельские губернские ведомости. 1917. 22 марта. Комитет общественной безопасности существовал до июля 1917 г. Всего только с начала марта до начала апреля 1917 г. число общественных организаций в Архангельске выросло с 6 до 68. См.: *Артлебен М.Н.* Архангельск в дни государственного переворота. С. 121—122, 126—127.

¹⁹ Архангельские губернские ведомости. 1917. 7 апр.

²⁰ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 5. С. 28—29 (очерк С.Н. Городецкого о положении в Архангельской губернии за 1914—1917 гг.); *Артлебен М.Н.* Архангельск в дни государственного переворота. С. 127—129; *Овсянкин Е.И.* На изломе истории. С. 76; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 45.

²¹ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 5. С. 28—29 (очерк Городецкого). Земские выборы состоялись в конце лета — начале осени 1917 г., а в сентябре—октябре стали проходить волостные и уездные земские собрания и началось формирование управ.

²² ГААО. Ф. 2703. Оп. 1. Д. 8 (протоколы собрания временного Печорского уездного земского комитета, 12—16 июня 1917 г.).

²³ Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане. Сборник документов и материалов / Ред. А.С. Мошкин. Мурманск, 1960. Док. 3; Борьба за установление... на Севере. Док. 13, 19; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 46, 52—53; *Овсянкин Е.И.* На изломе истории. С. 65—66.

²⁴ 1917—1920. Октябрьская революция и интервенция на Севере. С. 184; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 56, 88—90; *Воронин А.В., Федоров П.В.* Власть и самоуправление: Архангельская губерния в период революции (1917—1920 гг.). Мурманск, 2002. С. 80 (таблица).

²⁵ Об одновременном образовании советов и земств см., например: ГААО. Ф. 2703. Оп. 1. Д. 4. Л. 49—50 об. (постановление собрания граждан Пурнемской волости, 31 июля 1917 г.). См. также: Л. 24—25 (список волостных и сельских советов крестьянских депутатов Шенкурского уезда, июль 1917 г.); *Мишенев М.А.* Крестьянские организации Европейского Севера России в период двоевластия (март—

июнь 1917 г.) // Вопросы истории Европейского Севера России. Петрозаводск, 1984. С. 17—20; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 56, 64, 88—90; *Овсянкин Е.И.* На изломе истории. С. 69—74.

²⁶ ГАОО. Ф. 2703. Оп. 1. Д. 4. Л. 185, 202—202 об.; Д. 7. Л. 11—12, 14—15 об., 17, 23, 24—25 об., 27—27 об., 31—31 об., 33—34, 37, 48 и др. (резолюции волостных советов, земских собраний и сходов граждан Архангельской губернии, ноябрь 1917 — январь 1918 г.). О смешении низших органов власти в губернии см.: *Воронин А.В., Федоров П.В.* Власть и самоуправление. С. 99—100.

²⁷ *Грим П.* Архангельск (Руководство для будущей школы для будущей с позволения Вильгельма Архангельской республики) // Архангельский край. 1918. 3 апр.

²⁸ О перестроении политического спектра в 1917 г. см.: *Wade R.A.* The Russian Revolution, 1917. Cambridge, 2000. P. 53.

²⁹ О составе управы и комиссий думы после перевыборов в августе 1917 г. см.: ГАОО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1596. Л. 185—186, 207—209 (журналы заседаний Архангельской думы, 31 августа и 5 сентября 1917 г.). См. также: *Овсянкин Е.И.* На изломе истории. С. 127—129.

³⁰ О результатах выборов в городскую думу см.: *Овсянкин Е.И.* На изломе истории. С. 111. О выборах в Учредительное собрание см.: *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968. С. 416—423. См. также: *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 363; *Radkey O.* Russia Goes to the Polls: The Election to the All-Russian Constituent Assembly, 1917. Ithaca, 1990. P. 148—149. На выборах в Учредительное собрание в Архангельской губернии кадеты получили 7,4% голосов, эсеры — 65%, меньшевики — 4,5%, большевики — 22,3%. Всего в выборах участвовало 163 673 человека. Данные о результатах выборов приведены по: *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание. С. 363

³¹ О сдвиге кадетских организаций вправо на примере центра и некоторых губерний страны см.: *Rosenberg W.G.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917—1921. Princeton, 1974. P. 121; *Raleigh D.* Revolution on the Volga. P. 130.

³² Ср. с новым формированием многопартийности на Урале в 1917 г.: *Нарский И.* Жизнь в катастрофе. С. 62, 64.

³³ *Безбережьев С.В.* О социальном и численном составе эсеровских организаций в губернии Северной области в 1917 г. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 109—116.

³⁴ ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 104. Л. 47 (воспоминания быв. председателя Центрального комитета Мурманского отряда судов В.Л. Бжезинского, часть 1, 1959 г.); *Бахматов О.* Крестьянские съезды // Октябрьская революция и гражданская война на Севере. Архангельск, 1933. Вып. 2. С. 7—9. Всего в Архангельской губернии в 1917 г. действовало 12 местных эсеровских организаций, из них 8 — в городах и 4 — в сельской местности.

³⁵ ГАОО. Ф. 2703. Оп. 1. Д. 4. Л. 76—79 (анкета Архангельского совета крестьянских депутатов, июль 1917 г.); *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 78.

³⁶ ГАОО. Ф. 2703. Оп. 1. Д. 4. Л. 184—184 об. (отчет депутата Мезенского уезда А.И. Ляпунова в Исполкоме губернского совета крестьянских депутатов, 15 ноября 1917 г.); *Юрченков Г.* Борьба за Учредительное собрание // 1917—1920. Октябрь-

ская революция и интервенция на Севере. С. 121—125; *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание. С. 363. Интересный анализ того, почему крестьяне поддерживали эсеров, см.: *Badcock S.* Politics and the People in Revolutionary Russia. P. 61-62.

³⁷ Телеграммы из волостей и уездов в защиту Учредительного собрания см.: ГААО. Ф. 2703. Оп. 1. Д. 7. Л. 37—39, 44—46, 48. Роспуск Учредительного собрания в губернии поддержали преимущественно флотские команды, находившиеся к началу 1918 г. под значительным влиянием большевиков. См.: Борьба... на Мурмане. Док. 61—66; Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере. Док. 110, 112.

³⁸ ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 37—42 (доклад Я.А. Тимме на первой Архангельской губернской конференции РКП(б), 13 июля 1919 г.); Борьба за установление... на Севере. Док. 2; *Юрченков [Г.С.]* Архангельская организация РСДРП (б) до октября // 1917—1920. Октябрьская революция и интервенция на Севере. С. 91—92. О латышских социал-демократах см.: *Назаров П.* От Мурманска до Урала (Участие трудящихся Латвии в борьбе за власть Советов в Поволжье, на Урале и Севере России, 1917—1920 гг.). Рига, 1989; *Ezergailis A.* The 1917 Revolution in Latvia. New York, 1974. Ch. 2, 3.

³⁹ Борьба за установление... на Севере. Док. 9—11; *Юрченков [Г.С.]* Раскол Архангельской с.-д. организации // 1917—1920. Октябрьская революция и интервенция на Севере. С. 94—98; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 72—73.

⁴⁰ ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 13. Л. 101—106 об. (журнал заседания Архангельского совета, 8 июля 1917 г.). Туфias сам вышел из партии большевиков после июльских событий 1917 г. Об июльском восстании в Петрограде см.: *Rabinowitch A.* Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington, 1968 (перевод: *Рабинович А.* Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде. М., 1992).

⁴¹ *Овсянкин Е.И.* На изломе истории. С. 111.

⁴² Борьба за установление... на Севере. Док. 2. С. 30; ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 37—42 (доклад Тимме на первой Архангельской губернской конференции РКП(б), 13 июля 1919 г.).

⁴³ ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 13. Л. 134—139 об. (выступление председателя Архангельского совета Р.Н. Дмитриева на собрании совета, 13 декабря 1917 г.).

⁴⁴ См., например, о Петрограде и Саратове: *Rabinowitch A.* The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd. New York, 1976 (перевод: *Рабинович А.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 г. в Петрограде. М., 1989, см. также переиздание: М., 2003); *Raleigh D.* Revolution on the Volga. P. 273—275.

⁴⁵ ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 19. Л. 1 (списки кандидатов в гласные Архангельской городской думы, октябрь 1918 г.).

⁴⁶ *Ленин В.И.* О продовольственном налоге (21 апреля 1921 г.) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений (далее — ПСС). 5-е изд. М., 1963. Т. 43. С. 228.

⁴⁷ *Кедров М.С.* Без большевистского руководства (из истории интервенции на Мурмане). Очерки. Л., 1930. С. 13.

⁴⁸ См., например: *Аксенов А.Н.* Установление Советской власти в Архангельской губернии. Архангельск, 1956. С. 5; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 153—164.

⁴⁹ См., например: *Бустрем В.* Октябрь в Архангельске. С. 289.

⁵⁰ Цит. по: *Овсянкин Е.И.* На изломе истории. С. 82.

⁵¹ О растущем уже с лета 1917 г. разочаровании простого населения в советах, профсоюзах и других выборных организациях см.: *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, 1981. P. 171—183; *Raleigh D.* Revolution on the Volga. P. 200; *Badcock S.* Politics and the People in Revolutionary Russia. P. 83, 117; *Hickey M.* The Rise and Fall of Smolensk's Moderate Socialists: The Politics of Class and Rhetoric of Crisis in 1917 // Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917—1953 / Ed. D. Raleigh. Pittsburgh, 2001. P. 14—35; *Karsch S.* Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Voronež. S. 63, 81.

⁵² ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 31. Л. 144 об. (заявление П. Сумца в комитет 14-й Архангельской дружины, 2 октября 1917 г.); Военные моряки в борьбе за власть советов на Севере. Док. 29, 49, 56; Борьба за установление... на Севере. Док. 34, 38—43, 63—65, 68, 72—74, 79; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 92.

⁵³ ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 13. Л. 121—131 (журналы заседаний Архангельского совета, 1 и 8 сентября 1917 г.); Ф. 50. Оп. 1. Д. 1596. Л. 212—213 (журнал заседания Архангельской городской думы, 8 сентября 1917 г.). Отношение архангельских социалистов к коалиционному Временному правительству отражало колебания в руководстве партии эсеров после корниловского выступления, см.: *Radkey O.* The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, February to October 1917. New York, 1958. P. 393—428. Тем временем некоторые провинциальные советы уже призывали к созданию социалистического правительства, опиравшегося на советы, см., например: *Raleigh D.* Revolution on the Volga. P. 230—232.

⁵⁴ ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1596. Л. 239—240 об. (журнал заседания Архангельской думы, 26 октября 1917 г.); *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 154; *Безбережьев С.В.* Эсеровская контрреволюция в октябре—ноябре 1917 г. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1986. С. 88—94; *Овсянкин Е.И.* Архангельск. С. 67—68, 73.

⁵⁵ Борьба за установление... на Севере. Док. 2. С. 31; Октябрьские дни на Севере // 1917—1920. Октябрьская революция и интервенция на Севере. С. 142—146; *Бустрем В.* Октябрь в Архангельске. С. 287—289.

⁵⁶ *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 156; *Овсянкин Е.И.* Архангельск. С. 72—73.

⁵⁷ ГААО. Ф. 2703. Оп. 1. Д. 4. Л. 185, 202—203 об.; Д. 7. Л. 11-12, 14-15 об., 17, 23—25 об., 27-27 об., 33—34; Д. 8. Л. 43—43 об. (резолуции земских собраний, сельских сходов и советов крестьянских депутатов, ноябрь—декабрь 1917 г.); Борьба за установление... на Севере. Док. 34, 72; Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере. Док. 63, 67, 84, 103; *Фомин Н.А.* Отношение рабочих Архангельска к органам власти в центре и на местах // 1917—1920. Октябрьская революция и интервенция на Севере. С. 65—75.

⁵⁸ Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) — РКП(б) с местными партийными организациями: Сборник документов. М., 1957. Т. 2. Док. 329.

⁵⁹ ОДСПИ ГААО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 25. Л. 5 (протокол совещания со старыми работницами лесозаводов Маймаксы, 2 ноября 1926 г.).

⁶⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 42—43 (доклад Тимме на первой Архангельской губернской конференции РКП(б), 13 июля 1919 г.); Борьба за установление... на

Севере. Док. 2, 99—101, 103—116; Борьба... на Мурмане. Док. 74, 75; *Тубанов С.* За власть Советов (Из доклада по поводу 6-летия освобождения Архангельска) // Борьба за Советы на Севере (1918—1919). Архангельск, 1926. С. 13—14; *Потылицын А.И.* Коммунисты Архангельской парторганизации в борьбе с интервентами и белогвардейщиной 1918—1920 гг. Архангельск, 1955. С. 6—8; *Мымрин Г.Е.* Октябрь на Севере. Архангельск, 1967. С. 115—119; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 194—195.

⁶¹ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б). Т. 2. Док. 329; Военные моряки в борьбе за власть советов на Севере. Док. 75.

⁶² Борьба за установление... на Севере. Док. 2; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 160, 211, 215—216; *Овсянкин Е.И.* Архангельск. С. 77, 81, 87.

⁶³ *Киселев А.А., Климов Ю.Н.* Мурман в дни революции и гражданской войны. С. 72—91, 106. Всего по губернии на выборах в Учредительное собрание большевики набрали 21,6% голосов. Среди солдат северного гарнизона они получили 65,9% голосов. См.: *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России. С. 416, 420, 422. В целом о роли военных гарнизонов в установлении власти большевиков в провинции см.: *Raleigh D.* Revolution on the Volga. Ch. 8; *Karsch S.* Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Voronež. S. 105—106, etc.

⁶⁴ Борьба... на Мурмане. Док. 48, 49, 51, 55, 56; *Веселаго Г.М.* Документальная справка из моих мурманских бумаг за 1917—1918 годы, декабрь 1918 г. // Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев / Ред. А.А. Киселев, П.В. Федоров и др. Мурманск, 2006. С. 83—85; *Аверченко Т.Д.* Из воспоминаний о работе на Мурмане в 1917—1918 годах // Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев. С. 43.

⁶⁵ *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 161—163; *Аксенов А.Н., Потылицын А.И.* Победа Советской власти на Севере (1917—1920 гг.). Архангельск, 1957. С. 17—18.

⁶⁶ *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 163—164.

⁶⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12 (протоколы съезда крестьянских депутатов Холмогорского уезда, 21—26 марта 1918 г.); *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 163—164.

⁶⁸ ОДСПИ ГААО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 8. Л. 18 об. (доклад агитатора И.А. Богданова в Смольный, 9 июня 1918 г.); *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 176.

⁶⁹ *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 174—175.

⁷⁰ О положении в архангельской деревне см., например: Октябрьская революция и гражданская война на Севере. Вып. 2. С. 11—16; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 183—187. Такие же наблюдения на материале Воронежской губернии см.: *Karsch S.* Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Voronež. S. 106—108.

⁷¹ ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 13. Л. 134—139 об. (журнал заседания Архангельского совета, 13 декабря 1917 г.); Борьба... на Мурмане. Док. 74, 75.

⁷² ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 104. Л. 133 (воспоминания В.Л. Бжезинского); ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 5. Л. 39 (очерк С.Н. Городецкого об Архангельской губернии за 1914—1917 гг., составление 1926 г.); *Киселев А.А., Климов Ю.Н.* Мурман в дни

революции и гражданской войны. С. 103—104, 147; *Nachtigal R.* Die Murmanbahn 1915 bis 1919. S. 143.

⁷³ Борьба за установление... на Севере. Док. 77; *Овсянкин Е.И.* Архангельск. С. 92—94; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 232—233.

⁷⁴ Совнарком перебрался из Петрограда в Москву в марте 1918 г.

⁷⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 4. Д. 25. Л. 2 (письмо Архангельского комитета РКП(б) в Севбюро партии, 20 мая 1918 г.).

⁷⁶ *Кедров М.С.* Без большевистского руководства. С. 101—102; *Киселев А.А., Климов Ю.Н.* Мурман в дни революции и гражданской войны. С. 103—104, 147; *Метельков П.Ф., Нефедьева Е.В.* Борьба большевиков Мурманской железной дороги за установление и упрочение Советской власти в первые месяцы диктатуры пролетариата // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 46; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 233; *Овсянкин Е.И.* Архангельск. С. 96—97.

⁷⁷ ГААО. Ф. 2703. Оп. 1. Д. 4. Л. 233 (обращение продовольственного отдела Архангельского губисполкома к населению, 20 мая 1918 г.); Ф. 272. Оп. 1. Д. 13. Л. 136 об.—139 об. (журнал заседания Архангельского совета, 13 декабря 1917 г.); ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. С. 14—22 (воспоминания Е.Д. Могучего, 1925 г.).

⁷⁸ *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (далее — FRUS)*, 1918. Russia. Washington, 1931. Vol. 2. P. 475; *Тубанов С.* За власть Советов // Борьба за Советы на Севере. С. 14—15. Вывозом грузов занималась присланная из центра Чрезвычайная комиссия по разгрузке архангельского порта во главе с С.Н. Сулимовым.

⁷⁹ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б). Т. 3. Док. 307, см. также док. 112. О росте популярности меньшевиков и эсеров в стране весной 1918 г. см.: *Клоков В.А.* Меньшевики на выборах в городские Советы центральной России весной 1918 г. // Меньшевики и меньшевизм: Сб. статей / Ред. В.Л. Телицын и др. М., 1998. С. 44—68; *Brovkin V.* The Mensheviks' Political Comeback: The Elections to the Provincial City Soviets in Spring 1918 // *Russian Review*. 1983. Vol. 42. № 1. P. 1—50.

⁸⁰ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б). Т. 3. Док. 347; *Суздальцева В.И.* Партийная работа на северном фронте 1918—1919. Архангельск, 1936. С. 15—16. В рабочей части города Соломбала были признаны недействительными 1,5 тыс. избирательных бюллетеней. О полномочиях ревизии см.: Декреты Советской власти / Ред. С.Н. Валк и др. М., 1959. Т. 2. С. 285—286.

⁸¹ Борьба за установление... на Севере. Док. 227, 113; ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 328. Л. 103, 152-155, 158-162; Д. 337. Л. 58-59, 64 (журналы заседаний Архангельской думы, распоряжения ревизии и переписка с думой и исполкомом, 10—15 июня 1918 г.); Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б). Т. 3. Док. 330, 348, 355; 1917—1920. Октябрьская революция и интервенция на Севере. С. 202-204.

⁸² *Кедров М.С.* За Советский Север. Личные воспоминания и материалы о первых этапах гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 12.

⁸³ Северный день. 1918. 9, 10, 19 июля; *Кедров М.С.* За Советский Север. С. 14; *Метелев А.* Падение Архангельска // Борьба за Советы на Севере. С. 34—35.

⁸⁴ Борьба за торжество Советской власти на Севере: Сборник документов (1918—1920). Архангельск, 1967. Док. 10; Октябрьская революция и гражданская

война на Севере. Архангельск, 1933. Вып. 1. С. 6; *Кедров М.С.* За Советский Север. С. 42; *Метелев А.* Падение Архангельска // Борьба за Советы на Севере. С. 38—39.

⁸⁵ Крестьянские резолюции см. в кн.: *Кедров М.С.* За Советский Север. С. 71—73. Об отказе от мобилизации см. также: ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1. Л. 93 (доклад А.П. Шенникова Второму губернскому съезду советов о поездке в Пинегу, 28 июля 1918 г.); ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 55 (доклад Ставрова на первой Архангельской губернской конференции РКП(б), 13—14 июля 1919 г.).

⁸⁶ Report on the Work of the British Mission to North Russia from June 1918 to 31st March, 1919 (By F.O. Lindley) // British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. University Publications of America, 1984. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 24. P. 135.

⁸⁷ *Келарев Н.* Ворзогоорское восстание // Октябрьская революция и гражданская война на Севере. Вып. 2. С. 18—21.

⁸⁸ *Кедров М.С.* За Советский Север. С. 74—75; *Боговой И.В.* Шенкурское восстание (Записки). Архангельск, 1924. Требования мобилизованных см. в кн.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939. Документы и материалы / Ред. А. Берелович, В. Данилов. М., 1998. Т. 1: 1918—1922. Док. 23. С. 72—73.

⁸⁹ Директивы командования фронтов Красной армии (1917—1922 гг.) / Сост. Т.Ф. Каряева и др. М., 1971. Т. 1. С. 223—224. По подсчетам Н. Корнатовского, к началу августа 1918 г. в Архангельской губернии было зарегистрировано 20 «волнений» и «беспорядков», для подавления некоторых из них потребовалась военная сила: *Корнатовский Н.А.* Северная контрреволюция. 2-е изд. М., 1931. С. 28. Восстания солдат и призывников весной—летом 1918 г. были нередким явлением в российской провинции, см., например: *Raleigh D.* Experiencing Russia's Civil War. P. 54—62.

⁹⁰ См.: Введение, примеч. 11.

⁹¹ В оценке истоков интервенции я расхожусь с советской историографией, рассматривавшей вмешательство Антанты в Гражданскую войну как часть идеологически и экономически мотивированного «крестового похода» международной «контрреволюции» против власти советов. См., например: *Левидов М.* К истории союзной интервенции в России. Л., 1925; *Миц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. М.; Л., 1931; *Гульга А.В., Геронимус А.И.* Крах антисоветской интервенции США 1918—1920 гг. М., 1952; *Тарасов В.В.* Борьба с интервентами на Севере России; Гражданская война в СССР / Ред. Н.Н. Азовцев. Т. 1—2. М., 1980—1986; Антисоветская интервенция и ее крах, 1917—1922. М., 1987.

⁹² Хотя США формально не входили в договор об Антанте, ниже под союзной интервенцией на Севере я подразумеваю все иностранные отряды в регионе, включая американские, которые сражались под единым союзным командованием и которые в источниках того времени также именовались союзными силами.

⁹³ О происхождении и развитии союзной интервенции см.: *Kenan G.* Soviet-American Relations 1917—1920. Vol. 1—2. Princeton, 1956—1958; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations 1917—1921. Vol. 1—3. Princeton, 1961—1972; *Carley M.* Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War 1917—1919. Kingston, 1983; *Kettle M.* Russia and the Allies 1917—1920. Vol. 1—3. New York, 1981, 1988; London, 1992. См. также: *Танелин Р.Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975. О роли антибольшевистских взглядов союзных политиков см., например: *Schmid A.* Churchills privater Krieg: Intervention und Kontrevolution im russischen Bürgerkrieg, November 1918 — März 1920. Zürich, 1974;

Foglesong D. America's Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917—1920. Chapel Hill, 1995.

⁹⁴ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б): август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 208.

⁹⁵ *Борман А.А.* А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Вашингтон, 1964. С. 163.

⁹⁶ FRUS. 1918. Russia. Vol. 2. P. 477—484; Russian-American Relations. March, 1917—March, 1920. Documents and Papers. New York, 1920. P. 212—219; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations 1917—1921. Vol. 1: Intervention and the War. P. 236.

⁹⁷ *Allison W.* American Diplomats in Russia: Case Studies in Orphan Diplomacy, 1916—1919. Westport, 1997.

⁹⁸ Руководство стран Антанты часто не было осведомлено о действиях и обещаниях своих представителей в России, как обнаружил А.Ф. Керенский во время поездки по Европе летом 1918 г. Об этом см. в письме Керенского Чайковскому в кн.: *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны (Материалы для истории русской общественности 1917—1925 гг.). Париж, 1929. С. 55—57.

⁹⁹ О восстании и действиях чехословацкого корпуса в России см.: *Драгомирецкий В.С.* Чехословаки в России. 1914—1920. Париж; Прага, 1928; *Fic V.* The Bolsheviks and the Czechoslovak Legion: The Origin of Their Armed Conflict, March—May 1918. New Delhi, 1978; *Unterberger B.M.* The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia. Chapel Hill, 2000.

¹⁰⁰ British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 110. P. 439—440; *Maynard C.* The Murmansk Venture. London, 1928. P. 2—6. О немецких операциях в Финляндии и планах наступления на Мурман см.: *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918: Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien, 1966. S. 93—117.

¹⁰¹ Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере. Док. 128, 145, 156; Борьба... на Мурмане. Док. 100, 102, 108—110; *Веселаго Г.М.* Документальная справка из моих мурманских бумаг за 1917—1918 годы, декабрь 1918 г. // Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев. С. 86, 89, 92, 115—116; ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 64 (письмо генерала Н.И. Звегинцева Е.К. Миллеру, 6 сентября 1926 г.); *Кедров М.С.* Без большевистского руководства. С. 75—79. «Конституцию» Мурманского краевого совета см.: Известия Мурманского краевого Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 25 апр. См. также: *Голдин В.И.* Интервенты или союзники? Мурманский «узел» в марте—июне 1918 года // Отечественная история. 1994. № 1. С. 74—88.

¹⁰² Борьба... на Мурмане. Док. 112, 120, 123, 124, 126; Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере. Док. 159, 161, 168, 170, 176, 179; *Веселаго Г.М.* Документальная справка из моих мурманских бумаг за 1917—1918 годы, декабрь 1918 г. // Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев. С. 86, 95—97; ГАМО. Ф. П-2393. Оп. 2. Д. 105. Л. 16, 26, 29—40 (воспоминания В.Л. Бжезинского, часть 2).

¹⁰³ Документы внешней политики СССР / Ред. А.А. Громыко. М., 1957. Т. 1. С. 196—197, 389; Борьба... на Мурмане. Док. 140; Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере. Док. 206. Согласно британским источникам, к концу июня 1918 г. в крае располагалось уже до 3000 союзных солдат, из них около 1500 сербов, переведенных на Север из Одессы: British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 110. P. 420, 439; *Maynard C.* The Murmansk Venture. P. 28.

¹⁰⁴ Декреты Советской власти. Т. 2. С. 521, 662; Борьба... на Мурмане. Док. 147, 160, 166; Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере. Док. 208, 218, 220; *Ленин В.И.* ПСС. Т. 50. С. 116—117; *Кедров М.С.* Без большевистского руководства. С. 115—165; *Веселаго Г.М.* Документальная справка из моих мурманских бумаг за 1917—1918 годы, декабрь 1918 г. // Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев. С. 117—129.

¹⁰⁵ British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 110/D. P. 441; *Maynard C.* The Murmansk Venture. P. 55.

¹⁰⁶ *Городецкий С.Н.* Образование Северной области // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1927. Т. 3. С. 5; *Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере (1918 г.) // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1928. Т. 4. С. 13—15; *Игнатьев В.И.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. М., 1922. С. 17—19; ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 34—36 об. (воспоминания Е.П. Семенова, 28 декабря 1924 г.).

¹⁰⁷ *В.О.* Капитан 1-го ранга Чаплин // Часовой. 1947. № 268. С. 6—7; Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1928. Т. 4. С. 12; Незабываемые могилы: Российское зарубежье. Некрологи. М., 1999—2007. Т. 6. Кн. 3. С. 156; *Голдин В.И.* Контрреволюция на Севере России и ее крушение (1918—1920 гг.): Учебное пособие. Вологда, 1989. С. 65—66.

¹⁰⁸ *Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере. С. 14—15.

¹⁰⁹ О представлениях офицеров о целях Белого движения см.: *Kenez P.* The Ideology of the White Movement // Soviet Studies. 1980. Vol. 32. № 1. P. 58—83; *Heretz L.* The Psychology of the White Movement // The Bolsheviks in Russian Society: The Revolution and the Civil Wars / Ed. V. Brovkin. New Haven, 1997. P. 105—122; *Robinson P.* «Always with Honour»: The Code of the White Russian Officers // Canadian Slavonic Papers. 1999. № 2. P. 121—141. О воспитании офицеров в дореволюционной России см.: *Деникин А.И.* Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953 (см. переиздания: М., 1991; М., 2002).

¹¹⁰ *Чаплин Г.Е.* Воззвание к населению Северной области, 6 сентября 1918 г. // Голос Отечества. 1918. 12 сент.; *Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере. С. 12—31.

¹¹¹ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 1 Л. 60 (воспоминания В.Ф. Бидо, 22 апреля 1925 г.); *Городецкий С.Н.* Образование Северной области. С. 7—8, 11.

¹¹² История «Союза Возрождения России». Справка С.П. Мельгунова // Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 79—81; *Аргунов А.* Между двумя большевизмами. Париж, 1919. С. 3—7; *Мякотин В.А.* Из недалекого прошлого // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1923. Кн. 2. С. 180—182; *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. С. 50—52.

¹¹³ *Игнатьев В.И.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. С. 10—12, 19—20; *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. С. 58, 60; *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. С. 57—58.

¹¹⁴ *Кирьяков В.* Дедушка и бабушка русской революции. Н.В. Чайковский и Е.К. Брешко-Брешковская. Пг., 1917. С. 3.

¹¹⁵ О биографии Чайковского см.: ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 1. Л. 19—23 (Н.В. Чайковский: Автобиографический очерк, 1922 г.); *Ерофеев Н.* Чайковский Николай Васильевич // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 671—672; *Соловьева И.А.* Николай Васильев-

вич Чайковский // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 38—48; *Голдин В.И.* Николай Чайковский в революции и контрреволюции // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. (Екатеринбург). 1997. № 4. С. 121—138; *Макаров Н.А.* Николай Васильевич Чайковский: Исторический портрет. Архангельск, 2002.

¹¹⁶ *Брешко-Брешковская Е.К.* Памяти друга // Николай Васильевич Чайковский. Религиозные и общественные искания. Статьи М.А. Алданова, Е.К. Брешко-Брешковской, Дионео, В.А. Мякотина, Д.М. Одица, Т.И. Полнера и воспоминания Н.В. Чайковского / Ред. А.А. Титов. Париж, 1929. С. 7—11; *Дионео.* В эмиграции // Николай Васильевич Чайковский. С. 167—168.

¹¹⁷ *Чайковский Н.В.* Через полстолетия. Открытое письмо к друзьям // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 3(16). С. 180—186; ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 1. Л. 19—20 (Чайковский. Автобиографический очерк); *Одинец Д.М.* В кружке «чайковцев» // Николай Васильевич Чайковский. С. 39—96. О «чайковцах» см.: *Итенберг Б.С.* Движение революционного народничества: народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М., 1965. Главы 3, 4 и 5; *Venturi F.* Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in 19th Century Russia. London, 2001. Chapter 18.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 1. Л. 20 (Чайковский. Автобиографический очерк); *Полнер Т.И.* Н.В. Чайковский и «богочеловечество» // Николай Васильевич Чайковский. С. 97—167; *Фроленко М.* Чайковский. Его богочеловечество // Каторга и ссылка. 1926. № 5 (26). С. 217—222. О Маликове и его последователях см.: *Фроленко М.Ф.* Маликов и маликовцы // Фроленко М.Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М., 1932. Т. 1. С. 208—212.

¹¹⁹ *Чайковский Н.В.* Первая заграничная экскурсия Союза Сибирских маслодельных артелей 1914 г. Курган, 1915. Об отношении Чайковского к кооперации см.: *Чарушин Н.* Николай Васильевич Чайковский // Каторга и ссылка. 1926. № 5 (26). С. 216; *Сытченко А.В.* Народно-социалистическая партия в 1907—1917 гг. М., 1999. С. 95—96.

¹²⁰ *Полнер Т.И.* Н.В. Чайковский и «богочеловечество». С. 140—141; *Дионео.* В эмиграции. С. 212—214.

¹²¹ ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 1. Л. 22 (Чайковский. Автобиографический очерк); *Лившиц С.* Н.В. Чайковский (По поводу его смерти) // Каторга и ссылка. 1926. № 5 (26). С. 227—229; *Ерофеев Н.* Чайковский Николай Васильевич. С. 671.

¹²² Цит. по: *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. С. 23—25.

¹²³ *Мякотин В.А.* Из воспоминаний // Николай Васильевич Чайковский. С. 252—264.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 400. Л. 7—8 (письмо Чайковского дочерям, 14 августа 1918 г.). См. также: *Чайковский Н.В.* Об Архангельском перевороте // Последние новости. Париж. 1921. 23 сент. (№ 441); *Игнатев В.И.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. С. 20—21; *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. С. 70—71, 73.

¹²⁵ *Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере. С. 19; *Игнатев В.И.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. С. 20—21.

¹²⁶ *Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере. С. 18; British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 24. P. 139. О Ярославском восстании см.: Яро-

славское восстание, 1918. Документы / Ред. Е.А. Ермолин, В.Н. Козляков. М., 2007; Ярославское восстание: июль 1918 / Ред. В.Ж. Цветков. М., 1998.

¹²⁷ К концу июля 1918 г. в Архангельске имелись 1072 мобилизованных, 1000 военных моряков и отряд латышей в 100—150 чел., также было вооружено около 400 коммунистов и до 400 рабочих. См.: *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. С. 64—65. Численность антибольшевистских подпольщиков и военного десанта Антанты вместе составляла, вероятно, около 2000 чел.

¹²⁸ *Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере. С. 17, 20. Крестьянский отряд под руководством крестьянина Г. Мосеева и земского агронома П.П. Капустина насчитывал 200—300 человек, одна только Лисестровская волость выставила 49 добровольцев. См.: Архив регионального управления ФСБ по Архангельской области (далее — АРУ ФСБ АО). Д. П-16049. Л. 31 об.—32 (допрос Г. Мосеева, 28 июля 1920 г.); ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 55 об. (письмо Н.А. Старцева С.Н. Городецкому, 15 апреля 1925 г.).

¹²⁹ *Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере. С. 20—21; *Городецкий С.Н.* Образование Северной области. С. 10—11; ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 1. Л. 59 об.—60 (воспоминания Бидо, 22 апреля 1925 г.); Ф. 5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 11—12 (записка полковника М. Костевича, 1 августа 1926 г.).

¹³⁰ *Метелев А.* Падение Архангельска // *Борьба за Советы на Севере*. С. 75—79; *Костылев В.* На Северо-Двинском фронте // *Октябрьская революция и гражданская война на Севере*. Вып. 1. С. 38—40.

¹³¹ Письмо Ф. Глушенко в ЦК РКП(б), 15 августа 1918 г. // Переписка Секретариата ЦК РКП(б). Т. 4. Док. 184.

¹³² ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 5. Л. 77—78 (очерк Городецкого); *Юрченков Г.С. (Васильев)*. Под властью белых (1918—1919 г.) // *Борьба за Советы на Севере*. С. 96—98.

¹³³ *Городецкий С.Н.* Образование Северной области. С. 11.

¹³⁴ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 22 об. (воспоминания Могучего). О встрече союзников см. также: FRUS. 1918. Russia. Vol. 2. P. 511; *Noulens J.* Mon ambassade en Russie soviétique 1917—1919. Paris, 1933. Т. 2. P. 174 (частичный перевод: *Нуланс Ж.* Моя посольская миссия в Советской России. 1917—1919 гг. // *Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников* / Сост. В.И. Голдин. Архангельск, 1997. С. 84—161).

Глава 3. Правительство Северной области

¹ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 37. Л. 1 (журнал заседания Верховного управления Северной области (далее — ВУСО), 2 августа 1918 г.).

² Объявление ВУСО, 3 августа 1918 г. // *Собрание узаконений и распоряжений ВУСО и Временного правительства Северной области (далее — ВПСО)* (Архангельск). 1918. № 1. С. 8.

³ Александр Исаевич Гуковский (Некролог) // *Современные записки*. 1925. № 23. С. 5—6; *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 285.

⁴ *Рожденные Вологодчиной: энциклопедический словарь биографий* / Сост. М.В. Суров. Вологда, 2005. С. 225; *Вологодская энциклопедия* / Ред. Г.В. Судаков. Вологда, 2006. С. 217.

⁵ Например, средний возраст членов Учредительного собрания немного не доходил до 36 лет. См.: *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания. С. 54.

⁶ Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь / Ред. В.В. Шелохаев. М., 1997. С. 399—400; *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания. С. 340.

⁷ *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания. С. 287; АРУ ФСБ АО. Д. П-18553. Л. 119—119 об. (характеристика руководящих политиков Северной области, 1921 г.). К сожалению, мне не удалось установить личность информатора ЧК, на основе показаний которого были составлены подробные биографические характеристики членов ВУСО/ВПСО. Однако сопоставление с другими источниками позволяет заключить, что он очень хорошо знал революционное прошлое эсеровских министров и, возможно, сам принадлежал ранее к руководству эсеровской партии.

⁸ АРУ ФСБ АО. Д. П-18553. Л. 119 об.—120 (характеристика руководящих политиков Северной области, 1921 г.); *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания. С. 330—331.

⁹ АРУ ФСБ АО. Д. П-18553. Л. 120 (характеристика руководящих политиков Северной области, 1921 г.); *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания. С. 339.

¹⁰ АРУ ФСБ АО. Д. П-18553. Л. 119 об. (характеристика руководящих политиков Северной области, 1921 г.).

¹¹ Стенографический отчет 4-го чрезвычайного Съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М., 1920. С. 33—35.

¹² Протоколы Третьего съезда партии социалистов-революционеров. Заседание 28 мая 1917 г. // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы / Сост. Н.Д. Ерофеев. М., 2000. Т. 3. Ч. 1: Февраль—октябрь 1917 г. Док. 27. С. 293—296.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. С. 6—7.

¹⁴ Там же; Обращение Чайковского «Всемир! Всемир! Всемир!» // Вестник ВУСО. 1918. 25 авг.

¹⁵ Более подробно о социальной политике Северного правительства см. в главе 5 наст. изд.

¹⁶ См., например: Вестник ВУСО. 1918. 13, 14, 18 и 23 авг.

¹⁷ Вестник ВУСО. 1918. 25 авг.

¹⁸ Членов ВУСО с Архангельской губернией связывало только то, что Маслов, Дедусенко, Лихач и Гуковский в разное время находились здесь в политической ссылке. См.: АРУ ФСБ АО. Д. П-18553. Л. 118—123 (характеристика руководящих политиков Северной области, 1921 г.).

¹⁹ Чайковский был избран в члены Учредительного собрания от Вятской губернии, Маслов — от Вологодской, Дедусенко — от Самарской, Лихач — от бывшего Северного фронта, Гуковский — от Новгородской и Мартюшин — от Казанской губерний. Зубов, в прошлом товарищ городского головы г. Вологды, депутатом собрания не был. См.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 (журнал заседания ВУСО, 3 августа 1918 г.).

²⁰ ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1444. Л. 270 (автобиографическая справка Н.А. Старцева, кандидата на выборные должности в Архангельскую городскую думу, 3 июля 1914 г.).

²¹ *Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере. С. 19.

²² ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Д. 2. Л. 2 (журналы заседаний ВУСО, 3 и 5 августа 1918 г.); Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 1. С. 8.

²³ Вестник ВУСО. 1918. 10 авг. См. также: Поморская энциклопедия. Т. 1. С. 168.

²⁴ В.Б. Выборы в Архангельскую городскую думу // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1918. № 10/12. С. 236–237. См. также: *Городец-кий С.Н.* Образование Северной области. С. 12.

²⁵ *Шипчинский В.В.* Переживаемый момент, его значение для всей России, Севера и жизни Общества изучения Р.С. (Речь, произнесенная в торжественном заседании Об-ва 19 августа 1918 г.) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1918. № 8/9. С. 147.

²⁶ Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 1. С. 8.

²⁷ *Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере. С. 19, 26.

²⁸ Там же. С. 26–27; ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 1. Л. 60 об. (воспоминания В.Ф. Бидо, 22 апреля 1925 г.).

²⁹ *Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере. С. 19–20, 26–27.

³⁰ *Зеленов Н.П.* Трагедия Северной области (Из личных воспоминаний). Париж, 1922. С. 9–10; *Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере. С. 26.

³¹ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 56 об.—58 (журналы заседаний ВУСО, 22 и 23 августа 1918 г.). На учреждении военных судов настаивал командующий союзным контингентом на Севере генерал Ф.К. Пуль.

³² *Вишняк М.В.* «Современные записки». Воспоминания редактора. Bloomington, 1957. С. 71. Характеристику Гукковского см. также: *Маклаков В.А.* Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 72–73.

³³ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 63–63 об., 65–65 об. (журналы заседаний ВУСО, 27 и 28 августа 1918 г.); Ф. 4065. Оп. 1. Д. 1. Л. 34 (доклад Лихача правительству).

³⁴ Несмотря на квартирную нужду в Архангельске, коллективизм был слишком близок идеям Чайковского, чтобы коллективный быт членов ВУСО являлся только следствием внешних обстоятельств.

³⁵ См.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 37. Л. 16–17 (журнал заседания ВУСО, 4 августа 1918 г.). См. также: ГАРФ. Ф. 3695. Оп. 1. Д. 72. Л. 6–6 об. (письмо Совета профсоюзов в ВУСО, 4 августа 1918 г.). После Февраля 1917 г. красный флаг фактически являлся государственным символом России, см.: *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 250–285. Приказы Чаплина и Пуля см.: ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 8. Л. 2 (приказ Ф. Пуля); Англичане на Севере (1918–1919 гг.) // Красный архив. 1927. Т. 6 (19). С. 41.

³⁶ Англичане на Севере. С. 41–42; ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 3, 12 (приказы Ф. Пуля, начало августа 1918 г.); ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1. Л. 15, 22 (журналы заседаний ВУСО, 6 и 8 августа 1918 г.).

³⁷ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 70, 76–76 об. (журналы заседаний ВУСО, 31 августа и 3 сентября 1918 г.); Ф. 17. Оп. 1. Д. 20. Л. 4 (письмо Чайковского американскому послу Фрэнсису, 13 августа 1918 г.); Д. 29. Л. 115–118 об. (меморандумы ВУСО союзным послам, 29 и 31 августа 1918 г.); Собрание узаконений и распоряжений ВУСО / ВПСО. 1918. № 1. Ст. 48. С. 51; Англичане на Севере. С. 42–43; Интервенция на Севере в документах. М., 1933. С. 18–19; *Чайковский Н.В.* Об Архангельском перевороте // Последние новости. 1921. 23 сент.

³⁸ British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 24. P. 143; *Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique*. Т. 2. P. 199. Планам Чаплина симпатизировал К. Торнхилл, начальник союзной контрразведки, располагавшейся на-против здания правительства. См.: *Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере. С. 23; *Strakhovsky L.I. Intervention at Archangel*. P. 50—51.

³⁹ *Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере. С. 27—28; British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol.1. Doc. 24. P. 143.

⁴⁰ См., например: *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. С. 89—90; *Swain G. The Origins of the Russian Civil War*. P. 219, 245, 252—253.

⁴¹ Приказы Чаплина см.: Вестник ВУСО. 1918. 14 сент.; Голос Отечества. 1918. 12 сент. Также после переворота в Архангельске начались аресты эсеров и меньшевиков, см.: *Миуц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. С. 104.

⁴² *Francis D. Russia from the American Embassy, April 1916 — November 1918*. New York, 1921. P. 267—268 (частичный перевод: *Фрэнсис Д.* Россия из американского посольства // *Заброшенные в небытие*. С. 23—83); *Robien L. de. Journal d'un diplomate en Russie*. Paris, 1967. P. 319 (частичный перевод: *Робиен Л.* Дневник дипломата в России. 1917—1918 г. // *Заброшенные в небытие*. С. 162—212); FRUS. 1918. Russia. Vol. 2. P. 521—522; Вестник ВУСО. 1918. 11 сент.; Голос Отечества. 1918. 12 сент.; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области // *Архив русской революции* / Ред. И.В. Гессен. Берлин, 1922. Т. 3. С. 21—22. О протестах против переворота см.: Вестник ВУСО. 1918. 14 сент.; Отечество. 1918. 20 сент. См. также: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 99. Л. 7 (счет за продовольствие крестьянского отряда М.Ф. Корсунского).

⁴³ Голос Отечества. 1918. 12 сент.; Вестник ВУСО. 1918. 14 сент.

⁴⁴ Отечество. 1918. 20 сент.

⁴⁵ См.: *Заброшенные в небытие*. С. 23, 84, 486, 498—499.

⁴⁶ Речь Фрэнсиса в русско-американском комитете 25 августа 1918 г. // Вестник ВУСО. 1918. 17 сент.

⁴⁷ British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 24. P. 141.

⁴⁸ Ibid. P. 141—142; *Francis D. Russia from the American Embassy*. P. 287—288; *Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique*. Т. 2. P. 199—200; *Robien L. de. Journal d'un diplomate en Russie*. P. 318; *Swain G. The Origins of the Russian Civil War*. P. 212.

⁴⁹ Вестник ВУСО. 1918. 11 сент.; FRUS. 1918. Russia. Vol. 2. P. 521—524; British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol.1. Doc. 24. P. 143.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 71. Л. 38 (обращение ВУСО к населению области, 9 сентября 1918 г.).

⁵¹ Вестник ВУСО. 1918. 20 сент.; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 79—80 об., 84 об., 89, 93, 111 об.; Д. 37. Л. 85 (журналы заседаний и постановления ВУСО, 12, 13 и 15 сентября 1918 г., и Положение о генерал-губернаторе Северной области). Выехавшие в Самару члены Верховного управления в итоге оказались в Омске, где они были арестованы казачьими отрядами в ночь колчаковского переворота в ноябре 1918 г.

⁵² Вестник ВУСО. 1918. 27 сент., 6 и 9 окт.; Англичане на Севере. С. 45; FRUS. 1918. Russia. Vol. 2. P. 525—554; British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 24. P. 143—144; *Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique*. Т. 2. P. 221—224.

⁵³ Вестник ВУСО. 1918. 9 окт. Также в правительство вошел князь И.А. Курякин в качестве временного управляющего Отделом финансов.

⁵⁴ Возрождение Севера. 1918. 10 окт.

⁵⁵ *Noulens J.* Mon ambassade en Russie soviétique. Т. 2. Р. 201.

⁵⁶ Вестник ВУСО. 1918. 9 окт.

⁵⁷ См., например: *Тарасов В.В.* Борьба с интервентами на Севере России. С. 117.

⁵⁸ Подробнее о Мефодиеве и Городецком см.: ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 329. Л. 327—327 об. (протокол допроса Мефодиева следователем секретно-оперативного отдела Архгубчека, 28 октября 1920 г.); *Макаров Н.А.* Военная интервенция и Гражданская война на Севере России. 1918—1920 гг.: энциклопедический биографический словарь. Архангельск, 2008. С. 98, 215—216. См. также: Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1918. № 8/9. С. 150; 1919. № 3/4. С. 93—94; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 102—103.

⁵⁹ Вестник ВПСО. 1919. 17 апр.

⁶⁰ Вестник ВПСО. 1918. 11 окт.

⁶¹ См.: Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 112, 128 и 141.

⁶² Собрание узаконений и распоряжений ВПСО. 1919. № 6. Ст. 300; Вестник ВПСО. 1919. 18 апр.; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 77—77 об., 90 (журнал совещания по организации рыбных промыслов № 1, 30 января 1919 г.).

⁶³ См. постановления и переписку ВПСО о рыбных промыслах: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 17. Л. 352; Д. 9. Л. 182; Д. 10. Л. 43; Д. 18. Л. 111—112.

⁶⁴ Собрание узаконений и распоряжений ВПСО. 1919. № 6. Ст. 291. С. 8—9; Вестник ВПСО. 1919. 17 марта и 10 апр. См. также переписку ВПСО с российскими заграничными представительствами: ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 45. Л. 7, 39, 69—78; Д. 70. Л. 124—125 об.

⁶⁵ См. предложения о реформе образования со стороны Архангельского педагогического союза, Архангельского общества изучения Русского Севера и культурно-просветительного отдела союза кооперативов за август—сентябрь 1918 г.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 17. Л. 137; Ф. 5235. Оп. 1. Д. 4. Л. 15—20 об.; Голос Отечества. 1918. 31 авг., 5 сент.; Возрождение Севера. 1918. 19 сент. См. также материалы совещания по народному образованию при Отделе народного образования: ГАРФ. Ф. 5235. Оп. 1. Д. 4.

⁶⁶ См.: ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 629. Л. 139—141 об., 146 (журнал заседания губернского земского собрания, 1 мая 1919 г., и доклад Архангельской губернской земской управы). Инициатором создания музея выступил земский гласный и член ВПСО М.М. Федоров.

⁶⁷ Борьба... на Мурмане. Док. 242; ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 24—26 (воспоминания Могучего). Переписку о поимке иностранных промысловых судов в прибрежных водах см.: ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 45. Л. 16, 56, 59—60.

⁶⁸ О технократических планах царского правительства см.: *Holquist P.* «In Accord with State Interests and the People's Wishes»: The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69. № 1. P. 151—179.

⁶⁹ ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 329. Л. 327—327 об. (протокол допроса Мефодиева, 28 октября 1920 г.). О присоединении Архангельской думы и общественных организаций к Земгору см.: ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1422. Л. 49 об.—50 (журнал заседания Архангельской городской думы, 11 августа 1914 г.)

⁷⁰ См., например: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 10. Л. 177—177 об.; Д. 13. Л. 1—3 (журналы заседаний ВПСО, 30 апреля и 12 июля 1919 г.).

⁷¹ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 79—80 об., 84 об.; Д. 37. Л. 85 (журнал заседания ВУСО, 12 сентября 1918 г., и положение о генерал-губернаторе Северной области). Сравнение с полномочиями генерал-губернаторов в имперской России см.: *Минц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. С. 106—107. О главноначальствующем Архангельском см. в главе 1 наст. изд.

⁷² *Игнатъев В.И.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. С. 31—32. О Дурове см.: *Незабытые могилы*. Т. 2. С. 451—452. Заявление Дурова с осуждением переворота Чаплина см.: Северное утро. 1918. 12 сент.

⁷³ *Игнатъев В.И.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. С. 31—32; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 23; *Ironside E.W.* Archangel, 1918—1919. London, 1953. P. 39—40 (перевод: *Айронсайд Э.* Архангельск. 1918—1919 гг. // *Заброшенные в небытие*. С. 213—387).

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 50. Л. 7—7 об. (заявление Дурова об отставке, 2 ноября 1918 г.). ВПСО приняло отставку Дурова и Самарина 4 ноября 1918 г., временным генерал-губернатором был назначен контр-адмирал Н.Э. Викорст, см.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 169 об.

⁷⁵ *Ironside E.W.* Archangel. P. 41.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 5. Л. 165 (очерк Городецкого); *Марушевский В.В.* Год на Севере // *Белое дело*. Летопись белой борьбы. Берлин, 1926. Т. 1. С. 22; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 24; *Голдин В.И.* Испытания длиной в жизнь: судьба генерала Евгения Миллера // *Белая армия*. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 1996. № 1. С. 50—51. Вероятно, в выборе Миллера и Марушевского в качестве военных руководителей Северной области могли сыграть значимую роль союзные представители в Архангельске. В любом случае приглашения прибыть в Северную область одновременно были направлены генералам и от главы союзного дипломатического корпуса на Севере посла Франции Ж. Нуланса. По другой версии, Миллера Чайковскому рекомендовал побывавший в Архангельске осенью 1918 г. бывший министр Временного правительства 1917 г. М.И. Терещенко. См.: *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. С. 94.

⁷⁷ О Марушевском см.: *Незабытые могилы*. Т. 4. С. 418; *Голдин В.И.* Контрреволюция на Севере России и ее крушение. С. 72—78.

⁷⁸ *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 24; *Марушевский В.В.* Год на Севере // *Белое дело*. Т. 1. С. 40; *Игнатъев В.И.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. С. 35. В Северной области существовали добровольческие славяно-британские и французский легионы, которые к апрелю 1919 г. насчитывали соответственно три и одну тысячи бойцов.

⁷⁹ Chargé in Russia Poole to the Secretary of State, 18 November 1918 // FRUS. 1918. Russia. Vol. 2. P. 568.

⁸⁰ *Strakhovsky L.* Intervention at Archangel. P. 132; *Ironside E.W.* Archangel. P. 107.

⁸¹ Hoover Institution Archives (далее — HIA). E. Miller Collection. Box 1. Folder 1. P. 50 (показание ген.-лейтенанта Е.К. Миллера следственной комиссии, назначенной главнокомандующим Петроградским военным округом, 20—28 апреля 1917 г.). См. также: *Пятницкий Н.В.* Генерал Е.К. Миллер. К 25-летию со дня его трагической гибели // *Возрождение*. 1962. № 131. С. 96—97; *Strakhovsky L.* Intervention at Archangel. P. 132; *Голдин В.И.* Испытания длиной в жизнь. С. 49—50.

⁸² НИА. E. Miller Collection. Box 1. Folder 1. P. 25—41 (показания Миллера); Рапорт командующего 9-й армией П.А. Лечицкого военному министру А.И. Гучкову, 8 апреля 1917 г. // Революционное движение в русской армии в 1917 г. (27 февраля — 24 октября): Сборник документов / Ред. Л.С. Гапоненко, Е.П. Воронин. М., 1968. Док. 36. См. также: *Wildman A.* The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldiers' Revolt (March—April 1917). Princeton, 1980. P. 287—289.

⁸³ *Игнатъев В.И.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. С. 35, 37—38.

⁸⁴ НИА. E. Miller Collection. Box 1. Folder 1. P. 62 (показания Миллера).

⁸⁵ *Ironside E.W.* Archangel. P. 108; НИА. E. Miller Collection. Box 1. Folder 1. P. 62 (показания Миллера).

⁸⁶ См., например: НИА. E. Miller Collection. Box 1. Folder 3. P. 1-2 (mémoire écrit par le général de Miller en février 1918. Il fut confié aux bons soins du Secrétaire d'Ambassade Baron Théodore de Beickheim pour être communiqué au Ministre des Affaires Étrangères (France)).

⁸⁷ НИА. E. Miller Collection. Box 1. Folder 1. P. 25, 48 (показания Миллера).

⁸⁸ НИА. E. Miller Collection. Box 1. Folder 3. P. 12 (mémoire).

⁸⁹ *Ibid.* P. 16—18, 20, 23—24 (mémoire).

⁹⁰ *Ibid.* P. 22 (mémoire); *Ironside E.W.* Archangel. P. 108.

⁹¹ *Maynard C.* The Murmansk Venture. P. 161.

⁹² НИА. E. Miller Collection. Box 1. Folder 1. P. 45 (показания Миллера).

⁹³ *Maynard C.* The Murmansk Venture. P. 161.

⁹⁴ *Ironside E.W.* Archangel. P. 108; НИА. E. Miller Collection. Box 1. Folder 3. P. 19 (mémoire).

⁹⁵ Об административных талантах Миллера см.: *Игнатъев В.И.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. С. 35; Report on the Work of the British Mission to North Russia from June 1918 to 31 March 1919 (By F.O. Lindley) // British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 24. P. 146.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 52 об.—53 (журналы заседаний и постановления ВПСО, 15 и 17 января 1919 г.); Вестник ВПСО. 1919. 17, 22 и 25 янв.

⁹⁷ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 60. Л. 62 (телеграмма Маклакова Чайковскому, 10 декабря 1918 г.).

⁹⁸ Вестник ВПСО. 1919. 11 янв. См. также речь Чайковского в городской думе: Вестник ВПСО. 1919. 24 янв.; *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. Гл. 5.

⁹⁹ О признании верховной власти директории см.: Вестник ВПСО. 1918. 1 нояб.

¹⁰⁰ ВПСО официально уполномочило Чайковского участвовать «в создании Всероссийского политического центра, а при благоприятной обстановке и Всероссийского Правительства». См.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 17. Л. 4—4 об. (журнал заседания ВПСО, 22 января 1919 г.). См. также: *Игнатъев В.И.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. С. 37.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 22—22 об. (письмо Жилинского Городецкому, 11 февраля 1925 г.) См. также: Там же. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 1. Л. 71а (выдержки из письма Жилинского в письме Бидо, сентябрь 1926 г.). Некоторые советские историки связывали отъезд Чайковского с тем, что он утратил на Севере свой политический авторитет. См., например: *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капи-

талистам: Очерки по истории контрреволюции в 1918 году. М.; Л., 1927. С. 384; *Корнатовский Н.А.* Северная контрреволюция. С. 67; *Миц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. С. 214. Однако, как свидетельствуют источники, вероятно, для Чайковского важнее были личные мотивы и желание поучаствовать в создании всероссийской власти.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 52 об.—53 (журналы заседаний и постановления ВПСО, 15 и 17 января 1919 г.); Ф. 3811. Оп. 1. Д. 2. Л. 64 (приказ Игнатъева о вступлении в должность, 13 декабря 1918 г.); Собрание узаконений и распоряжений ВПСО. 1919. № 6. Ст. 287; Вестник ВПСО. 1919. 22 и 25 янв.; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 24—25. Игнатъев пробыл в Архангельск в сентябре 1918 г. после неудачной попытки поднять антибольшевистское восстание в Вологде. Хотя Марушевский и Игнатъев (последний — по занимаемой им также должности правительственного комиссара губернии) в 1919 г. были подчинены Миллеру, непосредственное управление армией и сферой внутренних дел происходило уже не из канцелярии генерал-губернатора.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 53—53 об. (журнал заседания ВПСО, 17 января 1919 г.); Собрание узаконений и распоряжений ВПСО. 1919. № 6. Ст. 285. Перед отъездом Чайковский сделал только личное заявление, что правительство по-прежнему останется надпартийным и надклассовым. См.: Вестник ВПСО. 1919. 24 янв.

¹⁰⁴ Биографические данные о Зубове см.: *Рожденные Вологодчиной.* С. 225; *Вологодская энциклопедия.* С. 217.

¹⁰⁵ *Соколов Б.* Падение Северной Области // *Архив русской революции* / Ред. И.В. Гессен. Берлин, 1923. Т. 9. С. 35.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 242. Л. 5 об.—6 (письмо И.А. Куракина Чайковскому, 1 апреля 1919 г.); *Чалин Г.Е.* Два переворота на Севере. С. 26; *Марушевский В.В.* Год на Севере // *Белое дело.* Т. 1. С. 41. Т. 2. С. 26—27; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 29—30, 85.

¹⁰⁷ *Марушевский В.В.* Год на Севере // *Белое дело.* Т. 2. С. 27—28.

¹⁰⁸ См. письмо Игнатъева Чайковскому, 21 марта 1919 г., в: *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. С. 207—208. В позднейших мемуарах Игнатъев резко поменял свою оценку, см.: *Игнатъев В.И.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. С. 37—38. См. также: ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 218. Л. 2 об.—3 (письмо Зубова Чайковскому, 1 апреля 1919 г.).

¹⁰⁹ Там же. Д. 258. Л. 12 об. (письмо Маймистова Чайковскому, апрель 1919 г.).

¹¹⁰ Об этом см.: *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 44—45.

¹¹¹ Об этом см.: *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 71.

¹¹² *Rosenberg W.* The Zemstvo in 1917 and its Fate under Bolshevik Rule // *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-government* / Eds. T. Emmons, W. Vucinich. Cambridge, 1982. P. 412. О восстановлении земских управ и городских дум см.: Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 5; ГАРФ. Ф. 3695. Оп. 1. Д. 3. Л. 59—59 об. (письмо Старцева Зубову, 4 сентября 1918 г.).

¹¹³ Вестник ВПСО. 1918. 16 окт.; FRUS. 1918. Russia. Vol. 2. P. 558—559.

¹¹⁴ О политической позиции меньшевиков и эсеров в годы Гражданской войны см.: *Brovkin V.* The Mensheviks after October: Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship. Cornell, 1987. Ch. 9; *Brovkin V.N.* Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918—1922. Princeton,

1994. Ch. 5; *Smith S.* The Socialist-Revolutionaries and the Dilemma of Civil War // *The Bolsheviks in Russian Society*. P. 83—104. О поддержке антибольшевистского переворота северными социалистами см., в частности, приветствия председателя губернского земского собрания П.В. Коптыкова: Вестник ВУСО. 1918. 13 сента.

¹¹⁵ См. дискуссию в правительстве о необходимости субсидий земствам: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 73—73 об. (журнал заседания ВПСО, 18 января 1919 г.).

¹¹⁶ ГАО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 152. Л. 1 об.—4 об. (выступление Коптыкова в губернском земском собрании, 11 сентября 1918 г.).

¹¹⁷ Там же. Л. 8 об. (выступление делегата от Печоры Н.С. Смирнова в губернском земском собрании, 11 сентября 1918 г.).

¹¹⁸ Там же. Д. 148. Л. 6 (выступления делегатов Смирнова и Душина на 6-м Онежском уездном крестьянском съезде, 12 августа 1918 г.); Л. 119 об. (доклад гласного М.Я. Едемского на Шенкурском уездном съезде земских избирателей, 20 сентября 1918 г.). Представления о «темноте» населения объединяли северных политиков с социалистическими лидерами 1917 г. и большевиками. О дискурсивной преемственности между риторикой умеренных социалистов в 1917 г. и большевиков см.: *Hickey M.* The Rise and Fall of Smolensk's Moderate Socialists: The Politics of Class and Rhetoric of Crisis in 1917 // *Provincial Landscapes*. P. 32. О критическом отношении провинциальных элит к населению см. также: *Badcock S.* Politics and the People in Revolutionary Russia. Ch. 5.

¹¹⁹ Ср. с речью Чайковского на совещании представителей общественных организаций, 11 августа 1918 г.: Вестник ВУСО. 1918. 13 авг. См. также: НИА. Е. Miller Collection. Box 1. Folder 1. P. 45 (показания Миллера).

¹²⁰ Сообщение о падении Директории см.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 60. Л. 57—58 (телеграмма Маклакова Чайковскому, 27 ноября 1918 г., с текстом телеграммы Ю.В. Ключникова из Омска от 19 ноября 1918 г.).

¹²¹ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 25—26 (журнал заседания ВПСО, 30 ноября 1918 г.); Ф. 17. Оп. 1. Д. 11. Л. 90—93 об. (письмо Чайковского Маклакову, 6 декабря 1918 г.); *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 1. С. 58. В результате разногласий ВПСО не выступило с официальным протестом, на имя Колчака был направлен только личный протест Чайковского как члена Директории и Учредительного собрания, см.: *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. С. 90.

¹²² Chargé in Russia Poole to the Secretary of State, 2 December 1918 // *FRUS*. 1918. Russia. Vol. 2. P. 573—574.

¹²³ ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 218. Л. 2 об.—3 (письмо Зубова Чайковскому, 1 апреля 1919 г.); *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. С. 207—208.

¹²⁴ Приказ Миллера от 31 января 1919 г. см. в: *Пионтковский С.* Гражданская война в России (1918—1921 гг.): Хрестоматия. М., 1925. С. 586—587. Приказ был ответом на отказ рабочих станции Исакогорка выйти на сверхурочные работы 18 и 19 января 1919 г. См. переписку: ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 16. Л. 70, 71.

¹²⁵ Сведения о легализации социалистических партий подтвердил член Архангельского подпольного комитета большевиков М. Боев, в феврале 1919 г. тайно пересекший линию фронта и привезший денежные средства для подпольной организации и информацию о положении в Советской России. См.: РГАСПИ. Ф. 17.

Оп. 6. Д. 1. Л. 140 об. (доклад Турка о положении в Архангельске, 6 августа 1919 г.).

¹²⁶ О легализации меньшевиков и эсеров в Советской России в конце 1918 — начале 1919 г. см.: *Brovkin V.N. Behind the Front Lines of the Civil War. Ch. 1.*

¹²⁷ ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 329. Л. 124—125 (доклад медико-санитарной комиссии и городской управы Архангельска об эпидемиях, приложение к журналу заседания думы, 20 февраля 1919 г.).

¹²⁸ ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 329. Л. 129 об.—130 (журнал заседания Архангельской городской думы, 20 февраля 1919 г.). См. также: *Мицц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. С. 189; *Овсянкин Е.И.* Архангельск. С. 186—187.

¹²⁹ Борьба... на Мурмане. Док. 262; *Maynard C.* The Murmansk Venture. P. 205. День Февральской революции являлся официальным праздником в Северной области.

¹³⁰ Борьба... на Мурмане. Док. 264—267; *Maynard C.* The Murmansk Venture. P. 198—202, 214.

¹³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 1. Л. 141 (доклад Турка о положении в Архангельске, 6 августа 1919 г.); *Мицц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. С. 189—190; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 34, 36. О делегации Вольского см.: *Brovkin V.N. Behind the Front Lines of the Civil War. P. 41—45.*

¹³² ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 329. Л. 201 (журнал торжественного заседания Архангельской думы, 12 марта 1919 г.); *Русский Север. 1919.* 15 марта; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 34.

¹³³ ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 329. Л. 201 (журнал заседания Архангельской думы, 12 марта 1919 г.).

¹³⁴ Там же. Л. 202 об.—203, 205 (журнал заседания Архангельской думы, 14 марта 1919 г., и заявление гласных списка «национального объединения»).

¹³⁵ *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 33—37; *Овсянкин Е.И.* Архангельск. С. 191.

¹³⁶ Вестник ВПСО. 1919. 14 марта.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 21 (ведомости движения дел в следственных комиссиях, август 1918 — ноябрь 1919 г.). Всего с августа 1918-го по январь 1919 г. комиссии арестовали 481 человека.

¹³⁸ О большевистском подполье см.: Борьба за торжество... на Севере. Док. 57, 58; Интервенция на Севере в документах. С. 87—90; *Юрченков Г.С.* Под властью белых. С. 108—120, 130—133; *Мицц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. С. 190—197; *Овсянкин Е.И.* На изломе истории. С. 397—406. Члены большевистского подполья имели контакт с некоторыми из меньшевистских руководителей Совета профсоюзов.

¹³⁹ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 43. Л. 94 (приказ Марушевского, 31 марта 1919 г.); *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 2. С. 47—48. По сведениям людей, перешедших на советскую территорию, общее число записавшихся на выезд из Северной области составило 5—7 тыс. человек. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 1. Л. 137 (доклад Федоровича, весна 1919 г.).

¹⁴⁰ См., например: Северное утро. 1919. 19 марта, 4 апр.; *В.Б.* Наши социалисты // *Русский Север. 1919.* 23 марта. Весной 1919 г. в Северной области было создано несколько правых обществ, ставивших цель бороться «с вредными для госу-

дарственной жизни России направлениями» и против «всякой партийности» (т.е. против социалистов), а именно Центральный комитет торгово-промышленных организаций и Союз интеллигенции. См.: Вестник ВПСО. 1919. 16 марта; Северное утро. 1919. 5 мая.

¹⁴¹ ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 629. Л. 1—2 (журнал заседания губернского земского собрания, 25 апреля 1919 г.).

¹⁴² Об этом см.: *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 36—40.

¹⁴³ См.: Вестник ВПСО. 1919. 24 янв., 20, 22 и 28 февр., 1 марта, 13 апр. и др.

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 44. Л. 85 (телеграмма Чайковского Зубову, 26 апреля 1918 г.). Об изменившейся позиции Чайковского см. также: *Мякотин В.А.* Н.В. Чайковский (Некролог) // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 4 (17). С. 231—233; *Мельгунов С.П.* Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. С. 91—92, 177—178, 295—297. См. также: ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 11. Л. 52—52 об. (письмо посла в Англии К.Д. Набокова в Архангельск, 17 декабря 1918 г.); Ф. 16. Оп. 1. Д. 88. Л. 2 (телеграмма Маклакова Миллеру, 26 апреля 1919 г.).

¹⁴⁵ Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 177—177 об. (журнал заседания ВПСО, 30 апреля 1919 г.); Вестник ВПСО. 1919. 4 мая. В Омск для координации действий двух правительств выехал член ВПСО И.А. Куракин.

¹⁴⁶ Русский Север. 1919. 6 мая; Северное утро. 1919. 6 мая.

¹⁴⁷ ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 1. Л. 45; Д. 329. Л. 209 (телеграмма Архангельской думы в Омск и журнал заседания, 9 мая 1919 г.). Предложение послать приветственную телеграмму было выдвинуто блоком «национального возрождения», прений и возражений в журнале не отмечено.

¹⁴⁸ Возрождение Севера. 1919. 3 и 7 мая.

¹⁴⁹ См. постановления губернского комиссара: Вестник ВПСО. 1919. 30 апр. и др.

¹⁵⁰ Письмо А.А. Иванова Чайковскому, 28 июля 1919 г. // *Заброшенные в небытие*. С. 455.

¹⁵¹ ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 1242. Л. 4 (журнал заседания губернского земского собрания, 3 февраля 1920 г.).

¹⁵² ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 1. Л. 92 об.—93 об. (журнал заседания Земско-городского совещания, 12 августа 1919 г.).

¹⁵³ Обращение совещания к населению см.: *Пионтковский С.* Гражданская война в России. С. 574—575. Критику правительства со стороны совещания см.: ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 1. Л. 97 (тезисы, принятые в частном заседании Земско-городского совещания, 15 августа 1919 г.).

¹⁵⁴ ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 329. Л. 238 об. (журнал заседания Архангельской думы, 22 августа 1919 г.).

¹⁵⁵ Там же. Л. 236—236 об. (журнал заседания Архангельской думы, 21 августа 1919 г.); *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 61—62; *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 40.

¹⁵⁶ *Galili Z., Nenarokov A.* The Mensheviks in 1917: From Democrats to Statists // *Critical Companion to the Russian Revolution, 1917—1921* / Eds. E. Acton et al. Bloomington, 1997. P. 267—280.

¹⁵⁷ О расправах в Сибири см., в частности: *Smele J.* Civil War in Siberia. P. 164—179.

Глава 4. Союзная интервенция на Севере России

¹ Всего через Северную область прошло около 50 тыс. союзных военных, преимущественно британской армии; из них одновременно находились на Севере до 25 тыс. человек. См.: *British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 110. P. 426—428; Doc. 110/A. P. 432—433.*

² Только за период с ноября 1918-го по июль 1919 г. расходы Великобритании (без учета расходов на содержание британских войск) на Северную область, включавшие предоставление финансовой помощи правительству, продовольствие и снабжение для русских войск и населения, составили 12 260 000 фунтов стерлингов. См.: *Ullman R. Britain and the Russian Civil War. P. 366—367; British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 24. P. 158—173.*

³ В оценке интервенции я расхожусь с советской и большей частью постсоветской историографии Гражданской войны на Севере, рассматривавшей Гражданскую войну прежде всего как последствие интервенции. См.: *Миц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция; *Корнатовский Н.А.* Северная контрреволюция; *Мьмрин Г.Е.* Англо-американская военная интервенция на Севере и ее разгром 1918—1920 гг.; *Тарасов В.В.* Борьба с интервентами на Севере России; Антисоветская интервенция и ее крах 1917—1922; *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере; *Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север в историческом пространстве российской Гражданской войны. Тезис о ведущей роли интервентов в Гражданской войне выдвинул еще В.И. Ленин в речах и статьях лета—осени 1918 г., см.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 37. С. 1—19, 49, 118, 127.

⁴ *Short history of events in Russia from November, 1917, to February, 1919. General Staff, War Office, 28th February, 1919 // British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 110. P. 439—440; Maynard C. The Murmansk Venture. P. 2—6.* Незадолго до высадки в Архангельске командующий союзными войсками генерал Пуль заверял в Мурманске белых политиков, что «с большевиками они (союзники. — Л.Н.) не воюют, а воюют только с немцами» и занятием Мурманска и Архангельска предполагали создать фронт против немцев. См.: ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 36 об. (доклад Е.П. Семенова о возникновении Северного фронта, 28 декабря 1924 г.).

⁵ О биографии Пуля см.: *Ironside E. Archangel. P. 25.*

⁶ Об этом см.: *Francis to the Secretary of State, 23 August 1918 // FRUS. 1918. Russia. Vol. 2. P. 513.*

⁷ *Moore J., Mead Y., Jahns L. The History of the American Expedition Fighting the Bolsheviki: Campaigning in North Russia, 1918—1919. Detroit, 1920. P. 219; Ullman R. Intervention and the War. P. 240—242.*

⁸ *Rhodes B. The Anglo-American Winter War with Russia, 1918—1919. A Diplomatic and Military Tragicomedy. New York, 1988. P. 39—41.*

⁹ University of Michigan, Bentley Historical Library, Ann Arbor (USA). Polar Bear Expedition Digital Collections (далее — UMBHL). E.L. Arkins. Diary, 1918—1919. P. 68. Общая численность отрядов белых добровольцев в середине сентября 1918 г. доходила до 450 человек. См.: Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 39450. Оп. 1. Д. 1. Л. 28—29 (сообщение управляющего Военным отделом С.С. Маслова в штаб генерала Пуля, 16 сентября 1918 г.).

¹⁰ *Long J. American Intervention in Russia: The North Russian Expedition, 1918—1919 // Diplomatic History. 1982. Vol. 6. № 1. P. 56; British Documents on Foreign Affairs.*

Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 110/A. P. 432—433. К концу 1918 г. на Архангельском фронте было 6293 британских, 5203 американских, 1686 французских солдат; на Мурманском фронте находилось 6832 английских военных, 1251 итальянских, 1220 сербских и незначительное число французов. Общая численность войск, включая формируемые союзниками на месте легионы и создававшиеся русские части, составляла на Мурманском фронте 14 775 человек, на Архангельском — 15 897 человек, из них примерно 2/3 строевого состава.

¹¹ *Ironside E.* Archangel. P. 28; *Ullman R.* Intervention and the War. P. 243—244; *Rhodes B.* The Anglo-American Winter War with Russia. P. 21.

¹² Aide-Mémoire, 17 July 1918 // FRUS, 1918. Russia. Vol. 2. P. 287—290; *Kennan G.* The Decision to Intervene. P. 418—420.

¹³ FRUS. 1918. Russia. Vol. 2. P. 518—519; *Rhodes B.* The Anglo-American Winter War with Russia. P. 42.

¹⁴ О ведущем влиянии местных представителей Антанты на развитие интервенции в России см. также: *Kennan G.* The Decision to Intervene. P. 428; *Brinkley G.* The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917—1921: A Study in the Politics and Diplomacy of the Russian Civil War. Notre Dame, 1966. P. 86, 284; *Carley M.* Revolution and Intervention. P. 154.

¹⁵ UMBHL. E.L. Arkins. Diary, 1918—1919. P. 6—7; *Rhodes B.* The Anglo-American Winter War with Russia. P. 38.

¹⁶ *Rhodes B.* The Anglo-American Winter War with Russia. P. 35; *Moore J., Mead Y., Jahns L.* The History of the American Expedition Fighting the Bolsheviks. P. 15—18; *Fighting the Bolsheviks: The Russian War Memoir of Private First Class Donald E. Carey, U.S. Army, 1918—1919 / Ed. N.G. Carey.* Novato, 1997. P. 44—46; UMBHL. E.L. Arkins. Diary, 1918—1919. P. 66—67; UMBHL. F. W. Douma. (1918—1919). Diary. P. 5. Испанская инфлюэнца в 1918—1919 гг. была общемировой эпидемией, жертвами которой стали десятки миллионов людей (см.: *The Spanish Influenza Pandemic of 1918—1919: The New Perspectives / Eds. H. Phillips, D. Killingray.* London, 2003). Однако скученность союзных войск при транспортировке в Россию дала очень высокий процент заболеваемости. Также, совпав с началом союзных операций в Северной области, эпидемия стала важным психологическим фактором и способствовала деморализации союзных солдат.

¹⁷ UMBHL. F.W. Douma (1918—1919). Diary. P. 7, 14; UMBHL. S. Parrish. Diary, 1918—1919. P. 42; UMBHL. G.W. Smith. Diary, 1918—1919. P. 5.

¹⁸ *Baron N.* The King of Karelia: Col. P.J. Woods and the British Intervention in North Russia 1918—1919: A History and Memoir. London, 2007. P. 178; *Moore J., Mead Y., Jahns L.* The History of the American Expedition Fighting the Bolsheviks. P. 22.

¹⁹ FRUS. 1918. Russia. Vol. 2. P. 533—534, 540.

²⁰ *Ironside E.* Archangel. P. 13, 56; *Stewart G.* The White Armies of Russia: A Chronicle of Counter-Revolution and Allied Intervention. New York, 1933. P. 94, 187.

²¹ *Ironside E.* Archangel. P. 29—30, 32, 38; UMBHL. E.L. Arkins. Diary, 1918—1919. P. 71; UMBHL. F.W. Douma. (1918—1919). Diary. P. 8, 11. О боевых действиях союзных войск и быте союзных солдат на Севере см.: *Halliday E.M.* The Ignorant Armies: The Anglo-American Archangel Expedition, 1918—1919. London, 1961; *Crownover R.* The United States Intervention in North Russia — 1918, 1919: The Polar Bear Odyssey. Lewiston, 2001; *Willett R.* Russian Sideshow: America's Undeclared War, 1918—1920. Washington, 2003. Part I.

²² См. речь Д. Ллойд Джорджа в британском парламенте, 16 апреля, 1919 г.: Great Britain. The Parliamentary Debates: Official Report. House of Commons (далее — Parliamentary Debates). 5th Series. London, 1919. Vol. 114. P. 2941—2942. О протестах против интервенции см.: Parliamentary Debates. Vol. 110. (1918). P. 2789—2796, 3015—3019, 3262. Об отношении американского общественного мнения к интервенции см.: *Strakhovsky L.* American Opinion about Russia, 1917—1920. Toronto, 1961. P. 90—109.

²³ См.: Parliamentary Debates. Vol. 114 (1919). P. 2942—2943.

²⁴ *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1. С. 210—211; *Самойло А.А., Сбойчаков М.И.* Поучительный урок (Боевые действия Красной армии против интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918—1920 гг.). М., 1962. С. 33—37, 48—49.

²⁵ Гражданская война в СССР. Т. 1. С. 335—336.

²⁶ UMBHL. E.L. Arkins. Diary, 1918—1919. P. 75; *Ironside E.* Archangel, 1918—1919. P. 41, 50.

²⁷ *Albertson R.* The Debacle of Archangel // The New Republic. 1919. 19 November. P. 342.

²⁸ Первые случаи неповиновения произошли еще осенью 1918 г. См.: FRUS. 1918. Russia. Vol. 2. P. 559; *A Chronicler (John Cudahy).* Archangel: The American War with Russia. Chicago, 1924. P. 93—94; *Francis D.* Russia from the American Embassy. P. 294; *Noulens J.* Mon ambassade en Russie soviétique. Т. 2. P. 248—249; *Moore J. et al.* The History of the American Expedition Fighting the Bolsheviki. P. 28. Источники подчеркивают, что главной причиной деморализации союзных солдат в России была не красная пропаганда, а сам факт завершения Первой мировой войны. См., в частности: *Ironside E.* Archangel, 1918—1919. P. 58—59.

²⁹ FRUS. 1919. Russia. P. 620—621, 623; *Maynard C.* The Murmansk Venture. P. 190; Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере. Док. 331.

³⁰ *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 2. С. 43—44; *Ironside E.* Archangel, 1918—1919. P. 112—113.

³¹ UMBHL. S. Parrish. Diary, 1918—1919. P. 42—43.

³² *Maynard C.* The Murmansk Venture. P. 191—192; *Ironside E.* Archangel, 1918—1919. P. 114, 205. О низкой боеспособности союзных войск и беспорядках в союзных частях см. также: ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 272. Л. 2 (письмо Миллера Чайковскому, 1 апреля 1919 г.).

³³ The Chargé in Russia (Poole) to the Secretary of State, 31 March 1919 // FRUS. 1919. Russia. P. 623.

³⁴ О планах конференции на Принцевых островах и обсуждении «русского вопроса» на Парижской мирной конференции см.: *Thompson J.* Russia, Bolshevism, and the Versailles Peace. Princeton, 1966; *Mayer A.J.* Politics and Diplomacy of Peacemaking: Containment and Counterrevolution at Versailles, 1918—1919. New York, 1967. Ch. 10, 13, 14. 23; *Ullman R.* Britain and the Russian Civil War. P. 99—117; *Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.). М., 1949.

³⁵ См., например: *Strakhovsky L.* American Opinion about Russia. P. 97—98.

³⁶ FRUS. 1919. Russia. P. 617—618; *Churchill W.* The Aftermath. New York, 1929. P. 248; *Ullman R.* Britain and the Russian Civil War. P. 134, 178; *Foglesong D.* America's Secret War against Bolshevism. P. 225—230; *Brinkley G.* The Volunteer Army and Allied

Intervention in South Russia. P. 133—138, 174—182; *Carley M.* Revolution and Intervention. P. 167—176.

³⁷ Интервенция на Севере в документах. С. 72; Вестник ВПСО. 1919. 4 апр.; FRUS. 1919. Russia. P. 622; *Long J.* Civil War and Intervention in North Russia. P. 308.

³⁸ *Ironsides E.* Archangel. P. 129—130, 202—211. О роли Черчилля в продолжении интервенции на Севере см.: *Ullman R.* Britain and the Russian Civil War. P. 178—190.

³⁹ Об этом см. подробнее главу 2 наст. изд.

⁴⁰ О кадетях см.: *Rosenberg W.* Liberals in the Russian Revolution. P. 13—20. Противоположную точку зрения, утверждающую, что кадеты, несмотря на поддержку внешней политики России в годы мировой войны, сохранили свою непримиримую оппозиционность царскому режиму, см.: *Taiida Ф.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. О противоборствующих течениях внутри социалистических партий по отношению к войне и обороне государства см.: *Radkey O.* The Agrarian Foes of Bolshevism. Ch. 4; *Melancon M.* The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti-War Movement, 1914—1917. Columbus, 1990; *Galili Z.* The Menshevik Leaders in the Russian Revolution.

⁴¹ Питер Холквист отмечает, что многие общественные организации, возникшие в годы войны, по сути, стали продолжением государственного аппарата, и обозначает это явление как возникновение «парагосударственного комплекса», см.: *Holquist P.* Making War, Forging Revolution.

⁴² Наиболее ярко мобилизация архангельской общественности на поддержку военных усилий страны проявилась в деятельности Архангельской городской думы. См.: ГААО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1422, 1469, 1482, 1519, 1541 (журналы заседаний Архангельской думы за 1914—1916 гг., переписка со Всероссийским союзом городов и дело об устройстве лазарета).

⁴³ В частности, об эволюции взглядов меньшевиков см.: *Galili Z., Nenarokov A.P.* The Mensheviks in 1917: From Democrats to Statists // Critical Companion to the Russian Revolution. P. 267—280. О кадетях см.: *Rosenberg W.* Liberals in the Russian Revolution. Part II.

⁴⁴ См., например: Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. С. 6—7; Вестник ВУСО. 1918. 25 авг.; Вестник ВПСО. 1918. 10 окт. Обращение союзного командования и дипломатических представителей см.: Англичане на Севере. С. 40; ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 8. Л. 4, 5—11, 17.

⁴⁵ Воззвание Н.В. Чайковского // Вестник ВПСО. 1918. 13 нояб. Хронику торжеств см.: Вестник ВПСО. 1918. 17, 19, 20, 21, 23, 24, 26, 27 и 30 нояб. Речи и воззвания архангельских общественных деятелей и организаций см.: Вестник ВПСО. 1918. 17, 19, 24 нояб., 1 дек.

⁴⁶ Приглашение на конференцию на Принцезы острова см.: Документы внешней политики СССР / Ред. А.А. Громько. М., 1958. Т. 2. С. 45—46; FRUS. The Paris Peace Conference, 1919. Vol. 3. P. 581—583. Реакцию ВПСО и северной общественности см.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 91—91 об., 94 (журналы заседаний ВПСО, 24 и 25 января 1919 г.); Ф. 5867. Оп. 1. Д. 16. Л. 98—102 (обращение ВПСО к союзным послам, 27 января 1919 г.); FRUS. 1919. Russia. P. 35—37; Вестник ВПСО. 1919. 28, 29 и 31 янв., 1, 7, 8, 9 и 12 февр.; Северное утро. 1919. 29 янв., 6 февр.

⁴⁷ О парижском Русском политическом совещании см. в главе 3 наст. изд.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 44. Л. 39—39 об. (телеграмма Маклакова Зубову, 15 марта 1919 г.); Вестник ВПСО. 1919. 6 апр.; FRUS. 1919. Russia. P. 342—344; British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series I. Vol. 9. Doc. 179, 182. P. 273, 295.

⁴⁹ См. переписку генерал-губернатора Миллера и союзных послов и доклады заведующего Бюро печати Северной области С.Н. Мацкевича: ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 34. Л. 20, 32, 153; Д. 18. Л. 1—2 об., 4—5; Ф. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 76 об. О фотографировании жертв красного террора см.: *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 2. С. 54.

⁵⁰ ВУСО еще 5 августа 1918 г. приняло решение добиваться официального признания со стороны союзников. Однако в ответ на его обращения союзные представители на Севере указали, что до упрочения положения Верховного управления они «лишены возможности... заявить об официальном его признании». См.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 6; Д. 37. Л. 40—41 об. (журналы заседаний ВУСО, 5 и 10 августа 1918 г.); *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение. С. 73.

⁵¹ См. приказы Пуля, начало августа 1918 г.: ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 3, 12; Англичане на Севере. С. 41—42. Подробнее о конфликте Верховного управления с Пулем см. в главе 3 наст. изд.

⁵² ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1. Л. 15, 31—31 об. (журналы заседаний ВУСО, 6 и 9 августа 1918 г.); Интервенция на Севере в документах. С. 18—19.

⁵³ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 29. Л. 118 об. (дополнение к меморандуму ВУСО союзным послам, 31 августа 1918 г.).

⁵⁴ *Ironside E.* Archangel. P. 38.

⁵⁵ *В.Б.* Новая власть. Переворот 5—6 сентября. Конец 1918 года // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1919. № 1/2. С. 28.

⁵⁶ См.: ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 11. Л. 19 об.—20. (письмо Чайковского послу в США Б.А. Бахметьеву, 22 октября 1918 г.); Д. 1. Л. 60 (журнал заседания ВПСО, 28 октября 1918 г.).

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 11. Л. 91—93 об. (набросок письма Чайковского Макалову, 6 декабря 1918 г.).

⁵⁸ О цензуре и арестах, проводимых контрразведкой, см.: *British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 24. P. 144*; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 114; Д. 8. Л. 395 об.—396; Д. 60. Л. 30—30 об.; Д. 37. Л. 59; Ф. 18. Оп. 1. Д. 16. Л. 36, 55—55 об. (постановления ВУСО и переписка с союзными властями); Англичане на Севере. С. 42—43. Протесты профсоюзов против арестов см.: ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 17. Л. 26; Ф. 4065. Оп. 1. Д. 2. Л. 75—75 об.; Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 58. О союзном лагере на о. Мудьюг, через который за время его существования с августа 1918 г. по май 1919 г. прошло около 1000 заключенных, см.: *Рассказов П.П.* Записки заключенного. Архангельск, 1928. С. 12, 45—47; *Потылицын А.И.* Белый террор на Севере. 1918—1920 гг. Архангельск, 1931. С. 45—46, 53. О других лагерях см.: *Колосов В.* По тюрьмам белоинтервентов // Интервенция на Советском Севере. 1918—1920. Архангельск, 1939. С. 87—93.

⁵⁹ Записка Архангельского торгово-промышленного союза генералу Миллеру о торговле в 1918 г. // Северный фронт. Борьба Советского народа против иностранной военной интервенции и белогвардейщины на Советском Севере (1918—1920). М., 1961. Док. 57.

⁶⁰ Русский Север. 1919. 5 марта.

⁶¹ Борьба... на Мурмане. Док. 215; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 4; Д. 72. Л. 5—6; Ф. 17. Оп. 1. Д. 11. Л. 88—89, 91—93 об.; 188, 190, 193—194 (постановления ВПСО и переписка с союзными властями о судах флотилии). См. также: *Залесский Н.А.* Флотилия Северного Ледовитого океана в гражданскую войну // Исторические

записки. 1962. Т. 71. С. 252—257. К октябрю 1918 г. в пользовании союзников из состава флотилии Северного Ледовитого океана находились 1 крейсер, 2 ледокола, 2 посыльных судна, 3 миноносца и 13 тральщиков.

⁶² См.: ГАРФ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1. Л. 142 (телеграмма помощника генерал-губернатора по управлению Мурманским краем В.В. Ермолова В.В. Марушевскому, 14 декабря 1918 г.).

⁶³ Северный фронт. Док. 25; *Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique*. Т. 2. P. 285—286; Report on the Work of the British Mission to North Russia from June 1918 — to 31st March, 1919. (By F.O. Lindley) // *British Documents on Foreign Affairs*. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 24. P. 153. О других предложениях, поступивших Ермолову, см.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 18. Л. 28—28 об. (письмо Ермолова Миллеру, 28 января 1919 г.).

⁶⁴ См. переписку ВПСО о предложении Шекльтона: Интервенция на Севере в документах. С. 53—58; Борьба... на Мурмане. Док. 184; ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 33. Л. 25—29, 30, 33.

⁶⁵ *Ironsides E. Archangel*. P. 87; *Fraser E. The House by the Dvina: A Russian-Scottish Childhood*. New York, 1984. P. 222 (пер. см.: *Фрезер Е.* Дом над Двиной. Детство в Архангельске. Архангельск, 1998).

⁶⁶ См. например: *British Documents on Foreign Affairs*. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 24. P. 153.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 10. Л. 23 об.—24 (постановление ВПСО, 19 марта 1919 г.); Ф. 17. Оп. 1. Д. 34. Л. 109—109 об. (письмо Миллера поверенному в делах Франции М. Гиару, 23 апреля 1919 г.).

⁶⁸ Данные о союзных расходах на Северную область и экспорте северных товаров см.: *Ullmann R. Britain and the Russian Civil War*. P. 366—367; Из доклада управляющего Отделом финансов, торговли и промышленности Н.И. Каменецкого ВПСО, 9 февраля 1920 г. // Северный фронт. Док. 59; *Мицц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. С. 136—140.

⁶⁹ *Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере. С. 24; Интервенция на Севере в документах. С. 26.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 65 (письмо генерала Н.И. Звегинцева Миллеру, 6 сентября 1926 г.); *Maynard C. The Murmansk Venture*. P. 38—39; *Francis D. Russia from the American Embassy*. P. 272. О предшествовавшей службе Пуля см.: *Ironsides E. Archangel, 1918—1919*. P. 25.

⁷¹ См., например: ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 11. Л. 98 (телеграмма Чайковского в Омск, 23 декабря 1918 г.).

⁷² *Соколов Б.Ф.* Падение Северной Области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 16—17; РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 4. Л. 260 (телеграмма полковника Нагорнова Марушевскому, 12 июня 1919 г.).

⁷³ *Гейфтер А.* Воспоминания курьера // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 132.

⁷⁴ *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 23.

⁷⁵ *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 2. С. 49; Т. 3. С. 51—52.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 21 об. (письмо Жилинского Городецкому, 11 февраля 1925 г.).

⁷⁷ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 4. Л. 270 (телеграмма Жилинского командиру 8-го полка Нагорнову с текстом резолюции Миллера, 18 июня 1919 г.).

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 25. Л. 11—12 (письмо Марушевского союзному начальнику тыловых служб Г. Нидхему, 25 февраля 1919 г.).

⁷⁹ *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 2. С. 37; Т. 1. С. 28—29.

⁸⁰ *Гейфтер А.* Воспоминания курьера. С. 132.

⁸¹ *Baron N.* The King of Karelia. P. 193—194, 208, 244 etc.

⁸² *Ironside E.* Archangel. P. 160—165.

⁸³ *Soutar A.* With Ironside in North Russia. London, 1940. P. X.

⁸⁴ См.: FRUS, 1919. Russia. P. 641—642.

⁸⁵ *Ironside E.* Archangel. P. 175.

⁸⁶ После вывода союзных войск на мурманском и архангельском направлениях оставалось в общей сложности около 25 тыс. штыков. См.: *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 3. С. 49—50. С целью предотвратить союзную эвакуацию в августе—сентябре 1919 г. в Европу были посланы десятки обращений от органов самоуправления Северной области, общественных и профессиональных организаций, религиозных обществ и сельских общин. За границу с той же целью отправились несколько делегаций, в том числе от открывшегося 12 августа 1919 г. Земско-городского совещания. См.: ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 1. Л. 82—83; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 32. Л. 96, 97; Ф. 17. Оп. 1. Д. 61. Л. 114—115; Северное утро. 1919. 17, 18 авг.; Возрождение Севера. 1919. 10, 19 авг.; Отечество. 1919. 11 сент.; Union of Russian Zemstvos and Towns (London Committee). North-Russian Zemstvos and Municipalities. Statements by the Congress of Zemstvos and Municipalities of North Russia and by the North-Russian Municipal and Zemstvos Delegation to the Peoples of the Allied Countries. London, 1919.

⁸⁷ *Albertson R.* The debacle of Archangel // The New Republic. 1919. 19 November. P. 346.

⁸⁸ *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 68. Союзная эвакуация Архангельска была завершена 26 сентября, Мурманска — 12 октября 1919 г. Вместе с войсками также выехали иностранные консульства и дипломатические миссии. Интервенция обошлась Великобритании (самому активному участнику интервенции на Севере) в 18 млн. фунтов стерлингов только за период с ноября 1918 г. по октябрь 1919 г., и только британские общие потери, самые многочисленные из всех союзных потерь в Северной области, составили 983 человек, из них 327 — убитыми. См.: The Campaign in North Russia. Memorandum by the Chief of the Imperial Staff H. Wilson. 1st December, 1919 // British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 110. P. 428; *Ullman R.* Britain and the Russian Civil War. P. 199. По сведениям Ульмана, в английском парламенте звучали также утверждения, что в 460 британских солдат погибло на Русском Севере. Потери американцев составили 222 убитых и умерших от ран. См.: *Moore J., Mead H., Jahns L.* The History of the American Expedition Fighting the Bolsheviki. P. 299—303.

⁸⁹ *Ironside E.* Archangel. P. 166.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—3 (письмо Миллера Городецкому, 24 сентября 1924 г.). Подробнее об Обществе северян и его деятельности см.: *Новикова Л.Г.* Как белые стали северянами: эмигрантское Общество северян и память о Гражданской войне на Севере России // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ред. Н.Т. Энеева. М., 2008. Вып. 2. С. 153—176; *Безбережье С.В.* Об одной попытке белогвардейцев написать историю гражданской войны на севере России // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 34—50.

⁹¹ *Миллер Е.К.* Борьба за Россию на Севере. 1918—1920 // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1928. Т. 4. С. 6—7, 9—10.

⁹² См., например: *Семенов Е.* Последняя Пасха на Родине // Вечернее время. 1925. 19 апр.; ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 1. Л. 69 (письмо полковника М. Костевича Городецкому, 20 сентября 1925 г.).

⁹³ ГАРФ. 5867. Оп. 1. Д. 5. Л. 53, 64—65, 69—70 (Городецкий С.Н. Очерк истории Северной области).

⁹⁴ О национализме в идеологии Белого движения см.: *Heretz L.* The Psychology of the White Movement // *The Bolsheviks in Russian Society*. P. 105—122; *Robinson P.* «Always with Honour»: The Code of the White Russian Officers // *Canadian Slavonic Papers*. 1999. № 2. P. 121—141. В определенной мере антисоюзные настроения могли быть продолжением англофобии периода Первой мировой войны. Как показал Б. Колоницкий, англофобия была распространена как среди правых кругов, преувеличивавших английское влияние на русскую политику, так и среди некоторых представителей левых, которые после Февральской революции 1917 г. полагали, что Англия насильственно удерживает Россию в войне. См.: *Колоницкий Б.И.* Политическое функционирование англофобии в годы Первой мировой войны // *Россия и Первая мировая война (Материалы международного коллоквиума)*. СПб., 1999. С. 271—287.

⁹⁵ О национализирующем влиянии Первой мировой войны см.: *Санборн Дж.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // *Россия и Первая мировая война*. С. 202—215 (расширенный вариант этой статьи см.: *Sanborn J.* The mobilization of 1914 and the question of the Russian nation: A reexamination // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. № 2. P. 267—289); *Sanborn J.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905—1925. DeKalb, 2003; *Retish A.* Russia's Peasants in Revolution and Civil War. Ch. 1.

⁹⁶ См.: *Jahn H.* Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca, 1995; *Хеллман Б.* Первая мировая война в лубочной литературе // *Россия и Первая мировая война*. С. 303—314.

⁹⁷ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 22. Л. 2, 4 (машинписные Известия Бюро печати при ВУСО. 1918, 3 и 5 авг.); Ф. 16. Оп. 1. Д. 65. Л. 3—4; Ф. 3811. Оп. 1. Д. 142. Л. 7—9 об. (телеграммы в адрес ВУСО из деревень); Вестник ВУСО. 1918. 13, 14, 18, 23 авг.; 3, 11 сент.; *Ружников Г.И.* Борьба за Советы в Усть-Вашке // В боях за Советский Север. Воспоминания участников борьбы с интервентами и белогвардейцами на Севере в 1918—1920 гг. Архангельск, 1967. С. 139—142.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 22. Л. 3 (Известия Бюро печати при ВУСО. 1918. 4 авг.).

⁹⁹ ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 148. Л. 55 (протокол заседания Мезенского уездного земского собрания, 30 августа 1918 г.).

¹⁰⁰ Вестник ВПСО. 1918. 2 нояб. См. подобные резолюции: Вестник ВУСО. 1918. 11 сент.; Вестник ВПСО. 1919. 13 марта.

¹⁰¹ В конце сентября 1918 г. хлебный паек в Архангельске составлял 15 фунтов на человека в месяц и 22 фунта для лиц, занятых тяжелым физическим трудом, в сельской местности паек составлял 10—20 фунтов на человека (1 фунт равнялся 409,5 граммам). Увеличение пайка по сравнению с голодным июлем составило в Архангельске на взрослого человека 7,5 фунта в месяц, на работников физического труда — без малого 4 фунта (при пересчете на печеный хлеб). Однако потребление далеко отставало от довоенных норм, когда население губернии потребляло свыше пуда хлеба на человека в месяц. О нормах пайка и поставках продоволь-

ствия см.: Вестник ВУСО. 1918. 24 сент.; ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 14. Л. 115, 119 (меморандум Чайковского союзным послам о продовольственном положении, 26 декабря 1918 г.); British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 24. P. 165—166.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 142. Л. 25—25 об. (протокол собрания Нижнему-дюжского сельского общества, 4 ноября 1918 г.).

¹⁰³ См. протоколы волостных собраний и донесения из уездов: ГАРФ. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 142. Л. 12—13, 18—18 об., 158—158 об.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 37—37 об. (письмо Вонгудо-Андозерской волостной управы в Онежскую уездную земскую управу, 29 октября 1918 г.).

¹⁰⁵ *Maynard C.* The Murmansk Venture. P. 158—160; *Ullman R.* Intervention and the War. P. 254. Например, оплату за пользование железной дорогой и телеграфом с июля 1918 г. союзное командование стало перечислять только в октябре, см.: ГАМО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 4. Л. 13 об. (расписка членов Мурманского крассовета в получении 2 млн. руб. от британского командования, 3 октября 1918 г.). Помощник генерал-губернатора по управлению Мурманским краем Ермолов также отмечал в октябре 1918 г., что задержка зарплаты вызывает растущее недовольство союзниками, см.: Борьба... на Мурмане. Док. 176.

¹⁰⁶ Из донесения разведчика С.А. Марухина в штаб Северо-Двинской флотилии, 3 марта 1919 г. // Военные моряки. Док. 314.

¹⁰⁷ Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 40.

¹⁰⁸ British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 24. P. 167; *A Chroniquer.* Archangel. P. 72; UMBHL. S. Parrish. Diary, 1918—1919. P. 18—19; UMBHL. F.W. Douma. (1918—1919). Diary. P. 5; *Соколов Б.Ф.* Падение Северной Области. С. 11.

¹⁰⁹ *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 34—36; НИА. Е. Miller Collection. Box 4. Folder 2 (письмо Миллера Чайковскому, 1 апреля 1919 г.); Русский Север. 1919. 15 марта. Подобные идеи содержало также обращение Архангельского совета профсоюзов к ВПСО в августе 1919 г., которое упрекало союзников в действиях, «давящих национальную гордость». См.: ГАОО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 1. Л. 67.

¹¹⁰ О судебном процессе см.: *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной Области. С. 22—37; *Овсянкин Е.И.* Архангельск. С. 191.

¹¹¹ См., например: *Тарасов В.В.* Борьба с интервентами на Севере России. С. 242—243, 252—258; *Алахвердов Г.Г.* Разложение в войсках интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918—1919 годах // Вопросы истории. 1960. № 7. С. 121—134; *Мырлин Г.Е.* Англо-американская военная интервенция на Севере и ее разгром. С. 162—163, 176, 183—184 и др.

¹¹² *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 113.

¹¹³ Военные руководители Северной области и союзные дипломатические и военные представители на Севере полагали, что, если бы изначально в Архангельске высадился 20—30-тысячный союзный десант, он мог бы быстро дойти до Москвы и свергнуть большевиков. См., например: *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 1. С. 31; *Миллер Е.К.* Борьба за Россию на Севере. 1918—1920. С. 6, 11; *Maynard C.* The Murmansk Venture. P. 115; *Noulens J.* Mon ambassade en Russie soviétique 1917—1919. T. 2. P. 176; *Robien L. de.* Journal d'un diplomate en Russie. P. 333—334. Некоторые историки также полагают, что более масштабная союзная интервенция

в России могла бы решить исход Гражданской войны в пользу белых, см.: *Brinkley G. The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917—1921*; *Somin I. Stillborn Crusade: The Tragic Failure of Western Intervention in the Russian Civil War, 1918—1920*. New Brunswick, 1996.

Глава 5. Политика правительства Северной области

¹ Хотя большинство историков Белого движения подчеркивают реакционность его политики, некоторые исследователи уже отмечали способность и готовность белых адаптироваться к политическим условиям послереволюционной России. Например, Н. Катцер утверждал, что белые «считались с переменами, произошедшими в 1917 г., и пытались включить в свою программу по крайней мере некоторые реформаторские концепции», см.: *Katzer N. Die Weisse Bewegung in Russland*. S. 10. См. также: *Зимица В.Д.* Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград, 1997.

² О намерении Северного правительства созвать Учредительное собрание и его значении см.: Вестник ВУСО. 1918. 25 авг.; Вестник ВПСО. 1919. 18 янв. и 2 февр.; За Россию. Газета Северной Области. 1919. 14 авг.

³ Ср. с представлениями Ленина о государстве и его ведущей роли в революционном преобразовании общества: *Ленин В.И.* Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // ПСС. Т. 33. М., 1962. С. 1—120. Ср. также с социальной политикой белых правительств на востоке: *Рышков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918—1919 г.). Новосибирск, 2008.

⁴ Этот аргумент см. в кн.: *Holquist P.* Making War, Forging Revolution. P. 56.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений ВПСО. 1918—1919. № 1, 2, 4, 6 и 7. Ст. 122, 198, 259, 299, 329; Вестник ВПСО. 1918. 15 нояб.; British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 24. P. 158—164. О денежном обращении на Севере см.: *Овсянкин Е.И.* Денежные знаки Северной России, 1918—1923 гг. Архангельск, 1995.

⁶ См.: Вестник ВПСО. 1919. 16 апр.; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11. Л. 196—196 об., 282 (постановления ВПСО, 16 и 30 июня 1919 г.); *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 95—96; *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 2. С. 56—57.

⁷ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 14 об.—26 (воспоминания Е.В. Могучего); Борьба... на Мурмане. Док. 242; British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 24. P. 156. О заказах семян и рыболовных снастей за границей см. постановления и переписку ВПСО: Вестник ВПСО. 1919. 23 янв., 17 марта, 23 апр.; ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 11, 35, 70.

⁸ О кооперации см.: Вестник ВПСО. 1919. 11, 18, 21, 23 и 26 янв., 1, 7, 8 и 25 февр., 5 марта, 16 и 30 апр., 20 мая и др.; Северное утро. 1919. 5 янв.; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 29. Л. 308—309 (доклад управляющего Отделом земледелия, 26 ноября 1919 г.).

⁹ Постановления о денационализации судов и промышленности см.: Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 10, 24, 60, 91. О закрытии лесозаводов см. жалобы рабочих в профсоюз и Отдел труда ВУСО, август—сентябрь 1918 г.: ГАРФ. Ф. 4065. Оп. 1. Д. 2. Л. 32—33 об., 35, 59, 61, 77, 104; Борьба за торжество... на Севере. Док. 51.

¹⁰ См.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11. Л. 4—7 (меморандум Комитета внешней торговли, 2 сентября 1918 г.); Д. 99. Л. 16—18 (доклад управляющего Отделом промышленности и торговли, 16 мая 1919 г.); Д. 21. Л. 362—363 (доклад управляющего Отделом финансов, 20 июня 1919 г.); Д. 11. Л. 51 об.—52; Д. 22. Л. 130—130 об. (журналы заседаний ВПСО, 26 мая и 30 июня 1919 г.); Д. 70. Л. 166—166 об., 182—183, 198, 212 (переписка Миллера о норвежской торговле, апрель—июнь 1919 г.). См. также: Вестник ВУСО. 1918. 29 сент.; 1919. 27 апр.

¹¹ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 11. Л. 86—86 об. (письмо Чайковского послу в Англии К.Д. Набокову, 6 декабря 1918 г.).

¹² Резолюции рабочих собраний см.: Вестник ВУСО. 1918. 14 авг.; ГАРФ. Ф. 4065. Оп. 1. Д. 2. Л. 23—23 об., 25—25 об.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 20, 72; Вестник ВПСО. 1918. 27 нояб.; ГАРФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 11—12 (воззвание управляющего Отделом труда М. Лихача к рабочим Архангельска и губернии, 7 августа 1918 г.).

¹⁴ Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 9; ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 13. Л. 31—31 об., 35—36; Ф. 4065. Оп. 1. Д. 1. Л. 71 (Положение о рабочих комитетах и постановление управляющего Отделом труда, 18 сентября 1918 г.). Рабочее законодательство ВУСО было созвучно постановлениям других антибольшевистских социалистических правительств 1918 г., которые подтвердили революционное рабочее законодательство, но требовали от рабочих также ограничить свои «классовые» запросы интересами восстановления промышленности и воссоздания государства. См.: *Katzer N. Die Weisse Bewegung in Russland. S. 477—483.*

¹⁵ ГАРФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 11—12 (воззвание Лихача к рабочим, 7 августа 1918 г.). См. также: Тезисы доклада М.А. Лихача «О задачах рабочей политики» на VIII съезде партии эсеров, май 1918 г. // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы / Сост. Н.Д. Ерофеев. Т. 3. Ч. 2: Октябрь 1917 г. — 1925 г. М., 2000. Док. 52. С. 385—388; *Мартынов М. О социальном страховании в России // Возрождение Севера. 1918. 19 сент.*

¹⁶ Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 172, 180.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6. Л. 110—110 об. (ведомость профсоюза металлистов о стоимости продовольствия и предметов потребления, октябрь 1918 г.); Собрание узаконений и распоряжений ВПСО. 1919. № 5. Ст. 267. Железнодорожникам помимо основной заработной платы, полагались климатические надбавки и поверстные премии.

¹⁸ *Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 93.* О положении архангельских рабочих и чиновников в годы мировой войны см.: *Трошина Т.И. Архангельск в годы Первой мировой войны. С. 192.*

¹⁹ Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 172, 180.

²⁰ О задержках выплат рабочим см.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 213; Д. 4. Л. 51 об.; Д. 9. Л. 112 (журналы заседаний ВПСО, 13 ноября, 30 декабря 1918 г. и 29 января 1919 г.).

²¹ ГАО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 1. Л. 69 об. (письмо Архангельского совета профсоюзов Земско-городскому совещанию, август 1918 г.).

²² Об этом см.: ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 62. Л. 59—59 об. (письмо финансового агента ВПСО в Лондоне А.С. Остроградского послу Набокову, 9 июля 1919 г.).

²³ Об отказе железнодорожных рабочих от сверхурочных работ см.: ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 16. Л. 70—71 (письма прокурора И.А. Дуброво генерал-губернатору, 23 января 1919 г.). См. также: *Овсянкин Е.И.* Архангельск. С. 165.

²⁴ ГАРФ Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 95, 133 (журнал совещания по обсуждению мер, связанных с управлением Мурманским районом, 20 октября 1918 г.); Ф. 29. Оп. 1. Д. 1. Л. 115—115 об. (телеграмма председателя собрания телеграфных служащих г. Александровска правительственному комиссару Мурманского края Ермолову, 27 ноября 1918 г.); *Борьба... на Мурмане.* Док. 250, 251, 252; *Maynard C.* The Murmansk Venture. P. 73—79, 121, 123, 154, 160; *Robien L. de.* Journal d'un diplomate en Russie. P. 337.

²⁵ Собрание узаконений и распоряжений ВПСО. 1919. № 13. Ст. 416; *Пионтковский С.* Гражданская война в России. С. 586—587.

²⁶ См.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 14. Л. 64—65; Д. 30. Л. 247 (постановления ВПСО, 9 октября и 25 декабря 1919 г.); Ф. 5867. Оп. 1. Д. 50. Л. 33 (телеграмма Миллера Ермолову, 28 декабря 1919 г.).

²⁷ ГАОО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 1. Л. 69—70 (письмо Архангельского совета профсоюзов Земско-городскому совещанию, август 1918 г.); *Овсянкин Е.И.* Архангельск. С. 162.

²⁸ ГАРФ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2. Л. 132—133 (приказ Ермолова, 21 марта 1919 г.).

²⁹ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 110 об. (журнал заседания ВУСО, 15 сентября 1918 г.). О требованиях рабочих восстановить Отдел труда см. переписку губернского правительственного комиссара и материалы ВПСО, октябрь 1918-го — февраль 1919 г.: ГАРФ. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 124. Л. 1—1 об.; Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 157—157 об., 305—305 об.

³⁰ Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере. Док. 320; *Борьба... на Мурмане.* Док. 307; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 37.

³¹ О численности рабочих см.: *Отечество.* 1919. 9 мая.

³² О потере профсоюзами самостоятельности в Советской России см., например: *Rosenberg W.G.* The Social Background to Tsektan // Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History / Eds. D. Koenker et al. Bloomington, 1989. P. 349—373. О протестном движении см.: *Чураков Д.* Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917—1918 годы. М., 2004.

³³ См.: *Haimson L.* Civil War and the Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia // Party, State and Society in the Russian Civil War. P. 36; *McAuley M.* Bread without Bourgeoisie // Party, State and Society in the Russian Civil War. P. 158—179; *Koenker D.* Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War // Journal of Modern History. 1985. Vol. 57. № 3. P. 424—450.

³⁴ О колебаниях настроений рабочих в Гражданской войне в связи с изменением положения на фронте см., в частности: *Яров С.В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917—1923 гг. СПб., 1999. С. 16—21.

³⁵ О продовольственных поставках и системе распределения см.: *Вестник ВУСО.* 1918. 24 сент.; ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 14. Л. 115—119 (меморандум ВПСО союзным послам, 26 декабря 1918 г.); Ф. 16. Оп. 1. Д. 76. Л. 56—57 об. (доклад Архангельской губернской земской управы, 13 января 1919 г.); *British Documents on Foreign Affairs.* Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 24. P. 160—169.

³⁶ См., например: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 167, 238, 243; Д. 34. Л. 185—185 об., 265 (постановления ВПСО о продовольственной помощи населению, 10 и 24 февраля 1919 г.; 2 и 16 февраля 1920 г.).

³⁷ См., например, постановления ВПСО о помощи беженцам: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 10. Л. 26, 111, 152 об.; Д. 12. Л. 172—172 об.; Д. 30. Л. 341—343.

³⁸ О государственной политике в отношении призываемых в армию в годы Первой мировой войны см.: *Sanborn J. Drafting the Russian Nation*, в частности главы 1 и 3.

³⁹ Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918—1919. № 1, 6, 7, 9. Ст. 80, 288, 312, 357, 383; ГАРФ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2. Л. 322 (приказ помощника генерал-губернатора Ермолова, 25 августа 1919 г.); Вестник ВПСО. 1919. 21 и 26 февр., 13 мая; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 70.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 56—56 об. (доклад начальника губернии о продовольственных кредитах, 11 сентября 1919 г.); Д. 11. Л. 275—277 об. (расписание расходов Архангельского казначейства, июль—сентябрь 1919 г.).

⁴¹ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 10. Л. 95 (журнал заседания ВПСО, 4 апреля 1919 г.). О взаимосвязи воинской повинности и права на землепользование в поздней имперской и советской политике см.: *Sanborn J. Drafting the Russian Nation*. P. 100—103.

⁴² Сравни, например, с положением офицеров и солдат на белом юге России, см.: *Федюк В. П.* Белые. Антибольшевистское движение на юге России. 1917—1918 гг. Ярославль, 1996. С. 86, 100, 111; *Kenez P. Civil War in South Russia, 1919—1920*. P. 27.

⁴³ См. приказы Миллера от 23 августа и 24 октября 1919 г. в: *Борьба... на Мурмане*. Док. 203, 292.

⁴⁴ Об изменении численности населения и роли эпидемий в Гражданской войне см.: *Население России в XX веке*. Т. 1: 1900—1939. М., 2000. С. 91—107; *Adamets S. Guerre Civile et Famine en Russie: Le pouvoir bolchevique et la population face à la catastrophe démographique 1917—1923*. Paris, 2003.

⁴⁵ См.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 4 об.—7 об., 9, 11 об. (сообщения уездных представителей на губернском земском собрании, 4 февраля 1920 г.). Постановления о мобилизации врачей см.: Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918—1919. № 1, 7. Ст. 40, 310.

⁴⁶ Эпидемические сводки см.: ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 631. Л. 104—105 (доклад медико-санитарного отдела губернской земской управы, май 1918 г.); Вестник ВПСО. 1918. 11, 12, 18, 29 и 29 окт., 8, 13, 17 и 28 нояб., 17 дек.

⁴⁷ См. постановления ВПСО по борьбе с эпидемией тифа и эпидемические сводки: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 126 об., 178, 217, 238; Д. 10. Л. 1 об., 83, 95, 105, 177—178; Северное утро. 1919. 8 марта; Русский Север. 1919. 9 марта.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2. Л. 116—116 об. (приказ Ермолова, 12 марта 1919 г.).

⁴⁹ См., например: ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 28. Л. 15—17 (листок союза кооперативов № 20 «О сыпном тифе»).

⁵⁰ Сводные данные о численности населения см.: *Население России в XX веке*. Т. 1. С. 104—107.

⁵¹ Подробнее о просветительных кампаниях 1917 г. в провинции см.: *Badcock S. Politics and the People in Revolutionary Russia*. Ch. 5.

⁵² ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 17. Л. 335—336 (доклад финансово-экономического совета ВПСО, 12 февраля 1919 г.).

⁵³ См.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 42 об.—43; Ф. 17. Оп. 1. Д. 18. Л. 1—5; Ф. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 76 об. (постановление ВПСО о бюро печати, 14 октября 1918 г., и доклады начальника бюро печати С.Н. Мацкевича о деятельности бюро).

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 18 (инструкция штаба по организации пропаганды, 28 августа 1919 г.); Ф. 19. Оп. 1. Д. 40. Л. 17—18 об. (доклад начальника Бюро печати А. Драшусова, не позднее 5 сентября 1919 г.); *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 2. С. 39; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 79—80.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 40. Л. 17—21 (доклад Драшусова, сентябрь 1919 г.); Д. 42. Л. 1—1 об. (письмо Драшусова начальнику ополчения, 24 октября 1919 г.); Ф. 16. Оп. 1. Д. 35. Л. 327—327 об. (объяснительная записка Драшусова к положению о бюро печати); Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 15—16, 27 (переписка Миллера и командующего железнодорожным фронтом Мурузи, октябрь 1919 г.).

⁵⁶ *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 78—79. О термине «пропагандистское государство» см.: *Kenez P.* The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917—1929. Cambridge, 1985. О масштабах и содержании красной пропаганды на Севере см.: *Парфенов Н.Н.* Газеты и листовки на Северном фронте (1918—1920 гг.) // Журналистика и жизнь. Л., 1967. С. 119—144.

⁵⁷ См.: ГАРФ. Ф. 5235. Оп. 1. Д. 4 (протоколы совещания по народному образованию, 22 августа — 2 сентября 1918 г.). См. также: *Шипчинский В.* О постановке в Архангельске внешкольного образования и воспитания // Голос Отечества. 1918. 31 авг., 5 сент.; *Бриммер А.М.* Об организации внешкольного образования в земстве // Возрождение Севера. 1918. 19 сент.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 45. Л. 315—316, 320—321 (циркуляры и положения Отдела народного образования ВУСО, сентябрь 1918 г.).

⁵⁹ Вестник ВУСО. 1918. 23 сент.; Собрание узаконений и распоряжений ВПСО. 1919. № 5. Ст. 275.

⁶⁰ См.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 10. Л. 78 об., 80 об.; Д. 11. Л. 276 об.; Д. 16. Л. 173 (расписания кредитов казначейства, январь—август 1919 г.); Д. 28. Л. 133—151 (смета расходов по народному образованию на 1919 г. и доклад финансово-экономического совета, 28 октября 1919 г.); Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918—1919. № 1, 3. Ст. 77, 96, 123, 225.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 7 об.—8 об. (протокол губернского земского совещания, 4 февраля 1920 г.).

⁶² Там же. Л. 8 об. (протокол заседания губернского земского совещания, 4 февраля 1920 г.); Д. 35. Л. 112—112 об., 195—195 об. (доклад управляющего Отделом народного образования и журналы заседания правительства, 9 и 17 января 1920 г.).

⁶³ Вестник ВПСО. 1919. 28 марта. О плате за обучение и школьных завтраках см. сметы и переписку Отдела народного образования и ВПСО: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 29. Л. 396 об., 425—426 об.; Д. 58. Л. 38 об., 46 об.; Ф. 5235. Оп. 1. Д. 24. Л. 2—2 об., 41—42.

⁶⁴ Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917—1924 годы. Табл. 6. С. 60—65; *Абакумов А.А.* Начинали с ликбеза... (Из истории народного образования на архангельском Севере. 1917—1937 гг.) Архангельск, 1988. С. 9—15.

⁶⁵ См.: История северного крестьянства. Т. 2. С. 36, 165, 169—174. В годы столыпинской реформы землеустроительные комиссии были созданы только в Шенкурском уезде, где укрепили землю в собственность 0,6% всех хозяйств.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 576—578 (отношение заведующего землемерно-технической частью К.А. Угрюмова управляющему Отделом земледелия ВПСО, 18 декабря 1918 г.).

⁶⁷ См., например: Борьба за установление... на Севере. Док. 44, 170; ГААО. Ф. 2703. Оп. 1. Д. 8. Л. 41 (протокол собрания Печорского уездного земского комитета, 18 июня 1917 г.); Д. 4. Л. 213—213 об. (протокол Крушевского волостного совета крестьянских депутатов Пинежского уезда, 19—20 ноября 1917 г.). См. также: История северного крестьянства. Т. 2. С. 289—290; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. С. 86.

⁶⁸ ГААО. Ф. 2703. Оп. 1. Д. 8. Л. 39, 41 (протокол собрания Печорского уездного земского комитета, 17 и 18 июня 1917 г.).

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 29. Л. 23—23 об.; Д. 39. Л. 181—182 (представление прокурора окружного суда, 24 октября 1918 г., и справка управляющего Отделом юстиции); *Патков М.* Кожеозерский монастырь // Октябрьская революция и гражданская война на Севере. Вып. 2. С. 42—45.

⁷⁰ *Саблин А.В.* Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917—1921. (Социальные и экономические результаты). Вологда, 2002. С. 58—59.

⁷¹ ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 152. Л. 15 (доклад представителя Шенкурского уезда губернскому земскому собранию, 12 сентября 1918 г.). Отсутствие «черного передела», по-видимому, было типичным для северных губерний, о подобных наблюдениях на материале Вятской губернии см.: *Retish A.* Russia's Peasants in Revolution and Civil War. P. 14—15.

⁷² *Мартынов М.* Расчистки в Архангельской губернии. Архангельск, 1919. Средняя площадь расчистки почти втрое превышала средний размер надела, составлявший всего 1,3 дес.

⁷³ Голос Отечества. 1918. 5 сент.

⁷⁴ Борьба за установление... на Севере. Док. 124; *Саблин А.В.* Аграрная революция на Европейском Севере России. С. 109—111.

⁷⁵ Верховное управление проигнорировало майский 1918 г. декрет большевиков о централизации лесопользования. Управление государственных имуществ в Северной области могло осуществлять только самый общий надзор над крестьянским пользованием лесами. См.: Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. №1. Ст. 115. О большевистском законодательстве, ограничившем крестьянское лесопользование, см.: *Bonhomme V.* Forests, Peasants, and Revolutionaries: Forest Conservation and Organization in Soviet Russia, 1917—1929. Boulder, 2005.

⁷⁶ Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. С. 6—7. Ст. 82, 115; Сессия губернскому земскому собранию // Голос Отечества. 1918. 5 сент.; *Саблин А.В.* Аграрная революция на Европейском Севере России. С. 101—102. О проекте Учредительного собрания см.: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. Док. 29, 30; *Radkey O.* The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of the Soviet Rule. New York, 1963. P. 318—321, 406—409.

⁷⁷ ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 152. Л. 15 (доклад представителя Шенкурского уезда губернскому земскому собранию, 12 сентября 1918 г.); ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 49.

Л. 15—17 об. (доклад управляющего Отделом юстиции ВПСО, ноябрь 1918 г.); *Саблин В.А.* Аграрная революция на Европейском Севере России. С. 114. Примеч. 233.

⁷⁸ Собрание узаконений и распоряжений ВПСО. 1919. № 2. Ст. 211. О работе земской комиссии см.: ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 630. Л. 98—98 об., 100 (материалы Губернского земского собрания, май 1919 г.). См. также: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 16. Л. 276—277; Д. 17. Л. 360—361 (протоколы заседаний совещания по вопросам землепользования при Отделе земледелия ВУСО/ВПСО); Д. 74. Л. 17 (отчет о деятельности Отдела земледелия, декабрь 1918 г.).

⁷⁹ Об этом см.: *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 92.

⁸⁰ Собрание узаконений и распоряжений ВПСО. 1919. № 6, 9, 12. Ст. 279, 361, 398.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 36—36 об. (журнал заседания ВПСО, 13 января 1919 г.).

⁸² Утверждение о том, что Северное правительство стремилось создать «столыпинские» хозяйства, см.: *Саблин А.В.* Аграрная революция на Европейском Севере России. С. 118; *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. С. 111.

⁸³ См.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 49. Л. 114—118 об. (проект инструкции о применении постановления о расчистках, принятый 4-й сессией Архангельского губернского земского собрания).

⁸⁴ Решением от 21 июля 1919 г. ВПСО предоставило управляющему Отделом земледелия право в особых случаях увеличивать максимальный размер расчисток, см.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 23. Л. 153 об.

⁸⁵ Собрание узаконений и распоряжений ВПСО. 1919. № 6, 9, 12. Ст. 279, 361, 398.

⁸⁶ Об аренде городских участков см. материалы и постановления ВПСО: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 16. Л. 122—122 об.; Д. 9. Л. 42; Собрание узаконений и распоряжений ВПСО. 1919. № 12. Ст. 407.

⁸⁷ *Игнатьев В.И.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. С. 41—42; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 93. Об аграрной программе эсеров см.: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. Док. 29; *Radkey O.* The Agrarian Foes of Bolshevism. P. 25—32.

⁸⁸ См.: ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 633. Л. 213—216, 218—221 об. (протокол Архангельского уездного земского собрания, 16 и 17 марта 1919 г.); *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 92; *Саблин А.В.* Аграрная революция на Европейском Севере России. С. 130—131.

⁸⁹ Инструкция о церковных землях была принята только 11 июля 1919 г. (см.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 37. Л. 107—108). Инструкция о расчистках из-за разногласий между правительством и губернским земством так и не была принята до конца существования Северной области. См.: *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 93; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 2 об.—3 (протокол губернского земского совещания, февраль 1920 г.).

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 9 (сообщение гласного Рычкова от Холмогорского уезда губернскому земскому совещанию, 4 февраля 1920 г.).

⁹¹ Крестьяне продолжали массово обращаться к земствам и правительству с просьбами разрешить поземельные споры в деревне. См.: *Саблин А.В.* Аграрная революция на Европейском Севере России. С. 130. Схожие выводы об усилении в

деревне государственной власти, выступавшей как посредник в деревенских спорах, сделал А. Ретиш на материале Вятской губернии, см.: *Retish A. Russia's Peasants in Revolution and Civil War*. P. 145—155. Я не согласна с мнением Ретиша, что в годы Гражданской войны именно советская власть наиболее успешно играла посредническую роль в деревне.

⁹² *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 127, 92. О недовольстве законами ВПСО со стороны части крестьянства см.: *Саблин А.В.* Аграрная революция на Европейском Севере России. С. 129—130.

⁹³ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 44. Л. 85; Д. 34. Л. 141(а) (телеграмма Н.В. Чайковского П.Ю. Зубову, 26 апреля 1919 г., и Зубова Чайковскому, 30 апреля 1919 г.). См. также: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 91. Л. 3—18 (протоколы комиссии по распространению законов Временного сибирского и Российского правительств на территорию Европейской России и Северной области, Омск, 14 июня — 14 июля 1919 г.).

⁹⁴ См.: Вестник ВПСО. 1919. 30 апр.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 54. Л. 1 (письмо прокурора И.А. Дуброво в Отдел юстиции, 12 июня 1919 г.); Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 4 об. (протокол заседания губернского земского совещания, 4 февраля 1920 г.); *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной Области. С. 93; *Игнатъев В.И.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. С. 42.

⁹⁶ О положении православной церкви в революционной России см.: *The Russian Provisional Government 1917: Documents / Eds. R.P. Browder, A.F. Kerensky. Stanford, 1961. Vol. II. P. 803—839; Карташев А.В.* Временное правительство и русская православная церковь // *Современные записки* (Париж). 1933. № 52. С. 369—388; *Curtiss J.S.* *The Russian Church and the Soviet State, 1917—1950.* Boston, 1953. Ch. 1, 2.

⁹⁷ См.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 348—351, 264 об.—267 (письма Архангельской духовной консистории ВПСО, 16 и 23 сентября 1918 г.). Консистория была в декабре 1918 г. преобразована в Архангельский епархиальный совет.

⁹⁸ Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 113; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 59, 70 об. (журналы заседаний ВПСО, 24 и 31 августа 1918 г.).

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 38. Л. 34 об. (журнал заседания ВПСО, 29 ноября 1918 г.); Д. 16. Л. 31 (письмо епископа Павла ВПСО, 12 декабря 1918 г.); Собрание узаконений и распоряжений ВПСО. 1919. № 5. Ст. 270. Епископ Павел замещал епископа Архангельского и Холмогорского Нафанаила, который в августе 1918 г. находился в Москве и из-за переворота не смог вернуться в Архангельск.

¹⁰⁰ См. постановления ВПСО и переписку: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 23. Л. 2 об., 208, 248.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 37. Л. 55 об. (журнал заседания ВУСО, 16 августа 1918 г.); *Миц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. С. 91.

¹⁰² О праздничных днях см., например: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 60 об. (положение об условиях труда работников Северных железных дорог, декабрь 1918 г.). Упоминание правительства в молитвах и признание церковных праздников государственными праздничными днями было заимствовано из практики Временного правительства 1917 г., см.: *Curtiss J.S.* *The Russian Church and the Soviet State.* P. 12—14.

¹⁰³ Обращения правительства см.: Северное утро. 1919. 5 февр., 5, 6, 9 и 16 мая. См. также газету: За Россию. 1919—1920. Об антиеврейских настроениях см. карикатуры на Л.Д. Троцкого: За Россию. 1920. 8 и 19 февр.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 189 об.; Д. 30. Л. 55, 88—89 об. (журналы заседаний и материалы ВПСО, 15 декабря 1918 г. и 11 декабря 1919 г.). О православной церкви и политике российской имперской власти на северных окраинах см.: *Дубровская Е.Ю.* Противоборство панфинизма и русского великодержавия в Карелии. С. 55—62; *Витхунговская М.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России. Главы 3, 4, 5.

¹⁰⁵ См. постановления и переписку Отдела юстиции о чиновнике Студентове: ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 39. Л. 170 об., 175.

¹⁰⁶ О протестах против изъятия церковных ценностей см.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 1. Док. 377. С. 600.

¹⁰⁷ Вестник ВПСО. 1919. 28 марта.

¹⁰⁸ О попытках преобразования Российской империи по образцу национально-го государства см., в частности: *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire; *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich: Entstehung — Geschichte — Zerfall. München, 1992. Kapitel 7.

¹⁰⁹ О взаимоотношениях белых правительств с национальными элитами и правительствами национальных окраин см., в частности: *Procyk A.* Russian Nationalism and Ukraine: The Nationality Policy of the Volunteer Army during the Civil War. Edmonton, 1995; *Smele J.* Civil War in Siberia. P. 289—307; *Brüggemann K.* Die Gründung der Republik Estland und das Ende des «Einen und unteilbaren Rußland». См. также о политике белых в отношении евреев: *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917—1920). М., 2005. Главы 4—9.

¹¹⁰ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1: Март—апрель 1917 года. М., 2001. С. 48—49; Из истории национальной политики Временного правительства (Украина, Финляндия, Хива) / Сост. П. Галузо // Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 56—71; *The Russian Provisional Government 1917.* Vol. 1. P. 334—370.

¹¹¹ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 35—35 об. (журнал заседания ВПСО, 13 января 1919 г.). См. также: *Чайковский Н.В.* Наш путь к оздоровлению // Грядущая Россия / La Russie future. Ежемесячный литературно-политический и научный журнал. 1920. № 1. С. 142. Миллер высказывал подобное же мнение в национальном вопросе, см.: *Ironside E.W.* Archangel. P. 108.

¹¹² О революции и Гражданской войне в Финляндии см.: *Холодковский В.М.* Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М., 1967; *Он же.* Финляндия и Советская Россия. 1918—1920. М., 1975; *Upton A.* The Finnish Revolution, 1917—1918. Minneapolis, 1980; *Smith J.* Finland and the Russian Revolution 1917—1922. Athens, 1958. См. также: *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918. S. 93—117.

¹¹³ *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России. С. 86.

¹¹⁴ *Jääskeläinen M.* Die ostkareliche Frage. Die Entstehung eines nationalen Expansionsprogramms und die Versuche zu seiner Verwirklichung in der Aussenpolitik Finnlands in den Jahren 1918—1920. Helsinki, 1965. S. 19—40; *Wilson W.* Folklore and Nationalism in Modern Finland. Bloomington, 1976. P. 26—66, 137—153; *Холодковский В.М.* Финляндия и Советская Россия. С. 10—11. См. также: Калевала: Финская народная эпопея / Перев. и автор предисл. и примеч. Л.П. Бельский. СПб., 1888.

¹¹⁵ Вестник ВПСО. 1919. 17 мая. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Часть 1: Архангельская губерния. Т. 3. С. 2—3. См. также: *Jääskeläinen M.* Die ostkareliche Frage. S. 9.

¹¹⁶ *Макашин Д.* Притязания Финляндии на Карелию // Северный день. 1918. 11 апр.

¹¹⁷ Дубровская Е.Ю. Из истории национально-демократического движения в Карелии в начале XX в. С. 70—81; *Она же*. Общественная жизнь карельского населения Олонецкой и Архангельской губерний в годы российской революции и гражданской войны (1917—1920) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / Ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2005. С. 138—144; Витухновская М. Российская Карелия и карелы в имперской политике России. С. 109—112, 117—125; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии: Сборник документов и материалов / Ред. В.И. Машезерский, Н.Ф. Славин. Петрозаводск, 1957. Док. 270; Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия. С. 10—14, 22.

¹¹⁸ Интервенция на Северо-Западе России 1917—1920 гг. СПб., 1995. С. 174; *Jääskeläinen M.* Die ostkarelische Frage. S. 65—67. О карельском легионе см.: *Maynard C.* The Murmansk Venture. P. 65, 89; *Baron N.* The King of Karelia. P. 63—70, 160—169. Легион к октябрю 1918 г. насчитывал 1560 человек, а к весне 1919 г. — около 4 тыс. солдат.

¹¹⁹ См. речь Чайковского перед представителями общественных организаций, 22 января 1919 г.: Вестник ВПСО. 1919. 24 янв.

¹²⁰ *Maynard C.* The Murmansk Venture. P. 180—182; Дубровская Е.Ю. Из истории подготовки Ухтинского съезда представителей карельских волостей // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1995. С. 65—67; Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия. С. 67—68.

¹²¹ Вестник ВПСО. 1919. 17 мая.

¹²² Северное утро. 1919. 6 мая.

¹²³ Резолюцию Кемского уездного земского собрания, 13 апреля 1919 г. см.: Вестник ВПСО. 1919. 17 мая. Речь Ермолова на собрании см.: Северное утро. 1919. 21 мая. Отчет о земских выборах в Карелии см.: Вестник ВПСО. 1919. 9 апр.

¹²⁴ *Maynard C.* The Murmansk Venture. P. 181—182, 252—260; *Baron N.* The King of Karelia. P. 89—91, 249—251, 274—276.

¹²⁵ О Белом движении на Северо-Западе России см.: *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России; *Brüggemann K.* Die Gründung der Republik Estland und das Ende des «Einen und unteilbaren Rußland». О переговорах с Юденичем см.: *Mannerheim G.* Erinnerungen. Zürich, 1952. S. 254—256 (сокращенный перевод: *Маннергейм К.Г.* Мемуары. М., 1999).

¹²⁶ Об этом см. в материале: Chargé in Russia Poole to the Secretary of State, 29 May 1919 // FRUS, 1919. Russia. P. 370—371. См. также: ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 34. Л. 250—252 (письмо Миллера французскому консулу М. Гиару, 1 июня 1919 г.).

¹²⁷ Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия. С. 69; Интервенция на Северо-Западе России. С. 230—234; *Jääskeläinen M.* Die ostkarelische Frage. S. 168—192.

¹²⁸ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11. Л. 83 (журнал заседания ВПСО, 2 июня 1919 г.); *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 3. С. 16—17, 27—36.

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 44. Л. 171—171об. См. также: *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 3. С. 30—31, 40.

¹³⁰ Об этом см. телеграмму Миллера в Омск, 28 июля 1919 г.: Интервенция и северная контрреволюция. С. 98—99.

¹³¹ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 38. Л. 56—57 об. (журнал заседания ВПСО, 23 июля 1919 г.).

¹³² ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 47. Л. 19—20 (телеграмма Колчака Миллеру и Юденичу, 19 августа 1919 г.). Об отношении Колчака к независимости Финляндии см.: *Smele J. Civil War in Siberia*. P. 301—306.

¹³³ *Холодковский В.М.* Финляндия и Советская Россия. С. 82, 119—120; Интервенция на Северо-Западе России. С. 233—236.

¹³⁴ См. переписку Миллера и Юденича с Омском, сентябрь—ноябрь 1919 г.: Белофинны на службе англо-французских интервентов в 1919 г. / Сост. Г. Костомаров // Красный архив. 1940. Т. 1(98). С. 66, 67. См. также: *Холодковский В.М.* Финляндия и Советская Россия. С. 137—138, 144—145.

¹³⁵ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 44. Л. 273—273 об. (телеграмма Миллера Чайковскому, 14 ноября 1919 г.); Ф. 5867. Оп. 1. Д. 26. Л. 3—4 (рапорт генерала Н.А. Клюева Миллеру о поездке в Карелию, 3 июня 1920 г.); *Дубровская Е.Ю.* Из истории подготовки Ухтинского съезда представителей карельских волостей. С. 67.

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 82. Л. 10—10 об. (телеграмма Миллера Сазонову, 14 января 1920 г.); *Холодковский В.М.* Финляндия и Советская Россия. С. 175.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 26. Л. 1—20 об. (рапорт Клюева Миллеру, 3 июня 1920 г.); Ф. 17. Оп. 1. Д. 69. Л. 4—4 об. (обращение ВПСО к представителям карельских волостей в Ухте, 17 января 1920 г.). См. также: *Безбережьев С.* Миссия генерала Клюева // Север. 1993. № 7. С. 122—131. После падения Северной области Ухта была занята красными войсками, ухтинское правительство бежало в Финляндию, а в Карелии была создана Карельская трудовая коммуна. Финляндия, по мирному договору с Москвой, в октябре 1920 г. отказалась от претензий на Карелию, получив взамен порт Печенгу. См.: Из истории борьбы карельского народа за власть Советов / Сост. П. Эпштейн // Красный архив. М., 1940. Т. 5 (102). С. 45—48; *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 38—40, 62. О дальнейшей судьбе карельской автономии см.: *Varon N. Soviet Karelia: Politics, Planning and Terror in Stalin's Russia, 1920—1939*. New York, 2007.

Глава 6. Белое движение и народная война

¹ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 22. Л. 2 (Известия бюро печати при ВУСО. 1918. 3 авг.).

² Там же. Л. 3 (Известия бюро печати при ВУСО. 1918. 4 авг.).

³ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 22. Л. 4 (Известия бюро печати при ВУСО. 1918. 5 авг.). Сообщения из уездов см. также: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 65 Л. 3—4; Ф. 3811. Оп. 1. Д. 142. Л. 7—9 об. По подсчетам И.А. Соловьевой, 90 из 119 волостей Архангельской губернии приветствовали переворот и учреждение ВУСО: *Соловьева И.А.* Внутренняя политика Верховного управления Северной области (1918 г.). Дисс. канд. ист. наук. М., 1994. С. 101—102.

⁴ ГАРФ. Ф. 3695. Оп. 1. Д. 72. Л. 34 (письмо Онежского уездного комитета ВУСО, 10 августа 1918 г.); ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 148. Л. 1—10 (протоколы заседаний шестого онежского уездного крестьянского съезда, 10—14 августа 1918 г.).

⁵ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 64. Л. 25 (оперативная сводка штаба Чаплина, 15 августа 1918 г.); ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 152. Л. 12 об.—13 (доклад делегата Печорского уезда Н.С. Смирнова на губернском земском собрании, 12 сентября 1918 г.).

⁶ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 64. Л. 25 (оперативная сводка штаба Чаплина, 15 августа 1918 г.).

⁷ ГАМО. Ф. П-102. Оп. 1. Д. 16. Л. 30 (воспоминания Компилова, 15 ноября 1939 г.).

⁸ ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 152. Л. 17—17 об. (протокол заседания губернского земского собрания, 12 сентября 1918 г.). См. также: ГАРФ. Ф. 3695. Оп. 1. Д. 3. Л. 59—59 об. (письмо Н.А. Старцева Зубову, 4 сентября 1918 г.).

⁹ О восстановлении земств см.: Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. С. 6—7, 9. О советах как о классовых организациях см. материал редактора правительственного «Вестника» Е.Ф. Дацкевича: Вестник ВПСО. 1919. 3 янв.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 2. Л. 23, 29, 42 (протоколы заседаний губернского правительственного комитета, 15 и 22 августа, 3 сентября 1918 г.).

¹¹ ГАРФ. Ф. 3695. Оп. 1. Д. 3. Л. 42—43, 45 (телеграфная переписка Лоушкина и Зубова, 29—30 августа 1918 г.). О широком переименовании советов в земские управы см. также: ГАРФ. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 142. Л. 102—103 (донесение комиссара Шенкурского уезда А.Е. Исупова, 5 октября 1918 г.).

¹² ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 148. Л. 3, 5—5 об., 10—10 об. (протокол заседания шестого онежского крестьянского съезда, 10—14 августа 1918 г.). Об этом же см.: Д. 152. Л. 12 об.—13 (доклад делегата Печорского уезда Н.С. Смирнова на губернском земском собрании, 12 сентября 1918 г.).

¹³ Как показывают исследования других регионов страны, в годы революции органы деревенской власти могли быть довольно устойчивы к смене режимов, и нередко имели место простые переименования сельских комитетов и волостных земств в советные и обратно. См.: *Figes O. Peasant Russia, Civil War*. P. 64—66; *Пылькин В.А.* Крестьянство Центра России в Гражданской войне. Общественно-политические настроения, социальные процессы, протест. Рязань, 2005. С. 66.

¹⁴ Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 28, 114.

¹⁵ Сводки и отчеты о выборах см.: Вестник ВПСО. 1919. 11, 14, 22 и 25 янв., 1 и 20 февр., 5 и 17 марта, 4, 5, 9, 29 апр., 6 и 17 мая. По данным из Архангельского уезда, крестьяне демонстрировали значительный интерес к выборам: они участвовали предвыборные собрания и активно обсуждали устройство земств на волостных и сельских сходах. См.: ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 633. Л. 26—26 об. (доклад о деятельности Архангельской уездной земской управы с 8 августа 1918 по 1 января 1919 г.). Явка избирателей на выборы в Северной области была выше, чем на первых земских выборах в августе—ноябре 1917 г., когда, например, в Архангельском уезде в выборах участвовало в среднем 50% избирателей. См.: *Воронин А.В., Федоров П.В.* Власть и самоуправление. С. 73. Также она превышала явку населения на выборы во многие волостные советы губернии в первой половине — середине 1920-х гг., когда явка колебалась в пределах 20—35%, см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 413. Л. 6 (телеграмма зам. секретаря Архгубкома Тубанова в ЦК РКП(б), 22 марта 1925 г.); Л. 29 (доклад инструктора ЦК Рогозинского по обследованию парторганизации Архангельской губернии, 19 мая 1925 г.).

¹⁶ Вестник ВПСО. 1919. 18 янв. Об отказе от выборов см., например: ГАРФ. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 142. Л. 158—158 об. (доклад комиссара Онежского уезда, 7 декабря 1918 г.); Северное утро. 1919. 4 и 9 апр.; Вестник ВПСО. 1919. 25 янв., 17 марта, 3 мая. Ср. с данными об избрании в земства ненужных деревне людей и противоречивом отношении крестьян к земству до 1917 г.: *Burbank J.* An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // *Kritika*. 2006. Vol. 7. № 3. P. 426; *Atkinson D.* The zemstvo and the peasantry // *The Zemstvo in Russia*. P. 111—119.

¹⁷ См., например: Вестник ВПСО. 1919. 6 мая; ГАО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 152. Л. 17 (протокол заседания Архангельского губернского земского собрания, 12 сентября 1918 г.); ГАМО. Ф. П-102. Оп. 1. Д. 16. Л. 30 (воспоминания Компилова, 15 ноября 1939 г.); Крестьянская практика открытого голосования широко наблюдалась на земских выборах в провинции и в 1917 г., несмотря на все попытки политической элиты с ней бороться. См., например: *Badcock S. Politics and the People in Revolutionary Russia*. P. 118.

¹⁸ См.: Вестник ВПСО. 1919. 24 янв., 5, 9 и 29 апр., 6 и 17 мая; ОДСПИ ГАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 54 (доклад делегата Холмогорского уезда Григорьева на первой Архангельской губернской конференции РКП(б), 13—14 июля 1919 г.). Эти данные соответствуют наблюдениям Т.В. Осиповой о преобладании беспартийных членов в волостных советах Севера и Северо-Запада России, см.: *Osinova T.V. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне*. М., 2001. С. 69.

¹⁹ Северное утро. 1919. 4 апр. По такому же принципу крестьяне выдвигали своих представителей в выборные органы и в других губерниях страны в период революции см.: *Retish A. Russia's Peasants in Revolution and Civil War*. P. 117; *Badcock S. Politics and the People in Revolutionary Russia*. Ch. 4.

²⁰ Вестник ВПСО. 1919. 5 апр.

²¹ ГАО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 152. Л. 12—13, 15 об., 17 (протокол заседания губернского земского собрания, 12 сентября 1918 г.); Д. 633. Л. 152 (доклад Пинежской земской управы уездному собранию, начало 1919 г.). См. также: *Moore J. et al. The History of the American Expedition Fighting the Bolsheviki*. P. 86.

²² О фронтовиках в советах см., например: ГАО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 152. Л. 12 (доклад делегата Холмогорского уезда Виноградова губернскому земскому собранию, 12 сентября 1918 г.).

²³ См., например: *Корнатовский Н.А. Северная контрреволюция*. С. 62—63.

²⁴ См., например: История гражданской войны в СССР. 1917—1922. М., 1957—1959. Т. 3. С. 200, Т. 4. С. 336; *Тарасов В.В. Борьба с интервентами на Севере России*. С. 123. Первоисточником этих данных служит пропагандистская статья в газете «Наша война» от 18 марта 1920 г., см.: Интервенция на Мурмане. В помощь агитаторам и пропагандистам. Мурманск, 1940. С. 107.

²⁵ *Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 — 1920 гг.)* М., 1982. С. 168. Подобные утверждения встречаются и в современных исторических трудах. См., например: *Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг.* М., 2004. С. 154.

²⁶ Мнение, что число жертв белого террора в советских трудах сильно завышено, было высказано уже давно, см.: *Зашихин А.Н. Интервенция на Севере Советской России: проблемы изучения // Сквозь бури гражданской войны. «Круглый стол» историков / Ред. В.И. Голдин. Архангельск, 1990. С. 95.*

²⁷ О красном терроре см.: *Мельгунов С.П. «Красный террор» в России, 1918—1923*. Берлин, 1924; *Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг.* М., 2004. Гл. 2 и 4; *Chamberlin W. The Russian Revolution, 1918—1921*. Princeton, 1987. Vol. 2. P. 66—83; *Leggett G. The Cheka: Lenin's Political Police: The All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage (December 1917 to February 1922)*. Oxford, 1981.

²⁸ См., например: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 60. Л. 30—30 об. (письмо генерала Пуля Чайковскому о возвращении в тюрьму 16 рабочих-печатников, выпущенных «без достаточных оснований», 26 августа 1918 г.).

²⁹ Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 11, 33, 64.

³⁰ Там же. Ст. 135. Одновременно в Мурманском крае были ликвидированы низовые советы, см.: ГАМО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 1. Л. 64 (приказ Мурманского краевого совета № 35, 15 октября 1918 г.); ГАРФ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 8. Л. 79—81 (краткая справка о деятельности Александровской ликвидационной комиссии).

³¹ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 30 (материалы Мурманской следственной комиссии); Ф. 17. Оп. 1. Д. 11. Л. 150—159 (следственная переписка о Г.М. Веселаго); Ф. 5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 35—39 (справка прокурора И. Дуброво о деле Звегинцева, 16 января 1926 г.). См. также: Борьба... на Мурмане. Док. 258—260.

³² ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 16. Л. 186—187 (справка товарища прокурора Сухокурова о деле Онежского совета); ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 794. Л. 11—11 об. (доклад начальника Пинежского уезда, 14 октября 1919 г.).

³³ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 76. Л. 20 (протокол собрания граждан Польской волости, 14 января 1919 г.).

³⁴ ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 794. Л. 11—11 об. (доклад начальника Пинежского уезда, 14 октября 1919 г.).

³⁵ ГАРФ. Ф. 3695. Оп. 1. Д. 72. Л. 16 (протокол общего собрания граждан Солонбальской волости, 4 августа 1918 г.).

³⁶ Об этом см. дискуссии в кабинете: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 177—177 об.; Д. 16. Л. 90—92; Д. 17. Л. 2 об.—4 (журналы заседаний ВПСО, 14 декабря 1918 г., 11 и 22 января 1919 г.).

³⁷ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 42. Л. 52—53 об. (доклад военного прокурора Добровольского, 14 августа 1919 г.). О дореволюционном стаже северных судебных чиновников см. личные дела служащих судебного ведомства: ГАРФ. Ф. 18. Оп. 2. О числе арестованных следственными комиссиями см.: ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 21 (ведомости о движении дел по следственным комиссиям, август 1918 г. — ноябрь 1919 г.).

³⁸ Кассационной инстанцией для решений Архангельского окружного суда в мае 1919 г. ВПСО признало Кассационный департамент Сената в Омске. Однако судебные дела в Омск не отсылались в ожидании установления регулярной связи. См.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 10. Л. 217 об. (журнал заседания ВПСО, 12 мая 1919 г.).

³⁹ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 16. Л. 185 (письмо прокурора Дуброво в Отдел юстиции, 12 августа 1919 г.). О предшествующем освобождении членов Онежского совета см. постановление Чайковского от 21 января 1919 г.: Собрание узаконений и распоряжений ВПСО. 1919. № 6. Ст. 292.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 42. Л. 4—4 об. (письмо начальника бюро печати А.Е. Драшусова начальнику Онежского уезда, 18 ноября 1919 г.).

⁴¹ *Потылицын А.И.* Белый террор на Севере в 1918—1920 гг. Архангельск, 1931. С. 21—22. Подсчеты Потылицына соответствуют данным Отдела юстиции ВПСО, согласно которым в губернской тюрьме в среднем одновременно содержалось от 300 до 600 человек. См.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 221—221 об. (доклад управляющего Отделом юстиции Городецкого, 11 декабря 1918 г.). См. также: Ф. 18. Оп. 1. Д. 35. Л. 5—6 об. (смета расходов по тюремной части, январь—июнь 1919 г.).

⁴² Сообщения об арестах за административные нарушения публиковались в северных газетах «Вестник ВПСО», «Северное утро» и других. О многократных переводах из тюрьмы в тюрьму см., например: *Ружников Г.И.* Борьба за Советы в Усть-Вашке // В боях за Советский Север. С. 142—149; *Колосов В.* По тюрьмам белointервентов // Интервенция на Советском Севере. С. 98—104.

⁴³ *Потылицын А.И.* Белый террор на Севере. С. 27—30.

⁴⁴ Постановления об особых военных судах и военно-окружном суде см.: Сохранение узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 55, 101.

⁴⁵ См., например: *Рассказов П.* Записки заключенного // Интервенция на Советском Севере. 1918—1920. С. 49; *Потылицын А.И.* Белый террор на Севере. С. 24.

⁴⁶ Северное утро. 1919. 26 янв.; Борьба за торжество... на Севере. Док. 57, 58; Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере. Док. 371; *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 1. С. 50—53; FRUS, 1918. Russia. Vol. 2. P. 577; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 44; *Гагарин И.Я.* Сильнее динамита // В боях за Советский Север. С. 42—43.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 264—265; Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 50 об., 70 и др. (приговоры военно-полевых судов).

⁴⁸ *Потылицын А.И.* Белый террор на Севере. С. 24; *Потылицын А.И.* Коммунисты Архангельской парторганизации в борьбе с интервентами и белогвардейщиной. С. 36.

⁴⁹ *Пионтковский С.* Гражданская война в России. С. 591.

⁵⁰ Интервенция на Севере в документах. С. 33, 35—36; *Юрченков Г.С.* Под властью белых. С. 145, 152; *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 81—82; *Мишуков Д.* Дни заключения на Иоканьге // Красный полосу. 1921. № 1. С. 30—35; Борьба... на Мурмане. Док. 195, 205; *Потылицын А.И.* Белый террор на Севере. С. 63, 68—69, 71. О карьере Судакова см.: ГАРФ. Ф. 18. Оп. 2. Д. 33. Л. 2—7 (послужной список И.Ф. Судакова, май 1919 г.).

⁵¹ См. постановления финансово-экономического совета о выделении пособий семьям умерших надзирателей: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 19. Л. 71; Д. 12. Л. 45; Д. 23. Л. 2 об.

⁵² См.: Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917—1924 годы. С. 52—55, 154, 158—159. С. Адамец, детально исследовавший изменения численности населения в годы Гражданской войны, также демонстрирует, что главной причиной смертности в тот период были голод и эпидемии. См.: *Adamets S.* Guerre Civile et Famine en Russie.

⁵³ *Потылицын А.И.* Белый террор на Севере. С. 42—43.

⁵⁴ См. представления прокурора окружного суда о возбуждении дел против работников советских учреждений, апрель 1919-го — февраль 1920 г.: ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 16, 46, 47 in passim.

⁵⁵ Сравнение красного и белого террора см.: *Бортневский В.Г.* Красный и белый террор гражданской войны // Сквозь бури гражданской войны. С. 117; *Brovkin V.N.* Behind the Front Lines of the Civil War. P. 408.

⁵⁶ См.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 37. Л. 53 об. (сообщение генерала Н.И. Звезгинцева ВУСО, 16 августа 1918 г.). Во второй половине августа 1918 г. в добровольческих русских отрядах числилось около 260 бойцов, в середине сентября — 450 человек. См.: РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 11. Л. 5 (сводка штаба северных войск, 23 августа 1918 г.); Д. 1. Л. 28—29 (письмо русского штаба в штаб союзных войск, 16 сентября 1918 г.).

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 65. Л. 3—4 (письмо Маслова в ВУСО, 10 августа 1918 г.).

⁵⁸ Интервенция на Севере в документах. С. 24—25; РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 11. Л. 14; Д. 1. Л. 9—10 об. (рапорты командующего Онежским фронтом полковника де Граве, 1 и 6 сентября 1918 г.); Д. 10. Л. 20 (телеграмма командующего Важским фронтом Дилакторского, 18 октября 1918 г.).

⁵⁹ Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 40. О намерении создать добровольческую армию см. обращения Маслова и Чайковского к населению, начало августа 1918 г.: ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 63—64; Вестник ВУСО. 1918. 10 авг.

⁶⁰ Только с августа по ноябрь 1918 г. на посту командующего русскими войсками побывали четыре человека: Г.Е. Чаплин, Б.А. Дуров, Н.Э. Викорст (временно) и с середины ноября — В.В. Марушевский. О нехватке офицеров и унтер-офицеров в армии см.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 43 (журнал заседания ВПСО, 14 октября 1918 г.).

⁶¹ Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 97; *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 1. С. 39—40. О традиционном призывном возрасте см.: *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973. С. 114.

⁶² ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 43 (журнал заседания ВПСО, 14 октября 1918 г.).

⁶³ *Ironsides E.* Archangel. С. 68. Ср. со способами мобилизации в Красную армию, служба в которой из-за отсутствия мобилизационного аппарата до начала 1919 г. также была полудобровольной: *Figes O.* The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War 1918—1920 // Past and Present. 1990. № 129. P. 178—179.

⁶⁴ Борьба... на Мурмане. Док. 300—302, 304—305, 315; Северный фронт. Док. 26; *Личков А.* Шеговарская волость в гражданской войне // Октябрьская революция и гражданская война на Севере. Вып. 1. С. 82—85; *Едовин П.М.* Верхосуландский партизанский отряд // Октябрьская революция и гражданская война на Севере. Вып. 1. С. 90—91.

⁶⁵ British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 24. P. 147, Doc. 110/A, 110/C. P. 432—433, 435; FRUS, 1919. Russia. P. 628—629; *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 2. С. 39—43; *Зеленов Н.П.* Трагедия Северной области. С. 20—21.

⁶⁶ *Moore J. et al.* The History of the American Expedition Fighting the Bolsheviki. P. 43, 124.

⁶⁷ Утверждение, что мобилизация осуществлялась при помощи насилия, см., например: *Потылицын А.И.* Мы помним и не забудем! (Север под игом англо-американских и французских захватчиков). Архангельск, 1950. С. 41.

⁶⁸ Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 69. О схожей практике в Красной армии см.: *Figes O.* The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War 1918—1920. P. 204—205.

⁶⁹ Об обеспечении военнослужащих и их семей см. подробнее в главе 5 наст. изд.

⁷⁰ Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 40; *Ironsides E.* Archangel. P. 70. О недовольстве населения прежней практикой «учетничества» см.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 37. Л. 53 об. (журнал заседания ВУСО, 16 августа 1918 г.). До апреля 1919 г. сохранялась только льгота первого разряда по семейному положению, освобождавшая от призыва единственного кормильца в семье, но затем и она была отменена (Вестник ВПСО. 1919. 4 апр.).

⁷¹ Жалобы на жесткую дисциплину преобладали среди критических высказываний солдат еще в годы мировой войны, см.: *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 195, 208, 325—327.

⁷² Собрание узаконений и распоряжений ВПСО. 1919. № 2, 3, 7. Ст. 213, 230, 322; Вестник ВУСО. 1918. 25 авг.; Вестник ВПСО. 1919. 26 февр.

⁷³ *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 1. С. 46—48; *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 24.

⁷⁴ *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 20, 22, 43. О другом, более громком скандале с присвоением казенных средств отрядом ротмистра Берса в августе 1918 г. см.: ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 20. Л. 8—16 (следственное дело Берса и членов конно-горского отряда).

⁷⁵ *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 2. С. 23; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 43; *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 26. Приказы и постановления ВПСО и штаба о борьбе с пьянством см.: Собрание узаконений и распоряжений ВУСО/ВПСО. 1918. № 1. Ст. 151; ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 44. Л. 79 и др. Многие разжалованные офицеры, направленные на фронт, вскоре опять восстанавливались в прежних чинах за боевые отличия.

⁷⁶ О восстаниях см., например: Северный фронт. Док. 39; FRUS. 1918. Russia. Vol. 2. P. 564, 577; British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 23. P. 133—134; Doc. 24. P. 145; *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 1. С. 50—54; Т. 2. С. 55—56; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 42—44. Ср. с причинами восстаний в Красной армии, см.: *Figes O.* The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War 1918—1920. P. 197—198.

⁷⁷ В историографии существуют различные мнения о том, что именно влияло на масштабы дезертирства, а также заставляло бывших дезертиров вновь возвращаться в армию в годы Гражданской войны. О. Файджес полагает, что на бегство и возвращение дезертиров влияли сельскохозяйственные циклы. Дезертиры покидали свои части, чтобы участвовать в сборе урожая, и возвращались в армию по окончании полевых работ. В свою очередь, Дж. Сэнборн утверждает, что успех мобилизации, бегство и возвращение дезертиров зависели от материального снабжения и морального состояния армии, а также от доверия населения к власти и не были связаны с сезонными циклами. См.: *Figes O.* Peasant Russia, Civil War. P. 316—318; *Sanborn J.* Drafting the Russian Nation. P. 49—50. Материалы по несельскохозяйственной Архангельской губернии скорее поддерживают аргумент Сэнборна. Хотя имеются свидетельства о случаях дезертирства во время сенокоса, в целом Северная армия продолжала расти вне зависимости от сезонных циклов, зато испытывала значительный приток и отток рекрутов и дезертиров в связи с менявшимся снабжением армии и положением на фронте.

⁷⁸ См., например: ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 122 (записка директора банка Северной области А.А. Репмана, 17 января 1920 г.).

⁷⁹ Вестник ВПСО. 1919. 30 марта; *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 2. С. 39; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 103. О квартальных комитетах см.: ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 8—9 (воспоминания члена Архангельского окружного суда Н.И. Ильинского). По другой версии, идея создания ополчения была заимствована генералом Марушевским из Финляндии, см.: ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 27 об.—28 (письмо Жилинского Городецкому, 11 февраля 1925 г.).

⁸⁰ Северное утро. 1919. 11 марта; Русский Север. 1919. 18 марта; Вестник ВПСО. 1919. 30 марта; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 103. Обращение Витукевича см.: Вестник ВПСО. 1919. 4 марта.

- ⁸¹ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 24 (воспоминания Могучего).
- ⁸² Русский Север. 1919. 27 марта; *Рассказов П.П.* Записки заключенного. С. 99.
- ⁸³ *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 2. С. 40.
- ⁸⁴ О попытках создания ополчения в других городах области см.: Вестник ВПСО. 1919. 22 апр.; Борьба... на Мурмане. Док. 218, 220.
- ⁸⁵ Борьба... на Мурмане. Док. 307, 316. О мобилизации в ополчение см.: ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 42. Л. 82 (приказ Миллера, 23 августа 1919 г.).
- ⁸⁶ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 41. Л. 7 (записка о положении формирований Национального ополчения к 28 октября 1919 г.). К началу 1920 г. численность ополчения возросла до 12 249 человек, из них почти 3800 — добровольцы. См.: ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 204—205 (записка о состоянии частей Национального ополчения на 1 января 1920 г.).
- ⁸⁷ Об этом см.: ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 28—29 (воспоминания Могучего).
- ⁸⁸ О «зеленом» движении в Гражданской войне см., например: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. «Антоновщина»: Документы и материалы / Ред. В. Данилов, Т. Шанин. Тамбов, 1994; Сибирская Вандея. 1919—1920. Документы / Ред. В.И. Шишкин. М., 2000—2001. Т. 1—2; Крестьянское движение в Поволжье, 1919—1922. Документы и материалы / Сост. В.П. Данилов, Т. Шанин. М., 2002; Нестор Махно: Крестьянское движение на Украине, 1918—1921. Документы и материалы / Ред. В. Данилов, Т. Шанин. М., 2006; *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. Гл. 5; *Radkey O.* The Unknown Civil War in Soviet Russia: A Study of the Green Movement in the Tambov Region, 1920—1921. Stanford, 1976; *Landis E.C.* Bandits and Partisans: The Antonov Movement in the Russian Civil War. Pittsburgh, 2008.
- ⁸⁹ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 1. Л. 35, 37, 40; Д. 10. Л. 13 (телеграммы Пинежского коменданта Поспелова и уездного комиссара Рогачева в Архангельск, 16, 17 и 19 сентября 1918 г.); ГАРФ. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 142. Л. 180—181 (доклад представителей Никитинской волости Пинежского уезда Ф. Кобылина и А. Первышева, конец 1918 г.).
- ⁹⁰ ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 55—56 (доклад представителя Пинежского уезда Ставрова на первой Архангельской губернской конференции РКП(б), 13—14 июля 1919 г.).
- ⁹¹ ГАРФ. Ф. 3811. Оп. 1. Д. 142. Л. 180—181 (доклад представителей Никитинской волости Кобылина и Первышева, конец 1918 г.). О действиях отряда Шенникова см. также: Возрождение Севера. 1919. 25 и 26 дек.; Борьба за торжество... на Севере. Док. 108, 114, 115; *Баскаков В.А.* На Пинежском направлении // В боях за Советский Север. С. 151—157. Вооруженные грабежи населения со стороны первых красноармейских отрядов, члены которых поступали в армию с единственной целью прокормиться, не были редкостью и в других регионах страны. См.: *Figes O.* The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War 1918—1920. P. 175.
- ⁹² *Баскаков В.А.* На Пинежском направлении // В боях за Советский Север. С. 153—160.
- ⁹³ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 18. Л. 7, 25 (телеграммы капитана П.Т. Акутина командующему войсками, 2 января 1919 г.); ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6. Л. 96 (телеграмма пинежского комиссара Рогачева губернскому комиссару, 24 октября 1918 г.); Д. 17. Л. 183—183 об. (сообщение губернской земской управы, 31 января 1919 г.); *Moore J. et al.* The History of the American Expedition Fighting the Bolsheviks. P. 153.

⁹⁴ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 6. Л. 77—79 об. (рапорт капитана Брайера генералу Марушевскому, 3 февраля 1919 г.); Вестник ВПСО. 1918. 10 окт.; 1919. 8 марта и 30 апр.; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 76—77; *Жеребцов И.Л., Таскаев М.В.* Коми край в годы гражданской войны: население и власть. Сыктывкар, 1994. С. 11—12.

⁹⁵ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 3. Л. 199 (телеграмма председателя уездной управы Подлесного и начальника белого отряда Михеева в Архангельск, 8 декабря 1918 г.); Д. 6. Л. 15 (донесение комиссара Печорского уезда Ушакова, 22 января 1919 г.); Д. 6. Л. 77—79 об. (рапорт капитана Брайера, 3 февраля 1919 г.); *Таскаев М.В.* Печорский фронт в 1919 году // Белая армия. Белое дело. 1997. № 4. С. 75. Хотя действия Мандельбаума позже стали предметом расследования ЧК, вывоз ценностей и продовольствия из края (чтобы не досталось «англо-американцам») был санкционирован самим руководством 6-й армии. См.: Переписка Секретариата ЦК РКП(б). Т. 5. Док. 433. О других подобных рейдах красных отрядов, в частности в южной части Холмогорского уезда, см.: ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 142. Л. 21—21 об. (доклады представителей Холмогорской уездной управы П.Д. Мамонтова, Селешкой волости — Малыгина и Ваймужской волости — Ключкина губернскому земскому собранию, 16 сентября 1918 г.); ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 62. Л. 38 (донесение капитана Н. Шевцова, 12 сентября 1918 г.).

⁹⁶ О появлении «зеленого» движения см., например: *Осунова Т.В.* Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. Гл. 5; *Brovkin V.N.* Behind the Front Lines of the Civil War. P. 145—149, 416; *DuGarm D.* Peasant Wars in Tambov Province // The Bolsheviks in Russian Society. P. 177—198; *Landis E.* Waiting for Makhno: Legitimacy and Context in a Russian Peasant War // Past and Present. 2004. Vol. 183. P. 219; *Landis E.* Who Were the «Greens»: Rumor and Collective Identity in the Russian Civil War // Russian Review. 2010. Vol. 69. № 1. P. 30—46.

⁹⁷ О голоде в межфронтных волостях см.: ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 629. Л. 84 об. (журнал заседания Губернского земского собрания, 28 апреля 1919 г.).

⁹⁸ О «бедняцких» и «кулацких» отрядах на Севере см., например: *Корнатовский Н.А.* Северная контрреволюция. С. 62—63.

⁹⁹ *Изгоев А.* Пять лет в Советской России (Обрывки воспоминаний и заметки) // Архив русской революции. Т. 10. С. 49—50.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 16. Л. 285—286 (записка прокурора окружного суда Дуброво, 7 февраля 1920 г.).

¹⁰¹ АРУ ФСБ АО. Д. П-18044. Л. 133—135 (следственное дело А.И. Суслонова и А.К. Сакина, копия приговора Ростовского сельского схода, 22 мая 1919 г., и показания А. Деткова, 19 апреля 1920 г.).

¹⁰² См., например: РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 1. Л. 35, 40; Д. 10. Л. 13 (телеграммы Пинежского коменданта Поспелова и уездного комиссара Рогачева в Архангельск, 16, 17 и 19 сентября 1918 г.); ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 152. Л. 12 (доклад делегата Холмогорского уезда Виноградова губернскому земскому собранию, 12 сентября 1918 г.); ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 55—56 (доклад делегата Пинежского уезда Ставрова на первой Архангельской губернской конференции РКП(б), 13—14 июля 1919 г.); *Потылицын А.* Шенкурская парторганизация в гражданской войне // Октябрьская революция и гражданская война на Севере. Вып. 1. С. 13—14.

¹⁰³ О конфликте поколений в деревне см., например: *Gaudin C.* Ruling Peasants. P. 173; *Retish A.* Russia's Peasants in Revolution and Civil War. P. 105—106; *Figes O.* Peasant Russia, Civil War. P. 199—225.

¹⁰⁴ АРУ ФСБ АО. Д. П-17697. Л. 18, 20, 145 (следственное дело М.Н. Ракитина, 1919—1920 г., протоколы допросов).

¹⁰⁵ АРУ ФСБ АО. Д. П-18021. Л. 58 (следственное дело С.М. Старкова, июль 1920 г.); Д. П-17950 (следственное дело белых партизан Церковнического отряда, март—апрель 1920 г.).

¹⁰⁶ АРУ ФСБ АО. Д. П-16049 (следственное дело Г.Т. Мосеева).

¹⁰⁷ Сравни, например, с биографиями руководителей северных красных партизанских отрядов В.Г. Богового, П.С. Боскова, Н.Я. Вошикова, И.Я. Гагарина, Н.Д. Григорьева, С.И. Дьякова, И.Н. Палкина, М.К. Чухина и др.: *Макаров Н.А.* Военная интервенция и Гражданская война на Севере России. С. 54—55, 58, 81—82, 84, 99—100, 115—116, 251—252, 367—368; *Незабываемые имена: Биографические очерки* / Ред. В.И. Климачев. Архангельск, 1979. С. 26—27, 45—47, 202—203.

¹⁰⁸ См. например: РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 4. Л. 2—3 (доклад делегации тарасовских партизан генерал-губернатору, 16 декабря 1918 г.).

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 74 об. (письмо командира 7-го Северного стрелкового полка П.Н. Геймана начальнику штаба М.Ф. Квещинскому, 8 декабря 1919 г.).

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 29. Л. 23—23 об.; Д. 39. Л. 181—182 (записка прокурора окружного суда Дуброво, 24 октября 1918 г., и справка управляющего Отделом юстиции); *Пятков М.* Кожеозерский монастырь // Октябрьская революция и гражданская война на Севере. Вып. 2. С. 42—45.

¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 465. Л. 4—5 (конспект закрытого письма секретаря Архангельского губкома т. Бейка в ЦК ВКП(б), 27 апреля 1927 г.).

¹¹² О схожих обстоятельствах возникновения красных отрядов партизан см., например: *А.П. Шелековский партизанский отряд Красной Армии* // Октябрьская революция и гражданская война на Севере. Вып. 2. С. 34—40; *Палкин И.Н.* В Савинских лесах // В боях за Советский Север. С. 90—93; *Борьба за торжество... на Севере.* Док. 104.

¹¹³ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 (доклад делегации Тарасовского партизанского отряда генерал-губернатору, 16 декабря 1918 г.). О Гайлите см.: *Макаров Н.А.* Военная интервенция и Гражданская война на Севере России. С. 85.

¹¹⁴ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 4. Л. 2—2 об. (доклад делегации Тарасовского партизанского отряда генерал-губернатору, 16 декабря 1918 г.).

¹¹⁵ Там же. Л. 2—3 (доклад делегации Тарасовского партизанского отряда генерал-губернатору, 16 декабря 1918 г.); Л. 7—8 об. (выписка из постановления делегатского собрания партизан Порецкой, Петровской и Церковнической волостей, 31 декабря 1918 г.).

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6. Л. 93—94 (доклад правительственного комиссара В.И. Игнатьева, 28 октября 1918 г.); Ф. 3811. Оп. 1. Д. 142. Л. 193—194 (донесение помощника комиссара Мезенского уезда, 3 декабря 1918 г.); РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 13. Л. 13 (телеграмма Мезенского уездного комиссара Орлова губернскому комиссару, 8 октября 1918 г.).

¹¹⁷ *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 1. С. 43, 56; Т. 2. С. 23—24; РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 18. Л. 25 (телеграмма капитана Акутина из Пинеги, 2 января 1919 г.); Д. 4. Л. 33 (донесение Марушевского Миллеру, 6 февраля 1918 г.); Л. 68 (рапорт офицера связи с Селецкой группой полковника Вильса начальнику штаба, около 21 февраля 1919 г.); FRUS. 1919. Russia. P. 610; Письмо Чайковского

А.И. Деникину, 23 апреля 1919 г. // Белый Север. 1918—1920 гг. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 355.

¹¹⁸ См., например, об отправке агитаторов и инструкторов для организации крестьянских отрядов в Холмогорский уезд: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 50 (журнал заседания ВПСО, 30 декабря 1918 г.).

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 429—429 об. (доклад Марушевского ВПСО, 23 декабря 1918 г.).

¹²⁰ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 4. Л. 33 (донесение Марушевского Миллеру, 6 февраля 1918 г.); Д. 4. Л. 57 (телеграмма капитана Акутина из Пинеги в архангельский штаб, 16 февраля 1919 г.); *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 2. С. 33.

¹²¹ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 18. Л. 4 (телеграмма капитана Акутина в штаб, 1 января 1919 г.).

¹²² О Ракитине см.: АРУ ФСБ АО. Д. П-17697. Следственное дело М.Н. Ракина, 1919—1920 гг.

¹²³ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 (доклад делегации Тарасовского партизанского отряда генерал-губернатору, 16 декабря 1918 г.).

¹²⁴ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об. (доклад делегации Тарасовского партизанского отряда генерал-губернатору, 16 декабря 1918 г.). В донесении указаны лишь инициалы, вероятно, чтобы в случае перехвата сообщения красными не пострадали семьи офицеров, находившиеся на красной территории.

¹²⁵ Северный фронт. Док. 39; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 77; *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 23.

¹²⁶ О применении порки см., например: *Д.О.* Наволоцкая парторганизация в 1918—1919 гг. // Октябрьская революция и гражданская война на Севере. Вып. 2. С. 24; *Пятков М.* На красном фронте // Октябрьская революция и гражданская война на Севере. Вып. 2. С. 72. О наказаниях в дореволюционной деревне см.: *Worobec C.* Horse Thieves and Peasant Justice in Post-Emancipation Imperial Russia // Journal of Social History. 1987. Vol. 21. № 2. P. 281—293.

¹²⁷ *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 76—77.

¹²⁸ Там же. С. 77.

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 465. Л. 33—34 (письмо зам. председателя Архгубсуда Горшенина в Архангельский губком о деле подсудимого З.М. Кобылина, 3 августа 1926 г.). О жестокости белых партизан см. также: АРУ ФСБ АО. Д. П-18399. Л. 33, 43 (следственное дело солдат и партизан белой армии, допрос свидетелей по делу П.Ф. Скоморохова, 23 марта — 25 октября 1920 г.).

¹³⁰ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 4. Л. 2—2 об. (доклад делегации Тарасовского партизанского отряда генерал-губернатору, 16 декабря 1918 г.).

¹³¹ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 18. Л. 173 (телеграмма старшины Дилакторского Марушевскому, 14 марта 1919 г.). О подобных случаях см. также: РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 29. Л. 247 (телеграмма полковника А.А. Мурузи Марушевскому, 20 мая 1919 г.).

¹³² РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 18. Л. 202 (телеграмма Дилакторского Марушевскому, 24 марта 1919 г.).

¹³³ *Baron N.* The King of Karelia. P. 173—175.

¹³⁴ АРУ ФСБ АО. Д. П-18021. Л. 7 (следственное дело С.М. Старкова, акт комиссии по устройству перезахоронения жертв белого террора в Пинежском уезде 1 мая 1920 г.).

¹³⁵ Соколов Б. Падение Северной Области. С. 52; *Soutar A.* With Ironside in North Russia. P. 172.

¹³⁶ Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 76—77.

¹³⁷ Соколов Б. Падение Северной Области. С. 52, 7.

¹³⁸ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 18. Л. 7 (телеграмма капитана Акутина из Пинеги в штаб, 31 декабря 1918 г.).

¹³⁹ Соколов Б. Падение Северной Области. С. 22—23; *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 1. С. 40.

¹⁴⁰ *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 2. С. 33.

¹⁴¹ Соколов Б. Падение Северной Области. С. 52.

¹⁴² О преобладании локальных идентичностей у крестьян в годы революции и Гражданской войны см.: *Байрау Д.* Янус в лаптях: крестьяне в русской революции 1905—1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 19—37; *Brovkin V.N.* Behind the Front Lines of the Civil War. P. 419—420. Противоположное мнение о быстром включении крестьян в общенациональную политику и укреплении национальной идентичности в годы революции см.: *Retish A.* Russia's Peasants in Revolution and Civil War.

¹⁴³ Печерская трагедия // Вестник ВПСО. 1919. 8 марта; Соколов Б. Падение Северной Области. С. 43; Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 143—144.

Глава 7. Падение белого Севера и советизация Архангельской губернии

¹ О том, что перемещение линий фронтов отражало изменение политических предпочтений социальных классов и политических партий, см., например: *Brovkin V.N.* Behind the Front Lines of the Civil War. P. 8.

² Вестник ВПСО. 1919. 26 марта; British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 110/L, 110/N. P. 463—464; *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 2. С. 46—47.

³ *Ironside E.* Archangel. P. 136; Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 105.

⁴ British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 110. P. 424; *Ironside E.* Archangel. P. 146—149, 154—155; *Зеленов Н.П.* Трагедия Северной области. С. 21. О голоде в красном тылу и дезертирстве см.: Переписка Секретариата ЦК РКП(б). Т. 7. Док. 603; Т. 8. Док. 310, 361, 401, 427, 441, 450, 616, 617.

⁵ *Ironside E.* Archangel. P. 151—152; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 87. Л. 23 об. (телеграмма П.Ю. Зубова в Омск, 21 июня 1919 г.).

⁶ Борьба за торжество... на Севере. Док. 169; British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 110. P. 425; *Ironside E.* Archangel. P. 157—159.

⁷ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 16. Л. 60—61 об. (сводка белой контрразведки о восстании в 5-м полку); Северный фронт. Док. 44; Борьба за торжество... на Севере. Док. 145, 150; *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 3. С. 42—43; *Александрович В.* К познанию характера Гражданской войны. Бунт в 5-м Северном стрелковом полку 20 июля 1919 года. Белград, 1926; *Щетинин В.* Восстание 5 северного полка // Октябрьская революция и гражданская война на Севере. Вып. 2. С. 75—90.

⁸ Зеленов Н.П. Трагедия Северной области. С. 19—20. См. также: *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 3. С. 43—44; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 42, 44—45.

⁹ Подробнее о дипломатической предыстории вывода союзных войск из Северной области см. в главе 4 наст. изд.

¹⁰ FRUS, 1919. Russia. P. 641—642; British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 110/U. P. 467—468; *Ironside E.* Archangel. P. 160; *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 3. С. 41; *Ullman R.* Britain and the Russian Civil War. P. 192—193; *Long J.* Civil War and Intervention in North Russia. P. 351. В августе в Архангельск для руководства эвакуацией прибыл британский генерал Г. Роулинсон.

¹¹ Documents on British Foreign Policy. 1st series. London, 1949. Vol. 3. Doc. 325.

¹² Военные моряки в борьбе за власть советов на Севере. Док. 371; *Strakhovsky L.* Intervention at Archangel. P. 207.

¹³ Интервенция и северная контрреволюция / Сост. И. Минц // Красный архив. 1932. Т. 1—2 (50—51). С. 98—99; Documents on British Foreign Policy. 1st series. Vol. 3. Doc. 339, 341; *Ullman R.* Britain and the Russian Civil War. P. 194.

¹⁴ FRUS. 1919. Russia. P. 647—649; ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 44. Л. 186—187 (телеграмма Зубова Чайковскому, 6 августа 1919 г.); Интервенция и северная контрреволюция. С. 102, 108, 111. Одновременно с союзниками Северную область покидали чины Славяно-британского легиона, а также военнослужащие поляки, эстонцы, литовцы и латыши.

¹⁵ К истории интервенции на Севере / Сост. Н. Прокопенко // Красный архив. 1940. Т. 1 (98). С. 130; Documents on British Foreign Policy. 1st series. Vol. 3. Doc. 346; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 52—53.

¹⁶ Зеленов Н.П. Трагедия Северной области. С. 24—25; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 47—48, 50, 53; *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 3. С. 49.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 40. Л. 5—6 (письмо Ермолова Миллеру, 25 сентября 1919 г.); Интервенция и северная контрреволюция. С. 101.

¹⁸ См. телеграмму Миллера Колчаку, Юденичу, Маклакову и Чайковскому от 4 августа 1919 г. в публикации: Белофинны на службе англо-французских интервентов в 1919 г. С. 65—66.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 44. Л. 174—174 об. (телеграммы Зубова и Миллера Чайковскому, 18 июля 1919 г.); Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 1—3 (журнал заседания и постановление ВПСО, 12 июля 1919 г.). Текст приказа Колчака см.: Северное утро. 1919. 24 июня. По мысли членов ВПСО, функции ликвидированного правительства должен был выполнять помощник главнокомандующего по гражданской части.

²⁰ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 88. Л. 21 (журнал заседания ВПСО, 2 августа 1919 г.). Протесты против упразднения кабинета см.: Письмо А.А. Иванова Чайковскому, 28 июля 1919 г. // Заброшенные в небытие. С. 455; Documents on British Foreign Policy. 1st series. Vol. 3. Doc. 325; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 88. Л. 22 (телеграмма В.А. Маклакова Миллеру, 29 июля 1919 г.).

²¹ Там же. Д. 12. Л. 136—137 (журнал заседания ВПСО, 8 августа 1919 г.); Обращение ВПСО к населению, 10 августа 1919 г. // Пионтковский С. Гражданская

война в России. С. 570—572. В новом кабинете Зубов по-прежнему формально являлся заместителем Чайковского, но фактически был главой правительства, также он возглавил Отдел юстиции и — с сентября 1919 г. — Отдел земледелия. Пост управляющего делами правительства сохранил за собой меньшевик К.Г. Маймистов. Место управляющего отделами торговли, промышленности и финансов было передано инженеру Н.И. Каменецкому, который должен был осенью 1919 г. прибыть в Архангельск из Стокгольма. В августе по рекомендации Земско-городского совещания место управляющего Отделом труда занял заведующий архангельским судоремонтным заводом инженер В.Н. Цапенко.

²² ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 38. Л. 56—57 об. (журнал заседания ВПСО, 23 июля 1919 г.).

²³ ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 1 (материалы работы Земско-городского совещания, август 1919 г.).

²⁴ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 27. Л. 191—192; Д. 12. Л. 251 (журналы заседаний ВПСО, 16 и 22 августа 1919 г.); *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 58—61.

²⁵ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 32. Л. 87—87 об. (журнал заседания ВПСО, 21 августа 1919 г.); *Пионтковский С.* Гражданская война в России. С. 574—575; ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 1. Л. 84 (наказ Земско-городского совещания делегации в Западную Европу, август 1919 г.); Л. 95 (журнал заседания Земско-городского совещания, 12 августа 1919 г.); Union of Russian Zemstvos and Towns (London Committee). North-Russian Zemstvos and Municipalities. Statements by the Congress of Zemstvos and Municipalities of North Russia and by the North-Russian Municipal and Zemstvos delegation to the peoples of the Allied Countries. London, 1919; FRUS. 1919. Russia. P. 655—657. Призывы к союзникам отменить эвакуацию поддержали северные обществственные организации, профсоюзы, церковные общины и сельские сходы. См.: Возрождение Севера. 1919. 10, 19 авг.; Северное утро. 1919. 17 авг. и др.; Отечество. 1919. 11 сент.

²⁶ *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 50—51.

²⁷ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 47. Л. 15—20 (телеграмма Колчака Миллеру, 19 августа 1919 г.). См. также: Северный фронт. Док. 51; Documents on British Foreign Policy. 1st series. Vol. 3. Doc. 394.

²⁸ Интервенция и северная контрреволюция. С. 102.

²⁹ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 20 об.—23 (письмо Жилинского Городецкому, 11 февраля 1925 г.).

³⁰ О противоречии между интересами тыла и фронта в Советской России см.: *Figes O.* The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War 1918—1920. P. 170—171, 190—193.

³¹ British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 110. P. 426; *Зеленов Н.П.* Трагедия Северной области. С. 22—23, 29—32; *Maynard C.* The Murmansk Venture. P. 304—309; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 67—68, 110. О рейде Орлова см.: *Таскаев М.В.* Подполковник Николай Орлов // Белая армия. Белое дело. 2000. № 7. С. 18—35.

³² ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 84. Л. 3 (телеграмма Миллера Е.В. Саблину в Лондон, 5 января 1920 г.).

³³ О расширении мобилизации см.: ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 32. Л. 60—60 об., 106 (постановления ВПСО, 18 и 25 августа 1919 г.); Ф. 19. Оп. 1. Д. 1. Л. 29 (приказ

Миллера, 22 сентября 1919 г.); *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 66; *Зеленов Н.П.* Трагедия Северной области. С. 35—36.

³⁴ См. доклады и переписку Миллера, Марушевского и начальника штаба М.Ф. Квещинского с русскими военными агентами и посланниками за границей, август 1919 — январь 1920 г.: ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 49, 52, 57, 64 in passim; К истории интервенции на Севере. С. 131—137, 140—144; Интервенция на Севере в документах. С. 85; *Борьба... на Мурмане.* Док. 193.

³⁵ См.: Телеграмма командующего 6-й армией А.А. Самойло Л.Д. Троцкому, 30 сентября 1919 г. // *The Trotsky Papers.* Vol. 1. Doc. 375. P. 675—681.

³⁶ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 84. Л. 3 (телеграмма Миллера Саблину, 5 января 1920 г.); РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 16. Л. 28—30 (телеграмма начальника штаба Баранова командующему железнодорожным районом, 1 декабря 1919 г.); РГВА. Ф. 39451. Оп. 1. Д. 12. Л. 121 (рапорт коменданта лагеря военнопленных Мурманского района в штаб, 31 января 1920 г.); Оп. 1. Д. 22. Л. 5 (доклад коменданта тыла полковника Жадовского в штаб Мурманского района, 6 октября 1919 г.); *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 25.

³⁷ См., например: РГВА. Ф. 39451. Оп. 1. Д. 11. Л. 36—39 об. (протокол заседания Комиссии по реабилитации бывших офицеров, служивших в Красной армии на Мурманском фронте, 23 сентября 1919 г.). О порядке работы комиссий см.: РГВА. Ф. 39451. Оп. 1. Д. 22. Л. 18 (телеграмма Миллера командующему Мурманским фронтом, 13 октября 1919 г.).

³⁸ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 23 (письмо Жилинского Городецкому, 11 февраля 1925 г.); *Корнатовский Н.А.* Северная контрреволюция. С. 95.

³⁹ *British Documents on Foreign Affairs.* Part II. Series A. Vol. 1. Doc. 110/U. P. 467—468; *Documents on British Foreign Policy.* 1st series. Vol. 3. Doc. 411; Интервенция и северная контрреволюция. С. 100, 107—108, 111, 114—116; К истории интервенции на Севере. С. 134.

⁴⁰ См. переписку Миллера и командующего северной флотилией Л.Л. Иванова, август 1919 — январь 1920 г.: ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 55. Л. 107, 149—150; Д. 56. Л. 19—20; Д. 65. Л. 24, 67; Д. 77. Л. 43; Интервенция и северная контрреволюция. С. 100, 103, 111, 113; Интервенция на Севере в документах. С. 41, 81—82; Северный фронт. Док. 56.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 24. Л. 7—11 (доклад председателя комиссии по организации экспедиции Л.Л. Иванова, 7 августа 1919 г.); Использование интервентами Северного морского пути (1918—1919 гг.) / Сост. Т. Шепелева // Красный архив. 1941. Т. 1 (104). С. 151—198; *Smele J.* Civil War in Siberia. P. 426—431. О Вилькицком см.: *Евгенов Н.И., Кунецкий В.Н.* Русский полярный исследователь Б.А. Вилькицкий // *Летопись Севера.* М., 1964. Т. 4. С. 223—228.

⁴² См. телеграфную переписку русского посла в США Б.А. Бахметьева и Миллера, ноябрь 1919-го — январь 1920 г.: ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 65. Л. 15, 16, 40, 63—64.

⁴³ О голоде на захваченных территориях см.: ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 7 (телеграмма Мурузи Миллеру, 30 сентября 1919 г.).

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 18 об. (протокол заседания Губернского земского совещания от 5 февраля 1920 г.); *British Documents on Foreign Affairs.* Part II. Series A. Vol. 2. Doc. 159. P. 144.

⁴⁵ РГВА. Ф. 39451. Оп. 1. Д. 12. Л. 7 (телеграмма офицера для поручений при штабе Регокана командиру Архангелогородского стрелкового полка, 9 января 1920 г.);

ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 143—143 об. (выдержки из солдатских писем, просмотренных военной цензурой, 25 января 1920 г.).

⁴⁶ British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 2. Doc. 158. P. 143. См. также: ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 23 об. (письмо Жилинского Городецкому, 11 февраля 1925 г.).

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 82. Л. 22—23 (телеграмма Миллера С.Д. Сазонову и Е.В. Саблину, 23 января 1920 г.).

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 109 об. (сводка военно-регистрационной службы при штабе главнокомандующего, с 1 по 15 января 1920 г.); *Мицц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. С. 231.

⁴⁹ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 105. Л. 42—44 (протокол допроса военным контролем арестованного солдата 4-го полка Г. Лукина, январь 1920 г.).

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 10—10 об. (доклад представителя Холмогорского уезда Попова Губернскому земскому совещанию, 4 февраля 1920 г.).

⁵¹ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 29. Л. 387—388 (доклад управляющего Отделом труда Цапенко ВПСО, 27 ноября 1919 г.); *Зеленов Н.П.* Трагедия Северной области. С. 35—36.

⁵² ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 130—130 об. (сводка по Архангельскому военно-контрольному району по 20 января 1920 г.); Л. 107 (сводка военно-регистрационной службы при штабе главнокомандующего, 1 по 15 января 1920 г.).

⁵³ *Мицц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. С. 249.

⁵⁴ Приказ Миллера, 20 августа 1919 г. // За Россию. Газета Северной Области. 1919. 25 авг.; ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 25. Л. 137 (постановление ВПСО, 28 августа 1919 г.); Ф. 19. Оп. 1. Д. 1. Л. 40 (приказ Миллера, 29 октября 1919 г.).

⁵⁵ См. телеграфную переписку Е.К. Миллера и посла в США Б.А. Бахметьева, декабрь 1919-го — февраль 1920 г.: ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 55. Л. 76; Д. 65. Л. 54, 62, 72, 73. О командировке Данишевского см.: ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 79. Л. 51—51 об. (письмо Миллера Бахметьеву, 19 сентября 1919 г.).

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 67—72 об. (объяснительная записка торгово-промышленного класса г. Архангельска, 19 декабря 1919 г.); Ф. 16. Оп. 1. Д. 36. Л. 56—56 об. (доклад управляющего Отделом торговли Н.И. Каменецкого ВПСО, 28 января 1920 г.).

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 122—129 (записка директора государственного банка А.А. Репмана Миллеру, 17 января 1920 г.). В феврале 1920 г. Репман возглавил Отдел торговли, промышленности и финансов ВПСО.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 117—118 об. (письмо командующего Мурманским фронтом Скобельцына Миллеру, 1 января 1920 г.); Д. 4. Л. 23 об. (письмо Жилинского Городецкому, 11 февраля 1925 г.).

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 107 (сводка военно-регистрационной службы при штабе главнокомандующего, с 1 по 15 января 1920 г.); ГАМО. Ф. П-102. Д. 11. Л. 58—58 об. (воспоминания мурманского большевика, 24 декабря 1934 г.).

⁶⁰ *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 29—30; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 48, 53; *Данилов И.* Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 69.

⁶¹ *Зеленов Н.П.* Трагедия Северной области. С. 38—39.

⁶² Соколов Б. Падение Северной Области. С. 27, 29—30; ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 139 (выдержки из писем с фронта, просмотренных военной цензурой с 21 по 26 января 1920 г.).

⁶³ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23 (телеграфная переписка Мурузи, Миллера и Квецинского, август—ноябрь 1919 г.); Ф. 16. Оп. 1. Д. 124. Л. 7—7 об. (письмо Лерхе сослуживцам на фронт, 18 октября 1919 г.); Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 110—111.

⁶⁴ Соколов Б. Падение Северной Области. С. 27—28.

⁶⁵ Там же. С. 44. По мнению современников, ранение Гуковского стало причиной его позднейшего психического расстройства и самоубийства в 1925 г. См.: Александр Исаевич Гуковский (Некролог) // Современные записки. 1925. № 23. С. 5—12.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 32 (телеграмма командующего Онежским районом генерала В.И. Замшина Миллеру, 3 ноября 1919 г.).

⁶⁷ Там же. Д. 31. Л. 11—12 об. (письмо Ермолова Миллеру, 28 января 1920 г.). См. также: Л. 4—5 об., 6—8 об., 9—10 (письма Ермолова Миллеру, 21 октября 1919 г., 4 и 25 января 1920 г.).

⁶⁸ Там же. Д. 23. Л. 118 об. (письмо Скобельцына Миллеру, 1 января 1920 г.).

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 111 об. (письмо Геймана Квецинскому, 7 января 1920 г.).

⁷⁰ Там же. Л. 130—130 об. (сводка по Архангельскому военно-контрольному району по 20 января 1920 г.).

⁷¹ Там же. Л. 144 об. (выдержка из письма солдата железнодорожного фронта Неклюдова, просмотренного военной цензурой 26 января 1920 г.).

⁷² Там же. Д. 4. Л. 23 (письмо Жилинского Городецкому, 11 февраля 1925 г.).

⁷³ Liaison Officer, Archangel, to D.M.I. № 262. 23rd January, 1920 // British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 2. Doc. 158. P. 143; Doc. 21. P. 14.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 102—104, 109 об. (сводка военно-регистрационной службы при штабе главнокомандующего, 1 по 15 января 1920 г.); Л. 138 об.—139 (выдержки из писем с фронта, просмотренных военной цензурой с 21 по 26 января 1920 г.); РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 42. Л. 91, 95—98 и др. (постановления Военно-регистрационной службы об аресте солдат за попытки перехода к неприятелю, декабрь 1919-го — февраль 1920 г.); Д. 105. Л. 40—40 об. (донесение командира батареи Земелова начальнику холмогорского военного контроля, 29 декабря 1919 г.); Зеленов Н.П. Трагедия Северной области. С. 37—38.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 138 (выдержка из письма офицера Морского стрелкового батальона, просмотренного военной цензурой с 21 по 26 января 1920 г.).

⁷⁶ Там же. Л. 143 (выдержки из писем с фронта, просмотренных военной цензурой 25 января 1920 г.).

⁷⁷ Соколов Б. Падение Северной Области. С. 31.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 26. Л. 132—134 об.; Д. 27. Л. 78—79, 82—83; Д. 33. Л. 92—92 об.; Д. 38. Л. 97 (материалы деятельности комиссий и заключения ВПСО об их работе, 29 сентября и 2 октября 1919 г.).

⁷⁹ После того как 8 августа 1919 г. в правительстве был упразднен самостоятельный Отдел внутренних дел, управление внутренними делами находилось в руках начальника Архангельской губернии Багриновского, который был подчинен Миллеру как главнокомандующему Северным фронтом.

⁸⁰ *Марушевский В.В.* Год на Севере // Белое дело. Т. 3. С. 46—47, 50.

⁸¹ *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 35—38, 41—42. Соколов называл ВПСО «совещанием при главнокомандующем».

⁸² ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 23. Л. 108—109 (сводка полевого военного контроля, с 1 по 15 января 1920 г.); Ф. 16. Оп. 1. Д. 90. Л. 93, 94 (письмо П.П. Скоморохова Зубову, 16 декабря 1919 г., и обращение группы членов Земско-городского совещания, 11 декабря 1919 г.); *Зеленов Н.П.* Трагедия Северной области. С. 41—42; *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 55.

⁸³ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 84 об.—85 (выступление А.А. Иванова на заседании Губернского земского собрания, 7 февраля 1920 г.); *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 55—56; *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 120.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 35. Л. 384 (журнал заседания ВПСО, 26 января 1920 г.); Ф. 5867. Оп. 1. Д. 49. Л. 1—5 (докладная записка К.Г. Маймистова Миллеру, 23 декабря 1919 г.); *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 55—56; *Зеленов Н.П.* Трагедия Северной области. С. 42—43.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 57—59 (обращение представителей торговли и промышленности к Миллеру, 29 января 1920 г.); Л. 53—56 об. (обращение блока «Национальное объединение» Архангельской городской думы, 2 февраля 1920 г.); Л. 52—52 об. (обращение Союза интеллигенции, февраль 1920 г.).

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 70—71, 82 (материалы заседания и резолюция Губернского земского собрания, 5 февраля 1920 г.); *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 56—57.

⁸⁷ *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 121—124; *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 57—58; *Мицц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. С. 234.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 83—87 об. (протокол заседания и резолюция земского собрания, 7 февраля 1920 г.); *Мицц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. С. 234.

⁸⁹ Формальным председателем правительства по-прежнему оставался отсутствовавший Н.В. Чайковский, Миллер числился теперь его заместителем в Северной области.

⁹⁰ *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 125, 128; *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 58, 62; *Мицц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. С. 235—236.

⁹¹ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 16. Л. 50 (обращение ВПСО к населению, февраль 1920 г.); *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 129; *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 62—64. Примечательно, что перестановки в кабинете не обеспечили ВПСО безусловной популярности даже в левых земских кругах. Так, не простивший прежней обиды председатель губернской земской управы П.П. Скоморохов отказался прийти на помощь правительству и организовать агитационные собрания. Он заявлял, что «агитационное собрание и застенки несовместимы», ссылаясь по-прежнему на репрессивность режима. См. переписку Миллера и Скоморохова, 15—17 февраля 1920 г.: Белый Север. Вып. 2. С. 433—435.

⁹² Северный фронт. Док. 183, 192; Директивы главного командования Красной армии (1917—1920): Сборник документов / Ред. Г.А. Белилов. М., 1969. С. 357—360; *Зеленов Н.П.* Трагедия Северной области. С. 43—44; *Данилов И.* Воспоминания о

моей подневольной службе у большевиков. С. 64—66; ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 26. Л. 90—91 (рапорт ротмистра Иолшина Миллеру, 19 октября 1920 г.).

⁹³ Миллер Е.К. Борьба за Россию на Севере. С. 10.

⁹⁴ Соколов Б. Падение Северной Области. С. 64—65; Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 135.

⁹⁵ Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере. Док. 428; Соколов Б. Падение Северной Области. С. 60, 62; Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 133—134, 137.

⁹⁶ Интервенция на Севере в документах. С. 84; Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 137—139; Зеленов Н.П. Трагедия Северной области. С. 51, 52; Соколов Б. Падение Северной Области. С. 67—68.

⁹⁷ «Канада» отправилась в погоню по заданию вновь созданного Архангельского исполкома. См.: Письмо Миллера С.Д. Сазонову, 4 марта 1920 г. // Белый Север. Вып. 2. С. 437. О плавании «Минина» см.: Barr W. General Miller's Flight from Arkhangelsk, February 1920 // Polar Record. 1980. Vol. 20. № 125. P. 120—121.

⁹⁸ Соколов Б. Падение Северной Области. С. 74; Таскаев М.В. Антибольшевистское движение в Коми крае (1917—1925 годы). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1996. С. 16.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 26. Л. 51, 59—59 об., 64—64 об., 91, 102—103; Д. 62. Л. 77 об.—78, 112 об.—113 (рапорты командиров эвакуированных частей Миллеру, 1920 г.); Семенов Е. Последняя Пасха на Родине // Вечернее время. 1925. 19 апр.; Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. Л. 70—71; Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 142; Тарасов В.В. Борьба с интервентами на Севере России. С. 291—292.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 62. Л. 9 об.—10 (рапорт В.С. Скобельцына Миллеру, 31 марта 1920 г.); Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 136, 139; Соколов Б. Падение Северной Области. С. 85—86, 123; Гражданская война на Мурмане. Док. 21, 22; Киселев А.А., Климов Ю.Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. С. 191—195.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 62. Л. 25 (рапорт командира 11-го полка Ерышкина, март 1920 г.); Л. 11 об.—15 (рапорт В.С. Скобельцына Миллеру, 31 марта 1920 г.).

¹⁰² Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 139; ГАРФ. 5867. Оп. 1. Д. 69. Л. 4—5 об. (письмо председателя комитета по делам беженцев Северной области Городецкого в Российское общество Красного Креста в Норвегии, 21 октября 1921 г.); Голдин В.И., Тетеревлева Т.П., Цветнов Н.Н. Русская эмиграция в Норвегии. 1918—1940 // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск, 1997. С. 114—117; Тетеревлева Т.П. Пореволюционная российская эмиграция на севере Европы 1917 — начала 1920-х гг. // Русский исход. СПб., 2004. С. 31—43.

¹⁰³ О карьере Миллера в эмиграции и его гибели см.: Пятницкий Н.В. Генерал Е.К. Миллер. К 25-летию со дня его трагической гибели // Возрождение. 1962. № 131. С. 96—97; «Я был похищен агентами Советской власти»: документы о судьбе генерала Е.К. Миллера. 1937—1939 гг. / Публ. Д.Г. Юрасова // Исторический архив. 1997. № 4. С. 160—164; Голдин В.И. Испытания длиной в жизнь. С. 59—63. О Русском общевоинском союзе см.: Robinson P. The White Russian Army in Exile 1920—1941. Oxford, 2002; Голдин В.И. Солдаты на чужбине. Русский общевоинский союз. Россия и русское зарубежье в XX—XXI веках. Архангельск, 2006.

¹⁰⁴ *Barr W.* General Miller's Flight from Arkhangelsk. P. 124.

¹⁰⁵ Интервенция на Севере в документах. С. 93; Северный фронт. Док. 191, 192, 201; *Мьмрин Г.Е.* Англо-американская военная интервенция на Севере и ее разгром 1918—1920 гг. С. 213; *Самойло А.А. Сбойчаков М.И.* Поучительный урок (Боевые действия Красной армии против интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918—1920 гг.). М., 1962. С. 179—182. См. также списки пленных белых офицеров, составлявшиеся ЧК: ГААО. Ф. 2617. Оп. 2. Д. 12. Л. 1—10 (список пленных офицеров, 347 человек, весна 1920 г.); Л. 11—50, 52—54 (списки 775 белых офицеров, зарегистрированных в апреле 1921 г.).

¹⁰⁶ Гражданская война на Мурмане. С. 275, см. также с. 222—223, 229.

¹⁰⁷ ГААО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 84. Л. 118—401 (книга записи приема заключенных Архангельской губернской тюрьмы, по 18 июня 1920 г.); Ф. 2617. Оп. 2. Д. 8 (дело Архгубчека по обвинению членов национального ополчения Северной области, 1920 г.); *Соколов Б.* Падение Северной Области. С. 78, 80—81; *Данилов И.* Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 78. Белому командованию не удалось запоздалая попытка добиться от большевистского руководства гарантий личной безопасности и возможности покинуть страну для сотрудников белой власти на Севере. См. телеграфную переписку при посредничестве британского МИДа: Documents on British Foreign Policy. 1st series. Vol. 3. Doc. 688, 695—697; British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series A. Vol. 2. Doc. 214, 305; Документы внешней политики СССР / Ред. А.А. Громыко. М., 1958. Т. 2. Док. 249. См. также инструкции В.И. Ленина и Г.В. Чичерина не выпускать белых пленных: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 51. С. 153; *The Trotsky Papers, 1917—1922.* Vol. 2. P. 82.

¹⁰⁸ *Лапин Я.Н.* Архангельская тюрьма в 1920 году // Красный террор глазами очевидцев / Сост. С.В. Волков. М., 2009. С. 355—358; *Fraser E.* The House by the Dvina. P. 264, 272. Современники отмечали, что «Мхи, уложившие при белых в 1918/1919 г. человек двести с небольшим, теперь уложили и укладывают десятками раз больше». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 61. Л. 30—30 об. (копия письма Степанова Ленину, не позднее 1 сентября 1921 г.).

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 26. Л. 62 об. (показание А.Н. Грязнова, командира комендантской роты железнодорожного фронта, 3—4 сентября 1920 г. (Норвегия)).

¹¹⁰ *Киселев А.А., Климов Ю.Н.* Мурман в дни революции и гражданской войны. С. 195—197.

¹¹¹ См.: Известия Архангельского Губернского Ревкома. 1920. 28 мая, 10 авг.; Известия Архангельского губернского ревкома и Архгубкома РКП(б). 1920. 14 и 22 сент.; Известия Архгубисполкома. 1920. 2 нояб. О репрессиях против членов семей см., например: АРУ ФСБ АО. Д. П-17970 (следственное дело Е.А. и Е.С. Стапельфельд); *Овсянkin Е.И.* «Дело об Архангельском патриотическом женском союзе» (Из истории семьи К.П. Гемп) // Труды XI Съезда Русского географического общества. Т. 7: Краеведение и краеведы. Материалы научной конференции, посвященной 105-летию со дня рождения К.П. Гемп. СПб., 2000. С. 226—231.

¹¹² ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 99—100 (акт обследования Холмогорского лагеря комиссией Архгубревтрибунала, 12 июля 1921 г.); Поморский мемориал: Книга Памяти жертв политических репрессий / Ред.-сост. В.Т. Белов. Архангельск, 1999. Т. 1. С. 11; *Павлов Д.Б.* Соловецкие лагеря особого назначения ОГПУ. 1923—1933 // Репрессированная интеллигенция. 1917—1934 гг.: Сборник статей / Ред. Д.Б. Павлов. М., 2010. С. 329—331. На Соловках с мая 1920 г. по апрель 1921 г. действовал концентрационный лагерь губернского подчинения; летом 1923 г. там был

открыт лагерь принудительных работ особого назначения, подчиненный ГПУ. В ведении ВЧК-ГПУ находились и другие лагеря в Архангельской губернии, в отличие от большинства лагерей в стране, подчиненных Главному управлению принудительных работ. См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923—1960: Справочник. М., 1998. С. 12.

¹¹³ См., например, сообщение о прибытии в губернию 1,5 тыс. дезертиров и пленных для «политической фильтровки»: ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68. Л. 104 (письмо политическо-просветительного Отдела губкома по военным делам в губком РКП(б), 22 сентября 1920 г.).

¹¹⁴ Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 79; Соколов Б. Падение Северной Области. С. 85; Fraser E. The House by the Dvina. P. 261.

¹¹⁵ ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 6 об. (политическая сводка по укрепрайону, 16 декабря 1920-го — 1 января 1921 г.).

¹¹⁶ Там же. Д. 341. Л. 137—137 об. (постановление коллегии тройки, 29 апреля 1921 г.).

¹¹⁷ Там же. Д. 55. Л. 15 об. (доклад Р. Пластининой 2-й Архангельской губернской конференции РКП(б), 22—25 июня 1920 г.).

¹¹⁸ См., например: ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 66. Л. 141 об., 151, 158 (журналы комитета по делам беженцев в Северной области, 22 октября, 2 и 10 ноября 1920 г., сообщения бежавших из Советской России).

¹¹⁹ АРУ ФСБ АО. Д. П-17987. Л. 92 (следственное дело Н.И. Стратилатова, 1920 г.); Д. П-18553. Л. 2 (следственное дело М.И. Рупинского).

¹²⁰ ГААО. Ф. 50. Оп. 5. Д. 329. Л. 327—329 (протокол допроса Мефодиева следователем секретного оперативного отдела Архгубчека, 28 октября 1920 г.).

¹²¹ ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 122. Л. 27, 57, 58 об., 60, 75 (протокол заседания губернской комиссии по проведению единого партийного билета членов РКП(б), 19 ноября 1920 г., и списки исключенных из РКП(б) во время перерегистрации в Архангельской губернии, сентябрь 1920 — сентябрь 1921 г.).

¹²² ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74. Л. 34—34 об., 41 (заявление Н.Н. Чудинова в президиум ячейки РКП(б) при штабе Беломорского военного округа, 7 марта 1921 г., и ходатайство служащих контрольной палаты об освобождении ревизора Чудинова, 10 февраля 1921 г.); Д. 95. Л. 23 (протокол совещания Архангельской губчека, 27 августа 1920 г.).

¹²³ АРУ ФСБ АО. Д. 18021. Л. 53 об.—54 (материалы допроса С.М. Старкова, июль 1920 г.).

¹²⁴ Вилькицкий Б. Когда, как и кому я служил под большевиками. Воспоминания белогвардейского контр-адмирала. Архангельск, 2001. С. 32.

¹²⁵ См.: АРУ ФСБ АО. Д. П-18126 (дело по обвинению в бегстве за границу со штабом генерала Миллера В. Саханского, Н. Сташевского и М. Васильева).

¹²⁶ Борьба... на Мурмане. Док. 356; Соколов Б. Падение Северной Области. С. 78—79. Похожие попытки показать лояльность режиму демонстрировали крестьяне Вятской губернии после падения правительства Прикомуча, см.: *Retish A. Russia's Peasants in Revolution and Civil War*. P. 192.

¹²⁷ ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 69—72 (телеграмма секретаря Мурманского уездкома Гамаженко в губкомпартии, 2 августа 1920 г.).

¹²⁸ ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 100—101, 113 (протоколы заседаний Печорского уездкома РКП, август—октябрь 1920 г.); Д. 80. Л. 6 (политическая сводка по Северному укрепрайону, 16 декабря 1920-го — 1 января 1921 г.); Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 1. Док. 202, 206, 231, 298.

¹²⁹ ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 108. Л. 135а (доклад Политбюро при Холм-уездмилиции, с 15 по 31 августа 1920 г.); Д. 96. Л. 21 (доклад начальника оперативного отдела ЧК Архангельского порта Прохорова, по 15 февраля 1921 г.).

¹³⁰ Там же. Д. 74. Л. 11 (выписка из информационной сводки Печорского Политбюро, 16—31 января 1921 г.).

¹³¹ Фраза «враг — везде» принадлежит секретарю Азербайджанской коммунистической партии Али Гейдар Караеву, произнесшему ее 9 марта 1920 г. В этой формуле Й. Баберовски видит лейтмотив позднейшего Большого террора. См.: *Baberowski J. Der Find ist überall: Stalinismus im Kaukasus. München, 2003. S. 11.* См. также: *Baberowski, J. Der rote Terror: Die Geschichte des Stalinismus. München, 2003.*

¹³² ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 104. Л. 154 (разговор по прямому проводу председателя Архгубревкома С. Попова с председателем Печорского ревкома Гагаринным, не позднее 11 мая 1920 г.); Л. 113 (доклад Тюгина о работе Печорской организации на заседании президиума Губкома, 24 августа 1920 г.); Д. 88. Л. 1 (информбюллетень губкома, с 14 по 21 сентября 1920 г.).

¹³³ Практика доноительства и «сигналы снизу» сыграли впоследствии важную роль также в период репрессий 1930-х гг. См.: *Fitzpatrick S. Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation in the 1930s // The Journal of Modern History. 1996. Vol. 68. № 4. P. 831—866.*

¹³⁴ АРУ ФСБ АО. Д. П-16049. Л. 1—1 об., 37—38 (следственное дело Г.Т. Мосева). Фамилия красноармейца изменена по просьбе сотрудников архива в связи с правилом защиты свидетелей.

¹³⁵ АРУ ФСБ АО. Д. П-18044. Л. 127 (следственное дело А.И. Сулонова и А.К. Сакина, заявление красноармейца 54-й дивизии, 17 марта 1920 г.). Подобные случаи арестов по доносу см. также: АРУ ФСБ АО. Д. 1007. Л. 16—16 об., 52 (дело В.Н. Куникова и Н.А. Тарасова).

¹³⁶ Там же. Д. П-17950. Л. 8 (дело членов Церковнического партизанского отряда, сообщение уездного сотрудника в Архгубчека, 31 марта 1920 г.).

¹³⁷ Там же. Д. П-17987 (следственное дело Н.И. Стратилатова).

¹³⁸ Там же. Д. П-18126 (дело по обвинению в бегстве за границу со штабом генерала Миллера В. Саханского, Н. Шашевского и М. Васильева).

¹³⁹ Там же. Д. П-17697 (следственное дело Ракитина, 1919—1920 г.).

¹⁴⁰ См., например: АРУ ФСБ АО. Д. 1007. Л. 48 (следственное дело В.Н. Куникова и Н.А. Тарасова, постановление Леуновского волостного собрания с просьбой освободить арестованного бывшего волостного писаря Тарасова). Тарасов был расстрелян 6 ноября 1920 г. Случай заступничества морских команд за арестованных бывших командиров см.: АРУ ФСБ АО. Д. П-17982 (следственное дело А.А. Сычева и А.Н. Смирнова).

¹⁴¹ АРУ ФСБ АО. Д. П-17970 (следственное дело Е.А. и Е.С. Стапельфельд).

¹⁴² Там же. Д. П-18376. Л. 68, 84 (следственное дело К.К. Башмакова).

¹⁴³ ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 23 (протокол совещания Архгубчека при Губисполкоме, 27 августа 1920 г.).

¹⁴⁴ См., например: Там же. Д. 341. Л. 9—32 (протоколы заседаний Архгубчека, январь—февраль 1921 г.).

¹⁴⁵ ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 341. Л. 127—127 об. (секретный протокол заседания тройки Особого отдела охраны северных границ, 15 апреля 1921 г.). См. также: Л. 95-98. Протоколы заседаний тройки, 14, 19 и 28 марта и 5 апреля 1921 г.

¹⁴⁶ О расправах на Севере см.: *Мельгунов С.П.* «Красный террор» в России. С. 96—98. См. также: *Лавин Я.Н.* Архангельская тюрьма в 1920 году. С. 356; *Дойков Ю.В.* Красный террор. Россия. Украина. 1917-1924. Архангельск, 2008. С. 120. Описание случая гибели 600 офицеров на барже см.: ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 26. Л. 62 об. (показание А.Н. Грязнова, командира комендантской роты железнодорожного фронта, 3—4 сентября 1920 г., (Норвегия)).

¹⁴⁷ ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 341. Л. 11 (протокол заседания Архгубчека, 5 января 1921 г.).

¹⁴⁸ Там же. Д. 108. Л. 136—136 об.; Д. 112. Л. 178—179 (выписка из доклада политбюро при Холмуездмилиции, с 15 по 30 сентября 1920 г., и протокол № 7 комиссии по регистрации членов РКП(б) Холмогорского уезда, 23 сентября 1920 г.); *Х.Х. Холмогорский* концентрационный лагерь // Че-ка. Материалы по деятельности Чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922. С. 242—247. См. также: *Applebaum A.* Gulag: A History. New York, 2003. P. 16. Губком РКП(б) также жаловался в центр на «из рук вон плохое» начальство Архангельского лагеря принудительных работ, см., например: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 52. Л. 51—52 (закрытое письмо секретаря губкома П.В. Заславского в ЦК РКП(б) Сталину, не позднее 6 декабря 1922 г.).

¹⁴⁹ ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 4 (письмо начальника территориального округа Виксова в губком РКП(б), 19 мая 1920 г.).

¹⁵⁰ Там же. Д. 68. Л. 70 (сведения о политическо-просветительных организациях в Архангельском гарнизоне, с 1 июня по 1 июля 1920 г.); Д. 74. Л. 16—16 об. (сводка по прохождению мобилизации в Архангельской губернии, 1 по 15 декабря 1920 г.).

¹⁵¹ ОДСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96. Л. 3—21 об. (доклад начальника инженерного управления Беломорского военного округа Лебедева собранию коммунистов Архангельска, 20 января 1921 г.).

¹⁵² *Дойков Ю.* Красный террор. С. 32—94.

¹⁵³ *Мельгунов С.П.* «Красный террор» в России. С. 98. Бывший член Верховного управления С.С. Маслов писал, что осенью 1920 г. под Холмогорами было расстреляно свыше 3000 офицеров, большинство из них с Юга России. См.: *Маслов С.С.* Россия после четырех лет революции. Париж, 1922. С. 106—107. См. также: *Клингер А.* Соловецкая каторга (записки бежавшего) // Архив русской революции. Т. 19. С. 172—173.

¹⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 61. Л. 30—30 об. (копия письма Степанова Ленину, не позднее 1 сентября 1921 г.). Управляющий делами СНК, не оспаривая эти факты, переправил письмо Степанова в ВЧК и ЦК РКП(б) с просьбой обратить внимание на действия местных властей и представителей ЧК, так как «указываемые факты... являются достоянием широких масс» и действуют на последних «кошмарным образом». См.: Там же. Л. 29—29 об. (управделами СНК в ВЧК и ЦК РКП(б), 13 сентября 1921 г.).

¹⁵⁵ Запись устных воспоминаний К.П. Гемп см. в: *Дойков Ю.* Красный террор. С. 276.

¹⁵⁶ Куратов А.А. Архангельский губернский лагерь принудительных работ // Поморская энциклопедия. С. 52.

¹⁵⁷ Leggett G. The Cheka. P. 464.

¹⁵⁸ АРУ ФСБ АО. Картотека. Раздел 45. Материалы по отдельным вопросам истории царской России и ее карательных органов.

¹⁵⁹ АРУ ФСБ АО. Д. П-17697. Л. 224 (следственное дело М.Н. Ракитина, запрос УКГБ по Тульской области в Архангельское УКГБ об А. Шепуреве, март 1956 г.).

¹⁶⁰ О сталинском терроре на Севере см.: Репрессии в Архангельске: 1937—1938: Документы и материалы / Ред. Р.А. Ханталин. Архангельск, 1999; Поморский мемориал: Книга Памяти жертв политических репрессий / Ред. Ю.М. Шперлинг. Архангельск, 1999—2001. Т. 1—3; *Шашков В.Я.* Спецпереселенцы в истории Мурманской области. Мурманск, 2004; *Упадышев Н.В.* Гулаг на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск, 2007.

¹⁶¹ Некоторые из организаторов террора во время и после Гражданской войны, впрочем, впоследствии также играли ведущую роль в терроре 1930-х гг. См.: *Wheatcroft S.* Agency and Terror: Evdokimov and Mass Killing in Stalin's Great Terror // Australian Journal of Politics and History. 2007. Vol. 53. № 1. P. 20—43.

¹⁶² Наиболее влиятельным западным исследованием, подчеркивающим личную роль Сталина в развертывании Большого террора, является книга Р. Конквеста. См.: *Conquest R.* The Great Terror: A Reassessment. Oxford, 1990. См. также: *Baberowski J.* Der rote Terror: Die Geschichte des Stalinismus. München, 2003. О роли конфликтов внутри партийной элиты и противоречий между центром и периферией см.: *Getty A.* Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933—1938. Cambridge, 1985; *Harris J.* The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Cornell, 1999. О значении внешней угрозы в конце 1930-х гг. см., в частности: *Kuromiya H.* The Voices of the Dead: Stalin's Great Terror in the 1930s. New Haven, 2007. P. 2—3. Общий обзор российской и западной исследовательской литературы и результатов изучения террора см.: Stalinism: New Directions / Ed. S. Fitzpatrick. London, 2000. P. 257—261; Cahiers du Monde Russe. 2001. Vol. 42. № 2—4 (La police politique en Union soviétique, 1918—1953).

¹⁶³ О расправах на Юге России см.: *Мельгунов С.П.* «Красный террор» в России. С. 99—119; *Абраменко Л.* Последняя обитель: Крым, 1920—1921 годы. Киев, 2005. О репрессиях, голоде и восстаниях в Закавказье после прихода красных войск см.: *Baberowski J.* Der Find ist überall. S. 256—272.

Заключение

¹ О падении популярности монархии в последние годы существования Российской империи и значении антидинастических слухов см.: *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

² О бывших имперских элитах в 1917 г. см.: *Rendle M.* Defenders of the Motherland: The Tsarist Elite in Revolutionary Russia. Oxford, 2010.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

- Ф. 16. Канцелярия Временного правительства Северной области.
- Ф. 17. Отдел иностранных дел Временного правительства Северной области.
- Ф. 18. Отдел юстиции Временного правительства Северной области.
- Ф. 19. Бюро печати при Временном правительстве Северной области.
- Ф. 29. Управление начальника Мурманского края.
- Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел.
- Ф. 3695. Отдел внутренних дел Временного правительства Северной области.
- Ф. 3811. Управление начальника Архангельской губернии.
- Ф. 4065. Отдел труда Временного правительства Северной области.
- Ф. 5235. Отдел народного образования Временного правительства Северной области.
- Ф. 5805. Личный фонд Н.В. Чайковского.
- Ф. 5867. Общество северян по собиранию и изданию материалов о Гражданской войне на Севере России.

Российский государственный архив
социально-политической истории (РГАСПИ)

- Ф. 17. Центральный комитет (ЦК КПСС).

Оп. 4. Секретариат ЦК.

Оп. 6. Информационный отдел ЦК.

Оп. 33. Переписка Секретно-оперативного отдела и Бюро Секретариата ЦК с местными партийными организациями.

Оп. 84. Бюро секретариата ЦК.

Российский государственный военный архив (РГВА)

- Ф. 39450. Штаб Главнокомандующего русскими вооруженными силами на Северном фронте.
- Ф. 39451. Штаб Мурманского района.

Государственный архив Архангельской области (ГАО)

- Ф. 1. Канцелярия Архангельского губернатора.
- Ф. 32. Архангельская губернская тюрьма.
- Ф. 50. Архангельская городская управа.
- Ф. 83. Архангельское общество изучения Русского Севера.
- Ф. 272. Архангельский Совет рабочих и солдатских депутатов и его исполком (Архсовдеп).
- Ф. 352. Архангельский губисполком (Архгубисполком).
- Ф. 1865. Архангельское губернское земское собрание. Архангельская губернская земская управа.
- Ф. 2617. Архангельская губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (Архгубчека) и политический отдел при Архгубисполкоме.
- Ф. 2703. Архангельский губернский Совет крестьянских депутатов.

Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (ОДСПИ ГАО, бывший Партийный архив Архангельской области)

- Ф. 1. Губернский комитет РКП(б).
- Ф. 240. Архангельский губернский отдел по изучению истории коммунистической партии и Октябрьской революции (Истпарт).

Государственный архив Мурманской области (ГАМО), Мурманск

- Ф. 1027. Мурманский краевой совет. 1918—1919.
- Ф. П-102. Истпарткомиссия при Мурманском окружном комитете ВКП(б).
- Ф. П-2393. Партархив Мурманского обкома КПСС.

Архив регионального управления Федеральной службы безопасности по Архангельской области (АРУ ФСБ АО)

- Д. 1007. Следственное дело В.Н. Куникова и Н.А. Тарасова.
- Д. П-16049. Следственное дело Г.Т. Мосеева.
- Д. П-17697. Следственное дело М.Н. Ракигина.
- Д. П-17950. Следственное дело белых партизан Церковнического отряда.
- Д. П-17970. Следственное дело Е.А. и Е.С. Стапельфельд.
- Д. П-17982. Следственное дело А.А. Сычева и А.Н. Смирнова.
- Д. П-17987. Следственное дело Н.И. Стратилова.
- Д. П-18021. Следственное дело С.М. Старкова.
- Д. П-18044. Следственное дело А.И. Суслонова и А.К. Сакина.
- Д. П-18126. Следственное дело по обвинению в бегстве за границу со Штабом генерала Миллера В. Саханского, Н. Сташевского и М. Васильева.
- Д. П-18376. Следственное дело К.К. Башмакова.
- Д. П-18399. Следственное дело солдат и партизан белой армии.

Д. П-18553. Следственное дело М.И. Рупинского.

Hoover Institution Archives (HIA), Stanford University, Stanford, USA

Evgenii Miller Collection.

University of Michigan, Bentley Historical Library (UMBHL),
Ann Arbor, USA

Polar Bear Expedition Digital Collections. (Электронные коллекции экспедиции «Полярные медведи») (<http://polarbears.si.umich.edu/> — последний просмотр 10 июля 2010 г.).

E.L. Arkins. Diary, 1918—1919.

F.W. Douma. (1918—1919). Diary.

S. Parrish. Diary, 1918—1919.

G.W. Smith. Diary, 1918—1919.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Архангельск.

Архангельские губернские ведомости.

Архангельский край.

Вестник Верховного Управления Северной Области (Архангельск).

Вестник Временного правительства Северной области (Архангельск).

Вестник Северного Бюро Печати. Мурманский отдел.

Вечернее время (Париж).

Возрождение (Париж).

Возрождение Севера (Архангельск).

Голос минувшего на чужой стороне (Париж).

Голос Отечества (Архангельск).

Грядущая Россия / La Russie future (Париж).

За Россию. Газета Северной Области (Архангельск).

Известия Архангельского Губернского Ревкома.

Известия Архангельского губернского ревкома и Архгубкома РКП(б).

Известия Архангельского общества изучения Русского Севера.

Известия Архгубисполкома.

Известия императорского Русского географического общества.

Известия Мурманского краевого Совета рабочих и крестьянских депутатов.

Исторический архив.

Каторга и ссылка.

Красная летопись.

Красный архив.

Красный полюс (Архангельск).

Отечество (Архангельск).

Последние новости (Париж).

Пролетарская революция.

Русский Вестник.

- Русский Север (Архангельск).
 Северное утро (Архангельск).
 Северный день (Архангельск).
 Собрание узаконений и распоряжений Верховного управления Северной области
 / Временного правительства Северной области (Архангельск).
 Современные записки (Париж).
 Часовой (Париж).
 The New Republic (Washington).

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии: Очерки и воспоминания. Архангельск: Тип. «Северолес», 1925.
 1917—1920. Октябрьская революция и интервенция на Севере. Архангельск: Архистпарт, 1927.
Абакумов А.А. Начинали с ликбеза... (Из истории народного образования на архангельском Севере. 1917—1937 гг.). Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1988.
Абраменко Л.М. Последняя обитель: Крым, 1920—1921 годы. Киев: МАУП, 2005.
Аксенов А.Н. Установление Советской власти в Архангельской губернии. Архангельск: Архангельское кн. изд-во, 1956.
Аксенов А.Н., Потылицын А.И. Победа Советской власти на Севере (1917—1920 гг.). Архангельск: Архангельское кн. изд-во, 1957.
Алахвердов Г.Г. Разложение в войсках интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918—1919 годах // Вопросы истории. 1960. № 7. С. 121—134.
 Александр Исаевич Гуковский (Некролог) // Современные записки. 1925. № 23. С. 5—12.
Александрович В. К познанию характера Гражданской войны. Бунт в 5-м Северном стрелковом полку 20 июля 1919 года. Белград: Русская тип., 1926.
Амбросевич Ф.В. Городской голова Архангельска (К 150-летию со дня рождения Вильгельма Вильгельмовича Гувелякена) // Памятные даты Архангельской области. 2007 год. Архангельск: Гос. арх. Архангельской области, 2007. С. 85—89.
 Англичане на Севере (1918—1919 гг.) / Сост. И. Минц // Красный архив. 1927. Т. 6 (19). С. 39—52.
 Антисоветская интервенция и ее крах 1917—1922. М.: Политиздат, 1987.
Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914—1917 г.). М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962.
Аргунов А. Между двумя большевизмами. Париж: Impr. «Union», 1919.
Артлебен М.Н. Архангельск в дни государственного переворота // Известия Архангельского Общества Изучения Русского Севера. 1917. № 3—4. С. 114—129.
 Архангельская городская жилищная перепись 1918 года, с приложением некоторых итогов жилищной переписи 1920 года. Архангельск: Арханг. губ. стат. бюро, 1922.
 Архангельская областная организация КПСС в цифрах. 1917—1981 / Ред. И.А. Наумова, Л.В. Владимирова. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1982.
 Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. Т. 1—3. М.: Изд. Имп. Академии наук, 1904—1910.

- Архангельское Общество изучения Русского Севера. Открытие Общества. Состав правления. Список членов. Архангельск: Арханг. губерн. тип., 1909.
- Байрау Д.* Янус в лаптях: крестьяне в русской революции 1905—1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 19—37.
- Безбережьев С.В.* Эсеровская контрреволюция в октябре—ноябре 1917 г. // Вопросы истории Европейского Севера (Великий Октябрь и социалистическое строительство): Межвузовский сборник. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1986. С. 88—94.
- Безбережьев С.В.* О социальном и численном составе эсеровских организаций в губерниях Северной области в 1917 г. // Вопросы истории Европейского Севера (История Великого Октября на Северо-Западе России): Межвузовский сборник. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1987. С. 108—119.
- Безбережьев С.В.* Об одной попытке белогвардейцев написать историю гражданской войны на севере России // Вопросы истории Европейского Севера (Историография и источниковедение): Межвузовский сборник. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1989. С. 34—50.
- Безбережьев С.В.* Миссия генерала Ключева // Север. 1993. № 7. С. 122—131.
- Белофинны на службе англо-французских интервентов в 1919 г. / Сост. Г. Костомаров // Красный архив. 1940. Т. 1 (98). С. 31—67.
- Белый Север. 1918—1920 гг.: Мемуары и документы / Сост. В.И. Голдин. Вып. 1—2. Архангельск: Аргус, 1993.
- Боговой И.* Морской зверобойный промысел на Севере. Архангельск: Тип. Архгубсоюза, 1923.
- Боговой И.В.* Шенкурское восстание (Записки). Архангельск: Кн. маг. «Призыв», 1924.
- Борман А.А.* А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Вашингтон, 1964.
- Борьба за Советы на Севере (1918—1919): Сборник Истпартоотдела Архангельского губкома ВКП(б). Архангельск: Призыв, 1926.
- Борьба за торжество Советской власти на Севере: Сборник документов (1918—1920) / Ред. Г.Е. Мымрин. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1967.
- Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. Сборник документов и материалов / Ред. В.И. Машезерский и Н.Ф. Славин. Петрозаводск: Госиздат Карельской АССР, 1957.
- Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане: Сборник документов и материалов / Ред. А.С. Мошкин. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1960.
- Борьба за установление и упрочение Советской власти на Севере: Сборник документов и материалов (март 1917 — июль 1918 гг.) / Ред. Г.Е. Мымрин. Архангельск: Архангельское кн. изд-во, 1959.
- Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917—1920). М.: РОССПЭН, 2005.
- Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция: восстание в Петрограде. М.: Наука, 1967.
- Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М.: Наука, 1971.
- Бустрем В.* Октябрь в Архангельске // Каторга и ссылка. 1932. № 11—12 (96—97). С. 285—295.

- В боях за Советский Север: Воспоминания участников борьбы с интервентами и белогвардейцами на Севере в 1918—1920 гг. / Сост. Н.И. Годнев. Архангельск: Сев.-Зап. книжное изд-во, 1967.
- В.О.* Капитан 1-го ранга Чаплин // Часовой. 1947. № 268. С. 6—7.
- Верещанин В.* Очерки Архангельской губернии. СПб.: Тип. Якова Трея, 1849.
- Вилькицкий Б.* Когда, как и кому я служил под большевиками. Воспоминания белогвардейского контр-адмирала. Архангельск: Изд. центр СГМУ, 2001.
- Витуховская М.А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905—1917. СПб.: Норма, 2006.
- Вишняк М.В.* «Современные записки». Воспоминания редактора. Bloomington: Indiana University, 1957.
- Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам: Очерки по истории контр-революции в 1918 году. М.; Л.: Госиздат, 1927.
- Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917—1920 гг.): Сборник документов / Сост. А.Е. Иоффе. Л.: Наука, 1982.
- Вологодская энциклопедия / Ред. Г.В. Судаков. Вологда: Русь, 2006.
- Воронин А.В.* Советская власть и кооперация (Кооперативная политика Советской власти: центр и местные власти Европейского Севера в 1917 — начале 30-х гг.). Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1997.
- Воронин А.В., Федоров П.В.* Власть и самоуправление: Архангельская губерния в период революции (1917—1920 гг.). Мурманск: Тип. «Заполярный труд», 2002.
- Второй период революции. 1906—1907 годы. Часть вторая: Май—сентябрь 1906 года. Кн. 1 / Ред. Г.М. Деренковский. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Второй период революции. 1906—1907 годы. Часть вторая: Май—сентябрь 1906 года. Кн. 2 / Ред. М.С. Симонова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.
- Второй период революции. 1906—1907 годы. Часть третья: Октябрь—декабрь 1906 года / Ред. М.С. Симонова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
- Второй период революции. 1906—1907 годы. Январь—июнь 1907 года. Кн. 1 / Ред. Н.С. Трусова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
- Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь—декабрь 1905 года. Часть вторая / Ред. А.Л. Сидоров. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Гайда Ф.А.* Механизм власти Временного правительства (март—апрель 1917 г.) // Отечественная история. 2001. № 2. С. 141—153.
- Гайда Ф.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2003.
- Ганелин Р.Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л.: Наука, 1975.
- Гейфтер А.* Воспоминания курьера // Архив русской революции / Ред. И.В. Гессен. Берлин: Слово, 1923. Т. 10. С. 114—168.
- Голдин В.И.* Контрреволюция на Севере России и ее крушение (1918—1920 гг.): Учебное пособие. Вологда, 1989.
- Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918—1920. М.: Изд-во Московского ун-та, 1993.
- Голдин В.И.* Интервенты или союзники? Мурманский «узел» в марте—июне 1918 года // Отечественная история. 1994. № 1. С. 74—88.
- Голдин В.И.* Испытания длиной в жизнь: судьба генерала Евгения Миллера // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург: НИЦ «Белая Россия», 1996. № 1. С. 49—64.

- Голдин В.И.* Николай Чайковский в революции и контрреволюции // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах / Ред. Н.И. Дмитриев. Екатеринбург: НИЦ «Белая Россия», 1997. № 4. С. 121—138.
- Голдин В.И.* Россия в гражданской войне: Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск: Изд-во «Боргес», 2000.
- Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск: Солти, 2005.
- Голдин В.И.* Солдаты на чужбине. Русский обще-воинский Союз. Россия и русское зарубежье в XX—XXI веках. Архангельск: Солти, 2006.
- Голдин В.И., Тетеревлева Т.П., Цветнов Н.Н.* Русская эмиграция в Норвегии. 1918—1940 // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке / Ред. В.И. Голдин, Й.П. Нильсен. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1997. С. 103—124.
- Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Т. 1—2. Париж: Т-во объединенных издателей, 1939.
- Гордецкий С.Н.* Образование Северной области // Белое дело. Летопись белой борьбы / Ред. А.А. фон Лампе. Берлин: Медный всадник, 1927. Т. 3. С. 5—14.
- Гражданская война в СССР / Ред. Н.Н. Азовцев. Т. 1—2. М.: Воениздат, 1980—1986.
- Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев / Ред. А.А. Киселев, П.В. Федоров и др. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 2006.
- Гулыга А.В., Геронимус А.И.* Крах антисоветской интервенции США 1918—1920 гг. М.: Учпедгиз, 1952.
- [*Данилевский Н.Я.*] Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. Общие отчеты и предположения. [Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 6]. СПб.: Министерство государственных имуществ, 1862.
- Данилов И.* Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции / Ред. И.В. Гессен. Берлин: Слово, 1924. Т. 14. С. 39—131.
- Декреты Советской власти / Ред. С.Н. Валк и др. М., 1959. Т. 2.
- Деникин А.И.* Путь русского офицера. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.
- Директивы Главного командования Красной армии (1917—1920): Сборник документов / Ред. Г.А. Белилов и др. М.: Воениздат, 1969.
- Директивы командования фронтов Красной армии (1917—1922 гг.) / Сост. Т.Ф. Каряева и др. М.: Воениздат, 1971. Т. 1.
- Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции / Ред. И.В. Гессен. Берлин: Слово, 1922. Т. 3. С. 5—146.
- Дойков Ю.В.* Красный террор. Россия. Украина. 1917—1924. Архангельск: Центр документации, 2008.
- Документы внешней политики СССР / Ред. А.А. Громыко. Т. 1—2. М.: Госполитиздат, 1957—1958.
- Доценко В.Д.* Словарь биографический морской. СПб.: Логос, 2000.
- Драгомирецкий В.С.* Чехословаки в России 1914—1920. Париж; Прага: Изд. автора, 1928.
- Дубровская Е.Ю.* Противоборство панфиннизма и русского великодержавия в Карелии (по материалам источников конца XIX — начала XX вв.) // Вопросы истории Европейского Севера: Межвузовский сб. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1991. С. 55—64.
- Дубровская Е.Ю.* Из истории национально-демократического движения в Карелии в начале XX века // Новое в изучении истории Карелии / Ред. Н.А. Кораблев, В.Г. Макуров, Ю.А. Савватеев. Петрозаводск: РАН, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории, 1994. С. 68—85.

- Дубровская Е.Ю.* Из истории подготовки Ухтинского съезда представителей карельских волостей // Вопросы истории Европейского Севера (Проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX—XX вв.). Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1995. С. 63—72.
- Дубровская Е.Ю.* Общественная жизнь карельского населения Олонецкой и Архангельской губерний в годы российской революции и Гражданской войны (1917—1920) // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза / Ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Социально-политическая мысль, 2005. С. 136—152.
- Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917—1920 гг.). М.: Наука, 1982.
- Евгенов Н.И., Купецкий В.Н.* Русский полярный исследователь Б.А. Вилькицкий // Летопись Севера. М.: Гос. изд-во географической лит-ры, 1964. Т. 4. С. 223—228.
- Ерофеев Н.* Чайковский Николай Васильевич // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия / Ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996. С. 671—672.
- Жеребцов И.Л., Таскаев М.В.* Коми край в годы гражданской войны: население и власть. (Научные доклады. Коми научный центр УрО Российской академии наук. Вып. 331). Сыктывкар: Российская академия наук, Уральское отделение, Коми научный центр, 1994.
- Жилинский А.А.* Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Петроград: Типолит. Северо-Западного округа путей сообщения, 1919.
- Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1: Март — апрель 1917 года / Ред. Б.Ф. Додонов. М.: РОССПЭН, 2001.
- Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников / Сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997.
- Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий, 1881—1903. М.: Мысль, 1973.
- Залесский Н.А.* Флотилия Северного Ледовитого океана в гражданскую войну // Исторические записки. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 71. С. 251—258.
- Залесский Н.А.* Флот Русского Севера в годы первой мировой и гражданской войн // Летопись Севера. М.: Мысль, 1972. Т. 6. С. 130—161.
- Зеленов Н.П.* Трагедия Северной области (Из личных воспоминаний). Париж: Тип. «Франко-рус. печать», 1922.
- Зимина В.Д.* Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград: Изд-во Волгоград. акад. гос. службы, 1997.
- Зимина В.Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны 1917—1920 гг. М.: Изд-во РГУ, 2006.
- Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак: Верховный правитель России. М.: Молодая гвардия, 2006.
- Игнатьев В.И.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. М.: Госиздат, 1922.
- Из истории борьбы карельского народа за власть Советов / Сост. П. Эпштейн // Красный архив. 1940. Т. 5 (102). С. 45—74.
- Из истории национальной политики Временного правительства (Украина, Финляндия, Хива) / Сост. П. Галузо // Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 46—79.

- Изгоев А.С.* Пять лет Советской власти (Обрывки воспоминаний и заметки) // Архив Русской революции / Ред. И.В. Гессен. Берлин: Слово, 1923. Т. 10. С. 5—55.
- Ильин И.А.* Белая идея. (Вместо предисловия) // Белое дело. Летопись белой борьбы / Ред. А.А. фон Лампе. Берлин: Медный всадник, 1926. Т. 1. С. 7—15.
- Ильинский М.В.* Архангельская ссылка: Бытовые очерки из истории архангельской политической ссылки. СПб.: Типолитография «Энергия», 1906.
- Интервенция и северная контрреволюция / Сост. И. Минц // Красный архив. 1932. Т. 1—2 (50—51). С. 97—116.
- Интервенция на Мурмане. В помощь агитаторам и пропагандистам: Сборник материалов к 20-летию освобождения Мурмана от интервентов и белогвардейцев. Мурманск: Ред. газ. «Полярная правда», 1940.
- Интервенция на Севере в документах / Ред. И.И. Минц. М.: Партиздат, 1933.
- Интервенция на Северо-Западе России 1917—1920 гг. / Ред. В.А. Шишкин. СПб.: Наука, 1995.
- Интервенция на Советском Севере. 1918—1920: Сборник Истпарта Архангельского обкома ВКП(б) / Ред. М.С. Пирогов. Архангельск: Архангельское обл. изд-во, 1939.
- Использование интервентами Северного морского пути (1918—1919 гг.) / Сост. Т. Шепелева // Красный архив. 1941. Т. 1 (104). С. 151—198.
- История гражданской войны в СССР. 1917—1922 / Ред. М. Горький и др. Т. 1—5. М.: Гос. изд-во «История гражданской войны», 1935—1960.
- История первой мировой войны, 1914—1918 / Ред. И.И. Ростунов. М.: Наука, 1975. Т. 1.
- История северного крестьянства / Ред. Ю.А. Поляков. Т. 2: Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985.
- История «Союза Возрождения России». Справка С.П. Мельгунова // Красная книга ВЧК / Ред. А.С. Велидов. 2-е изд. М.: Политиздат, 1989. Т. 2. С. 79—87.
- Итенберг Б.С.* Движение революционного народничества: народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М.: Наука, 1965.
- К истории интервенции на Севере / Сост. Н. Прокопенко // Красный архив. 1940. Т. 1 (98). С. 125—144.
- Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. М.: Политиздат, 1990. Т. 1.
- Калевала: Финская народная эпопея / Пер., автор предисл. и примеч. Л.П. Бельский. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1888.
- Карпенко С.* Очерки истории белого движения на Юге России, 1917—1920 гг. М.: Изд-во Ипполитова, 2002.
- Карташев А.В.* Временное правительство и русская православная церковь // Современные записки. 1933. № 52. С. 369—388.
- Кедров М.С.* За Советский Север: Личные воспоминания и материалы о первых этапах гражданской войны 1918 г. Л.: Прибой, 1927.
- Кедров М.С.* Без большевистского руководства (из истории интервенции на Мурмане). Очерки. Л.: Красная газета, 1930.
- Кенез П.* Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений / Ред. Ю.А. Поляков, Ю.И. Игрицкий. М.: Наука, 1994. С. 94—105.
- Кизеветтер А.А.* Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории русского государства. Вологда: Вологодское центр. о-во сельского хозяйства, 1919.
- Кирьяков В.* Дедушка и бабушка русской революции. Н.В. Чайковский и Е.К. Брешко-Брешковская. Петроград: Новая Россия, 1917.

- Кирюхина Е.И.* Всероссийский Крестьянский союз в 1905 г. // Исторические записки. 1955. Т. 50. С. 95—141.
- Киселев А.А., Климов Ю.Н.* Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1977.
- Клингер А.* Соловецкая каторга (записки бежавшего) // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1928. Т. 19. С. 157—211.
- Клоков В.А.* Меншевики на выборах в городские Советы центральной России весной 1918 г. // Меншевики и меньшевизм: Сборник статей / Ред. В.Л. Телицын, С.В. Тютюкин, И.Х. Урилов. М.: Тип. «Новости», 1998. С. 44—68.
- Колоницкий Б.И.* Политическое функционирование англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (Материалы международного colloquium) / Ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 271—287.
- Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
- Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- Корнатовский Н.А.* Северная контрреволюция. 2-е изд. М.: ОГИЗ «Молодая гвардия», 1931.
- Косухин С.Я., Малиновский В.В.* Архангельская социал-демократическая ссылка конца XIX — начала XX в. // Из истории политической ссылки на Европейский Север (XVIII — начало XX в.). Вологда: Вологод. пед. ин-т, 1978. С. 53—105.
- Краткий очерк Архангельской Маргаритинской ярмарки в 1911 г. Архангельск: Арханг. биржевой ком-т, 1912.
- Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг.: «Антоновщина». Документы и материалы / Ред. В. Данилов, Т. Шанин. Тамбов: Междисциплинар. акад. центр социал. наук, 1994.
- Крестьянское движение в Поволжье, 1919—1922. Документы и материалы / Сост. В.П. Данилов, Т. Шанин. М.: РОССПЭН, 2002.
- Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны, 1914—1917 г. Сборник документов / Ред. А.М. Анфимов. М.: Наука, 1965.
- Куратов А.А.* Архангельское общество изучения Русского Севера // Европейский Север России: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня учреждения Архангельского общества изучения Русского Севера (1908 г.). Архангельск: Правда Севера, 1999. С. 191—203.
- Куреньшев А.А.* Всероссийский крестьянский союз. 1905—1930 гг. Мифы и реальность. М.: АИРО-XX, 2004.
- Лапин Я.Н.* Архангельская тюрьма в 1920 году // Красный террор глазами очевидцев / Сост. С.В. Волков. М.: Айрис-пресс, 2009. С. 354—358.
- Левидов М.* К истории союзной интервенции в России. Л.: Прибой, 1925.
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1962—1965. Т. 33, 37, 43, 50, 51.
- Леонов М.И.* Эсеры в революции 1905—1907 гг. Учебное пособие к спецкурсу. Самара: Самарский госуниверситет, 1992.
- Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997.

- Летопись города Архангельска, 1584—1989. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1990.
- Лившиц С. Н. В. Чайковский (По поводу его смерти) // Каторга и ссылка. 1926. № 5 (26). С. 223—232.*
- Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. М.: Язуз-ЭКСМО, 2004.
- Макаров Н. А.* Николай Васильевич Чайковский. Исторический портрет. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2002.
- Макаров Н. А.* Военная интервенция и Гражданская война на Севере России. 1918—1920 гг.: энциклопедический биографический словарь. Архангельск: Правда Севера, 2008.
- Маклаков В. А.* Из воспоминаний. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.
- Максимов С. В.* Год на Севере. 4-е изд. М.: Изд-во П. К. Прянишникова, 1890.
- Мартынов М.* Расчистки в Архангельской губернии. Архангельск: Изд-во Отдела земледелия В. П. С. О., 1919.
- Марушевский В. В.* Год на Севере // Белое дело. Летопись белой борьбы / Ред. А. А. фон Лампе. Берлин: Медный всадник, 1926—1927. Т. 1. С. 16—60; Т. 2. С. 21—61; Т. 3. С. 15—52.
- Маслов С. С.* Россия после четырех лет революции. Париж: Русская печать, 1922.
- Мельгунов С. П.* «Красный террор» в России. 1918—1923. 2-е изд. Берлин: Ватага, 1924.
- Мельгунов С. П.* Н. В. Чайковский в годы гражданской войны (Материалы для истории русской общественности 1917—1925 гг.). Париж: Родник, 1929.
- Метельков П. Ф., Нефедьева Е. В.* Борьба большевиков Мурманской железной дороги за установление и упрочение Советской власти в первые месяцы диктатуры пролетариата // Вопросы истории Европейского Севера (История Великого Октября на Северо-Западе России): Межвузовский сборник. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1987. С. 39—48.
- Миллер Е. К.* Борьба за Россию на Севере. 1918—1920 // Белое дело. Летопись белой борьбы / Ред. А. А. фон Лампе. Берлин: Медный всадник, 1928. Т. 4. С. 5—11.
- Милоков П. Н.* Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Париж: La Source, 1927. Т. 2.
- Миц И. И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931.
- Михайлов И. В.* Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце тоннеля? // Гражданская война в России: события, мнения, оценки: Сборник памяти Ю. И. Кораблева / Сост. Е. Ю. Кораблева, В. Л. Телицын. М.: Раритет, 2002. С. 639—655.
- Мишенев М. А.* Крестьянские организации Европейского Севера России в период двоевластия (март—июнь 1917 г.) // Вопросы истории Европейского Севера России: Межвузовский сборник. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1984. С. 16—27.
- Мишуков Д.* Дни заключения на Иоканьге (воспоминания) // Красный полюс. 1921. № 1. С. 30—35.
- Мымрин Г. Е.* Англо-американская военная интервенция на Севере и ее разгром 1918—1920 гг. Архангельск: Архангельское кн. изд-во, 1953.
- Мымрин Г. Е.* Октябрь на Севере. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1967.
- Мякотин В. А.* Из недалекого прошлого (Отрывки воспоминаний) // На чужой стороне. Историко-литературные сборники / Ред. С. П. Мельгунов. Берлин; Прага: Ватага и Пламя, 1923. Кн. 2. С. 178—199.

- Мякотин В.А.* Н.В. Чайковский (Некролог) // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 4 (17). С. 221—234.
- Назаров П.А.* От Мурманска до Урала. (Участие трудящихся Латвии в борьбе за власть Советов в Поволжье, на Урале и Севере России, 1917—1920 гг.). Рига: Авотс, 1989.
- Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001.
- Население России в XX веке / Ред. Ю.А. Поляков. Т. 1: 1900—1939. М.: РОССПЭН, 2000.
- Незабываемые имена: Биографические очерки / Ред. В.И. Климачев. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979.
- Незабытые могилы: Российское зарубежье. Некрологи 1917—1997. Т. 1—6. М.: Изд-во РГБ «Пашков дом», 1999—2007.
- Нестор Махно: Крестьянское движение на Украине, 1918—1921: Документы и материалы / Ред. В. Данилов, Т. Шанин. М.: РОССПЭН, 2006.
- Николай Васильевич Чайковский. Религиозные и общественные искания. Статьи М.А. Алданова, Е.К. Брешко-Брешковской, Дионео, В.А. Мякотина, Д.М. Одинца, Т.И. Полнера и воспоминания Н.В. Чайковского / Ред. А.А. Титов. Париж: Родник, 1929.
- Никулина Т.В.* Лесоэкспорт на Севере России в годы империалистической войны // Вопросы истории Европейского Севера (История Великого Октября на Северо-Западе России): Межвузовский сборник. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1987. С. 120—131.
- Новикова Л.Г.* Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С. 142—158.
- Новикова Л.Г.* Как белые стали северянами: эмигрантское Общество северян и память о Гражданской войне на Севере России // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ред. Н.Т. Энеева. М.: Наука, 2008. Вып. 2. С. 153—176.
- Обзор Архангельской губернии за 1901 г. Архангельск: Губ. тип., 1902.
- Овсянкин Е.И.* Архангельск: годы революции и военной интервенции 1917—1920. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1987.
- Овсянкин Е.И.* Денежные знаки Северной России, 1918—1923 гг. Архангельск: Архконсалт, 1995.
- Овсянкин Е.И.* «Дело об Архангельском патриотическом женском союзе» (Из истории семьи К.П. Гемп) // Труды XI Съезда русского географического общества. Т. 7: Краеведение и краеведы: Материалы научной конференции, посвященной 105-летию со дня рождения К.П. Гемп. СПб.: Правда Севера, 2000. С. 226—231.
- Овсянкин Е.И.* На изломе истории. События на Севере в 1917—1920 гг.: мифы и реальность. Архангельск: Архконсалт, 2007.
- Октябрьская революция и гражданская война на Севере / Сост. А.И. Потылицын. Вып. 1: Северо-Двинское и Вельско-Шенкурское направление; Вып. 2: Онежское и железнодорожное направление. Архангельск: Партийное изд-во, 1933.
- Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М.: Изд-во «Стрелец», 2001.
- Отчет Архангельского Общества изучения Русского Севера за 1912 год. Архангельск: Арханг. губ. тип., 1913.
- Очерки истории Архангельской организации КПСС / Ред. Ф.В. Виноградов. Архангельск: Северо-Зап. кн. изд-во, 1970.

- Павлов Д.Б.* Соловецкие лагеря особого назначения ОГПУ. 1923—1933 // Репрессированная интеллигенция. 1917—1934 гг.: Сборник статей / Ред. Д.Б. Павлов. М., 2010. С. 320—403.
- Панкратова А.М.* Первая русская революция 1905—1907 гг. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1951.
- Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы / Сост. Н.Д. Ерофеев. Т. 3. Ч. 2: Октябрь 1917 г. — 1925 г. М.: РОССПЭН, 2000.
- Парфенов Н.Н.* Газеты и листовки на Северном фронте (1918—1920 гг.) // Журналистика и жизнь / Ред. А.А. Савенков. Л.: Лениздат, 1967. С. 119—144.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Ред. Н.А. Тройницкий. Ч. 1: Архангельская губерния. Тетради 1—3. СПб.: Изд. Центр. стат. ком. МВД, 1899—1904.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Ред. Н.А. Тройницкий. Вып. 6: Наличное население обоего пола по уездам и городам, с указанием преобладающих вероисповеданий и главнейших сословий. СПб.: Центральный статистический комитет, 1905.
- Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) — РКП(б) с местными партийными организациями: Сборник документов / Ред. Г.Д. Обичкин, А.А. Стручков и др. Т. 1—8. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957—1974.
- Периодическая печать Архангельска и Архангельской области (1838—1968): Библиографический справочник / Сост. А.В. Шабунин. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1971.
- Петров А.К.* Первые с.-д. рабочие кружки в Архангельске. (Из воспоминаний рабочего) // Пролетарская революция. 1923. № 10 (22). С. 29—60.
- Пионтовский С.А.* Гражданская война в России (1918—1921 гг.): Хрестоматия. М.: Ком. ун-т, 1925.
- Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986.
- Поморская энциклопедия. Т. 1: История Архангельского Севера / Ред. В.Н. Булатов. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2001.
- Поморский мемориал: Книга Памяти жертв политических репрессий / Ред.-сост. В.Т. Белов. Т. 1—3. Архангельск: Изд-во Поморского госун-та, 1999—2001.
- Попов Г.П.* Ногою твердой стать при море...: Штрихи к портрету Архангельского порта. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1992.
- Попов Г.П.* Губернаторы Русского Севера. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 2001.
- Попов Г.В.* Старый Архангельск. Архангельск: Правда Севера, 2003.
- Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004.
- Потылицын А.И.* Белый террор на Севере. 1918—1920 гг. Архангельск: Сев. краев. изд-во, 1931.
- Потылицын А.И.* Революционное крестьянское движение на Севере в 1905—1907 гг. Архангельск: Архгиз, 1941.
- Потылицын А.И.* Мы помним и не забудем! (Север под игом англо-американских и французских захватчиков). Архангельск: Архангельское обл. гос. изд-во, 1950.
- Потылицын А.И.* Коммунисты Архангельской парторганизации в борьбе с интервентами и белогвардейщиной 1918—1920 гг. Архангельск: Архангельское кн. изд-во, 1955.

- Приложение к всеподданейшему отчету Архангельского губернатора о состоянии Архангельской губернии за 1894 год. Архангельск: Губ. тип., 1895.
- Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997.
- Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008.
- Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б): август 1917 — февраль 1918. М.: Госполитиздат, 1958.
- Пылькин В.А.* Крестьянство Центра России в Гражданской войне. Общественно-политические настроения, социальные процессы, протест. Рязань: Изд-во «Пресса», 2005.
- Пятницкий Н.В.* Генерал Е.К. Миллер. К 25-летию со дня его трагической гибели // Возрождение (Ежемесячный литературно-политический журнал). 1962. № 131. С. 96—102.
- Рабочий класс в первой российской революции 1905—1907 гг. / Ред. В.И. Бовыкин и др. М.: Наука, 1981.
- Расказов П.П.* Записки заключенного. Архангельск: Изд. Истпартотдела Архангельского губкома ВКП(б), 1928.
- Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель—сентябрь. Часть 1 / Ред. Н.С. Трусова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
- Революционное движение в русской армии в 1917 г. (27 февраля — 24 октября): Сборник документов / Ред. Л.С. Гапоненко, Е.П. Воронин. М.: Наука, 1968.
- Репрессии в Архангельске: 1937—1938: Документы и материалы / Ред. Р.А. Ханталин. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1999.
- Рожденные Вологодчиной: энциклопедический словарь биографий / Сост. М.В. Суров. Вологда: Полиграфист, 2005.
- Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник / Ред.-сост. А.М. Анфимов. СПб.: БЛИЦ, 1995.
- Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь / Ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1997.
- Рынков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 — 1919 г.). Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2008.
- Саблин В.А.* Аграрная революция на Европейском Севере России, 1917—1921 (Социальные и экономические результаты). Вологда: Легия, 2002.
- Самойло А.А., Сбойчаков М.И.* Поучительный урок (Боевые действия Красной армии против интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918—1920 гг.). М.: Воениздат, 1962.
- Санборн Дж.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война (Материалы международного colloquium) / Ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 202—215.
- Северный фронт. Борьба Советского народа против иностранной военной интервенции и белогвардейщины на Советском Севере (1918—1920): Документы / Ред. А.Ф. Горленко и Н.Р. Прокопенко. М.: Военное изд-во, 1961.
- Сибирская Вандея: Документы / Ред. В.И. Шишкин. Т. 1—2. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2000—2001.

- Сибирь в составе Российской империи / Ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923—1960: Справочник / Сост. М.Б. Смирнов. М.: Звенья, 1998.
- Сквозь бури гражданской войны. «Круглый стол» историков / Ред. В.И. Голдин. Архангельск: Географическое общество СССР, Архангельский филиал, 1990.
- Молин А.В. Белое движение на Северо-Западе России (1918—1920 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.
- Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2004.
- Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД 1918—1939: Документы и материалы в 4 томах / Ред. А. Берелович, В. Данилов. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 1: 1918—1922.
- Соколов Б.Ф. Падение Северной Области // Архив русской революции / Ред. И.В. Гессен. Берлин: Слово, 1923. Т. 9. С. 5—90.
- Соловьева И.А. Внутренняя политика Верховного управления Северной области (1918 г.). Дис. ... канд. ист. наук (Московский педагогический гос. ун-т). М., 1994.
- Соловьева И.А. Николай Васильевич Чайковский // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 38—48.
- Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М.: Мысль, 1968.
- Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России: начало XX в. — 1920 г. М.: Мысль, 1977.
- Справочная книга по Архангельскому городскому общественному управлению, 1870—1910. Архангельск: Городская тип., 1910.
- Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917—1924 годы. Архангельск: Архангельское губернское статистическое бюро, 1925.
- Стенографический отчет 4-го чрезвычайного Съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М.: Госиздат, 1920.
- Судзалева А. Союз шенкурских крестьян (Из истории крестьянского движения в Шенкурском уезде Архангельской губернии в 1905—1906 гг.) // Красная летопись. 1925. № 4. С. 166—184.
- Судзальцева В.И. Партийная работа на северном фронте 1918—1919 гг. Архангельск: Севгиз, 1936.
- Супрун М.Н., Косухин С.Я. Политическая ссылка на Европейском Севере в конце XIX — начале XX в.: Краткий библиографический словарь. Вологда: Вологодский гос. пед. институт, 1989. Вып. 1: 1895—1905 гг.
- Сытченко А.В. Народно-социалистическая партия в 1907—1917 гг. М.: РОССПЭН, 1999.
- Танфильев Г.И. По тундрам Тиманских самоедов летом 1892 г. // Известия императорского Русского географического общества. 1894. Т. XXX. Вып. 1. С. 1—41.
- Тарасов В.В. Борьба с интервентами на Севере России (1918—1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1958.
- Таскаев М.В. Антибольшевистское движение в Коми крае (1917—1925 годы). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук (Ин-т языка, литературы и истории Коми научного центра Урал. отд-ния РАН). Сыктывкар, 1996.
- Таскаев М.В. Печорский фронт в 1919 году // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах / Ред. Н.И. Дмитриев. Екатеринбург: НИЦ «Белая Россия», 1997. № 4. С. 74—96.

- Таскаев М.В.* Подполковник Николай Орлов // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург: НИЦ «Белая Россия», 2000. № 7. С. 18—35.
- Тетереви́ева Т.П.* Поревлюционная российская эмиграция на севере Европы 1917 — начала 1920-х гг. // Русский исход / Ред. Е.М. Миронова. СПб.: Алетея, 2004. С. 10—52.
- Трофимов П.М.* Очерки экономического развития Европейского Севера России. М.: Соцэ́гиз, 1961.
- Трошина Т.И.* Архангельск в годы Первой мировой войны: экономические и социокультурные процессы. Дисс. ... канд. ист. наук (Поморский гос. ун-т). Архангельск, 1999.
- Уладышев Н.В.* Гулаг на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2007.
- Ушаков А.И., Федюк В.П.* Гражданская война. Новое прочтение старых проблем // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Ред. Г.А. Бордюгов. М.: АИРО-XX, 1996. С. 206—221.
- Ушаков А., Федюк В.* Лавр Корнилов. М.: Молодая гвардия, 2006.
- Федотова Е.Д.* Революционное движение в Архангельской губернии в годы первой русской революции (1905—1907 гг.). Архангельск: Архангельское кн. изд-во, 1955.
- Федюк В.П.* Белые. Антибольшевистское движение на юге России. 1917—1918 гг. М.: АИРО-XX, 1996.
- Фроленко М.* Чайковский. Его богочеловечество // Каторга и ссылка. 1926. № 5 (26). С. 217—223.
- Фроленко М.Ф.* Собрание сочинений. 2-е изд. М.: Изд-во Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. Т. 1.
- Холодковский В.М.* Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М.: Наука, 1967.
- Холодковский В.М.* Финляндия и Советская Россия. 1918—1920. М.: Наука, 1975.
- Цветаева М.* Лебединый стан: Стихи 1917—1921 гг. / Ред. Г.П. Струве, Ю.П. Иваск. Мюнхен: Einheit, 1957.
- Чайковский Н.В.* Первая заграничная экскурсия Союза Сибирских маслodelьных артелей 1914 г. Курган: Тип. Народной газеты, 1915.
- Чайковский Н.В.* Наш путь к оздоровлению // Грядущая Россия / La Russie future. Ежемесячный литературно-политический и научный журнал. 1920. № 1. С. 132—142.
- Чайковский Н.В.* Об Архангельском перевороте // Последние новости. 1921. 23 сентября.
- Чайковский Н.В.* Через пол столетия. Открытое письмо к друзьям // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 3(16). С. 179—189.
- Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере (1918 г.) // Белое дело. Летопись белой борьбы / Ред. А.А. фон Лампе. Берлин: Медный всадник, 1928. Т. 4. С. 12—31.
- Чарушин Н.* Николай Васильевич Чайковский // Каторга и ссылка. 1926. № 5 (26). С. 213—217.
- Че-ка.* Материалы по деятельности Чрезвычайных комиссий / Ред. и автор введения В.М. Чернов. Берлин: Изд. Центрального Бюро партии социалистов-революционеров, 1922.
- Чичерин Б.Н.* Обзор исторического развития сельской общины в России // Русский Вестник. 1856. Т. 1. С. 373—396, 579—602.

- Чичерин Б.Н.* Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1929.
- Чупров В.И.* О деятельности социалистов-революционеров на Севере Европейской России (1905—1914 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера (Проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX—XX вв.): Сборник научных статей. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1995. С. 133—138.
- Чураков Д.* Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917—1918 годы. М.: РОССПЭН, 2004.
- Шабунин Н.А.* Северный край и его жизнь. Путевые заметки и впечатления по северной части Архангельской губернии. (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Том LXXXIV, № 1). СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1908.
- Шашков В.Я.* Спецпереселенцы в истории Мурманской области. Мурманск: Максимум, 2004.
- Шелохаев В.В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М.: Наука, 1983.
- Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.). М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1949.
- Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск: Изд-во «Карелия», 1973.
- Шустер У.А.* Петербургские рабочие в 1905—1907 гг. Л.: Наука, 1976.
- Энгельгардт А.П.* Русский Север: путевые записки. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1897.
- «Я был похищен агентами Советской власти»: документы о судьбе генерала Е.К. Миллера. 1937—1939 гг. / Публ. Д.Г. Юрасов // Исторический архив. 1997. № 4. С. 160—164.
- Яров С.В.* Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918—1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
- Яров С.В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917—1923 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
- Ярославское восстание, 1918: Документы / Сост. Е.А. Ермолин и В.Н. Козляков. М.: Международный фонд «Демократия», 2007.
- Ярославское восстание: июль 1918 / Ред. В.Ж. Цветков. М.: Посев, 1998.
- Adamets S.* Guerre Civile et Famine en Russie: Le pouvoir bolchevique et la population face à la catastrophe démographique 1917—1923. Paris: Institut d'études slaves, 2003.
- Albertson R.* The Debacle of Archangel // The New Republic. 1919. 19 November. P. 342—346.
- Allison W.* American Diplomats in Russia: Case Studies in Orphan Diplomacy, 1916—1919. Westport: Praeger, 1997.
- Applebaum A.* Gulag: A History. New York: Doubleday, 2003.
- Ascher A.* The Revolution of 1905: Russia in Disarray. Stanford: Stanford University Press, 1988.
- Baberowski J.* Der Find ist überall: Stalinismus im Kaukasus. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003.
- Baberowski J.* Der rote Terror: Die Geschichte des Stalinismus. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003.

- Badcock S.* Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Baron N.* The King of Karelia: Col P.J. Woods and the British Intervention in North Russia 1918—1919: A History and Memoir. London: Francis Boutle Publishers, 2007.
- Baron N.* Soviet Karelia: Politics, Planning and Terror in Stalin's Russia, 1920—1939. New York: Routledge, 2007.
- Barr W.* General Miller's Flight from Arkhangelsk, February 1920 // Polar Record. 1980. Vol. 20. No. 125. P. 119—125.
- Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918: Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien: Oldenbourg, 1966.
- Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture / Eds. Y. Slezkine, G. Diment. New York: St. Martin's Press, 1993.
- The Bolsheviks in Russian Society: The Revolution and Civil Wars / Ed. V.N. Brovkin. New Haven: Yale University Press, 1997.
- Bonhomme B.* Forests, Peasants, and Revolutionaries: Forest Conservation and Organization in Soviet Russia, 1917—1929. Boulder: East European Monographs, 2005.
- Brinkley G.* The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917—1920: A Study in the Politics and Diplomacy of the Russian Civil War. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1966.
- British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print / Eds. K. Bourne, D.C. Watt. Part II. Series A. Vol. 1: Soviet Russia and Her Neighbours, Jan. 1917 — Dec. 1919; Vol. 2: Soviet Russia and Her Neighbours, Dec. 1919 — Mar. 1920. Frederick, Md.: University Publications of America, 1984.
- British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print / Eds. K. Bourne, D.C. Watt. Part II. Series I. Vol. 9: The Peace Settlement and Poland, and the Baltic States; British Foreign Policy towards Russia and the Future of Austria. Frederick, Md.: University Publications of America, 1991.
- Brovkin V.* The Mensheviks' Political Comeback: The Elections to the Provincial City Soviets in Spring 1918 // Russian Review. 1983. Vol. 42. No. 1. P. 1—50.
- Brovkin V.* The Mensheviks after October: Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship. Ithaca: Cornell University Press, 1987.
- Brovkin V.N.* Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918—1922. Princeton: Princeton University Press, 1994.
- Brüggemann K.* Die Gründung der Republik Estland und das Ende des «Einen und unteilbaren Russland». Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918—1920. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002.
- Burbank J.* An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // Критика. 2006. Vol. 7. No. 3. P. 397—431.
- Carley M.* Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917—1919. Kingston: McGill-Queen's University Press, 1983.
- Chamberlin W.H.* The Russian Revolution 1917—1921. Princeton: Princeton University Press, 1987. Vol. 1—2.
- A Chronicler (John Cudahy).* Archangel: The American War with Russia. Chicago: A.C. McClurg, 1924 (частичный перевод: Хроникер (Кьюдахи Дж.). Архангельск: американская война с Россией // Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников / Сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997. С. 404—435).
- Churchill W.* The Aftermath. New York: C. Scribner's Sons, 1929.

- Conquest R.* The Great Terror: A Reassessment. Oxford: Oxford University Press, 1990.
- Crownover R.* The United States Intervention in North Russia — 1918, 1919: The Polar Bear Odyssey. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2001.
- Curtiss J.S.* The Russian Church and the Soviet State, 1917—1950. Boston: Little, Brown, 1953.
- Documents on British Foreign Policy 1919—1939 / Eds. E.L. Woodward, R. Butler. 1st series. London: H.M. Stationery Off., 1949. Vol. 3.
- Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983.
- Engelstein L.* Moscow, 1905: Working-Class Organization and Political Conflict. Stanford: Stanford University Press, 1982.
- Ezergailis A.* The 1917 Revolution in Latvia. New York: Columbia University Press, 1974.
- Faust W.* Rußlands goldener Boden: Der sibirische Regionalismus in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Köln: Böhlau, 1980.
- Fic V.* The Bolsheviks and the Czechoslovak Legion: The Origin of Their Armed Conflict, March-May 1918. New Delhi: Abhinav Publications, 1978.
- Figes O.* Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917—1921. Oxford: Oxford University Press, 1989.
- Figes O.* The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War 1918—1920 // Past and Present. 1990. Vol. 129. P. 168—211.
- Fighting the Bolsheviks: The Russian War Memoir of Private First Class Donald E. Carey, U.S. Army, 1918—1919 / Ed. N.G. Carey. Novato: Presidio, 1997.
- Fitzpatrick S.* Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation in the 1930s // The Journal of Modern History. 1996. Vol. 68. No. 4. P. 831—866.
- Foglesong D.* America's Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917—1920. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995.
- Francis D.* Russia from the American Embassy, April 1916 — November 1918. New York: C. Scribner's Sons, 1921. (Частичный перевод: *Фрэнсис Д.* Россия из американского посольства // Зброшенныя в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников / Сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997. С. 23—83).
- Fraser E.* The House by the Dvina: A Russian-Scottish Childhood. New York: Walker, 1984. (перевод: *Фрезер Е.* Дом над Двиной. Детство в Архангельске. Архангельск: Правда Севера, 1998).
- Fuller W.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia, 1881—1914. Princeton: Princeton University Press, 1985.
- Galili Z.* The Menshevik Leaders in the Russian Revolution: Social Realities and Political Strategies. Princeton: Princeton University Press, 1989.
- Galili Z., Nenarokov A.* The Mensheviks in 1917: From Democrats to Statists // Critical Companion to the Russian Revolution, 1917—1921 / Eds. E. Acton, V.Iu. Cherniaev, W. Rosenberg. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 267—280.
- Gatell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington: Indiana University Press, 1999.
- Gatell P.* Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow: Longman, 2005.
- Gaudin C.* Ruling Peasants: Village and State in Late Imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2007.
- Getty A.* Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933—1938. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

- Graf D.W.* Military Rule behind the Russian Front, 1914—1917: The Political Ramifications // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1974. Band. 22. Heft 3. S. 390—411.
- Great Britain. The Parliamentary Debates: Official Report. House of Commons. 5th Series. London: H.M. Stationery Off., 1918—1919. Vol. 110 (1918); Vol. 114 (1919).
- Halliday E.M.* The Ignorant Armies: The Anglo-American Archangel Expedition, 1918—1919. London: Weidenfeld and Nicolson, 1961.
- Hamburg G.M.* Boris Chicherin and Early Russian Liberalism, 1828—1866. Stanford: Stanford University Press, 1992.
- Harris J.* The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca: Cornell University Press, 1999.
- Hasegawa T.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle: University of Washington Press, 1981.
- Heretz L.* The Psychology of the White Movement // *The Bolsheviks in Russian Society: The Revolution and the Civil Wars* / Ed. V. Brovkin. New Haven: Yale University Press, 1997. P. 105—122.
- Hickey M.* The Rise and Fall of Smolensk's Moderate Socialists: The Politics of Class and Rhetoric of Crisis in 1917 // *Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917—1953* / Ed. D. Raleigh. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2001. P. 14—35.
- Hildermeier M.* Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900—1914). Köln: Böhlau, 1978.
- Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914—1921. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002.
- Holquist P.* «In Accord with State Interests and the People's Wishes»: The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69. No. 1. P. 151—179.
- Ironsides E.* Archangel, 1918—1919. London: Constable, 1953 (перевод: *Айронсайд Э.* Архангельск. 1918—1919 гг. // *Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников: Сборник воспоминаний* / Сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997. С. 213—387).
- Jääskeläinen M.* Die ostkarelistische Frage. Die Entstehung eines nationalen Expansionsprogramms und die Versuche zu seiner Verwirklichung in der Aussenpolitik Finnlands in den Jahren 1918—1920. Helsinki: Finnischen Historischen Gesellschaft, 1965.
- Jahn H.* Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca: Cornell University Press, 1995.
- Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich: Entstehung — Geschichte — Zerfall. München: Beck, 1992 (перевод: *Канпелер А.* Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-традиция, 1997).
- Karasik T.* Revolution and Civil War in Arkhangel'sk, 1917—1920. Ph.D. dissertation, University of California. Los Angeles, 1999.
- Karsch S.* Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Voronež (1917—1919). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006.
- Katzer N.* Die Weisse Bewegung in Russland: Herrschaftsbildung, praktische Politik und politische Programmatik im Bürgerkrieg. Köln: Böhlau Verlag, 1999.
- Kenez P.* The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917—1929. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Kenez P.* Civil War in South Russia, 1918: The First Year of the Volunteer Army. Berkeley: University of California Press, 1971.

- Kenez P.* Civil War in South Russia, 1919—1920: The Defeat of the Whites. Berkeley: University of California Press, 1977.
- Kenez P.* The Ideology of the White Movement // *Soviet Studies*. 1980. Vol. 32. No. 1. P. 58—83.
- Kennan G.* Soviet-American Relations 1917—1920. Vol. 1: Russia Leaves the War; Vol. 2: The Decision to Intervene. Princeton: Princeton University Press, 1956—1958.
- Kettle M.* Russia and the Allies 1917—1920. Vol. 1: The Allies and the Russian Collapse, March 1917 — March 1918. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981; Vol. 2: The Road to Intervention. March — November 1918. New York: Routledge, 1988; Vol. 3: Churchill and the Archangel Fiasco. November 1918 — July 1919. New York: Routledge, 1992.
- Knight N.* Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845—1855 // *Imperial Russia: New Histories for the Empire* / Eds. J. Burbank, D. Ransel. Bloomington: Indiana University Press, 1998. P. 108—147 (перевод: *Haïm H.* Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845 — 1855 // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология* / Ред. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое изд-во, 2005. С. 155—198).
- Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1981.
- Koenker D.* Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War // *Journal of Modern History*. 1985. Vol. 57. No. 3. P. 424—450.
- Kotsonis Y.* Arkhangel'sk, 1918: Regionalism and Populism in the Russian Civil War // *Russian Review*. 1992. Vol. 51. No. 4. P. 526—544.
- Kuromiya H.* The Voices of the Dead: Stalin's Great Terror in the 1930s. New Haven: Yale University Press, 2007.
- Landis E.* Waiting for Makhno: Legitimacy and Context in a Russian Peasant War // *Past and Present*. 2004. Vol. 183. P. 199—236.
- Landis E.* Who Were the «Greens»: Rumor and Collective Identity in the Russian Civil War // *Russian Review*. 2010. Vol. 69. No. 1. P. 30—46.
- Landis E.C.* Bandits and Partisans: The Antonov Movement in the Russian Civil War. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2008.
- Leggett G.* The Cheka: Lenin's Political Police: The All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage (December 1917 to February 1922). Oxford: Clarendon Press, 1981.
- Lincoln B.* The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. London: Jonathan Cape, 1994.
- Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003.
- Long J.* American Intervention in Russia: The North Russian Expedition, 1918—1919 // *Diplomatic History*. 1982. Vol. 6. No. 1. P. 45—67.
- Long J.* Civil War and Intervention in North Russia, 1918—1920. Ph.D. dissertation. Columbia University, 1972.
- Luckett R.* The White Generals: An Account of the White Movement and the Russian Civil War. London: Longman, 1971.
- Mannerheim C.G.* Erinnerungen. Zürich: Atlantis Verlag, 1952 (сокращенный перевод: *Маннергейм К.Г.* Мемуары. М.: Вагриус, 1999).
- Mawdsley E.* The Russian Civil War. 2nd ed. Edinburgh: Birlinn, 2000.

- Mayer A.* Politics and Diplomacy of Peacemaking: Containment and Counterrevolution at Versailles, 1918—1919. New York: Knopf, 1967.
- Maynard C.* The Murmansk Venture. London: Hodder and Stoughton Ltd., 1928.
- Melancon M.* Athens or Babylon? The Birth of the Socialist Revolutionary and Social Democratic Parties in Saratov, 1890—1905 // Politics and Society in Provincial Russia: Saratov, 1590—1917 / Eds. R. Wade, S. Seregny. Columbus: Ohio State University Press, 1989. P. 73—112.
- Melancon M.* The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti-War Movement, 1914—1917. Columbus: Ohio State University Press, 1990.
- Moore J., Mead H., Jahns L.* The History of the American Expedition Fighting the *Bolsheviki*: Campaigning in North Russia, 1918—1919. Detroit: Polar bear Pub. Co., 1920.
- Nachtigal R.* Die Murmanbahn 1915 bis 1919. Kriegsnotwendigkeit und Wirtschaftsinteressen. Remshalden: Greiner, 2007.
- Nielsen J.P.* The Murman Coast and Russian Northern Policies ca. 1855—1917 // In the North My Nest is Made: Studies in the History of the Murman Colonization 1860—1940 / Eds. A. Yurchenko, J.P. Nielsen. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press, 2005. P. 10—27.
- Noulens J.* Mon ambassade en Russie soviétique 1917—1919. Paris: Plon, 1933. Vol. 1—2. (Частичный перевод: *Нуланс Ж.* Моя посольская миссия в Советской России. 1917—1919 гг. // Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников / Сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997. С. 84—161).
- Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Washington: Government printing office, 1931—1932. Vol. 1—3.
- Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Russia. Washington: Government printing office, 1937.
- Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Paris Peace Conference. 1919. Washington: Government printing office, 1946. Vol. 3, 5.
- Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History / Eds. D. Koenker, W. Rosenberg, R. Suny. Bloomington: Indiana University Press, 1989.
- Penter T.* Odessa 1917: Revolution an der Peripherie. Köln: Böhlau, 2000.
- Pereira N.* The Idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia / Russian History. 1993. Vol. 20. No. 1—4. P. 163—178.
- Pereira N.* White Siberia: The Politics of Civil War. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1996. (Сокращенный перевод: *Переира Н.* Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. М.: Ин-т рос. истории, 1996).
- Pereira N.* Regional Consciousness in Siberia before and after 1917 // Canadian Slavonic Papers. 1988. No. 1. P. 113—133.
- Procyk A.* Russian Nationalism and Ukraine: The Nationality Policy of the Volunteer Army during the Civil War. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 1995.
- Rabinowitch A.* Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington: Indiana University Press, 1968 (перевод: *Рабинович А.* Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде. М.: Республика, 1992).
- Rabinowitch A.* The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd. New York: W.W. Norton, 1976 (перевод: *Рабинович А.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 г. в Петрограде. М.: Прогресс, 1989).
- Radkey O.* The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, February to October 1917. New York: Columbia University Press, 1958.

- Radkey O.* The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of the Soviet Rule. New York: Columbia University Press, 1963.
- Radkey O.* The Unknown Civil War in Soviet Russia: A Study of the Green Movement in the Tambov Region, 1920—1921. Stanford: Hoover Institution Press, 1976.
- Radkey O.* Russia Goes to the Polls: The Election to the All-Russian Constituent Assembly, 1917. Ithaca: Cornell University Press, 1990.
- Raleigh D.* Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917—1922. Princeton: Princeton University Press, 2002.
- Raleigh D.* Revolution on the Volga: 1917 in Saratov. Ithaca: Cornell University Press, 1986 (перевод: *Рейли Д.* Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов: Слово, 1995).
- Rawson D.* Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Rendle M.* Defenders of the Motherland: The Tsarist Elite in Revolutionary Russia. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Retish A.* Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1917—1922. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Rhodes B.* The Anglo-American Winter War with Russia, 1918—1919. A Diplomatic and Military Tragicomedy. New York: Greenwood Press, 1988.
- Robbins R.* The Tsar's Viceroy: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca: Cornell University Press, 1987.
- Robien de L.* Journal d'un diplomate en Russie. Paris: Albin Michel, 1967 (частичный перевод: *Робиен Л.* Дневник дипломата в России. 1917—1918 гг. // Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников / Сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997. С. 162—212).
- Robinson P.* «Always with Honour»: The Code of the White Russian Officers // Canadian Slavonic Papers. 1999. No. 2. P. 121—141.
- Robinson P.* The White Russian Army in Exile 1920—1941. Oxford: Clarendon Press, 2002.
- Rosenberg W.G.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917—1921. Princeton: Princeton University Press, 1974.
- Russian-American Relations. March, 1917 — March, 1920. Documents and Papers / Eds. C.K. Cumming, W.W. Pettit. New York: Harcourt, Brace, 1920.
- The Russian Provisional Government 1917: Documents / Eds. R.P. Browder, A.F. Kerensky. Stanford: Stanford University Press, 1961. Vol. 1—3.
- Sanborn J.* The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Re-examination // Slavic Review. 2000. Vol. 59. No. 2. P. 267—289.
- Sanborn J.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905—1925. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003.
- Seregny S.* Peasants and Politics: Peasant Unions during the 1905 Revolution // Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921 / Eds. E. Kingston-Mann, T. Mixer. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 341—377.
- Slezkine Y.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca: Cornell University Press, 1994. (перевод: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008).
- Smele J.* Civil War in Siberia. The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918—1920. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Smith C.J.* Finland and the Russian Revolution 1917—1922. Athens: University of Georgia Press, 1958.
- Schmid A.* Churchills privater Krieg: Intervention und Kontrrevolution im russischen Bürgerkrieg, November 1918 — März 1920. Zürich: Atlantis, 1974.

- Somin I.* Stillborn Crusade: The Tragic Failure of Western Intervention in the Russian Civil War, 1918—1920. New Brunswick: Transaction Publishers, 1996.
- Soutar A.* With Ironside in North Russia. London: Hutchinson & Co, 1940.
- The Spanish Influenza Pandemic of 1918—1919: New Perspectives / Eds. H. Phillips, D. Killingray. London: Routledge, 2003.
- Stalinism: New Directions / Ed. S. Fitzpatrick. London: Routledge, 2000.
- Stewart G.* The White Armies of Russia: A Chronicle of Counter-Revolution and Allied Intervention. New York: The Macmillan company, 1933.
- Strakhovsky L.I.* American Opinion about Russia, 1917—1920. Toronto: University of Toronto Press, 1961.
- Strakhovsky L.I.* Intervention at Archangel: The Story of Allied Intervention and Russian Counter-Revolution in North Russia, 1918—1920. Princeton: Princeton University Press, 1944.
- Such S.* Regionalismus in Sibirien im frühen 20. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2003. Band 51. Heft 4. S. 549—563.
- Surh G.D.* 1905 in St Petersburg: Labor, Society, and Revolution. Stanford: Stanford University Press, 1989.
- Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. London: Longman, 1996.
- Thompson J.* Russia, Bolshevism and Versailles Peace. Princeton: Princeton University Press, 1966.
- The Trotsky Papers, 1917—1922 / Ed. J. Meijer. The Hague: Mouton, 1964—1971. Vol. 1—2.
- Ullman R.* Anglo-Soviet Relations 1917—1921. Vol. 1: Intervention and the War; Vol. 2: Britain and the Russian Civil War, November 1918 — February 1920; Vol. 3: The Anglo-Soviet Accord. Princeton: Princeton University Press, 1961—1972.
- Union of Russian Zemstvos and Towns (London Committee). North-Russian Zemstvos and Municipalities. Statements by the Congress of Zemstvos and Municipalities of North Russia and by the North-Russian Municipal and Zemstvo Delegation to the Peoples of the Allied Countries. London: Union of Russian Zemstvos and Towns, 1919.
- Unterberger B.M.* The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989.
- Upton A.* The Finnish Revolution, 1917—1918. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1980.
- Venturi F.* Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in 19th Century Russia. London: Phoenix Press, 2001.
- Wade R.A.* The Russian Revolution, 1917. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Wheatcroft S.* Agency and Terror: Evdokimov and Mass Killing in Stalin's Great Terror // Australian Journal of Politics and History. 2007. Vol. 53. No. 1. P. 20—43.
- Wildman A.* The End of the Russian Imperial Army. The Old Army and the Soldiers' Revolt (March—April 1917). Princeton: Princeton University Press, 1980.
- Willett R.* Russian Sideshow: America's Undeclared War, 1918—1920. Washington: Brassey's, 2003.
- Wilson W.* Folklore and Nationalism in Modern Finland. Bloomington: Indiana University Press, 1976.
- Worobec C.* Horse Thieves and Peasant Justice in Post-Emancipation Imperial Russia // Journal of Social History. 1987. Vol. 21. No. 2. P. 281—293.
- The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government / Eds. T. Emmons, W. Vucinich. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГЖУ — Архангельское губернское жандармское управление.
АОКМ — Архангельский областной краеведческий музей.
АРУ ФСБ АО — Архив регионального управления Федеральной службы безопасности по Архангельской области.
ВПСО — Временное правительство Северной области.
ВУСО — Верховное управление Северной области.
ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.
ГАО — Государственный архив Архангельской области.
ГАМО — Государственный архив Мурманской области.
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
ОДСПИ ГАО — Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области.
ПСС — Полное собрание сочинений.
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.
РГВА — Российский государственный военный архив.
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков).
РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков).
ЦК — центральный комитет.
- FRUS — Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (1918. Russia. Washington, 1931—1932. Vol. 1—3; 1919. Russia. Washington, 1937).
HIA — Hoover Institution Archives.
UMBHL — University of Michigan, Bentley Historical Library (Ann Arbor, USA).

СПИСОК КАРТ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Карта 1. Архангельская губерния на рубеже XIX–XX веков (Энциклопедический словарь / Ред. И.Е. Андреевский. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон, 1890–1904).
Карта 2. Гражданская война на севере и северо-востоке России в 1918–1919 г.

1. Вид Архангельска с Северной Двины на рубеже XIX–XX веков. (*Энгельгардт А.П.* Русский Север: путевые записки. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1897).
2. Город Холмогоры, начало XX века (АОКМ).
3. Северная деревня. Село Шеговары, открытка начала XX века (АОКМ).
4. Дорога в Архангельской губернии (АОКМ).
5. Союзная эскадра в Мурманском порту, 1918 г. (ГАМО).
6. Союзные дипломаты и члены Временного правительства Северной области в здании американского представительства в Архангельске, октябрь 1918 г. Сидят, слева направо: сербский посланник Д. Сполайкович, управляющий Отделом юстиции С.Н. Городецкий, итальянский посол П. делла Торрета, председатель правительства Н.В. Чайковский, американский посол Д. Фрэнсис, управляющий Отделом финансов И.А. Куракин, британский представитель Ф. Линдлей, управляющий Отделом торговли и промышленности Н.В. Мефодиев. Стоят, слева – секретарь правительства и управляющий Отделом народного образования П.Ю. Зубов, китайский представитель Чен Йи Чи, бразильский представитель Келш, председатель Финансово-экономического совета Н.В. Грудистов, секретарь американского посла Джонстон, помощник генерал-губернатора по гражданской части Н.К. де Боккар (USA National Archives, воспроизводится по изд.: *Ullman R.* Intervention and the War. Princeton, 1961).
7. Генерал-губернатор Северной области Е.К. Миллер (ГАМО).
8. Союзное командование в Архангельске, в центре – генерал У.Э. Айронсайд (АОКМ).
9. Торжественная встреча британских добровольческих бригад, июнь 1919 г. (ГАМО).
10. Белые добровольцы маршируют по улицам Архангельска (АОКМ).
11. Генералы В.В. Марушевский и У.Э. Айронсайд на смотре первого отряда Национального ополчения, апрель 1919 г. (USA National Archives, воспроизводится по изд.: *Ullman R.* Britain and the Russian Civil War. Princeton, 1968).
12. Передача знамени Национальному ополчению на Соборной площади Архангельска, апрель 1919 г. (ГАМО).
13. Смотр Национального ополчения, апрель 1919 г. (АОКМ).
14. Конная разведка Белой армии (АОКМ).
15. Гужевая перевозка грузов в Северной области (USA National Archives).
16. Разрушенная в результате боев деревня на Пинежском фронте (ГАМО).
17. Пленные красноармейцы с охраной на Северном фронте (ГАМО).
18. Бараки для заключенных на Иоканье (АОКМ).
19. Военные учения красноармейцев в дер. Кочмас, 1919 г. (АОКМ).
20. Красноармейцы с останками жертв белого террора, март 1920 г. (ГАМО).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адамец С.* 326
Айронсайд У.Э. 107, 132, 133, 135, 142, 144, 145, 205, 227, 228, 231—233, 371
Акутин П.Т. 219, 220
Алашев П. 63
Александров С.С. 254
Алексеев М.В. 68
Альбертсон Р. 145
- Багриновский И.В. 234, 338
Бартенев В.В. 55
Бачулис И. 260
Башмаков К.К. 259
Беляев Н.И. 49
Берген А. 43
Берс 328
Бечин М.И. 121, 122, 151
Бибииков С.Д. 41, 49
Бидо В.Ф. 74
Боев М. 300
Боккар Н.К. де 371
Брамсон В.М. 198
Бустрем В.В. 57
Буторин П. 51
Бьюкенен Дж. 98
- Валуев А.М. 278
Валюшис О.И. 57
Вельможный А.И. 63
Веселаго Г.М. 198
Викорст Н.Э. 80, 297, 327
Вилькицкий Б.А. 239, 256
Вильсон В. 69, 131, 134
Виноградов П. 67
Витте С.Ю. 25
Витукевич К.Я. 209
Вольский В.К. 121
Врангель П.Н. 262
- Вудс П. 144
Вуличевич Б.Н. 250
- Гайлит И.Я. 218
Галецкий И.В. 27, 33, 273
Гейман 245
Голубев Д.Ф. 29
Гольдштейн М.Ю. 29
Гольц Р. фон дер 70
Гончарик В.К. 62
Городецкий С.Н. 81, 100—102, 119, 146, 234, 371
Грин Дж. 143
Грудистов Н.В. 371
Гувелякен В.В. 29, 37, 38, 48, 49, 54, 55, 277
Гуковский А.И. 84, 85, 88, 92—94, 96, 244, 293, 338
- Давыдов В.Н. 167
Данилевский Н.Я. 25
Данишевский И.И. 242
Дедусенко Я.Т. 76, 78, 84—88, 93, 95, 96, 99, 100, 105, 106, 293
Деникин А.И. 226, 236, 243
Детков А. 215
Джонстон 371
Диакторский П.А. 222
Добровольский С.Ц. 176
Дойков Ю. 260
Доноп 95, 96
Достоевский Ф.М. 77
Драгунов А. 194
Драшусов А. 167
Дуров Б.А. 100, 106, 107, 297, 327
- Едовин Е.В. 59, 235, 247
Ермолов В.В. 141, 143, 185, 188, 198, 233, 244, 252, 254, 311

- Ермолова О.Н. 254
- Жилинский В.А. 113, 143, 236
- Житков А.А. 51, 57
- Звегинцев Н.И. 198
- Зеленов Н.П. 94, 230
- Зинкевич Т.П. 57
- Зубов П.Ю. 84, 85, 88, 90, 96, 100, 114, 115, 119, 174, 235, 293, 335, 371
- Иванов А.А. 56, 91, 96, 116, 123, 125, 244, 249
- Иванов М.Т. 55
- Игнатъев В.И. 76, 109, 114, 116, 124, 234, 299
- Изгоев А.С. 214
- Исупов А.Е. 55, 273
- Каледин А.М. 68
- Каменецкий Н.И. 335
- Капустин П.П. 292
- Караев А.Г. 343
- Катцер Н.* 312
- Качалов Н.А. 25
- Качалов Н.Н. 34
- Квевцинский М.Ф. 244
- Квятковский М.Ф. 56
- Кедров М.С. 59, 65, 67, 74, 256
- Келш 371
- Кемп Т.У. 39, 70
- Кербер Л.Б. (Корвин Л.Ф.) 38, 41, 49, 278
- Керенский А.Ф. 58, 94, 106, 109, 289
- Кетлинский К.Ф. 62
- Кизеветтер А.А. 25
- Клюев Н.А. 188
- Кобылин З. 222
- Кобылин И. 222
- Козлов 193, 194
- Колоницкий Б.И.* 310
- Колчак А.В. 73, 83, 96, 112, 119, 123, 124, 177, 182, 186—188, 226, 228, 233, 234, 236, 243, 300
- Конквест Р. 345
- Константинов А. 215
- Коптяков П.В. 118, 300
- Копылов С. 216
- Корвин Л.Ф. см. Кербер Л.Б.
- Корнатовский Н.* 288
- Корнилов Л.Г. 58, 68, 106, 109
- Коул Ф. 69
- Кошкин К.А. 57
- Кроми Ф. 72
- Кулаков 211
- Куракин И.А. 177, 295, 302, 371
- Куратов А.А.* 261
- Курицын А. 44
- Ларионов С.Н. 63, 201
- Лебедев И.А. 275
- Леванидов П.А. 273
- Лейцингер Я.И. 38, 277
- Ленин В.И. 59, 68, 88, 261, 303
- Леонов М.И.* 275
- Лерхе 243, 244
- Линдлей Ф. 98, 141, 371
- Литвинов М.М. 106
- Лихач М.А. 76, 84, 85, 87, 88, 93, 94, 96, 99, 100, 158, 293
- Ллойд Джордж Д. 134
- Лоушкин 194
- Лошманов 81
- Маймистов К.Г. 102, 114, 116, 335
- Макарьин М.Ф. 125
- Маклаков В.А. 112, 139
- Маликов А.К. 77
- Мальшев А.Н. 215
- Мальшев Д.Н. 215
- Мальшев М. 215
- Мандельбаум М. 211, 213, 222, 330
- Маннергейм К.Г. 183, 186, 187
- Мартюшин Г.А. 84, 85, 87, 96, 293
- Марушевский В.В. 107, 111, 113—115, 119, 122, 143, 144, 186, 187, 210, 224, 247, 297, 299, 327, 328, 371
- Маслов С.С. 75, 76, 78, 84—87, 93, 96, 99, 100, 106, 204, 293, 344
- Мейнард Ч. 142, 150, 185
- Мелехов С.Г. 194
- Мельгунов С.П.* 269

- Мефодиев Н.В. 28, 55, 100, 102, 105, 119, 234, 255, 258, 273, 371
 Мехренгин 199
 Миллер Е.К. 10, 83, 107—113, 115—119, 143, 146, 186—188, 201, 232—236, 240, 241, 243, 244, 246—250, 252, 256, 258, 264, 297, 299, 338, 339, 371
 Минин К. 209
 Михаил Александрович, вел. кн. 97
 Михайлов Г.С. 275
 Могучий Е. 81, 209
 Мосеев Г.Т. 216, 258, 292
 Мосорин А.И. 62
 Моторин Я.А. 194, 199
 Мурузи А.А. 145, 243, 244

 Нафанаил, епископ Архангельский и Холмогорский 319
 Нечаева Е. 61
 Николай II, император 48, 109, 263
 Новов М.С. 57
 Нуланс Ж. 69, 98, 141, 297

 Орлов Н.П. 202, 237
Осипова Т.В. 324

 Павел, епископ Пинежский 179, 319
 Пожарский Д. 209
 Покотило А.А. 29
 Полонский П. 198
 Попов А.Е. 249
 Попов В. 37
 Посохов С.А. 49
 Постников А.П. 97
 Потапов Н.Д. 80
 Потехин Д. 219
Потылицын А.И. 200, 325
 Преображенский Г.Н. 193,
 Пуль Ф.К. 14, 81, 95, 96, 99, 105, 107, 130—132, 138, 139, 142, 227, 294
 Пычкин 199

 Раkitин М.Н. 215, 216, 220, 221, 258
 Репман А.А. 249
Ретиш А. 319

 Робинс Р. 69
 Родзянко М.Ф. 48
 Роулинсон Г. 334
 Рупинский М.И. 255

 Савицкий П.Н. 50
 Савицкий Н.П. 49
 Садлер-Джексон Л. 144
 Сакин А.К. 258
 Самарин С.Н. 106, 107, 297
 Сандровский О. 215
 Сергеев, газетчик 41
 Скобельцын В.С. 242, 244
 Скоморохов П.П. 124, 235, 247, 249, 339
 Смирнов Н.С. 118
 Смирнов Т. 259
 Соколов А.Ф. 33
 Соколов Б.Ф. 115, 224, 249
 Сомов Е.И. 50
 Сосновский И.В. 22
 Соутар Э. 144
 Сполайкович Д. 371
 Ставров 211
 Стапельфельд Е.А. 259
 Старков С.М. 216, 256
 Старцев Н.А. 28, 55, 74, 90, 91, 96, 97, 99, 273
 Степанов 261, 344
 Стольберг К. 187
 Стратилатов Н.И. 255, 258
Страховский Л. 9
 Студентов 180
 Судаков И.Ф. 202
 Суегин А.А. 125
 Суздальцева В.И. 61
 Сулимов С.Н. 287
Сэнборн Дж. 328

 Тарасов Н.А. 343
 Терешенко М.И. 297
 Тизенгаузен Э.П. 188, 249
 Тимме Я.А. 57, 61
 Толстой Л.Н. 77
 Томилов И.С. 273
 Торнхилл К. 295

- Торрета П.Т. дела 98, 371
Троцкий Л.Д. 68
Трошина Т.И. 280
Тубанов С.И. 63
Туфиаз С. 57, 284
Тыркова—Вильямс А.В. 68, 69
- Угрюмов А.П. 278
Ульман Р. 309
Успенский Г.В. 121
- Фагоринский Е. 17, 25, 45
Файджес О. 328
Федоров И., священник 51
Федоров И.И. 278
Федоров М.М. 102, 121, 296
Фрэнсис Д. 69, 98, 99, 131, 142, 371
Фуллер У. 276
- Харитонов Е. 219
Холквист П. 269, 306
- Цапенко В.Н. 335
Цветаева М. 7
Цейтлин С.М. 121
- Чайковский Н.В. 10, 76—79, 83—85,
88—97, 99—101, 103, 109, 111—
115, 117—119, 123, 139, 157, 174,
176, 182, 184, 199, 233, 236, 293,
294, 297—300, 335, 339, 371
Чаплин Г.Е. (Томпсон) 72—75, 79, 91—
97, 99, 105, 115, 139, 295, 327
Чарковский М.М. 95
Чен Йи Чи 371
Черчилль У. 135, 231
Чичерин Б.Н. 24
Чудинов Н. 256, 258
- Шалагин А. 215
Шаньгин М. 212
Шаравин Н.И. 29
Шекльтон Э. 141
Шепурев А. 261
Шергольд Е.И. 29
Шидловский Н.В. 34
- Шипчинский В.В. 49, 92
Штоп Л. 180
Щенников А.П. 211—213
- Энгельгардт А.П. 22
- Юденич Н.Н. 185—187, 226, 236, 243
Юрьев А.М. 71, 198
- Янг Д. 69

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Краткий обзор источников	12
СТРУКТУРА РАБОТЫ	13
Слова признательности	15
Глава 1	
АРХАНГЕЛЬСКИЙ СЕВЕР В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	17
РУССКИЙ СЕВЕР И РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ	24
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ	27
РАБОЧЕЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ	33
Первая мировая война и Архангельская губерния	37
Глава 2	
РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. НА СЕВЕРЕ И РОЖДЕНИЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ	47
Февральская революция 1917 г. в Архангельской губернии	48
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В АРХАНГЕЛЬСКЕ В 1917 Г.	54
АРХАНГЕЛЬСКИЙ ОКТЯБРЬ 1917 Г.	59
Начало интервенции Антанты и мировая война	68
Рождение антибольшевистской Северной области	71
Глава 3	
ПРАВИТЕЛЬСТВО СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ	83
Верхнее управление Северной области	84
Временное правительство Северной области и региональная общественность	101
Генерал-губернатор Северной области	105
Генерал Е.К. Миллер	108
Миллер и Северное правительство	111
Миллер и северные социалисты	116
Глава 4	
СОЮЗНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ	128
Военная кампания союзников на Севере России	129
Союзная интервенция и белые политики	136
Союзная интервенция и белая армия	142
Союзная интервенция и население Северной области	148

Глава 5

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ	153
Социальная политика Северного правительства и экономика	
Архангельской губернии	155
Рабочий вопрос	157
Продовольственное обеспечение	162
Медицина и борьба с эпидемиями	164
Просвещение	166
Земельная политика и поземельные конфликты	170
Церковная политика	178
Национальная политика и вопрос о карельской автономии	181

Глава 6

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ И НАРОДНАЯ ВОЙНА	191
Локальные «контрреволюции» и местное управление Северной области	192
Местное управление и белый террор	197
Армия Северной области	203
Национальное ополчение Северной области	209
Белые партизаны	210
Белое командование и партизаны	217

Глава 7

ПАДЕНИЕ БЕЛОГО СЕВЕРА И СОВЕТИЗАЦИЯ	
Архангельской губернии	226
Летняя военная кампания 1919 г. и завершение союзной интервенции	227
Северное правительство и политический кризис августа 1919 г.	231
Белая армия и тыл осенью—зимой 1919 г.	236
Распад Северной армии	243
Политический кризис января 1920 г. и падение Северной области	246
Советский Север	253
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	263
Примечания	267
Список использованных источников и литературы	346
Список сокращений	370
Список карт и иллюстраций	371
Именной указатель	372

Людмила Новикова
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ «КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ»:
БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
НА РУССКОМ СЕВЕРЕ,
1917—1920

Редактор *В. Макаров*
Художник *Д. Черногаев*
Корректоры *Э. Корчагина, О. Семченко*
Верстка *С. Петров*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
<http://www.nlobooks.ru>

Формат 60x90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 24. Тираж 1000. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
“Ульяновский Дом печати”»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

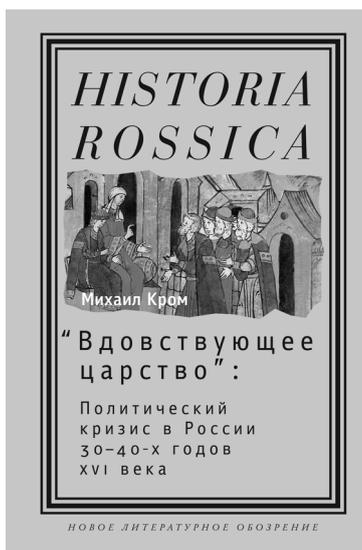
Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2010 год

Серия «HISTORIA ROSSICA»

Михаил Кром
«ВДОВСТВУЮЩЕЕ ЦАРСТВО»

Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века

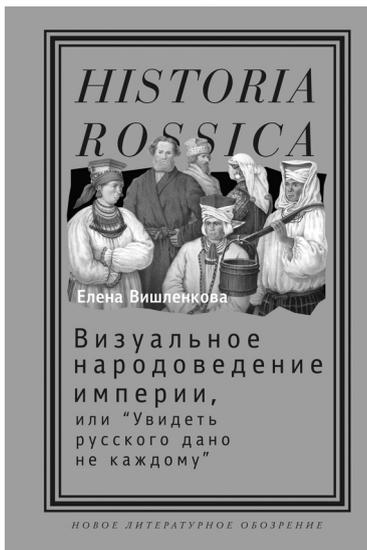
Что происходит со страной, когда во главе государства оказывается трехлетний ребенок? Таков исходный вопрос, с которого начинается данное исследование. Книга задумана как своего рода эксперимент: изучая перипетии политического кризиса, который пережила Россия в годы малолетства Ивана Грозного, автор стремился понять, как была устроена русская монархия XVI в., какая роль была отведена в ней самому государю, а какая — его советникам: боярам, дворецким, казначеям, дьякам. На переднем плане повествования — вспышки придворной борьбы, столкновения честолюбивых аристократов, дворцовые перевороты, опалы, казни и мятежи; но за этим событийным рядом проступают контуры долговременных структур, вырисовывается архаичная природа российской верховной власти (особенно в сравнении с европейскими королевствами начала Нового времени) и вместе с тем — растущая роль нарождающейся бюрократии в делах повседневного управления.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2011 год

Серия «HISTORIA ROSSICA»

Елена Вишленкова
**ВИЗУАЛЬНОЕ НАРОДОВЕДЕНИЕ ИМПЕРИИ,
ИЛИ «УВИДЕТЬ РУССКОГО ДАНО НЕ КАЖДОМУ»**

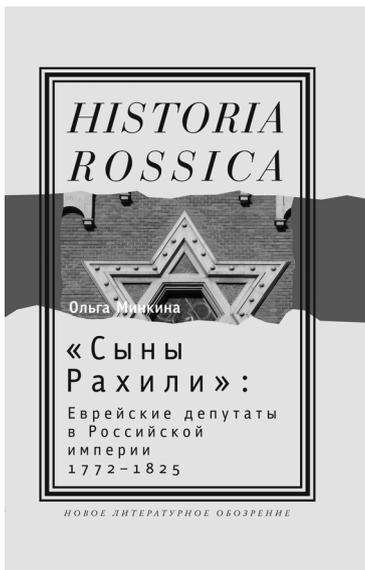
В книге анализируются графические образы народов России, их создание и бытование в культуре (гравюры, лубки, карикатуры, роспись на посуде, медали, этнографические портреты, картуши на картах второй половины XVIII — первой трети XIX века). Каждый образ рассматривается как единица единого визуального языка, изобретенного для описания различных человеческих групп, а также как посредник в порождении новых культурных и политических общностей (например, для показа неочевидного «русского народа»). В книге исследуются механизмы перевода в иконографическую форму этнических стереотипов, научных теорий, речевых топосов и фантазий современников. Читатель узнает, как использовались для показа культурно-психологических свойств народа соглашения в области физиогномики, эстетические договоры о прекрасном и безобразном, увидит, как образ рождал групповую мобилизацию в зрителях и как в пространстве визуального вызревало неоднозначное понимание того, что есть «нация». Так в данном исследовании выявляются культурные границы между народами, которые существовали в воображении россиян в «донациональную» эпоху.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2011 год

Серия «HISTORIA ROSSICA»

Ольга Минкина
«СЫНЫ РАХИЛИ»: ЕВРЕЙСКИЕ ДЕПУТАТЫ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, 1772—1825

На первом плане в этом исследовании — встреча различных представителей еврейского населения с имперской администрацией и аристократией, описанная как сложный процесс взаимодействия интересов, намерений и, конечно же, самих личностей. Ольга Минкина прослеживает динамику вхождения в империю различных земель бывшей Речи Посполитой, населенных евреями, параллельно с анализом изменений в восприятии евреев российскими бюрократами. Само еврейское население предстает в книге разнородным и сложно организованным конгломератом сообществ, пронизанным внутренними конфликтами. Не замыкаясь в рамках собственно еврейской истории, автор освещает целый ряд сюжетов и делает серию выводов, ценных для изучения общих проблем сословных привилегий в империи, механизмов и языков описания национальной и конфессиональной политики.

Издания

«Нового литературного обозрения»

(журналы и книги)

можно приобрести в магазинах:

Интернет-магазин издательства «НЛО» — www.nlobooks.mags.ru

в Москве:

«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, т. (495)924-46-80

Галерея книги «Нина» — ул. Бахрушина, 28, т. (495)959-20-94

«Гилея» — Тверской бульвар, 9 (помещение Московского музея современного искусства), тел. (495) 925-81-66

ГЦСИ — ул. Зоологическая, д.13, т. (495)254-06-74

Киоск «Новой газеты» на Страстном бульваре

Книготорговая компания «Берроунз» — т. (495)971-47-92

«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий мост, 18; т. (495)624-46-45

«Кульг-парк» — магазин в здании ЦДХ на Крымском Валу

«Лавочка детских книг» — Старый Арбат, д.10, ТЦ «Старая улица», 3-й этаж
т. (495)973-32-82

«Москва» — ул. Тверская, 8, т. (495)629-6483, (495)797-87-17

«Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, 8, т. (495)789-35-91

«Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, т. (495)238-50-01

«Проект ОГИ» — Потаповский пер., 8/12, стр. 2, т. (495)627-56-09

«Старый свет» — книжная лавка при Литинституте. Тверской бульвар, 25
(вход с М. Бронной), т. (495)202-86-08

«У Кентавра» — РГГУ, ул. Чайнова, д.15, т. (495)250-65-46

«Фаланстер» — М. Гнезниковский пер., д.12/27, т. (495)629-88-21

в Санкт-Петербурге:

Склад издательства — Лиговский пр., д. 27/7, т. (812)579-50-04

«Академкнига» — Литейный пр., 57, т. (812)230-13-28

«Вита Нова» — Менделеевская линия, 5, т. (812)328-96-91

Киоск в Библиотеке Академии наук — ВО, Биржевая линия, 1

Киоск в Доме кино — Караванная ул., 12 (3 этаж)

«Книги и кофе» — Наб. Макарова, 10 (кафе-клуб

при Центре современной литературы и искусства), т. (812)328-67-08

«Книжная лавка писателей» — Невский пр., 66, т. (812)314-47-59

«Книжная лавка» в фойе Академии художеств — Университетская наб., 17

Книжные салоны при Российской национальной библиотеке —

Садовая ул., 20; Московский пр., 165, т. (812)310-44-87

«Книжный окоп» — Тучков пер., д.11/5 (вход в арке), т. (812)323-85-84

«Книжный салон» — Университетская наб., 11 (в фойе

филологического факультета СПбГУ), т. (812)328-95-11

Книжный магазин-клуб «Квилт» — Каменноостровский пр., 13,
т. (812) 232-33-07

«Подписные издания» — Литейный пр., 57, т. (812)273-50-53

«Порядок слов» — Наб. реки Фонтанки, 15 (магазин при РХГА),

т. (812)310-50-36

«Ретро» — Стенд № 24 (1 этаж) на книжной ярмарке в ДК Крупской;

ул. Обуховской обороны, 105

«Санкт-Петербургский Дом книги» (Дом Зингера) — Невский пр., 28,
т. (812)448-23-57
«Фонотека» — ул. Марата, 28, т. (812)712-30-13

в Екатеринбурге:

«Дом книги» — ул. Антона Валека, т. (343)358-12-00

в Нижнем Новгороде:

«Дирижабль» — ул. Б.Покровская, д.46, т. (312)31-64-71

в Воронеже:

«Галерея»

в Красноярске:

«Русское слово» — ул. Ленина, д.28, т. (3912)27-13-60

в Ярославле:

«Книжная лавка гуманитарной литературы» — т. (4852)72-57-96

в Минске:

ИП Людоговский А.С. — ул. Козлова, 3.

ООО «МЕТ» — т. 10-375-172-84-90-21; 10-375-172-84-36-21(факс)

в Киеве:

ООО «АВР» — т. (044)273-64-07

Книжный интернет-магазин «Лавка Бабуин» (<http://lavkababuin.com>)

ул. Верхний Вал, 40, оф. 7 (код #423),

т.: +38(044)537-22-43; +38(050) 444-84-02

Книжный рынок «Петровка», Павел Швед, т.: + 38(068) 358-00-84

в Стокгольме:

Русский книжный магазин «INTERBOK» — Hantverkargatan, 32, Stockholm,
т. 08-651-11-47

а также в Интернете:

www.bolero.ru

<http://lavkababuin.com>

www.mkniga.com

www.ozon.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Новое Литературное Обозрение

Интернет-магазин www.nlobooks.ru

Возможность купить книги НЛО по ценам издательства,
которые значительно ниже цен в книжных магазинах

Доставка в любой регион России

**Специальные сервисы
для покупателей интернет-магазина:**

Раздел «Раритеты»

Возможность оформить заказ на редкие книги
нашего издательства, тираж которых почти распродан.

Раздел «Print on demand»

Возможность купить книги «НЛО», которые уже давно
стали библиографической редкостью.

Мы специально издадим эти книги для Вас
по уникальной технологии «Print on Demand»,
которая позволяет напечатать любую книгу тиражом
всего в 1 экземпляр.

Раздел «Специальные предложения»

Возможность купить отдельные книги издательства
со значительными скидками